

ՍՍՀՄ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
Ն. Ն. ՄԻՎԼՈՒԽՈՎ-ՄԱԿԼԱՅԻ ԱՆՎԱՆ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՓԻԼՍՈՓԱՅՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԻՐԱՎՈՒՆՔԻ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ԿԵՆՍԱՄԱՊԱՀՈՎՄԱՆ ՄՇԱԿՈՒՅԹԸ ԵՎ ԷԹՆՈՍԸ

ԻԹՆՈՄՇԱԿՈՒԹԱԲԱՆԱԿԱՆ ՀԵՏԱԶՈՏՈՒԹՅԱՆ ՓՈՐՁ
(ՀԱՅ ԳՅՈՒՂԱԿԱՆ ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ՆՅՈՒԹԵՐՈՎ)

ՀԵՂԻՆԱԿԱՅԻՆ ԿՈԼԵԿՏԻՎ

Է. Ս. Մարգարյան (ղեկավար), Ս. Ա. Հարությունով, Ի. Ա. Բարսեղյան,
Ս. Ե. Ենգիբարյան, Է. Լ. Մելքոնյան, Յու. Ի. Մկրտումյան, Կ. Ս. Սարինգոյլյան

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ
АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЭТНОС

ОПЫТ ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛАХ АРМЯНСКОЙ СЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Э. С. Маркарян (руководитель), С. А. Арутюнов, И. А. Барсесян,
С. Е. Енгибарян, Э. Л. Мелконян, Ю. И. Мкртумян, К. С. Сарингулян

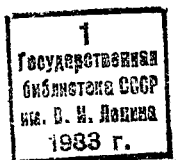
ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1983

ББК 63.5
К906

*Печатается по решению ученого совета
Института философии и права
АН Армянской ССР и
ученого совета Института этнографии
им Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР*

*Ответственные редакторы:
доктор исторических наук С. А. АРУТЮНОВ,
доктор философских наук Э. С. МАРКАРЯН*

*Книгу рекомендовали к печати рецензенты:
доктор исторических наук В. А. БДОЯН,
кандидат философских наук С. Д. АЛЛАХВЕРДЯН*

К906 **Культура** жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) /Отв. ред. С. А. Арутюнов, Э. С. Маркарян.—Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1983.—319с.

Монография является опытом нахождения научно-интегративных форм связи культурологического и этнографического знания и выработки особого этнокультурологического типа исследования. В ней широкие обобщения относительно природы культуры и принципов ее исторического изучения тесно сочетаются со сравнительно-типологическим анализом поселения, жилища и системы питания армянского села по трем историко-культурным регионам.

Книга представляет интерес для широкого круга специалистов в области общественности.

К 0303000000 15—82
703(02)—83

ББК 63.5
902,7

© Издательство АН Армянской ССР, 1983.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование—плод сотрудничества философов-культурологов и этнографов. Оно является творческим экспериментом, обосновывающим возможность и необходимость более тесной исследовательской кооперации представителей дисциплин исторического профиля и философии. Этот эксперимент направлен на нахождение качественно новых, научно-интегративных форм связи теоретического и эмпирического исследования объектов истории. Потребность в нахождении подобных форм настоятельно выдвигается исследовательской практикой как исторической науки, так и философско-теоретических дисциплин. Очень ощутимо эта потребность в интегративном взаимодействии проявляется за последнее время, в частности в этнографии и культурологии.

Расширение задач и совершенствование методов исследования этнографической науки привело за последнее десятилетие к значительному укреплению ее сотрудничества со многими смежными дисциплинами и к выработке таких пограничных областей знания, как этносociология, этногеография, этнолингвистика, этнопсихология, этнодемография и ряд других. Причем расширение этнографией междисциплинарных контактов и создание новых пограничных с ней областей знания ни в коей мере не означает ее растворения среди прочих наук, утрату ею своего собственного предмета и профессиональной специфики. Эти научные процессы, полностью сохраняя относительную самостоятельность и автономность этнографии, в то же время позволяют ей глубже и всесторонне в более широкой перспективе исследовать как свои традиционные объекты, так и обогащать свое предметное поле включением в него нового круга явлений.

Аналогичным образом строятся процессы взаимодействия между этнографией и культурологией, которые практически только за последние годы стали у нас в стране конституироваться и оформляться в более или менее устойчивые непосредственные связи. До этого времени связи между представителями этих двух областей знания носили спорадический и, так сказать, «дистантный» характер, выражаясь в их взаимном ознакомлении с

этнографическими и культурологическими публикациями, в отдельных личных контактах культурологов и этнографов, в их встречах на тех или иных научных совещаниях и т. д.

Между тем, установление тесных и устойчивых взаимоотношений между этнографией и культурологией имеет особое значение для перспектив их дальнейшего развития. Ведь этнография—это одна из наиболее культуроведчески ориентированных частных дисциплин современного обществознания. Причем в отличие от искусствознания, литературоведения, фольклористики и многих других дисциплин культуроведческой ориентации, это дисциплина, которая подходит к исследованию явлений культуры комплексно и призвана рассматривать различные исторически выработанные формы и проявления культуры в их системном единстве. И это не удивительно, ибо этнография—это наука об этносах (народах) и их культурах. Этот комплексный подход этнографии к исторически выработанным культурам делает особо настоящим укрепление ее связей с культурологией.

Теоретическое самообеспечение, характерное для прошлых этапов развития этнографии, на данном этапе, выдвинувшем качественно новые по своей масштабности и сложности задачи, оказывается уже недостаточным. Ведь для решения этих задач требуется проведение значительно более систематических и многосторонних исследований по теоретическому системному осмыслению явлений культуры в общем контексте общественной жизни людей! Подобные исследования в полном их объеме этнографы лишь своими собственными силами эффективно проводить вряд ли в состоянии. Да этого и не требуется, поскольку в настоящее время уже имеется область знания, специально призванная осуществлять указанные научно-познавательные функции. Поэтому столь необходимым для этнографов становится укрепление их сотрудничества с культурологами.

С другой стороны, для культурологии как науки, призванной специально теоретически исследовать культуру как определенный феномен в его целостности, крайне важен опыт этнографии в изучении локального исторического разнообразия культуры человечества, основные принципы и система понятий, в которых кристаллизуется этот опыт. И не случайно, что для ряда стран, например США, непосредственной и основной питательной почвой для зарождения специальных культурологических идей явилась система этнографического знания.

В Советском Союзе развитие культурологии пошло иным путем. Тут она в основном зародилась в лоне философии. Этот путь имеет, несомненно, вполне определенные плюсы, ибо он дает воз-

возможность для более систематической разработки общих культурологических принципов и понятий. А самое главное, в данном случае культурология дала свои всходы, обогащенная с самого же начала основоположными идеями историко-материалистической теории, и развивается на базе этих идей.

Вместе с тем следует учесть, что зарождение основного русла советской культурологии в лоне философии привело на первых порах к отсутствию ее сколько-нибудь тесных и систематических связей с историческим знанием. Между тем, вне подобных связей теория культуры не может развиваться достаточно эффективно. Без них, в частности, неизбежны проявления культурологического пустоцвета, выражающегося в малопродуктивном, оторванном от фактов истории спекулятивно-умозрительном теоретизировании. Поэтому значительное усиление связей культурологии с историческим знанием, наметившееся за последние годы, следует расценивать как неизбежный этап ее прогрессивного развития. Многостороннее сотрудничество культурологии и этнографии может явиться как раз одним из основных каналов осуществления и упрочения этих связей.

Первым важным шагом в направлении такого сотрудничества можно считать симпозиум «Культурологические аспекты археологических и этнографических исследований», проведенный в Ленинграде в 1974 году Научным советом по истории мировой культуры АН СССР. Родившаяся в процессе его организации секция теоретических проблем истории культуры указанного совета провела в 1978 г. в Ереване симпозиум «Методологические проблемы исследования этнических культур», который не только закрепил устанавливающиеся связи этнографов и культурологов, но и наметил программу их дальнейшего сотрудничества в процессе общего обсуждения вопросов упрочения взаимодействия теории культуры и исторического знания. Значение этих симпозиумов состояло прежде всего в том, что они явились проявлением осознания необходимости непосредственного и целенаправленного сотрудничества культурологов с этнографами, равно как с представителями других дисциплин исторического знания, а также оказали стимулирующее воздействие для выработки новых форм этого сотрудничества.

Идея настоящей работы стала созреть у ее инициаторов как раз под непосредственным стимулирующим воздействием отмеченного ленинградского симпозиума. Идея эта заключалась в создании такой «этнокультурологической» работы, в которой общие теоретические обобщения органически сочетались бы с обобщениями результатов полевых экспедиционных исследований, проведенных совместными усилиями этнографов и культурологов.

Именно в этом объединении и кооперации усилий представителей сугубо теоретической дисциплины и дисциплины исторического профиля состояла суть данной идеи.

Соответственно участникам сложившегося авторского коллектива в настоящее исследование непосредственно были вовлечены три учреждения: Институт философии и права АН Армянской ССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, выступивший основным этнографическим консультирующим, а также апробирующим центром, и Ереванский государственный университет.

Основным же организационным и теоретическим центром исследования явился отдел теории культуры Института философии и права Академии наук Армянской ССР. Исследовательская программа данного отдела была с самого же начала спроецирована главным образом на решение общих методологических проблем исторических дисциплин культурологической ориентации на базе принципов понимания культуры как специфического способа человеческой деятельности. Так что задача осуществления настоящего культурологического исследования во многом явилась непосредственным логическим продолжением упомянутой программы. Более того, проведение такого исследования могло, как нельзя лучше, продемонстрировать степень методологической эффективности принципов разрабатываемой сотрудниками отдела культурологической концепции.

С другой стороны, идея проведения совместного этнокультурологического исследования находилась в прямом логическом соответствии с научными разработками этнографов—участников инициативной группы, выдвинувшей данную идею. Кроме того, что ими в целом разделялись принципы отмеченного понимания культуры, их разработки порождали множество теоретических и методологических проблем, экспликация и решение которых требовали проведения систематических теоретических изысканий и сотрудничества с культурологами.

Современный уровень этнографических знаний логически требует того, чтобы на первый план выдвигались проблемы сравнительно-типологического исследования на базе принципов системного подхода. Это требование и нашло свое непосредственное отражение в основных задачах настоящего исследования, которое было решено посвятить сравнительно-типологическому изучению культуры жизнеобеспечения армянского села. Тот основной круг явлений, который в настоящем исследовании охватывается понятием «культура жизнеобеспечения» (далее КЖ), включает в себя поселения, жилища, пищу и одежду. Эти компоненты культуры

непосредственно направлены на поддержание жизнедеятельности людей.

Выбор КЖ в качестве основного объекта настоящего исследования был обусловлен целым рядом соображений. К их числу следует отнести то, что в этнографии сложились уже богатые традиции исследования составляющих КЖ. Превращение последних в объект этнокультурологического исследования должно было позволить выявить особенности этого зарождающегося типа исследований, его эвристические возможности и специфическую познавательную значимость. В связи с этим следует напомнить, что этнографы обычно исследовали и исследуют компоненты КЖ порознь, без выдвижения специальной задачи установления существующих системных связей между ними. В настоящей же работе было решено сделать компоненты КЖ не только предметом систематического сравнительного регионального и зонального анализа, но и попытаться изучить эти компоненты в единстве, в процессе их исторической динамики. Правда, охват в данном исследовании всех перечисленных компонентов КЖ не представлялся возможным лишь силами сложившегося авторского коллектива. В частности, за рамками данной работы остались один из основных компонентов КЖ—одежда, а также ряд периферийных ее элементов (утварь, мебелировка и т. д.).

Очень важным моментом, обусловившим выбор темы настоящего исследования, следует считать то, что КЖ является весьма удобным объектом системного изучения многих других компонентов культуры. Ведь хотя составляющие КЖ относятся к сфере материальной культуры, они отражают разнообразные аспекты духовной культуры. Прежде всего это касается ее соционормативного пласта, охватывающего ритуально-культовый, престижный, эстетический и ряд других аспектов. Поэтому в данной работе была поставлена специальная задача изучения выделяемых компонентов КЖ армянского села в связи с отражаемыми ими соционормативными элементами культуры.

В свете сказанного можно, по-видимому, считать КЖ именно тем звеном, с которого наиболее удобно начинать исследование культуры этноса в ее системном единстве. Помимо того, что в компонентах КЖ непосредственно и очень осязательно отражаются происходящие в культуре изучаемого этноса процессы, данные компоненты значительно лучше и легче поддаются разложению на формализованные и выделяемые по единой схеме элементы, нежели большинство компонентов других сфер культуры.

Следует заметить, что настоящая работа при ее программировании, кроме всего прочего, мыслилась в качестве шага в направлении комплексного, научно-интегративного изучения куль-

туры армянского этноса, пробной модели подобного подхода. В связи с этим необходимо сделать пояснительные замечания относительно выбора в качестве объекта данной работы лишь сельской культуры Армении. Это объясняется, в частности, следующим. Хотя Армения с давних пор была страной с весьма развитыми урбанистическими процессами, превратности ее исторических судеб в гораздо большей степени повлияли на разрыв преемственности в сфере городской культуры, нежели сельской. В сельской культуре армянского народа, несмотря на все нанесенные ему раны, линия культурного развития оставалась более или менее непрерывной. Поэтому село в значительно большей степени, чем город, сохранило и развило традиции армянской народной культуры.

Естественно, что перед авторами с самого же начала встала необходимость определения пространственных и временных рамок исследования. Эти рамки в пространственном отношении следовало ограничить таким образом, чтобы материал был в достаточной степени репрезентативным для Армении в целом и для ее различных экологических зон—в частности. Во временном же отношении эти рамки соответственно исследовательской программе должны были охватывать отрезок времени, содержащий в себе качественно разные уровни социально-экономического и культурно-бытового развития.

Учитывая особенности природно-географических, социально-экономических и культурно-бытовых условий, авторы остановили свой выбор на субэтнических историко-культурных районах Сюник, Ширак и Айратат, значительно отличающихся друг от друга по отмеченным условиям. Во временном же отношении дело обстояло легче: полевому этнографическому исследованию путем анкетного интервьюирования можно было подвергнуть все последнее столетие, а это как раз период, отмеченный крупнейшими сдвигами в политической, социальной и хозяйственной жизни армянского народа, как и других народов Советского Союза.

Настоящее исследование состоит из двух частей—общетеоретической и части, посвященной анализу и обобщению материалов, полученных в результате проведения двух экспедиций (август—сентябрь 1976 г. и июль—август 1978 г.). Для того, чтобы сделать понятным место первой части в общем контексте монографии, следует отметить, что авторы ее как при выработке своей исследовательской программы, так и в ходе ее реализации постоянно сталкивались с множеством недостаточно разработанных, а порой и вовсе неразработанных теоретических проблем. Что есть культура и какое место в ее общей системе занимает КЖ, какова природа этнической культуры, ее роль в общей системе локально-

го разнообразия человечества и современные системные средства изучения этого разнообразия, какова специфика проявления КЖ в этнических системах, принципы их сравнительного анализа, место и роль современного экологического анализа культуры—таков очень краткий перечень вопросов, которые в той или иной форме постоянно оказывались в центре внимания авторского коллектива.

Первая часть работы как раз посвящена прежде всего этим и некоторым другим, связанным с ними, вопросам. Оговоримся при этом, что хотя она и спроецирована на вторую, эмпирическую часть работы, цель ее значительно шире и не ограничивается лишь кругом вопросов, непосредственно связанных с задачами исследования культуры жизнеобеспечения армянского села. Первая часть монографии ставит перед собой задачу введения читателя в некоторые области и аспекты современной культурологии, связанные в первую очередь с изучением этнических культур в общем контексте локального разнообразия человечества и разработкой современной методологии исследования этого разнообразия. Особое внимание в ней, в связи с этим, уделено поискам адекватных системных принципов и методов исследования соотношения общих и индивидуально-неповторимых черт в развитии региональных комплексов культуры.

Упор на эти вопросы обусловлен тем, что их разработка имеет непосредственное значение для того типа задач, который ставится в настоящей монографии. Ведь, как уже было отмечено, основными единицами сравнительного анализа в ней выступают три субэтнических культурных региона Армении. С этой точки зрения можно сказать, что настоящая работа включена в общее русло региональных общественнонаучных исследований. Эти исследования находятся в настоящее время в процессе своего бурного развития, осуществляясь как в рамках отдельных областей общественнознания—экономики, географии, истории, так и в более широких междисциплинарных рамках, вплоть до попытки создания единой «региональной науки». Причем эти процессы в современной регионалистике обусловлены не только чисто научным интересом к соответствующим пространственно-временным комплексам человечества, но и весьма важными социально-практическими проблемами. Данные проблемы непосредственно связаны с общей задачей научно обоснованного, контролируемого воздействия на эти комплексы с целью их оптимального развития. Особая значимость разработки адекватной методологии исследования региональных комплексов культуры обусловлена прежде всего данной задачей.

Вторая часть работы, посвященная анализу и обобщению материалов полевых исследований по поселенческо-жилищному

комплексу и комплексу пищи выделенных регионов, охватывает собственно этнографические разделы проведенного исследования. В написании обеих частей приняли участие как культурологи, так и этнографы. Важно при этом подчеркнуть, что коллективный характер написания данной монографии выразился далеко не только в этом факте. Необходимо отметить в данной связи огромную предварительную лабораторную кооперированную работу, проявившуюся в совместной выработке исследовательских программ, проведении многочисленных теоретических дискуссий по возникающим сложным и спорным проблемам, в обсуждении, порой неоднократном, всех без исключения разделов работы и в ряде других форм. Подобное осуществление исследования было одной из главных стратегических целей авторского коллектива и выступило тем основным каналом, по которому были сделаны определенные реальные шаги в направлении интегративного взаимодействия представителей теории культуры и этнографии.

Эти шаги были связаны с большими трудностями, но опыт в целом можно считать весьма полезным и перспективным. Одним из важнейших итогов проведенного этнокультурологического исследования можно считать его научно-психологический эффект. Он проявился, в частности, в изменении у членов авторского коллектива отношения к самому характеру теоретического и эмпирического исследования. Так, до осуществления настоящей работы для культурологов обычным было рассматривать изучаемую ими теорию как некую самоценность безотносительно к познавательной практике конкретных дисциплин. В ходе же их участия в выработке этнокультурологической исследовательской программы, приобретения опыта и навыков полевых исследований, сбора эмпирического материала, его интерпретации и изложения, отмеченная установка претерпела значительные изменения. Для них постепенно главным мерилom ценности теоретических построений начала становиться их методологическая эффективность в решении соответствующих проблем, встающих в процессе осуществления практики конкретно-научного изучения объектов.

Этнографы, в свою очередь, как в ходе самого исследования, так и на этапе подготовки к нему (составлении программ, анкет-вопросников и т. д.), смогли значительно глубже, чем прежде, проникнуть в сущность культурологической теории и оценить ее огромное научно-методологическое значение для системно проводимых этнографических разработок. Для них естественным стало рассматривать данную теорию не как нечто внешнее по отношению к своей науке, а как необходимый интегрально вписывающийся в нее познавательный инструмент, в той мере, в какой она помогла решению встающих этнографических задач.

Хотелось бы в этой связи специально заострить внимание на вопросе о том, чем важен отмеченный эффект, достигнутый в процессе сотрудничества представителей теории культуры и этнографии, для процессов взаимодействия философско-теоретических и специальных дисциплин исторического знания и обществознания в целом. Важность этого эффекта состоит прежде всего в том, что благодаря ему преодолеваются традиционно сложившиеся и обычно очень устойчивые стереотипы раздельного восприятия философско-теоретических и эмпирических областей обществознания и складывается крайне необходимая для комплексных разработок внутренняя исследовательская потребность в интегративном взаимодействии данных областей научного знания.

Порой понятие «интеграция наук» понимается как некое сплошное их слияние. Подобное понимание представляется недостаточным корректным и не соответствующим специфическим познавательным функциям данного понятия. Интеграция наук — это качественно особый тип их взаимодействия, предполагающий наличие общих для различных, автономно существующих областей научного знания, проблем и целей исследования соответствующих объектов, а также определенную унифицированную систему познавательных средств (теоретических принципов, понятий, терминов, методов исследований и т. д.) для решения и реализации данных проблем и целей. Если взглянуть под этим углом зрения на настоящее исследование, то можно сказать, что для процесса его осуществления были во многом характерны как раз основные признаки приведенного определения. Отметим при этом, что хотя в результате данного исследования культурологи остались культурологами, а этнографы этнографами, они, тем не менее, стали обладателями некоего нового, очень важного научного достояния. Оно выражается именно в некоторой общей унифицированной системе принципов, понятий, методов, необходимых для решения определенного круга совместно выработанных проблем, которые не укладываются в рамках представляемых ими областей знания.

Следует особо остановиться на вопросе о соотношении двух отмеченных частей работы. Эти части во многом функционально связаны между собой. Выше уже говорилось, что первая часть в определенной степени спроецирована на вторую. Важно при этом указать на наличие как внешне достаточно хорошо наблюдаемых связей между данными частями, так и внутренних связей, которые могут сразу и не схватываться читателем. Проявлением этого последнего типа связей можно считать, в частности, то, что ряд важных выводов, сделанных в первой части работы, был стиму-

лирован непосредственно в ходе обсуждения круга вопросов, который явился предметом рассмотрения второй части.

В результате проведенного исследования был получен обширный и многоплановый массив информации, в том числе и такой, которая вряд ли могла быть получена без сотрудничества этнографов и культурологов. В пользу этого последнего утверждения может свидетельствовать, в частности, то, что целый ряд вопросов в программе конкретного полевого исследования возник в результате многократного обсуждения и экспликации специальных культурологических проблем, в том числе и таких, которые практически пока не рассмотрены в литературе.

Помимо этого результата, очень важно отметить определенное продвижение в направлении решения методологически наиболее трудно достижимой и вместе с тем наиболее важной задачи взаимодействия теоретических и эмпирических дисциплин. Эта задача операционализации абстрактно сформулированных принципов и понятий, без чего эти принципы и понятия оказываются мало пригодными в конкретно-эмпирическом исследовании. Одна из наиболее важных целей проведенного этнокультурологического исследования как раз и состояла в восполнении во многом пока отсутствующих методологических звеньев между абстрактными культурологическими принципами и понятиями, и конкретным этнографическим анализом.

Нам представляется, что проведенное исследование заслуживает внимания и под углом зрения выработки новых форм подготовки кадров, необходимость в которых сегодня возникает на стыках многих дисциплин. По всей видимости, создание подобных научно-интегративных коллективов с самой различной комбинацией их состава, в зависимости от ставящихся конкретных целей исследования и возникающих связей между дисциплинами, следует считать очень важной и перспективной формой подготовки научных кадров в век НТР. В силу возможностей подобных комбинаций эта форма является достаточно гибкой, обладая свойствами универсальности. Правда, она порождает множество трудностей развития самой науки.

Многосторонняя интеграция науки является неотвратимым и крайне важным процессом их развития в современную эпоху. Причем этот процесс охватывает сегодня и взаимодействия групп общественных, естественных и технических наук, значительное сближение которых выступает одним из важнейших условий эффективного осуществления НТР.

Авторский коллектив в меру своих возможностей постарался отразить указанные процессы и в настоящем исследовании. Это позволило не только рассмотреть целый ряд новых, весьма пер-

спективных проблем, вставших перед современным общественным сознанием, но и по-новому, в значительно более широкой и плодотворной перспективе взглянуть на старые. Следует однако учесть, что процессы интегративного взаимодействия наук, безотнositельно к тому, какие области знания они охватывают, очень сложны и противоречивы. И это естественно, поскольку они проходят не по обкатанным и отлаженным соответствующими научными традициями путям, а прокладывают новые тернистые тропы со множеством, порой неожиданно возникающих, препятствий как познавательного, так и организационного порядка.

Сложности, связанные с процессами интегративного взаимодействия различных дисциплин в достаточной степени ощутили и авторы настоящего исследования. В результате этого не все поставленные на его старте задачи удалось решить. Что касается реализованных задач, то решение далеко не всех из них удалось довести до такого уровня, до которого хотелось бы. Тем не менее авторский коллектив надеется, что и в этом своем виде представляемая на суд читателя работа является хотя и скромным, но достаточно определенным шагом в направлении осуществления многопланового содружества этнографии и культурологии, творческой кооперации усилий представителей этих столь необходимых друг другу дисциплин.

Авторский коллектив: *Арутюнов С. А.*—доктор исторических наук, заместитель заведующего отделом зарубежной Азии Института этнографии им Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР; *Барсемян И. А.*—сотрудник отдела теории культуры Института философии и права АН Армянской ССР; *Енгибарян С. Е.*—сотрудник отдела теории культуры Института философии и права АН Армянской ССР; *Маркарян Э. С.*—доктор философских наук, заведующий отделом теории культуры Института философии и права АН Армянской ССР; *Мелконян Э. Л.*—кандидат философских наук, сотрудник отдела теории культуры Института философии и права АН Армянской ССР; *Мкртумян Ю. И.*—кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнографии исторического факультета Ереванского государственного университета; *Сарингулян К. С.*—сотрудник отдела теории культуры, ученый секретарь Института философии и права АН Армянской ССР.

Разделы книги написаны: Введение—Э. С. Маркаряном; *Часть первая*, Глава первая, § 1, 2—Э. С. Маркаряном; § 3—С. А. Арутюновым и Э. Л. Мелконяном; § 4—К. С. Сарингуляном; Глава вторая, §§ 1, 2, 3—Э. С. Маркаряном; § 4—Э. Л. Мелконяном; *Часть вторая*, Введение—С. А. Арутюновым и Ю. И. Мкртумяном; Глава первая, § 1, 3—Э. Л. Мелконяном, § 2—И. А. Бар-

себяном и Э. Л. Мелконяном; Глава вторая—Ю. И. Мкртумяном; Глава третья, Введение и классификация—С. А. Арутюновым и Ю. И. Мкртумяном; § 1—И. А. Барсеганом, раздел «Молоко и молочные продукты»—С. Е. Енгибаряном; § 2, 3—И. А. Барсеганом; Общие выводы—С. А. Арутюновым; Заключение—С. А. Арутюновым и Э. С. Маркаряном.

В проведении экспедиций и в подготовке иллюстративного материала активное участие приняли архитекторы Т. Е. Геворкян и А. А. Телумян. В сборе полевых этнографических материалов и их предварительной классификации участвовали студенты этнографического цикла исторического факультета Ереванского государственного университета А. А. Гарибян, А. В. Гюльбудагян, Ф. О. Закарян, А. Т. Марутян, М. В. Мисакян, А. А. Мкртчян, С. Г. Папикяна, а также сотрудник отдела этнографии Института археологии и этнографии АН Армянской ССР С. Г. Обосян. Составление анкет-вопросников, организация и проведение экспедиций осуществлены под руководством Ю. И. Мкртумяна.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОСОВ И ПРОЦЕССОВ ИХ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КУЛЬТУРА, ЕЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧИВАЮЩАЯ ПОДСИСТЕМА И ЭТНОС

§ 1. К ОБЩЕЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧИВАЮЩЕЙ ПОДСИСТЕМЫ

Данный раздел призван выполнить вводную и служебную функцию по отношению к остальным разделам первой части и к работе в целом, ибо задача его—дать общую характеристику культуры и культуры жизнеобеспечения. Поэтому в нем основной акцент будет сделан на изложении и уточнении исходных посылок концепции культуры, положенной в основу данной книги, и на принципах автономизации культуры жизнеобеспечения как особого предмета исследования. Иные имеющие место точки зрения по затрагиваемым вопросам будут рассматриваться лишь в той мере, в какой это будет необходимо для выполнения отмеченной задачи.

Культура как специфический способ человеческой деятельности. В достаточно развернутом виде понимание культуры как специфического способа человеческой деятельности или, иначе, универсальной технологии ее осуществления, впервые было предложено в советской литературе в 1969 г. в монографии «Очерки теории культуры» (Маркарян, 1969). Исходным стимулом для его выработки послужил критический анализ господствующего в тот период в советской литературе понимания культуры как совокупности материальных и духовных ценностей, созданных человечеством.

В течение последующего времени предложенная концепция была подвергнута как в советской, так и зарубежной литературе

многостороннему рассмотрению. Причем, судя по последним публикациям по теории культуры, развернувшаяся дискуссия далеко еще не завершена и в настоящее время набирает свой темп. В ходе этой дискуссии целый ряд авторов выразил полное или частичное несогласие с рассматриваемой концепцией (см. Коган, Вишневский, 1972; Злобин, 1977; Межуев, 1977; Джиоев, 1979, и др.). В то же время она была прямо, или же с соответствующими модификациями, принята многими исследователями (см., напр., Соколов, 1972; Бромлей, 1973; Каган, 1974; Трушков, 1976; Файнбург, 1976; Арешян, 1978; Краснобаев, 1978; Ханова, 1978; Давидович, Жданов, 1979).

С самого же начала хотелось бы отметить значительные трудности, с которыми столкнулось понимание культуры как специфического способа человеческой деятельности при его обосновании и развитии. Основным источником данных трудностей был заложен в совершенно недостаточной общенаучной разработанности самого понятия «способ деятельности», т. е. понятия, через которое в данном случае определяется культура. Ниже будут изложены некоторые исходные посылки решения данной проблемы.

Исходным элементарным и наиболее широким понятием, дающим возможность выразить концепцию культуры как специфического способа человеческой деятельности, является понятие «средство деятельности». Очень близким ему является понятие «механизм деятельности». В зависимости от контекста термин «механизм деятельности» может пониматься или как синоним термина «средство деятельности», или же выражать соответствующие агрегированные структурно-функциональные комплексы этих средств.

Сразу же оговоримся, что в данном случае имеются в виду внебиологически (надбиологически) выработанные средства. Ведь совокупная человеческая деятельность осуществляется благодаря актуализации и особой системной комбинации качественно различных средств: заданных биологическим типом организации генетически фиксированных и передаваемых по законам наследования, присущего данному типу организации (в том числе и средств, модифицированных под воздействием общественно-трудовой практики), и внебиологически выработанных в процессах зарождения и дальнейшего развития характерного для людей социокультурного типа организации. Культура, понятая как специфический способ человеческой деятельности, представляет собой как раз логически абстрагированную систему особых внебиологически выработанных средств, благодаря которым актуализируются, а также направляются в социально значимых руслах биологические потен-

ции человеческих индивидов и осуществляются процессы индивидуальной и коллективной активности людей.

С этой точки зрения культура как специфический способ человеческой деятельности и может быть интерпретирована как «универсальная технология» осуществления этой деятельности. Подобная расширительная трактовка понятия «технология», принимаемая за последние годы все большим числом специалистов (напр., Каган, 1974, 220—233; Файнбург, 1976, 33—39; Давидович, Жданов, 1979, 84—88), оправдана тем, что назначение любой технологической системы состоит в том, чтобы служить в качестве средства осуществления соответствующих процессов.

Как известно, весьма широко понятие технологии трактовал К. Маркс. Более того, он считал возможным говорить о технологии биологических систем. В этой связи К. Маркс писал следующее: «Дарвин интересовался историей естественной технологии, т. е. образованием растительных и животных органов, которые играют роль орудий производства в жизни растений и животных. Не заслуживает ли такого же внимания история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной организации? (К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 23, 10).

Эти мысли Маркса выступают сегодня теоретическим стимулом для разработки общенаучного понятия способа деятельности как технологии осуществления активности любых живых систем. Правда, Маркса в данном случае интересовала технология процесса взаимодействия этих систем со средой. Но сегодня возникли потребность, а также теоретические предпосылки для объемного расширения данного понятия и включения в него всех средств осуществления деятельности, как интериорных, так и экстериорных, как регулятивных, так и исполнительных. В этой связи соответствующая интерпретация культуры в данном ключе может выступить сегодня очень удобной моделью для разработки отмеченного общенаучного понятия технологии деятельности (Маркарян, 1977, 174—175, 181—182).

За последние годы появились работы, которые хотя и идут в общем фарватере понимания культуры как специфического способа деятельности людей, но тем не менее недостаточно последовательно, на наш взгляд, интерпретируют данное понимание под указанным углом зрения. Рассмотрим с этой точки зрения интерпретацию культуры как способа человеческой деятельности, данную О. В. Хановой. «Определяя культуру как способ деятельности и объективированные ее результаты,—пишет она,—Э. С. Маркарян особо выделяет среди категориальных определений деятельности одно—«результат». Видимо, это не совсем оправдано, ибо для

культуры как способа деятельности одинаково значимыми являются все определения деятельности, то есть и результат, и средство, и, в особенности, цель..., таким образом, можно сделать вывод, что на уровне рассмотрения культуры как сущностной принадлежности родового человека ее можно понимать как способ человеческой деятельности в диалектическом единстве ее целей, средств и результатов» (Ханова, 1978, 22).

В связи с приведенной выдержкой встает вопрос о том, насколько правильным и плодотворным является жесткое и однозначное разведение целей, средств и результатов в качестве одного из исходных принципов понимания культуры, который О. В. Ханова последовательно проводит при всех аспектах ее рассмотрения? На первый взгляд может показаться, что подобная классификация компонентного состава способа деятельности является бесспорной и не должна вызывать сомнений. Ведь, действительно, любой способ деятельности предполагает наличие соответствующих целей и средств их осуществления, в ходе которого возникает определенный результат.

В действительности же дело обстоит значительно сложнее. Суть дела в том, что подобная классификация компонентного состава способа деятельности носит конкретно ситуативный характер. Иначе говоря, она оказывается справедливой лишь для определенных возникающих практических ситуаций, когда задаются конкретные цели и ожидаются столь же конкретные результаты при использовании соответствующих средств. О. В. Ханова же стремится, по ее словам, к «уровню рассмотрения культуры как сущностной принадлежности родового человека!» Подобная же задача предполагает отвлечение от конкретных ситуаций и абстрактную характеристику способа человеческой деятельности, при которой он должен быть рассмотрен в предельно широкой перспективе функционирования и развития социального организма в целом. А под этим углом зрения вся присущая последнему культура может и должна быть описана и проанализирована в качестве специфических средств осуществления активности людей.

Рассмотрим эту проблему прежде всего в соотношении понятий «способ» и «результат» деятельности. Суть вопроса в связи с этим состоит как раз в том, что любые продукты культуры могут быть рассмотрены как *результаты человеческой деятельности лишь в конкретно заданных социально-практических ситуациях*. Будучи же рассмотрены вне этих ситуаций и в перспективе временной деятельности, результаты деятельности неизбежно трансформируются в актуальные или же потенциальные средства деятельности. И это естественно, ибо продукты культуры создаются в обществе не как самоцель, а для их последующего использо-

вания в самых различных ситуациях в процессах функционирования общественной жизни. Эту диалектику ситуационных превращений, при которых результат деятельности постепенно трансформируется в ее средство, недостаточно учитывалась в упомянутой выше монографии «Очерки теории культуры». В ней культура определяется как специфический способ человеческой деятельности и объективированный результат этой деятельности (Маркарян, 1969, 11). О. В. Ханова в приведенном выше отрывке как раз имела в виду это место. В ходе дальнейшей разработки концепции культуры как способа деятельности выяснилось, что подобная дифференциация «способа» и «результата» несет в себе логическое противоречие, в связи с чем были внесены соответствующие коррективы (Маркарян, 1973, 41).

Некоторые исследователи, однако, продолжают считать приведенное выше понимание культуры, в котором способ и результат расчленены, правильным (напр., Каган, 1974, 188, 197). Особенно привлекает данное определение археологов, в силу того, что они непосредственно имеют дело с результатами человеческой деятельности (Арешян, 1978, 37). Но и некоторые этнографы также склонны к принятию данной трактовки культуры (Козлов, 1979, 72, и др.).

Можно привести еще один весьма серьезный аргумент против определения культуры как *способа и результата* человеческой деятельности. Аргумент этот состоит в том, что далеко не каждый результат человеческой деятельности может и должен быть интерпретирован в качестве *продуктов культуры*. Например, след от костра или же загрязнение окружающей среды являются непосредственными результатами человеческой деятельности. Но могут ли они рассматриваться в качестве продуктов культуры? Хотя однозначно ответить на этот вопрос невозможно, можно сказать, что в большинстве случаев отмеченные результаты человеческой деятельности не могут быть отнесены к продуктам культуры.

Оговорка относительно невозможности однозначно ответить на поставленные выше вопросы имеет очень существенное значение, ибо она непосредственно связана с задачей выявления внутренних элементарных свойств культуры, самой ее природы. Для того, чтобы сделать понятным сказанное, напомним об обычае некоторых племен отмечать следами от костров границы территории своих пастбищ. А это означает, что в этом случае след от костра вполне можно интерпретировать в качестве продукта культуры.

Где же следует искать критерий, согласно которому одно и то же явление (в данном случае, след от костра) в одних ситуа-

дних выступает в виде продукта культуры, а в других—нет, и существует ли вообще подобный критерий? Такой критерий существует, и он базируется на выделении вполне объективного свойства—*свойства выполнения тем или иным явлением функции средства человеческой деятельности*. В приведенном примере следы от костра выступают в качестве элементов культуры именно в силу того, что они вписываются в процессы человеческой деятельности в качестве одного из средств ее осуществления. Когда же следы от костров остаются лишь в качестве непреднамеренных следов человеческой деятельности, ее побочных результатов, то они в качестве элементов культуры уже не выступают*.

Учитывая несводимость результатов человеческой деятельности лишь к продуктам культуры (осознанно запрограммированным и незапрограммированным), необходимо особое понятие, способное выразить этот момент. Таким понятием может стать «побочный результат» человеческой деятельности.

Теперь относительно целей и средств. Мы привыкли выделять в автономную сферу систему целей, идеалов, ценностей. При чем для нашего обычного хода рассуждений само собой разумеющимся является противопоставление этой системы—технологической, т. е. системе средств реализации и достижения соответствующих целей и ценностных установок. Для многих познавательных ситуаций подобная дифференциация вполне естественна и справедлива. Однако существуют познавательные ситуации, для которых подобное жесткое противопоставление целей и средств оказывается неадекватным. *К их числу относится познавательная ситуация, формируемая задачей постижения общей природы культуры*. Специфика этой задачи состоит в том, что различные элементы культуры и образуемые ими подсистемы рассматриваются в данном случае в предельно широкой теоретической перспективе динамики социума в целом. А это естественным образом предполагает качественно новый уровень обобщения и соотнесения данных элементов.

Фундаментально важный вывод, который можно сделать в этой связи, состоит в том, что в данной теоретической перспективе технологичными в глубинном функциональном значении оказываются не только орудия производства, мосты, средства транспорта

---

* Сказанное вовсе не означает, что преднамеренность, осознанная запрограммированность является обязательным признаком явлений культуры. Например, такие фундаментальные компоненты культуры, как естественные языки, системы морали не являются преднамеренно созданными продуктами, а выступают в качестве комплексного результата коллективной деятельности многих поколений людей.

и другие элементы культуры, обычно относимые нами к средствам человеческой деятельности, но и вся, *без исключения*, ценностно-целевая система общества. Те явления, которые в определенных конкретных ситуациях социальной практики выступают в качестве целей, ценностей, идеалов, т. е. в виде соответствующих программ и ориентиров социального действия и, соответственно, противопоставляются средствам деятельности, в рассматриваемой нами теоретической перспективе *сами наделяются технологической природой*. В этой своей функции они выступают в качестве очень важных *регулятивных средств* общественной жизни, без которых последняя просто немыслима.

Таким образом, одни и те же элементы культуры, например, нравственные и эстетические нормы, идеалы, соответствующие интересы и цели, рассмотренные в одной проекции (например, в проекции на личность), могут выступать в качестве самоцели. В иной же, более широкой системе отсчета, выражающей проекцию на социальный организм, они предстают перед нами в качестве *важнейших средств* организации кооперированной деятельности людей. Отметим, что в этом последнем аспекте рассмотрения предложенная Н. З. Чавчавадзе классификация ценностей на «ценности-средства» и «ценности-цели» (Чавчавадзе, 1979, 61) лишается своего основания. Иначе говоря, все без исключения ценности культуры, рассмотренные в определенных аспектах, могут быть интерпретированы в качестве средств деятельности (ее стимуляции, мотивации, интеграции и т. д.).

В свете сказанного выше есть все основания утверждать, что встречающееся порой в литературе мнение о том, что технологическая интерпретация культуры отрицает ценностную ее природу (см., напр., Джюев, 1979, 10), не является справедливым. Концепция культуры как специфического способа человеческой деятельности рассматривает систему ценностей в качестве очень важного компонента той универсальной технологии, благодаря которой осуществляется активность людей в процессах функционирования и развития их общественной жизни. Другое дело, что само отношение к системам ценностей может быть качественно различным в зависимости от уровня и типа их рассмотрения и анализа.

К числу наиболее сложных и спорных проблем культурологической теории следует отнести проблему соотношения социального (общественного) и культурного. В связи с рассмотрением данной проблемы сегодня все более и более становится очевидной невоз-

возможность ее однозначного решения. Проблема соотношения социального и культурного, общества и культуры предполагает прежде всего два качественно различных уровня рассмотрения. Первый, более широкий, уровень предполагает в качестве объектов соотнесения культуру и общество во всей их целостности, при втором же уровне в качестве подобных объектов выступают культура и система социальных отношений*.

На наш взгляд, ключом к решению проблемы на первом отмеченном уровне выступает многомерная системная модель общества, в перспективе которой культура оказывается не просто его составной частью, а одним из фундаментальных структурных срезов общественной жизни. Отражающая этот структурный срез проекция как раз и призвана выразить общественную жизнь людей под углом зрения характерных для нее специфических средств осуществления человеческой активности. Что касается двух других точек отсчета, которые предполагает данная модель, то они позволяют рассмотреть общество под углом зрения составляющих его субъектов деятельности и участков приложения этой деятельности (Маркарян, 1972, 1973).

Идея этой модели была поддержана представителями разных областей общественнознания, в том числе и этнографами (Арутюнов, 1971, 178—179).

Некоторые авторы, принимая в целом понимание культуры как специфического способа человеческой деятельности, в то же время при его общем обосновании считают возможным обойтись без обращения к контексту данной многомерной модели общества (см., напр., Ханова, 1978). Несомненно, вовсе не каждый вопрос исследования культуры требует непосредственного обращения к данному контексту. Однако для общего обоснования рассматриваемой концепции, а также для решения целого ряда узловых проблем культурологической теории, в частности для проблемы соотношения общества и культуры, это принципиально важно. Во всяком случае в нашем представлении указанная многомерная модель общества выступает важнейшей теоретической особенно-

* В «Очерках теории культуры» в целях достижения понятийно-терминологической однозначности, при рассмотрении первого отмеченного уровня было использовано понятие «социальная система». Понятие же «общество» было использовано в более узком смысле, для характеристики системы социальных отношений. Однако в дальнейшем было сочтено целесообразным отказаться от подобного разведения этих понятий, поскольку оно, вступая в противоречие с терминологическими традициями, часто приводило к недопониманию нашей позиции (см. Грушков, 1976, 10—11).

стью предложенного понимания культуры. Без нее концепция культуры как специфического способа человеческой деятельности в ряде существенных аспектов лишается своего теоретического фундамента.

Остановимся теперь на втором отмеченном уровне рассмотрения проблемы социального и культурного—уровня, выражающего соотношение культуры и системы социальных отношений. Данный аспект проблемы является, возможно, наиболее запутанным в культурологической теории. Недаром один из наиболее известных американских культуроведов Альфред Кребер причислил его к кругу наиболее непонятных и ставящих в тупик вопросов. Каким образом, писал он, социальная структура может быть одинаково и «социальной» и «культурной», в то время как никто не может этого сказать про религию или искусство. И далее он таким образом завершает свою мысль: «Это двустороннее социально-культурное значение системы социальных отношений является аномалией научной логики, но эмпирически это факт... Возможно ли вообще логическое обоснование такого положения вещей?» (Кребер, 1952, 164).

Была сделана попытка найти решение данной проблемы прежде всего в средствах структурно-функционального метода путем представления абстрагированных собственно социальных отношений в виде структуры, а культуры—как механизмов регуляции этих отношений. Иначе говоря, под культурой в данном случае понимались ценностные, институциональные и знаковые элементы межчеловеческих связей, имеющих функцию поддержания и воспроизводства общественных отношений, образующих социальную структуру (Маркарян, 1969, 69—70).

Эта схема нашла различный отклик в литературе. Одни авторы выступили с ее критикой, аргументируя это тем, что в ней общественные отношения практически выводятся за сферу культуры (напр., Межуев, 1977, 126). Другие авторы, наоборот, сочли подобный подход плодотворным и приняли его как приемлемую рабочую гипотезу решения проблемы соотношения социального и культурного (Давидович, Жданов, 1979, 100—101, и др.).

Представляется, что описанная схема нуждается сегодня в определенной экспликации и коррекции. Дело в том, что она строилась таким образом, что общественные отношения действительно по сути дела выводились за сферу культуры, поскольку их оппозицией выступали «культурные компоненты». Важно однако подчеркнуть, что в данном случае имеется в виду не весь комплекс культуры, а лишь одна из ее подсистем, которую мы предложили назвать «соционормативной культурой» (Маркарян, 1969, 86). Исходя из этого, были внесены соответствующие коррективы в

обсуждаемую схему, полностью сохранив ее основную идею (Маркарян, 1976, 27; 1977, 185). Эта идея состоит в структурно-функциональной характеристике систем межлических отношений путем представления образующих их качественно различных компонентов в виде структуры и способа ее регуляции и воспроизводства. В настоящее время, однако, более правильным представляется говорить не о «собственно социальных» и «культурных компонентах» эмпирически данных целостных систем общественных отношений, а об их «собственно социальных» и «соционормативных компонентах».

Действительно, общественные отношения, будучи очень важным детерминирующим компонентом человеческой деятельности, в этой своей функции с полным основанием могут быть интерпретированы как часть общей системы внебиологически выработанных средств ее осуществления и тем самым рассмотрены как составная часть культуры. Важно при этом не впасть в другую крайность и не сводить всю культуру к общественным отношениям, к чему практически склоняются В. М. Межуев и ряд других исследователей.

Следует в этой связи обратить внимание и на другую, более широкую, проблему, ждущую еще своей разработки. Это—проблема соотношения культуры со всем *реляционным составом* общества, который следует выделить наряду с его *элементным составом*. Ведь система отношений складывающихся в процессах общественной жизни людей, отнюдь не сводится лишь к общественным (социальным) отношениям. Последние являются отношениями, складывающимися между вполне определенным классом элементов общества—людьми и их групповыми объединениями. Отношения же, складывающиеся между различными сферами социальной практики (материальным производством, управлением, воспитанием и др.), хотя и имеют место в обществе, никак не могут быть отнесены к общественным отношениям в строгом смысле этого слова, точно так же, как и отношения, складывающиеся между различными элементами культуры (материальной техникой, моралью, искусством и др.).

В связи с рассмотрением данной проблемы представляется правильным относить к культуре не только элементный, но и весь реляционный состав общества в той мере, в какой их составляющие выступают в виде внебиологически выработанных средств осуществления человеческой деятельности. Иными словами, культурологическая система отсчета—это такая проекция на общество, которая позволяет рассматривать его под универсальным технологическим углом зрения и абстрагировать те явления и свойства общественной жизни, которые могут быть интерпретированы в

качестве средств функционирования и развития социального организма и его различных подсистем.

Итак, проблема соотношения социального и культурного не может быть решена однозначно и предполагает выделение качественно различных уровней своего рассмотрения. Как мы уже знаем, один из них предполагает уяснение места культуры в целом в системе общественной жизни, при другом же уровне непосредственными объектами соотношения оказываются различные компоненты, образующие целостный комплекс межчеловеческих отношений—собственно социальные отношения и средства их регуляции и воспроизводства.

Приведенное выше замечание Альфреда Кребера относится как раз к этому второму, более конкретному уровню. В связи с этим мы специально хотели бы подчеркнуть, что трудности обоснования двуединства социального и культурного, на которые обращает внимание Кребер, обусловлены прежде всего обычным *одноплоскостным* рассмотрением данных объектов. Эти трудности в принципе могут быть преодолены путем осуществления *многомерного, системного подхода*, при осуществлении которого *одно и то же явление* (системы межчеловеческих, общественных отношений) *может быть интерпретировано и как собственно социальное, и как собственно культурное образование*. Рассмотренные в одной (социологической) проекции акцентирующей внимание на субъектах человеческой деятельности (как особом классе элементов общества), отношения между этими субъектами могут быть охарактеризованы непосредственно в социальных терминах. Рассмотренные же в иной (культурологической) проекции, эти же отношения могут быть представлены как составляющие культуры, т. е. интерпретированы в качестве особого класса внебиологически выработанных средств человеческой деятельности.

Включение общественных отношений в состав понятия «способ человеческой деятельности» дает основные для рассмотрения еще одной чрезвычайно важной и интересной проблемы, проблемы соотношения данного понятия с марксовым понятием «способ производства». Н. С. Злобиным было высказано мнение о коренном различии построения данных понятий. «Совершенно очевидно,—пишет он,—что структура понятия «способ производства» в корне отличается от структуры предлагаемого Маркаряном понятия «способ деятельности». Не включая в него ни деятельность, ни человека, эту деятельность осуществляющего, он принципиально выводит за его границы (и следовательно, за границы культуры) общественные отношения» (Злобин, 1977, 29).

Статья Н. С. Злобина, из которой была приведена данная выдержка, заслуживает внимания, в частности как работа, в ко-

торой автор стремится обстоятельно вникнуть в самую суть анализируемых концепций, в внутреннюю логику их построения. Тем не менее, с данным мнением Н. С. Злобина никак нельзя согласиться, хотя для его возникновения имелись определенные основания. Они заключаются прежде всего в оппозиции «собственно социальных» компонентов—«культурным» в рассмотренной выше структурно-функциональной схеме межчеловеческих отношений. Между тем, одной из важнейших составляющих понятия «способ производства», как мы знаем, являются производственные отношения.

Прежде чем непосредственно соотнести данное понятие с понятием «способ человеческой деятельности», рассмотрим вопрос об остальных составляющих способа производства. Этот вопрос не так уж прост и самоочевиден, как может показаться на первый взгляд, и требует своего специального анализа в свете требований системных принципов. Для того, чтобы сделать понятным необходимость подобного анализа, приведем точку зрения Н. С. Злобина по рассматриваемой проблеме.

Он пишет в этой связи следующее: «Понятие» способ производства» охватывает собой и само производство—производственную деятельность людей, и человека, это производство осуществляющего, причем человека не только в качестве производительной силы (наряду со средствами производства и пр.), но (что особенно важно!) в его *собственной человеческой общественной сущности* в качестве *субъекта*. Именно как субъект производства человек вступает с другими людьми в специфическую связь—производственные (общественные) отношения, представляющие собой, наряду с производительными силами, важнейший структурный элемент способа производства» (Злобин, 1977, 29).

На наш взгляд, подобная трактовка составляющих понятия «способ производства» является недостаточно корректной с точки зрения принципов системного многомерного анализа объектов науки. Прежде всего в этой связи возражение вызывает полное безоговорочное включение производственной деятельности в состав понятия «способ производства». В результате данное понятие лишается своих специфических познавательных функций, задаваемых уже самим словом «способ». Ведь если бы между понятиями «способ производства» и «производственная деятельность» не было бы никакой разницы, то тогда не нужно было бы и двух слов!

Логика построения понятия «способ производства» естественным образом должна отвечать общим требованиям построения общего понятия «способ осуществления деятельности». Последнее же по своей природе является *технологическим понятием*, приз-

ванным ответить на вопрос «как», «каким образом», благодаря какой системе средств осуществляется интересующая нас сфера деятельности. Ведь К. Маркса при введении им в научный оборот понятия исторически определенного способа материального производства интересовал именно этот угол зрения исследования человечества. Достаточно в этой связи вспомнить его широко известную мысль из «Капитала»: «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» (Маркс, Энгельс, т. 23, 191).

Деятельность—это наиболее емкое и широкое понятие, призванное процессуально целостно выразить общественную жизнь людей и любую ее образующую подсистему активности (а также процессы активности любых живых систем). Для научного воспроизведения общего процесса деятельности требуется выдвижение нескольких познавательных проекций, одной из которых и является проекция, образуемая понятием «способ». *Все огромное специфическое значение данной проекции как раз в том и состоит, что она позволяет из общего процессуального поля деятельности абстрагировать систему средств ее осуществления в качестве особого объекта исследования.* Включение же самой деятельности в ее способ не только блокирует осуществление этих познавательных функций, но и ведет к нарушению элементарных правил логики построения понятий. *Ведь в данном случае в одну из проекций исследования объекта включается сам этот объект во всей своей многомерности!* Итак, понятия «деятельность» и «способ деятельности», несмотря на свою тесную сопряженность, далеко не тождественны.

Неправомерно включение в способ производства и субъектов материально-производственной деятельности во всей их целостности. *С логической точки зрения тот уже имеет смешение качественно различных проекций исследования одного и того же объекта—деятельности.* Ведь понятие субъектов деятельности образует другую, качественно особую познавательную проекцию рассмотрения общего процессуального поля деятельности, отличную от той, которая образуется понятием способа деятельности. Оно призвано дать характеристику социального состава исследуемого участка деятельности и той системы межчеловеческих отношений, которая образуется им. При анализе рассматриваемого понятия важно также учесть, что люди в качестве реальных субъектов деятельности выступают взятые в своих интегральных биосоциальных (биокультурных) характеристиках.

При построении понятия *способа* той или иной изучаемой подсистемы человеческой деятельности он включает в себя *определенные социально-субъектные характеристики, но не самих*

субъектов деятельности как выражения особого класса элементов общества. Эти характеристики связаны с абстрагированием интересующих исследователя исторически выработанных культурных свойств, которые могут быть интерпретированы и выражены в качестве средств деятельности. Соответственно, люди в качестве субъектов деятельности оказываются в фокусе понятия «способ производства» как носители определенных исторически выработанных материально-производственных культурных потенций (стимулов к труду, способностей к соответствующей организации и регуляции, производственных знаний, навыков, умений и др.), которые в органической связи с объективированными средствами труда и образуют специфические для каждой эпохи производительные силы общества. Этот же критерий обуславливает включение в способ производства складывающихся между людьми соответствующих общественных (производственных) отношений.

В свете сказанного, понятия «способ производства» и «способ человеческой деятельности» оказываются по своей логической структуре весьма сходными понятиями. Более того, первое понятие во многом явилось исходной моделью для второго. Это случилось прежде всего в преодолении характерного для многих языковых ситуаций узкой трактовки способа деятельности, понимаемого лишь как умение, навыки осуществления соответствующих действий, и в включении в данное понятие также и объективированных форм культуры.

Дальнейшая экспликация понятия «способ человеческой деятельности» и обоснование необходимости включения в него и общественных отношений во всей их целостности еще больше сблизили его с понятием «способ производства» и сделали их практически изоморфными в некоторых весьма существенных пунктах. Ведь основными общими, абстрактными составляющими и того и другого понятия выступают: субъектные характеристики, выраженные в соответствующих исторически определенных, приобретенных потенциях людей к соответствующим кооперированным действиям, к их организации и реализации; соответствующие объективированные средства, благодаря которым непосредственно осуществляются эти действия и реализуются выдвигаемые программы; общественные отношения как исходные детерминанты человеческой деятельности.

Само собой разумеется, следует постоянно учитывать качественно различные уровни абстракции, на которых строятся рассматриваемые понятия. Этот момент полностью игнорируется В. Я. Ельмеевым, который выразил такое мнение, что использование понятия «способ человеческой деятельности» будто бы несет опасность подмены собой понятия «способ производства» (Ель-

меев, 1974, 19—20). То обстоятельство, что способ материально-производственной деятельности определяет собой характер остальных видов человеческой деятельности и общий тип общественного устройства на различных этапах социального развития, ни в коей мере не означает, что неправомерно разрабатывать понятие, призванное выразить общие свойства, характерные для способа человеческой деятельности вообще, безотносительно к тому, в каких сферах общественной практики она проявляется. Ведь люди, помимо того, что они производят материальные блага, осуществляют множество иных, необходимых для поддержания своей общественной жизни функций. И на всех участках приложения своей социальной активности, во всех исторически разнообразных ситуациях они действуют неким общим способом, в корне отличным от способов осуществления активности на биологическом уровне развития жизни. Основная функция понятия «способ человеческой деятельности» как раз и состоит в общей характеристике специфики средств осуществления активности людей и в теоретической интеграции всех возможных проявлений этих средств, безотносительно к уровню и типу их анализа.

Вполне понятно поэтому, что задачи данного понятия в весьма значительной степени должны отличаться от познавательных задач понятия «способ производства». Важно отметить в этой связи, что специфика познавательных задач понятия «способ человеческой деятельности», обуславливающая необходимость приложения его к самым различным субъектам активности людей (начиная от личности и кончая человечеством), сферам деятельности и уровням рассмотрения данных объектов, делает это понятие структурно вариабельным. Если осуществление принципиально важных для построения теории исторического материализма функций понятия «способ производства» невозможно себе представить без органической комбинации основных его составляющих (производительных сил и производственных отношений), то понятие «способ человеческой деятельности», наоборот, в зависимости от возникающих познавательных ситуаций может и должно варьировать своими структурными компонентами, выражая их в различных комбинациях и объеме, как бы раздвигая и сужая свои границы. И это естественно, ибо, например, задачи анализа культуры личности, социального класса или же этноса, культуры материального производства, художественной или же рекреационной культуры предъявляют качественно различные требования к построению данного понятия, его объему и комбинации составляющих. Но условием эффективности осуществления этой ситуативной лабильности рассматриваемого понятия должно быть наличие определенной теоретически достаточно строго и определенно разрабо-

танной его общей модели, структурные компоненты которой способны агрегированно охватить всю многогранность и многоликость культуры.

*
* *

Вопрос о том, что есть культура, каков ^{её} фундаментальный критерий, совершенно не случайно воспроизводится практически при любом обсуждении вопросов, связанных с исследованием явлений культуры. Н. З. Чавчавадзе, безусловно, прав, когда пишет о том, что нельзя вразумительно ответить ни на один из вопросов о культуре, не имея подобного критерия (Чавчавадзе, 1979а, 80). В этой связи представляется, что принципиальная ошибка так называемых «аксиологических» определений культуры состоит в том, что уже на уровне выработки базовых критериев, способных провести четкую демаркационную линию между нею и объектами, не обладающими свойствами культуры («не-культурой»), вводятся ценностные характеристики. К числу подобных относятся, в частности, все те определения, которые наделяют свойствами культуры лишь объекты, обладающие «положительным характером», «способствующие прогрессу», «выступающие мерой гуманизации» и т. д.

Недостаток этого рода определений состоит в том, что они производятся в непосредственной зависимости от конкретно данных ценностных ориентаций, а также базируются на суждениях, часто имеющих сугубо относительный, исторически ситуационный характер. Вель, например, вопрос с том, что считать положительными или отрицательными явлениями, во многих случаях очень спорен. Одни и те же явления общественной жизни (произведения искусства, юридические установления, проявления моды и т. д.) могут оцениваться качественно по-разному в зависимости от социально-групповых, этнических, лично-индивидуальных установок и интересов. Кроме того, если даже предположить, что найдены общезначимые критерии оценки определенных явлений в качестве отрицательных или положительных, то следует учитывать исторически относительный характер подобных оценок. То, что носит положительный характер в одной исторической ситуации, в иных исторических условиях может приобрести сугубо отрицательное значение.

Следует также обратить внимание и на диалектически противоречивый характер элементов культуры, способных одновременно выступать как в качестве положительных, так и отрицательных явлений общественной жизни людей.

Задача создания действительно плодотворных теоретических основ культурологии и культуроведения в целом может быть эффективно осуществлена лишь в том случае, если она отвечает логическим требованиям построения любой научной теории. Исходным и важнейшим же среди них в интересующем нас отношении является *требование объективности критериев культуры*. Иначе говоря, выработка критериев того класса объектов, который следует относить к явлениям культуры, должна базироваться на выделении объективно присущих этим явлениям общезначимых и постоянно действующих свойств во всех без исключения ситуациях культурологического исследования. Именно прежде всего этому фундаментальному, с научной точки зрения, требованию не отвечает рассмотренный выше тип определений культуры, который критерий выделения относящихся к ней явлений непосредственно связывает с их свойствами носить обязательно положительный характер и быть благом для людей. Подобный подход не может создать прочный теоретический фундамент культурологии в силу того, что свойства, согласно которым выделяются объекты исследования данной области знания, *носят неопределенный характер*, поскольку установление этих свойств оказывается в непосредственной зависимости от ценностных установок познающего субъекта.

Тот же самый недостаток практически присущ и предложенному О. И. Джигоевым пониманию культуры как меры гуманизации человека (Джигоев, 1979). И тут критерий культуры во многом имеет ценностную природу и носит недостаточно определенный для построения научной теории характер. Ведь читателю остается далеко не ясной та смысловая нагрузка, которой наделяется понятие «мера гуманизации человека». Ему остается об этом лишь догадываться. Как, например, с этой точки зрения расценивать историческую выработку обществ, для которых был характерен обычай каннибализма? Следует ли относить этот характерен для них обычай поедать себе подобных к «мере гуманизации»? А ведь в данном случае мы имеем дело с человеческими коллективами, которым никак не может быть отказано в наличии своей системы культуры. И такие «трудные» вопросы неизбежно должны возникать на каждом шагу при анализе конкретного исторического материала перед исследователями, оперирующими понятием «культура», исходный критерий которого построен по ценностному принципу.

Между тем, методологически эффективное, «работающее» определение культуры должно в качестве исходной предпосылки производимого исследования давать возможность каждому использующему данное понятие без специальных аналитических

усилий, по общезначимым признакам отделять объекты культуры от объектов, не относящихся к этому классу явлений. Аксиологически ориентированные определения культуры как раз не способны обеспечить создание отмеченных предпосылок познания. Они уже на этом его этапе, в силу неопределенности заложенных в них критериев, выступают постоянным источником возникновения спорных ситуаций по вопросу о том, какие явления относить к интересующему нас классу явлений, а какие нет. Поэтому определения культуры, этизирующие сам критерий отнесения к нему соответствующих явлений, неспособны выполнить функцию аналитического инструмента познания, отвечающего исходным требованиям научного исследования.

Если под этим углом зрения подойти к пониманию культуры как специфического способа человеческой деятельности, то можно легко убедиться в том, что заложенный в нем критерий отнесения объектов к классу культурных явлений всецело базируется на объективно присущих им, общезначимых, постоянно действующих и обычно легко установимых свойствах. Согласно данному критерию, к классу культурных явлений относятся, исходя из вышесказанного, те объекты, которые были выработаны в процессе генезиса и дальнейшего развития общественной жизни людей *внебиологически в качестве особых средств, превращающих их деятельность в социально направленную активность и обеспечивающих осуществление этой активности в различных сферах ее приложения*. Выработка этих средств была неразрывно связана с выработкой сознания и членораздельной речи, которые легли в основание всей человеческой культуры.

Помимо того, что отмеченные свойства отвечают логическим требованиям базовых научных понятий, они отвечают также и содержательным их требованиям. Иначе говоря, это такие свойства, которые концентрированно выражают саму суть культуры и интегрируют все остальные ее характеристики.

Выделение свойства быть внебиологически выработанного свойства деятельности позволяет рассматривать культуру как атрибутивное начало любого человеческого общества безотносительно к уровню его развития и формам проявления. Рассмотренная с точки зрения своего фундаментального критерия культура ни хороша, ни плоха, она есть лишь определенная система средств деятельности людей, отвечающая некоторым обязательным общим признакам, подобно тому, как это можно сказать о средствах биологической деятельности.

В этой связи следует особо подчеркнуть, что подобный подход ни в коей мере не означает абсолютной релятивизации исторических форм культуры. Он лишь указывает на обязательную

сопряженность культуры с любыми проявлениями человеческих коллективов как специфического уровня организации жизни. Сами же культурные формы могут быть более высокими или низкими в зависимости от уровня своего развития, прогрессивными или реакционными в зависимости от того, в какой степени они соответствуют конкретно данным общественно-историческим условиям.

Следует иметь в виду, что элиминация аксиологического начала при выработке критерия отнесения тех или иных объектов к классу культурных явлений не только не препятствует ценностным утверждениям относительно тех или иных форм и проявлений культуры, но создает для них все необходимые научные предпосылки. Это достигается прежде всего благодаря достаточно четко выделению определенных объективных фундаментальных и постоянно действующих функций культуры. Исходной и предпосылочной среди них является *адаптивная функция культуры*, непосредственно обуславливаемая адаптивной природой самого феномена деятельности как избирательной активности, направленной в конечном итоге на самосохранение живых систем безотносительно к уровню их организации (Маркарян, 1978, 11—17)*.

Важно отметить, что само ценностное отношение к явлениям культуры носит качественно различный характер в зависимости от того, имеет ли место позиция исследователя, теоретически овладевающего данными явлениями, или же позиция практически действующего и принимающего решения субъекта. В первом случае те или иные явления оцениваются с точки зрения выполнения ими определенных объективных фундаментальных функций культуры безотносительно к ценностным установкам самого исследователя. Во втором же случае имеет место непосредственное сопереживание воспринимаемых явлений культуры соответственно уже ценностным установкам самого действующего субъекта, целостно и многопланово (а не только исследовательски) включенного в общественную практику (Давидович, Жданов, 1979, 220—221).

Ниже у нас не раз еще будет возникать повод для обсуждения вопросов, связанных с общими свойствами культуры. Теперь же, после сделанных вводных замечаний о природе культуры и принципах построения базового понятия о ней, перейдем непосредственно к характеристике интересующей нас в данном исследовании ее подсистеме.

Культура жизнеобеспечения как предмет исследования. Непосредственный процесс экологической адаптации общества к

---

* Более подробно вопрос о приложении понятия «адаптация» к сферам общества и культуры будет обсуждаться в § 2 главы первой и § 2 главы второй.

природной среде происходит путем ее соответствующего социально-организованного территориального освоения, которое выражается в *поселениях* и образующих их *жилищах*, путем производства необходимых для поддержания жизни людей *пищевых продуктов* и *одежды*. Эти элементы культуры могут быть интегрированы благодаря общему понятию «культура жизнеобеспечения».

Традиционно этнографы в соответствии с классификацией культуры на материальную и духовную, относят составляющие КЖ к первой. Хотя подобное, в целом стихийно выработанное, отнесение представляется справедливым, обычно даваемое данной классификации обоснование вызывает принципиальное возражение. Согласно ему материальная культура включает в себе материально выраженные вещи, а духовная культура—систему знаний и общественных норм.

Думается, что гораздо более плодотворным является функциональное обоснование классификации культуры на материальную и духовную сферы. В его основу должна быть положена дифференциация двух функций, которые призвана выполнять культура соответственно направленности одних ее элементов на биофизическую сферу (в том числе и самого человека), с одной стороны, и на духовный мир людей, их сознание и психику в целом— с другой.

С этой точки зрения к «материальной» культуре следует прежде всего отнести систему средств воздействия на биофизическую сферу (орудия труда) и систему средств физического обеспечения человеческой деятельности, т. е. то, что выше было названо культурой жизнеобеспечения*.

Что касается духовной культуры, то ее основными компонентами выступают прежде всего система средств регуляции человеческой деятельности и система средств производства знаний. Первую мы предложили назвать «соционормативной культурой» (Маркарян, 1969, 86), вторую же можно назвать «когнитивной культурой».

Выделение базовых и производных функций культуры можно производить по различным основаниям и в различных соотношениях. Это особая проблема, которой мы в данном случае касаться

---

* В связи с рассмотрением данной подсистемы важно отметить, что все, без исключения, подсистемы культуры в конечном счете, каждая по-своему, направлены на обеспечение и поддержание общественной жизни людей, человеческой деятельности. На обеспечение общественной жизни направлены и стимуляционно-мотивирующие, и программирующие, и исполнительные, и воспроизводящие звенья культуры. Особая роль «культуры жизнеобеспечения» состоит именно в *физическом* обеспечении жизнедеятельности людей.

не будем. Но для целей дальнейшего исследования принципиально важно подчеркнуть, что рассмотренный выше принцип выделения материальной и духовной культуры не просто функционален, а базируется на выделении доминантных функций данных подсистем культуры. Подчеркнуть это обстоятельство важно в силу *полифункциональности* большинства элементов культуры и образуемых ими комплексов. В этой полифункциональности легко убедиться на примере КЖ и отдельных ее составляющих.

Хотя исходными и доминантными для последних являются функции освоения природно-экологического пространства, защиты и физического поддержания человеческих коллективов, в процессе своего реального функционирования они выполняют и социорегулятивные функции. Важно иметь в виду, что элементы КЖ, помимо удовлетворения потребностей людей в чисто физическом обеспечении жизни, призваны удовлетворять и иные, как бы надстраивающиеся над ними социогенные потребности. Очень важное место среди них занимают престижно-символические и эстетические потребности. Более того, порой изучая поселения, жилище, одежду, пищу, мы не столько обращаем наше внимание на их доминантные, базовые функции, сколько на то, как отразились на них различные соционормативные установки общества, идеологические, этические, престижные, эстетические и др. Поэтому недопустимо при изучении составляющих КЖ связывать их с отдельно взятыми индивидами и выводить эти элементы культуры непосредственно из витальных потребностей людей, не опосредуя их потребностями социального организма, к чему склонялся Б. Малиновский (Malinowski, 1944).

Важно иметь в виду, что удовлетворение материальных и духовных потребностей представляет собой интегральный процесс, в ходе реализации которого элементы материальной культуры очень часто могут выполнять функции духовной культуры и наоборот. Поэтому исследователя КЖ не должно смущать то обстоятельство, что поселения, жилища, одежда, пища выполняют определенные функции элементов духовной культуры.

Сказанное ни в коей мере не умаляет значение предложенного принципа вычленения КЖ из общей системы культуры. Ведь следует понимать, что любая классификация в той или иной мере условна и ведет к огрублению действительности. Причем без подобного огрубления вообще невозможен научный анализ объектов исследования. Поэтому, хотя осуществление принципа доминантности функций элементов культуры так же определенным образом огрубляет существующие между ними реальные связи и взаимодействия, он в данном случае выступает единственным научным основанием анализа составляющих исследуемой сферы.

При исследовании КЖ (как и других подсистем культуры) очень важно выделить две основные точки отсчета их культурологического анализа и рассмотрения. С одной стороны, каждая из составляющих КЖ представляет собой компонент культуры и в соотношении с другими выступает в ряду специфических средств осуществления деятельности людей. Но для нас не менее интересна и важна другая проекция, выражающая культуру производства, распределения и потребления этих объектов. *Тем самым, каждый компонент культуры, будучи рассмотрен в общей цепи средств осуществления человеческой деятельности, может быть, в свою очередь, рассмотрен и под углом зрения соответствующей культуры его создания, распределения и потребления.*

В каждом конкретном случае акцент исследования может делаться на том или другом отмеченном аспекте и звене функционирования культуры. В частности для целей настоящего исследования особое значение приобретает культура эксплуатации и потребления КЖ и ее составляющих. Именно эти аспекты рассмотрения КЖ формируют интересующие нас единицы анализа. Но какая бы задача исследования ни ставилась, следует всегда помнить, что абстрагированные из контекста реальных процессов деятельности элементы культуры всегда вновь на определенном этапе познания требуют возвращения к этим процессам. Постановка этого вопроса делает необходимым специальное рассмотрение соотношения понятий «культура» и «деятельность» под углом зрения задач настоящего исследования.

Абстрагируя культуру и ее различные подсистемы из общего комплекса общественной жизни людей, которая есть не что иное как непрекращающийся процесс их кооперированной деятельности, направленной на решение различных социально санкционированных задач, мы естественно статизируем этот процесс, мысленно прекращаем его динамичное состояние. Подобная статизация необходима для проведения соответствующего анализа и синтеза компонентов культуры, осуществления ~~различных преобразований~~ с ними. Это необходимая предпосылка познания культуры, как и любого другого объекта научного исследования. Но мы должны постоянно иметь в виду, что поскольку свое реальное, процессуальное воплощение элементы культуры находят лишь в деятельности людей, включенных в многообразные сферы социальной практики, то для целостного выражения тех или иных комплексов элементов в качестве реальных структурно-функциональных единиц необходимо спроецировать эти элементы на соответствующие участки деятельности. Лишь благодаря подобному проецированию возможен действительный синтез препарированных элементов

культуры в соответствующие единицы последующего исследования.

Возвратимся теперь в свете сказанного вновь к подсистеме КЖ и ее составляющих. Для того, чтобы после проведения с ними соответствующих аналитических и синтетических процедур суметь выразить эти компоненты культуры процессуально в качестве реальных структурно-функциональных единиц исследования, необходимы четкие проекции на определенные участки деятельности, на такие ее сегменты, в процессы которых непосредственно включены КЖ и ее компоненты. Так, интересующий нас синтез элементов пищи может быть достигнут благодаря понятию трапезы. Именно благодаря данному понятию достигается требуемая комбинаторика данных элементов в структурно-функциональные единицы исследования, соответствующие реальным жизненным ситуациям (обыденным, ритуальным) процесса потребления пищи. ~~Кстати сказать, именно трапезу~~, а не отдельные составляющие пищи выступают в качестве действительного эквивалента поселениям, жилищам и определенным комплексам одежды. В отличие от поселений и жилищ пища, а также одежда представляют собой значительно более лабильные и гетерогенные системы, составляющие которых находятся в дисперсном состоянии и комбинируются в качестве реальных единиц потребления, предписываемых этнокультурными и иными традициями, лишь в соответствующих трапезах и туалетах.

Само собой разумеется, каждый элемент пищи и одежды сам по себе также может стать предметом культурологического анализа как определенное системное единство, например, рассмотренный с точки зрения его производства и распределения. Данный угол зрения для исследования КЖ также представляет несомненный интерес. Но в настоящей работе имеется в виду вполне определенная познавательная задача, связанная с перспективой сравнительного анализа целостного функционирования КЖ и ее составляющих в армянском селе, функционирования, включающего и их символические аспекты. А для проведения подобного анализа требуются соответствующие единицы исследования, отвечающие требованиям вполне определенных системных единств. В случае культурологического анализа компонентов КЖ под углом зрения производства и распределения их составляющих критерии образования подобных единств окажутся качественно иными.

Итак, основная единица сравнительного анализа пищи в нашем исследовании должна выделяться и строиться в соответствии с процессом ее традиционно сложившегося и предписываемого потребления.

Что касается поселений и жилищ, применительно к целям проводимого в настоящей работе сравнительного исследования, аналогичная задача может быть решена лишь при их проекции на такие сегменты деятельности, которые позволили бы воспроизвести реальное целостное функционирование данных объектов культуры. Для решения данной проблемы применительно к поселению, а также к КЖ в целом как единой системы требуется выделить и рассмотреть соответствующие аспекты и срезы функционирования сравниваемых сельских поселенческих коллективов. Сегменты же деятельности, сопряженные с эксплуатацией жилищ, непосредственно связаны с функционированием семейных групп.

§ 2. ЭТНИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ ЛОКАЛЬНОГО РАЗНООБРАЗИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Теперь, когда мы обсудили вопросы о том «что есть культура» и «что есть культура жизнеобеспечения», сделаем первое приближение к проблеме этнических культур, чтобы затем рассмотреть КЖ в их контексте. Но для этого следует прежде всего перебросить теоретический мост от того предельно высокого уровня абстракции, на котором преимущественно велось до сих пор рассмотрение проблем культуры, к уровню абстракции, выражающему исторически данные культуры.

В отличие от общеродового понятия «культура», построение которого предполагает соотнесение человеческого общества с биологическими системами, понятие «исторически данной культуры» строится иным образом. В задаваемой им теоретической перспективе непосредственно соотносятся уже не проявления социокультурного и биологического типов организации и характерные для них качественно различные способы осуществления жизненных процессов, а различные общности людей под углом зрения присущих им исторически выработанных способов существования.

Культуроведческое рассмотрение той или иной исторической общности людей и ее подсистем позволяет установить как, каким образом организована и реализуется ее деятельность относительно с иными историческими общностями людей, иначе говоря, каков способ деятельности данных общностей в конкретных природных и социокультурных средах обитания, каков способ их исторического существования. В этом суть культуроведческого подхода к общественно-историческим системам, его познавательная природа.

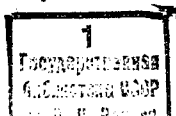

Важная особенность исторического, а также географического исследования культур состоит в том, что для них характерен специальный учет присущего данным культурам индивидуально-неповторимого, локального своеобразия. В связи с этим возникает естественный, но совершенно еще не удовлетворительно решенный вопрос об общем статусе локальности, присущей любой общности людей, об основных функциях, выполняемых ею в общем процессе развития человечества. Вопрос этот в наши дни приобретает помимо чисто теоретического также очень большое практическое значение.

Сегодня становится все более очевидным, что к числу важнейших условий научно обоснованного управления социальными процессами относится учет локального параметра этих процессов, выражающего их индивидуально-неповторимое своеобразие, зафиксированного в соответствующих культурных традициях. Потребность в знаниях, способных достаточно строго и систематично выразить этот параметр, проявляется в наши дни в самых различных сферах практической деятельности, начиная от социально-экономического планирования общественным развитием и кончая выработкой стратегий внешнеполитического курса по отношению к отдельным странам и их региональным комплексам.

Очень остро проблема учета локального параметра социальных систем встала, в частности, в связи с задачей имитационного моделирования глобального и регионального уровней, которое потенциально выступает мощным средством управленческой практики и прежде всего социального планирования. Значение данного вида моделирования состоит в том, что лишь оно в принципе дает возможность выявить *альтернативы* динамики планируемой системы и тем самым обеспечить выбор из них оптимального варианта ее развития (Гвишиани, 1978). Опыт проведения подобного исследования на глобальном уровне, однако, показал, что без учета реального локально-регионального разнообразия культуры человечества их прогностическая ценность не может быть велика. Поэтому сегодня необходимы специальные усилия, направленные на введение в создаваемые модели этого вида исторически выработанного разнообразия (Маркарян, 1980).

Рост интереса к данной области исследования одновременно выявил все несовершенство принципов и методов изучения признаков локально-культурного своеобразия регионов в их системном сочетании с общими признаками. Это обусловлено во многом тем, что до сих пор проблемы изучения индивидуальных признаков систем находились на периферии науки, которая интересовалась преимущественно общими признаками исследуемых объектов.

Можно выделить две крайние тенденции при подходе к проблеме локального разнообразия культуры человечества. Одна из них выражается в игнорировании значения этого разнообразия, трактовки его как чисто побочного несущественного продукта истории, ее эпифеномена, не заслуживающего внимания того, чтобы стать объектом подлинного научного исследования. Особенно характерна эта тенденция была для эволюционизма XIX века, но проявляется она в различных формах достаточно отчетливо и в настоящую эпоху.

Другая тенденция, наоборот, была связана с гипертрофированием локальной специфики культур. Очень характерна эта тенденция была для идеалистической философии истории, а также американской культурной антропологии первой половины текущего столетия, будучи прежде всего связана с именами О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Боаса, Р. Бенедикт, А. Кребера, М. Херсковица. Хотя, несомненно, данные исследователи и их последователи внесли определенный вклад в разработку методов изучения локального разнообразия культуры, фундаментальные недостатки представляемого ими общего направления культурной антропологии — релятивизм и антиэволюционизм практически блокировали целостную, методологически эффективную и логически осмысленную разработку этих проблем, связанных с научной индивидуализацией культур. Последовательная разработка этих проблем, стоящих перед современной наукой, не может быть осуществлена в релятивистском поле провозглашения принципа эквивалентности локальных культур, игнорирующего их стадияльное место в общем процессе исторического развития.

Выработка особых познавательных средств, необходимых для научной системной индивидуализации культур, может быть осуществлена лишь при условии рассмотрения истории культуры на широком фоне развития человечества как закономерного стадияльно-поступательного процесса. Без этого условия индивидуальные, локальные особенности культур естественным образом гипертрофируются и выступают в качестве единственного основания интеграции исторически выработанных культурных комплексов и критерия их соотношения. Именно в результате подобного подхода и выдвигается принцип эквивалентности локальных культур (цивилизаций) безотносительно к их месту в общей системе истории человечества (Маркарян, 1969, 129—130).

Из имеющихся на сегодняшний день зарубежных концепций, специально затрагивающих проблему статуса локальности в истории культуры, заслуживает внимания прежде всего точка зрения, предложенная американскими культур-антропологами М. Салинсом и Э. Сервисом. Наиболее существенные моменты

данной точки зрения изложены М. Салинсом в его статье «Общая и специфическая эволюция». Ход своих рассуждений Салинс начинает с выделения двух различных направлений, по которым происходит биологическая эволюция. С одной стороны, это направление филогенетической эволюции, осуществляемое путем адаптивной модификации различных биологических форм в связи с их приспособлением к конкретным условиям среды и возникновением новых видов из старых. С другой стороны, это общий эволюционный прогресс, выражающийся в смене более низких ступеней развития более высокими, прогресс, непосредственно не совпадающий с той или иной филогенетической таксономией и охватывающий собой одновременно множество биологических видов. Примером подобного общего прогресса может служить эволюция психики животных. Эти два направления развития биологических форм Салинс и называет специфической и общей эволюцией (Sahlins, 1968, 229).

Культурная эволюция, отмечает Салинс, продолжает эволюционный процесс новыми средствами. Поскольку эти средства уникальны, культурная эволюция приобретает специфические особенности. Но она так же, как и биологическая эволюция происходит, с одной стороны, путем адаптивной специализации и выработки разнообразных конкретных форм, с другой,—путем последовательной смены общих для них этапов прогрессивного развития. Таким образом, пишет Салинс, для культуры также характерна специфическая и общая эволюция (Sahlins 1968, 233).

Хотя, по мнению Салинса, процессы специфической культурной эволюции и процессы специфической биологической эволюции подобны и могут быть интерпретированы в общих терминах, между ними имеется принципиальная разница. Она состоит в том, что культурная вариация, в отличие от биологической, может быть передана путем диффузии, и, в результате, различные культурные традиции могут образовывать соединения между собой. Более того, продолжает он, порой частичная филогенетическая последовательность имеет место между последовательными общими стадиями культурной эволюции в результате заимствования отсталыми культурами достижений более развитых культур и вступления ими тем самым на новый этап культурной эволюции, без прохождения промежуточных этапов развития. В противоположность этому биологические популяции могут только (в лучшем случае) двигаться по пути все большей специализации, которая является по своей природе тупиком дальнейшего прогресса (Sahlins, 1968, 235).

Такова суть предложенной Салинсом концепции. Она стимулирует обсуждение многих интересных проблем, связанных с раз-

витием живых систем. Но в данном случае мы изложили некоторые центральные ее положения лишь с целью исходной постановки проблемы соотношения общего и локально-специфического с широкой теоретической перспективе. Концепцию Салинса можно считать в целом плодотворной, поскольку она создает подобную отправную позицию в широком сравнительно-эволюционном плане. Но ей, на наш взгляд, присущи определенные теоретические изъяны.

Для того, чтобы выявить их, отметим, что дифференциация М. Салинсом общей и специфической эволюции очень напоминает предложенное А. Н. Северцовым выделение в биологической эволюции двух различных видов изменений—«ароморфозов» и «идиоадаптаций». Под ароморфозами А. Н. Северцов понимал изменения общего и универсального характера, благодаря которым организация животных поднимается на более высокую ступень и которые дают возможность к дальнейшему прогрессивному изменению. К идиоадаптациям же он относил все приспособления к строго определенным условиям среды, которые не повышают общей энергии жизнедеятельности животных (Северцев, 1967, 81).

Практически то, что у А. Н. Северцева выступает в виде идиоадаптаций. М. Салинс называет специфической эволюцией. Но в этой связи встает вопрос, насколько правомерно так однозначно отождествлять специфическую биологическую эволюцию, которая, по мнению М. Салинса, сугубо *относительна* к условиям среды, с филогенезом, Ведь биологическая эволюция вообще не может происходить иначе как путем филогенеза. И это относится не только к идиоадаптивным модификациям, которые действительно имеют релятивную природу для различных групп биологических организмов, но и к существенным прогрессивным перестройкам (ароморфозам), носящим общий характер. Поэтому гораздо правильнее отказаться от оппозиции специфической эволюции как филогенетической, с одной стороны, и общей эволюции— с другой, а, напротив, рассматривать эти аспекты в рамках общего русла филогенеза.

Другое дело, что траектория ароморфозов может совпадать у качественно различных по своему филогенезу групп биологических организмов. Этот результат параллельной эволюции действительно имеет уже надфилогенетическую природу, что и дает основание говорить об общих этапах эволюции биологической жизни в целом. *По-видимому, противопоставление Салинсом общей эволюции, эволюции специфической (как филогенетической) произошло в результате абстрагирования этого общего, надфилогенетического результата и его неправомерного отрыва от его истоков, т. е. от са-*

мих реальных биоэволюционных процессов. С этими коррективами выделение в эволюционном процессе общих и специфических, или, лучше, локальных*, аспектов плодотворно.

Достоинство точки зрения Салинса состоит при этом в том, что он стремится к нахождению некоторых общих точек отсчета при рассмотрении биологической и социокультурной эволюции в интересующем нас плане. При этом достигается им не путем некритического и непосредственного заимствования и перенесения биологических представлений в область общественных наук и игнорирования специфики социокультурного развития, а благодаря вскрытию некоторых инвариантных свойств, характерных для данного развития и биологической эволюции.

В связи с этим следует отметить, что обществознание сегодня также остро нуждается в концептуальной схеме, которая была бы способна отразить наличие двух одинаково необходимых проекций исследования социально-исторических систем. Одна из этих проекций призвана выразить характерные для данных систем существенные структурные перестройки, носящие общий характер. Фокус же другой проекции должен быть направлен на происходящие в них изменения, которые, находясь в непосредственных коррелятивных отношениях с конкретными условиями среды обитания, имеют сугубо относительную природу. С этой точки зрения является целесообразной трансформация понятий «ароморфоз» и «идиоадаптация» в общенаучные понятия, которые могут быть использованы как в биологических, так и общественных науках. Необходимым условием подобной трансформации должно быть, с одной стороны, сохранение в этих понятиях определенных инвариантных свойств биологических и социокультурных систем, а, с другой, — элиминация из них чисто биологического содержания. В приложении же к конкретным системам инвариантная структура этих понятий, построенных на общенаучном уровне, должна уже будет наполняться определенным биологическим или социокультурным содержанием.

В изложенной концепции М. Салинса лишь намечен путь, позволяющий пропорционально соотносить общие и локальные аспекты культурного развития человечества и тем самым прео-

---

* Термин «локальный» предпочтительнее, поскольку в данном случае имеет место однозначное смысловое соответствие его с условиями среды обитания, в их требуемых конкретно задаваемых пространственно-временных координатах. Что касается термина «специфический», то он имеет более широкое значение и не может быть сопряжен лишь с подобным рассмотрением условий среды. Так, например, при характеристике определенных общих этапов развития систем в их соотношении с более общими стадиями этого развития вполне может быть использован термин «специфический».

долеть отмеченные выше крайние позиции по этому вопросу. В частности, целый ряд фундаментальных проблем, связанных с методологией исследования локального разнообразия культуры, и прежде всего проблема характерного для него особого способа обобщения, осталась вне поля зрения Салинса. Между тем, без принципиального решения этой проблемы соотношение общего и локального в развитии культуры не может быть должным образом осмыслено. Кроме того, оценивая концепцию Салинса об общей и специфической эволюции, следует вновь отметить, что в данном случае речь должна идти о *двух различных аспектах* единого процесса эволюции различных уровней организации живых систем, а не о двух видах эволюции. Сам Салинс явно недостаточно подчеркивает это, что явилось основанием для критики в его адрес.

Необходимо также отметить, что Салинс неправомерно связывает понятие «адаптация» лишь с локальным (специфическим) аспектом эволюции. Между тем, как мы постараемся показать ниже, эволюционный процесс* адаптивен в обоих отмеченных измерениях. Подобно тому как этот процесс имеет свой локальный и общий аспекты, аналогичное можно сказать и об адаптивном процессе. Эти аспекты являются двумя одинаково необходимыми системами отсчета, позволяющими понять процесс адаптации в его целостности.

Самостоятельный и важный статус локальности в этих процессах обусловлен тем, что потенциалы, заключенные как в биологическом, так и социокультурном типах организации, могут быть выявлены лишь во множестве эволюционных форм, путем их регионального самоограничения и выработки соответствующих комплексных, локально специализированных способов существования, которые могли бы отразить конкретные условия осваиваемых сред обитания. В силу этого, поддержание локальной культурной специфики, выраженной в соответствующих культурных традициях, столь же важно для соответствующих единиц развития человечества, как поддержание соответствующих видовых и надвидовых программ для единиц биологической эволюции. Особенно же важно было поддержание локальной специфики обществ для прошлых этапов развития человечества, когда исторически накопленный экологический опыт имел устойчивую локальную конфигурацию и был аккумулирован в этнических культурных традициях. Но и сегодня, когда часть весьма важных экологических функций, которые этнокультурные традиции были призваны выполнять в

---

* В данном контексте термины «эволюция» и «развитие» трактуются синонимично.

прошлом, стала переходить к массивам надэтнической культуры, характеризующихся тенденцией к унификации, локальное культурное разнообразие человечества в весьма значительной степени продолжает сохраняться. И это имеет свои глубокие эволюционные основания!

Дело прежде всего состоит в том, что локальное разнообразие культуры человечества, рассмотренное как его поливариантность, есть не что иное как одно из выражений его избыточности. А эта избыточность потенциально имеет огромное адаптивно-эволюционное значение. Для эффективного выполнения своих адаптивных функций культура во всех своих формах проявления, подобно формам биологической жизни, должна в той или иной степени носить избыточный характер. Для выполнения культурой своих адаптивных функций по отношению к человечеству в целом она должна быть постоянно способной не только отвечать минимуму требований условий среды, но и нести в себе необходимые потенции для достижения адаптивного эффекта в новых, порой резко изменяющихся условиях.

«Сбалансированный полиморфизм типовых вариаций,—пишут в данной связи Д. А. Сергеев и С. А. Арутюнов,—позволяет проявлять большую гибкость в их количественном соотношении, применяясь к нюансам экологической среды. Напротив, высокая степень специализации влечет за собой потерю полиморфизма, высокую степень однородности. С одной стороны, такое развитие обеспечивает наивысшую продуктивность, но с другой,—опасно для выживания культуры, если среда резко изменится» (Сергеев, Арутюнов, 1973, 18). Одним из важнейших источников этих адаптивных потенций является как раз локальное разнообразие культуры как человечества в целом, так и его соответствующих отдельных подсистем.

Необходимо в этой связи вновь указать на весьма противоречивый характер культуры в выполнении своих адаптивных функций. Выступая в целом как мощный универсальный механизм общества и неизмеримо увеличивая приспособительные возможности людей по сравнению с животными, она в то же время несет в себе и деструктивное, дестабилизирующее начало. Очень ощутимо это свойство проявляется и в локальной поливариантности культуры, одним из последствий которых выступают противоречия и конфликты регионально выработанных интересов, идей, социальных институтов. Эти противоречия и конфликты естественным образом выступают одним из важных дестабилизирующих факторов истории. Но они же в процессах реального взаимодействия исторических общностей, в свою очередь, выступают источником рождения новых относительно устойчивых и более соответствующих наличным усло-

виям культурных форм, создающих основы дальнейшего поступательного развития человечества.

Тут мы сталкиваемся со специфическим проявлением неких общих законов эволюции жизненных форм, которое происходит в особом диалектическом противоречии энтропийных и негэнтропийных процессов, т. е. процессов нарушения организации систем и рождения в ходе этого нарушения новых форм организации. Отсюда и сугубо противоречивая природа адаптивных процессов вообще, процессов человеческой адаптации в частности. Как справедливо отмечает В. В. Трушков, процесс приспособления человека к окружающей среде является постоянным, непрерывным и все время изменяющимся. Это диалектический процесс, представляющий собой бесконечное единство нарушения и восстановления равновесия между человечеством и природой (Трушков, 1976, 28).

В свете наличия отмеченных инвариантных свойств развития биологических и социокультурных форм, получает обоснование определенная структурная и функциональная эквивалентность единиц эволюции человечества биологическим видам и иным таксонам (в зависимости от того, какой таксономический уровень имеется в виду). Развивая эту мысль, можно высказать предположение, что *именно этносы и их культуры выступают в качестве тех элементарных таксономических единиц, эквивалентом которых выступают популяции соответствующих видов в процессах биологической эволюции. С этой точки зрения этнические культуры, рассмотренные в проекции на общее развитие человечества, и биологические виды, взятые в их соотношениях к общему полю биологической эволюции, представляют собой во многом изоморфные и изофункциональные образования.* Подобная теоретическая перспектива, на наш взгляд, позволяет проникнуть в самую суть этносов и присущих им культур и установить их место в истории общества.

Адекватное современное решение проблемы природы этносов в широкой сравнительно-эволюционной перспективе должно производиться не средствами их биологической трактовки, как это мы наблюдаем в концепции Л. Н. Гумилёва (Гумилев, 1970; 1971), а качественно иным путем. Путь этот состоит как раз в нахождении структурных и функциональных подобий этносов с соответствующими единицами биологической эволюции на базе принципов самоорганизации. Кстати, одна из основных причин того, что Л. Н. Гумилев усмотрел путь к решению проблемы установления природы этноса в его биологической трактовке состоит, на наш взгляд, в том, что он не использует в своем анализе в качестве рабочего познавательного инструмента понятие «культура». В результате этого образуется определенный теоретический вакуум,

который им заполняется биологическими представлениями (подробнее об этом: Маркарян, 1980 б).

Выше уже была отмечена чрезвычайно важная, с эволюционной точки зрения, специфика человечества, проявляющаяся в способности различных этнических и иных исторических общностей людей, в отличие от биологических популяций разных видов, передавать друг другу элементы накопленного жизненного опыта (подробнее об этом см.: Маркарян, 1979 а). В свете проведенного анализа важно иметь в виду, что данная специфика несколько не исключает факторов, обуславливающих необходимость выработки огромного локального разнообразия в процессе развития человечества. *Отсутствие в нем биологического видообразования как раз и делало необходимым его социокультурное разнообразие, проявляемое прежде всего в выработке различных этнических культур.*

Сравнительно-эволюционное рассмотрение на базе принципов современного системного подхода единиц биологического и социокультурного развития создает новые возможности и для «сравнительно-научнобиологического» анализа (Маркарян, 1977, 123—134) биологических и общественных наук. В частности, точкой отсчета для подобного анализа может послужить сравнение вклада К. Маркса в познание истории общества с вкладом Ч. Дарвина в изучение биологической эволюции, сделанное Ф. Энгельсом.

Есть все основания в этой связи предположить, что отмеченное фундаментальное с информационной точки зрения отличие биологической эволюции и социокультурного развития сыграло в конечном счете решающую роль в выборе исходных единиц анализа при создании теории естественного отбора Дарвина и теории исторического материализма Маркса и Энгельса, т. е. двух теорий, сыгравших одинаково основополагающую роль в создании научных основ биологии и обществознания. Для Дарвина в качестве таких объектов выступали определенные локальные единицы биологического развития—виды и иные таксоны. Для Маркса и Энгельса же в качестве исходных объектов исследования выступали общество в целом, его родовые свойства, а также формационные этапы развития и прежде всего капиталистическая общественно-экономическая формация.

Проблемы происхождения биологической жизни в целом и общих этапов ее прогрессивной эволюции не были в центре внимания Дарвина. Его интересовало прежде всего происхождение конкретных, локальных единиц биологической эволюции—видов, механизмы их развития в непосредственном контексте окружающей среды. Несомненно, в данном случае сказалось и то обстоятельство, что биологическая теория не была готова в период Дарвина к широким обобщениям, касающимся происхождения биоло-

гической жизни в целом и ее общей прогрессивной эволюции. Но, по-видимому, одна из главных причин подобного положения вещей коренилась как раз в самой внутренней логике развития биологической теории, обусловленной спецификой ее объекта.

Маркса и Энгельса же, наоборот, интересовали прежде всего проблемы, связанные с законами происхождения и дальнейшего развития общества в целом, или же его формационных этапов. Локальные связи единиц общественного развития не находились в фокусе базовых понятий созданной ими теории. Этим был обусловлен и характер тех типологических обобщений, которые легли в основу данной теории. Это были общие исторические типы социального устройства, определяемые различными способами материального производства—общественно-экономические формации. В свою очередь, хотя эти типологические конструкции, в силу самой их природы, максимально отвлекались от локальных связей единиц общественного развития, они создавали общие необходимые предпосылки для научного исследования этих связей.

Отмеченное различие путей развития биологической теории и теории общества требует еще своего специального сравнительно-научного исследования. Несомненно, однако, что эта теоретическая дивергенция была обусловлена прежде всего принципиальными различиями информационной организации биологической и социокультурной эволюции. Несмотря на определенное структурное и функциональное подобие этих русел развития жизни, обусловленное наличием общих фундаментальных законов самоорганизации, коренные отличия механизмов функционирования и развития биологических и социокультурных систем потребовали при создании основоположных для их понимания теорий по существу противоположных подходов.

Вид—этот основной элементарный таксон биологической эволюции, с точки зрения этой эволюции, как известно, является информационно замкнутым, программно самообеспечивающим образованием. Ведь взаимодействие видов не сопровождается взаимобменом, аккумулярованным жизненным опытом. Именно в силу этого постижение законов эволюционной динамики вида, как основной локальной единицы биологического развития, оказывается основоположным и ключевым для биологической теории.

Иную картину мы наблюдаем при социокультурном развитии и процессах его теоретического осмысления. Хотя программы деятельности единиц общественного развития также в определенной степени изоморфны и изофункциональны генетическим программам видов (Маркарян, 1978а, 85—86), тем не менее это уже далеко не информационно замкнутые, программно самообеспечиваю-

щиеся образования, а образования, обменивающиеся элементами накопленного исторического опыта. Поэтому для понимания программ их деятельности в целом оказывается необходимым обращение к значительно более широкому социокультурному контексту, к системе человечества в целом.

Сказанное вовсе не означает, что исследование единиц социокультурного развития в контексте их непосредственного окружения с многообразием связей менее важно для исследовательской практики общественных наук, чем биологии. Вопрос тут лишь в логической и исторической последовательности развития теории общества, в акцентах, которые требовались на различных этапах этого развития. Исследование механизмов, упорядочивающих локальные связи единиц развития общества и прежде всего этносов, осуществляющих селекцию, закрепление и обновление данных связей в традициях—это проблема, которая встала перед социальными науками во весь рост лишь в XX веке. Выдвижение данной проблемы на передний край, будучи обусловлено прежде всего социально-управленческими задачами, о чем говорилось выше, как раз настоятельно требует систематического исследования этих механизмов и разработки научных принципов изучения локального разнообразия культуры.

То обстоятельство, что человечество сумело освоить самые различные экологические зоны земного шара, сохранив свою единую биологическую структуру, объясняется присущими ему качественно особыми адаптивными механизмами, выраженными в культуре. Выработка культуры в процессе вступления наших предков на трудовой путь развития открыла перед ними качественно новые адаптивные возможности и превратила человеческое общество в универсальную адаптивно-адаптирующую систему (Маркарян, 1977, 199). Именно прежде всего благодаря своим универсальным потенциям к преобразованию среды люди сумели, сохранив свое внутреннее единство, в то же время достичь во многом такого же поразительного эффекта локального разнообразия, как биоэволюция в процессах видообразования.

Таковы кратко исходные соображения об объективных основаниях и природе локального разнообразия культуры, а также месте, занимаемом в нем этническими культурами. Вряд ли следует особо отмечать, что, выделяя локальное разнообразие человечества из его общего контекста, мы пользуемся средствами логической изолирующей абстракции. В реальных же процессах исторического развития общественной жизни людей данный вид разнообразия находится в интегральном, органическом единстве с иными присущими ей видами разнообразия. Обобщая, можно ска-

зять, что фундаментальными источниками всего огромного разнообразия культур человечества являются: неравномерность общего поступательно-стадиального развития и локальные способы адаптации исторических общностей людей к конкретно данным средам обитания. Различной комбинацией форм, порожденной этими двумя источниками, и создается по сути дела все огромное социокультурное разнообразие человечества.

Несомненно, степень выраженности локального разнообразия культуры на различных этапах развития человечества далеко не одинакова. Будучи значительно менее выражена на ранних этапах развития общества, она по мере его усложнения все более и более усиливалась. Качественно новый этап в проявлении локального разнообразия культуры наступил в эпоху современной цивилизации с ее унифицирующими тенденциями. Как отразятся эти тенденции на проявлении локального и, в частности этнического разнообразия культуры человечества в будущем? Это очень интересная проблема, требующая специальных исследований. Можно предположить, что хотя в принципе существуют иные каналы достижения необходимого в адаптивно-эволюционном отношении эффекта избыточности культуры, например, путем усложнения вариативности типов личности, локальная поливариантность культуры исторических общностей, несомненно, в той или иной форме должна иметь место и в будущем, в силу отмеченных выше причин. Сегодня же мы должны исходить из самого факта весьма значительного сохранения локального и прежде всего этнокультурного разнообразия. В этой связи известный английский географ П. Хаггет пишет о том, что устойчивость человеческих культур глубоко поражает воображение. Используя пример США, он отмечает, что даже в американском «плавильном котле» нет каких-либо признаков исчезновения этнокультурных различий (Хаггет, 1979, 309).

Очень удобным объектом, позволяющим проследить соотношение тенденции консервации этнокультурных традиций и противоположной ей тенденции к культурной унификации, является культура жизнеобеспечения села. Это объясняется тем, что село является наиболее стойким резервуаром консервации этнокультурных традиций. Кроме того, в различных составляющих КЖ отмеченные тенденции проявляют себя далеко не в одинаковой степени. С этой точки зрения их анализ позволяет выявлять требуемые для изучаемых процессов элементные комбинации. Рассмотрение этих вопросов в общем плане на широком этнокультурном материале как раз и является задачей второй части настоящей работы.

§ 3. КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ В ЭТНИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Этносы, в отличие от рас,—явление сугубо человеческое. Несмотря на некоторые различия в предлагаемых в советской литературе определениях этнических общностей, для подавляющего большинства характерно понимание их как общностей, связанных определенной общей культурой. Этническая общность выступает тем самым как культурная общность. Однако «далеко не всякая культурная общность является этносом... Этнос представляет только та культурная общность людей, которая осознает себя как таковую, отличая себя от других аналогичных общностей. Это осознание членами этноса своего группового единства принято именовать этническим самосознанием, внешним выражением которого является общее самоназвание (этноним)» (Бромлей, 1973, 31). Подобное понимание природы этноса является весьма плодотворным и может служить исходной предпосылкой для изучения многих этнических явлений. Так, в связи с рассмотрением проблемы этноцентризма, С. Н. Артановский пишет: «Этноцентристское противопоставление «нас» «им»—важнейшая составная часть этнического самосознания. Представление об этническом сообществе— в значительной степени результат противопоставления одних общностей другим. Необходимый контраст создавался культурными особенностями различных сообществ» (Артановский, 1979, 17).

Характеристика этноса как культурной общности делает необходимым разграничение культуры этноса от этнической культуры. Культуру этноса можно определить как совокупность способов, которыми институционализируются различные виды человеческой деятельности, и которые обеспечивают функционирование и развитие этноса как социального организма. В отличие от этого этническая культура выражается в индивидуальном, своеобразном сочетании различных элементов культуры, являющихся универсальными, общими для всех или ряда этносов, в их специфической, этнической выраженности и маркированности.

За исключением тех аспектов жизнедеятельности человеческого организма, которые имеют чисто биологический, физиологический характер и не поддаются вариативной институционализации все остальное многообразие видов человеческой деятельности осуществляется в рамках культуры. Основные виды этой деятельности по своему содержанию общи для всего человечества, в определенной степени они заданы его биологической организацией и общепланетарной средой его существования, в которой развилась как бытовая, так и трудовая деятельность человека. Люди повсюду трудятся, производят средства своего существования, обеспечивают себя пищей, одеждой, жилищем, организуют среду своего

обитания, воспроизводят самих себя, т. е. рожают и воспитывают детей, отдыхают, спят и т. д. Все это разные виды суть человеческой деятельности, функционально идентичные для всех людей. Но формы, которые принимает у разных человеческих коллективов эта деятельность, значительно отличаются друг от друга. Для разных этносов характерны разные, специфичные формы трудовой деятельности, будь то охота, рыбная ловля, земледелие, животноводство или ремесло, разные трудовые приемы и методы во всех этих отраслях хозяйства, разные формы организации отдыха и досуга, разные методы воспитания детей. Даже такие, казалось бы, чисто естественные отправления, как роды или половой акт, по-разному оформляются и осуществляются в разных локальных культурах. Дыхание и другие биологические формы жизнедеятельности также не избежали культурного воздействия, примеры чему мы можем найти в хатха йоге и других школах медитации, в различных спортивных школах и направлениях древности и современности. Этнические различия проявляются в том, как люди одеваются, как они едят, в их излюбленных позах стояния или сидения, хотя все люди на земле и одеваются, и едят, и стоят, и сидят. И именно в этих различиях проявляется специфика этнических культур.

В свете предложенного различения культуры этноса и этнической культуры представляет интерес выделение общей и локальной культурной традиции (см. об этом § 1 главы второй). Локальная традиция на уровне этнических культур как раз и призвана выполнить функцию их поддержания и трансляции во времени и пространстве в качестве индивидуальных целостностей. Таким образом, этническая культура как некое системное единство функционирует благодаря наличию соответствующей этнической традиции, или, другими словами, этническая культура выражается, актуализируется, аккумулируется в присущей ей традиции. В силу этого сами эти явления можно трактовать как взаимообусловленные, взаимопредполагающие.

Культура, взятая в целом, представляет собой, как говорилось выше, огромный и всеобъемлющий комплекс внебиологически выработанных средств деятельности, разные компоненты которого связаны между собой весьма сложным образом. Анализ этого комплекса требует определенной систематизации и классификации, которая может быть произведена различными путями в зависимости от познавательных задач исследования.

В этнографической науке долгое время традиционным было деление культуры прежде всего на два комплекса—материальную и духовную культуру. До известного предела такое деление удовлетворяло исследователей, однако с течением времени стали все более заметными его недостатки, так же, как и некоторых других

сопряженных с ним классификаций. Так, в большинстве этнографических исследований по конкретным этническим культурам обычно в разные разделы выделяются «Хозяйство» (куда относятся все орудия производства) и «Материальная культура» (где анализируются жилище и поселения, одежда, пища, утварь), хотя, конечно, в принципе нельзя не рассматривать орудия иначе как важнейшую часть материальной культуры.

Говоря о духовной культуре, этнографы обычно разбирают прежде всего ее религиозные аспекты, в меньшей степени — устное народное творчество. Многие компоненты этнической культуры, такие, как народное прикладное искусство, значительная часть специальных норм, которые далеко не все входят в понятие «обычного права», в этой системе не находят себе логического места. Но главное даже не в этом, а в том, что при таком делении оказываются разорванными, утерянными многосторонние, многогранные связи и полифункциональность практически всех явлений и элементов культуры.

Для познавательных целей анализа совокупности культуры этноса наиболее операциональным нам представляется ее исходное членение на культуру первичного производства, культуру жизнеобеспечения, соционормативную культуру и гуманитарную культуру (Мкртумян, 1978, 44). При этом все эти подразделения этнической культуры связаны между собой, и компоненты каждого из них могут иметь аспекты и функции, связывающие их с остальными тремя подразделениями.

Основными составляющими культуры жизнеобеспечения (КЖ) выступают жилищно-поселенческий комплекс (ЖПК), комплекс питания (КП) и комплекс одежды (КО). Такие компоненты культуры, как утварь, меблировка и т. д., по-видимому, не образуют самостоятельных комплексов, являясь скорее периферийными, обслуживающими придатками КП и ЖПК. В отличие от КО, КП и ЖПК, которые можно назвать основными, первичными жизнеобеспечивающими системами (ЖС), утварь и меблировку можно считать ее дополнительными, вторичными ЖС. В число вторичных ЖС можно включить также гигиену, медицину и ряд других подсистем, в народной культуре теснейшим образом связанных и опирающихся на КО, КП и ЖПК.

Как уже отмечалось выше, так же как нет непроходимых границ между КЖ и другими подразделениями культуры, а наоборот, между ними имеются области кондоминиума, более или менее равновеликой функциональной представленности, точно так же и между отдельными подсистемами КЖ есть пограничные компоненты. Например, очаг (тонир, бухар) является деталью жилища и связан с его функционированием (отопление и др), но он же

служит для приготовления пищи, выпечки хлеба и тем самым неразрывно связан с КП.

Поскольку КЖ составляет ту часть культуры, которая непосредственно направлена на поддержание жизнедеятельности ее носителей, то понятно, что эта система функционирует прежде всего в сфере потребления. Однако она включает в себя и определенные моменты производства и распределения. Именно поэтому, относясь в целом к области материальной культуры, КЖ, в своей конкретной форме, отражает и выражает разнообразные аспекты социальной жизни и духовной культуры, как-то: соционормативные, престижные, эстетические, ритуально-культовые и т. д. В силу этих свойств КЖ и выступает в качестве того звена в огромном массиве культуры этноса, с которого удобнее всего начинать его исследование в целом.

Можно сказать, что, поставив себе задачу системного анализа культуры этноса, мы должны в первую очередь изучить его КЖ. В задачи нашего исследования входит как этнографическое изучение поселений, жилищ и пищи армян, как наиболее существенных ЖС в культуре, так и теоретическое осмысление всего комплекса материалов на уровне высокой абстракции, с целью создания сопоставимых с другими культурами локальных и общих исторических типов КЖ, вырабатываемых в определенных пространственно-временных рамках.

Задача эта предполагает выработку исходных принципов исследования этнической культуры в целом, определение места КЖ среди прочих систем культуры и их взаимоотношений. Наиболее важно уяснить и проследить на практике, как отражаются в КЖ остальные подразделения культуры. Эти подразделения, как уже говорилось выше, в конечном счете, как и всякая культура в целом, в широком смысле также служат целям жизнеобеспечения, ибо только благодаря их механизмам люди могут приспосабливаться к самым различным условиям социальной и природной среды и осуществлять простое и расширенное воспроизводство общественной жизни.

Разумеется, деятельность людей не сводится к элементарной жизнедеятельности. Однако эта жизнедеятельность в своей самой элементарной биологической форме служит неперенным условием любой другой человеческой деятельности. В соответствии с этим, в культуре прежде всего, должен быть заложен механизм производства средств существования и создания с помощью этих средств достаточно комфортных параметров для нормальной человеческой жизнедеятельности.

Производство материальных благ лежит в основе существования любой общности людей, однако сами эти блага в своей пер-

вичной форме еще не обеспечивают воспроизводства жизнедеятельности своих создателей; для этого они должны приобрести специфическую, приспособленную к определенным условиям потребления, форму, т. е. быть переведены из КПП в КЖ. К числу таких форм относится жилище и, шире, поселение как организованный и взаимосвязанный комплекс жилищ, с их необходимыми дополнительными территориальными компонентами, одежда и пища.

Все эти явления культуры входят в принятую в этнографии традиционную типологическую категорию «материальная культура», но не исчерпывают ее и, в то же время, не полностью покрываются ею. В материальную культуру, помимо упомянутых явлений, включаются также орудия производства, средства транспорта и другие материальные блага. Именно поэтому логично выделить из более широкого понятия материальной культуры сферу, включающую вышеперечисленные компоненты материальной культуры—поселение, жилище, одежду и пищу, обозначив их понятием КЖ.

Из самого целевого назначения КЖ ясно, что эта система призвана обеспечить потребление людьми наиболее насущно необходимых для них благ, хотя обычно любой конкретно взятый человек всегда потребляет и ряд таких материальных благ, например, транспорт, связь, которые в КЖ не входят, не говоря уже о благах духовных. Но КЖ как система не исчерпывается потреблением, она включает в себя частично и производство (строительство дома, приготовление пищи, одежды и т. д.) и некоторые функции распределения (распределение жилой площади, порядок приема и раздачи пищи, порядок снабжения одеждой и т. д.).

Грань между первичным производством материальных благ и завершающими этапами их производства на уровне КЖ следует проводить там, где блага начинают принимать форму, окончательно направленную на удовлетворение биологических жизненных потребностей. Так, производство муки еще не входит в КЖ, но выпечка хлеба входит; рубка леса не входит, а заготовка балок для дома входит в КЖ и т. д.

Следует постоянно иметь в виду, что понятие КЖ выражает весьма сложный и многогранный объект, требующий своего расчленения и четкого установления аспектов исследования. Например, явления, входящие в ЖС, могут быть также рассмотрены в качестве отдельных сфер социальной практики, направленных на производство различных предметов потребления и передачу их в потребление путем соответствующего распределения. В таком случае, эти системы в соответствии с предложенной в первом разделе многомерной моделью общества могут быть представлены в виде

объектов экономического исследования и должны будут рассматриваться в особом структурном ряду в соотношении с иными сферами социальной практики, т. е. управленческой, воспитательной, рекреационной и др. КЖ может быть рассмотрена и со многих других точек зрения. Например, такую подсистему КЖ, как пища, можно рассматривать с кулинарной точки зрения, с позиций физиологической биохимии, т. е. с нутриционистских позиций.

Все это правомерные аспекты научного подхода, но они не требуют выделения КЖ в качестве особой подсистемы культуры, выражающей специфические средства непосредственной адаптации к природной среде. Нас же в данном случае КЖ интересует в качестве определенного внебиологически выработанного целостного культурного образования, благодаря которому осуществляется обеспечение людей первично необходимыми средствами поддержания их жизни. В качестве определенной подсистемы культуры КЖ может и должна соотноситься с другими сферами культуры, стоящими в одном структурном ряду с ней, а именно: *со средствами первичного производства (культуры производства), нормативами социальной организации (включая нормы и традиции семейного уклада), художественно-эстетическими воззрениями (включая все виды народного творчества), этическими и идеологическими представлениями (включая религиозные верования) и т. д.*

Выделение таких ранговых однопорядковых систем, и в их общем ряду КЖ, имеет еще и то методологическое обоснование, что, рассматривая отдельно каждую такую систему, следует обязательно учесть, каким образом в ней отразились остальные системы, в какой взаимосвязи они находятся между собой и с уровнем социально-экономического развития общества, в котором они функционируют. Бесспорно, что культура первичного производства выступает здесь определителем общетипологических характеристик системы этнической культуры в целом.

Изучая КЖ, с одной стороны, мы должны проследить, как изменяются ее характеристики вслед за изменением характеристик первичного производства, с другой, — рассматривая КЖ как систему удовлетворения потребностей общественного человека, мы должны постоянно иметь в виду, что эти потребности являются не только физиологическими, но и в огромной мере социально обусловленными, что и накладывает свою специфику на изучение КЖ как определенной целостности. Поэтому, изучая жилище, поселение, одежду и пищу, мы даже порой не столько концентрируем наше внимание на чисто витальных функциях, сколько на том, как в них отразились художественно-эстетические, престижно-знаковые, этические и идеологические установки данного общества, входящие в его соционормативную и гуманитарную культуру.

Все вышеизложенное находит свое объяснение в том, что удовлетворение материальных и духовных потребностей представляет собой интегральный процесс, вычленение компонентов которого производится лишь путем логической изолирующей абстракции.

Культура есть сугубо социальное явление, и условием правильного понимания ее соответствующих элементов должно быть их рассмотрение сквозь призму социального организма. Включенные ритуально-престижного выражения рассматриваемых нами подсистем КЖ в непосредственный предмет нашего исследования как раз призвано подчеркнуть интегральное единство процессов физического обеспечения жизни людей и социальной регуляции их деятельности. Хотелось бы вновь отметить, что подчеркивание этого единства ни в коей мере не умаляет целесообразности выделения доминантных функций интересующих нас элементов, а также учета того обстоятельства, что регулятивные функции данные элементы выполняют не сами по себе, а лишь преломляясь через систему социальных отношений, опосредуясь ими.

Следует, по нашему мнению, ввести понятия материальной и социальной технологии. Соответственно этому подразделению можно сказать, что культура первичного производства и культура жизнеобеспечения входят в одну подсистему материальной технологии культуры, а соционормативная и гуманитарная культура входят в социальную технологию. Тем самым, представляется возможным представить соотношение различных подсистем культуры в виде следующей схемы:

Культура

мат. технология
КПП КЖ

соц. технология
СНК ГК

Данная структурная типология подсистем культуры ни в коей мере не заменяет ее генетической типологии, согласно которой в основе всех подсистем культуры лежит производство материальных благ, т. е. культура первичного производства. Кроме того, следует особо различать два уровня репрезентации данной технологии: *общий*, который рассматривает соответствующие подсистемы культуры, абстрагируясь от конкретных пространственно-временных рамок, и *локальный* уровень, рассматривающий подсистемы культуры в определенном пространственно-временном континууме, причем разведение этих двух уровней следует проводить, сообразуясь с общим полем исследования. Несомненно, что исследование любой части КЖ в данном этнокультурном регионе выявит как некоторые общие моменты в КЖ, присущие всему человечеству в целом, так и определенные их локальные исторические типы, кото-

рые могут проявляться только в данном пространственно-временном континууме, и проявляются через находящийся в нем этнос (подробно об этом в § 1 главы второй).

§ 4. О СОЦИАЛЬНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫХ И СИМВОЛИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ КУЛЬТУРЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭТНОСА

Жизнеобеспечивающие подсистемы культуры (поселение, жилище, одежда, утварь, пища)—не просто комплексы вещей, посредством которых люди удовлетворяют свои насущные жизненные потребности, не просто компоненты непосредственно окружающей человека искусственной вещной среды; это прежде всего и по сути своей определенные комплексы средств осуществления человеческой деятельности, слагающие исторически конкретный образ жизни той или иной этнической общности. Именно деятельность является той живой тканью, вплетаясь в которую вещные средства жизнеобеспечения получают движение—производятся, распределяются, потребляются, сохраняют или изменяют свою физическую форму, спектр физических возможностей, способы индивидуального или коллективного использования и т. п.

Исследование культуры жизнеобеспечения, как и материальной культуры этноса в целом не может быть поэтому сведено к «вещеведческим» (по выражению С. А. Токарева) описаниям—оно должно служить задачам анализа и теоретической реконструкции *способа жизнедеятельности* людей, рассмотренного в единстве его материальных, социальных и духовных характеристик. «...Материальный предмет,—как справедливо замечает С. А. Токарев,—интересует этнографа не сам по себе, а в его отношении к человеку или в отношении человека к этому предмету. Но еще важнее для этнографа другое: отношения между людьми в связи с данным предметом, т. е. говоря шире, социальные отношения, опосредствованные материальными предметами» (Токарев, 1970, 5).

Деятельность по жизнеобеспечению разворачивается в пространстве координат, одной из которых является отношение «общество—природа», другой отношение «общество—индивид». Весь цикл физического освоения людьми природной среды—производство, распределение и потребление материальных благ—совершается в определенных социально-организованных формах. В соответствии с обоснованным выше пониманием культуры как способа человеческой деятельности материальная технология общества является лишь одной из подсистем его универсальной технологии.

Она теснейшим образом сопряжена и взаимосвязана с социальной технологией общества—со способами организации социальных отношений и социально-необходимой регуляции поведения индивидов. Не-вещеведческое, подлинно культурологическое исследование явлений материально-технологического комплекса в этнических культурах должно в полной мере учитывать и выявлять в каждом конкретном случае эту сопряженность и взаимосвязь двух фундаментальных технологий общественной жизни, без чего недостижима главная цель этнографического знания—целостное и объемное воссоздание способа жизнедеятельности (образа жизни) этносоциальных общностей*.

Как уже отмечалось в предыдущих разделах, факт отображенности в материальной культуре социально-технологических параметров жизнедеятельности людей приобретает особо яркое и очевидное выражение при исследовании явлений культуры жизнеобеспечения. Анализ того сегмента материальной культуры, который мы обозначили как культуру первичного производства (технический инвентарь, приемы, навыки и т. п. производственной деятельности, направленной на получение сырья или орудий для производства средств существования), может дать менее конкретное представление о характере и способах организации межчеловеческих отношений в рамках этносоциальных коллективов, нежели анализ жизнеобеспечивающего сегмента той же самой исторически данной культуры. Это особенно верно применительно к изучению прошлых культур, реконструируемых большей частью по их вещным останкам. На самом деле, многое ли о социальных отношениях людей прошлых, удаленных от нас на несколько поколений, времен мы могли бы узнать, если бы единственными доступными нам свидетельствами их образа жизни были некогда используемый ими земледельческий или скотоводческий инвентарь, различные хозяйственные сооружения и т. п.? Во всяком случае, информативность этих свидетельств в интересующем нас плане была бы гораздо меньшей, нежели при анализе дошедших до нас из прошлого фрагментов жизнеобеспечивающей культуры. Последняя более непосредственно, чем культура первичного про-

---

* Использование в данном контексте терминов «способ жизнедеятельности» и «образ жизни» как тождественных не строго и не исключает возможности их смыслового разграничения. Задача эта, однако, требует специального и обстоятельного разбора, тем более трудного, что понятие образа жизни не получило пока в литературе сколь-нибудь однозначного и удовлетворительного определения и его соотношение с другими социологическими категориями продолжает оставаться неясным.

изводства, примыкает к насущным жизненным запросам людей, к их повседневному хозяйственному, семейному и общественному быту. Именно поэтому данный сегмент материальной культуры в несравненно большей степени, чем первый, несет на себе отпечаток различных параметров социального общежития людей, а вместе с тем и большую этническую нагрузку.

Выраженность социальных отношений в структуре компонентов жизнеобеспечивающей культуры этноса и возможности этнографической реконструкции на основании последних имевших место в прошлом форм социальной организации особенно удачно могут быть продемонстрированы на примере изучения народного жилища. «Принципы и степень сегментации жилой площади на отдельные параметры и практика ее освоения,—справедливо отмечают А. И. Робакидзе и Г. Г. Гегечкори,—наиболее непосредственно отражают форму семьи, а отсюда уровень социально-экономического развития общества в целом. Жилая часть комплекса в виде единой, несегментированной площади лимитирует определенную систему расположения на ней членов семьи и гостей во время работы, трапезы и отдыха. Эта система соответствует интересам семейной общины и ее стойко бытующих пережиточных форм. Сегментация жилой площади по отдельным брачным парам внутри семьи говорит о далеко зашедшем распаде семейно-общинных традиций. Деление жилой площади на отдельные комнаты, каждая из которых имеет свою функцию, полностью соответствует интересам отдельной семьи» (Робакидзе, Гегечкори, 1975, 65).

Аналогично этому в структуре поселения, рассмотренной в ее исторической динамике, могут быть явственно прослежены как изменения в характере хозяйственной деятельности поселян (например, переориентация хозяйства со скотоводства на птицеводство, с зерноводства на овощеводство или садоводство и т. п.), так и изменения в их семейно-родственных и имущественных отношениях (например, переход от общесельской общинной собственности и патронимической семьи к частной собственности и индивидуальной семье и т. п.), а также в доминирующих способах удовлетворения духовных запросов (например, смещение культурного центра поселения от церкви к клубу и т. п.).

Социально-технологический комплекс культуры в целом включает в себя двоякого рода средства обеспечения того или иного (исторически и этнически определенного) способа внутренней организации общественной жизни. Первую группу этих средств составляет набор социальных институтов, оформляющих наиболее общие виды социальных отношений, образующие структурный «костов» общественной системы (институты разделения труда, соб-

ственности, родства, брака, общественного управления и т. п.). В силу длительности исторического формирования и большой инертности этих институтов они предстают перед каждым новым поколением людей в качестве сложившихся устоев их социального мира, в качестве объективно заданных форм и границ их жизнедеятельности. Регулятивное воздействие социальных институтов и действующих в пределах каждой из них нормативных систем направлено, тем самым, непосредственно не на упорядочение индивидуальных деятельностей, а на организацию внешних социальных форм их осуществления. И лишь опосредованно через организацию этих форм социальные институты регулируют и саму деятельность индивидов. Использованное в предыдущих разделах понятие «соционормативная культура» как раз и призвано интегрированно выразить указанные институциональные средства социальной технологии общества.

Будучи адресованы не индивидам как таковым, а социальным группам и имея центральной задачей организацию внутрисупп-овых взаимосвязей, институциональные механизмы культуры ограничены в своих регулятивных возможностях сферой внешних условий и внешних, поведенческих проявлений человеческой деятельности, непосредственно не затрагивая область ее мотиваций. Именно в этом пункте институциональные средства технологии существенно отличаются от другой группы средств, которую можно условно обозначить как гуманитарные средства. Последние направлены именно на формирование определенных социально-целесообразных мотиваций деятельности людей и, следовательно, непосредственным объектом своего регулятивного воздействия имеют сферу человеческого сознания. Речь идет о комплексе разнообразных нормативно-ценностных и мировоззренческих идей и представлений этического, религиозного, этикетного, эстетического и пр. порядка. Речь идет также о комплексе механизмов, образующих характерные для той или иной этнокультурной общности способы (технологию) внедрения указанных духовных образований из фонда коллективного сознания в фонд сознания индивидов (технология научения, воспитания, просвещения, социального контроля, социализации и т. п.).

Именно эта разновидность социально-технологического комплекса культуры, которую, в отличие от институциональной технологии, можно назвать *гуманитарной технологией* общественной жизни, порождает феномен человеческой личности как относительно автономной единицы (субъекта) социальной деятельности, обладающей более или менее широкими возможностями к самодетерминации своего поведения в пределах его социальной целесо-

образности*. Эффект организации коллективной жизни достигается здесь, таким образом, регулированием не внешних (объективированных в институциональной структуре общества), а внутренних—идеологических и психологических предпосылок человеческой деятельности.

Феномен социальной организации порождается благодаря постоянному взаимодействию указанных институциональных и гуманитарных средств социальной технологии. Функционирование социальных институтов в такой же мере немислимо без интeриоризации индивидами коллективного социального опыта, претворяющегося в их знаниях, убеждениях, верованиях, навыках и т. п., в какой внедрение этого опыта в сознание индивидов немислимо без определенных институционализированных форм их социализации, без реального практического включения индивидов в структуру социальных институтов.

Выделение в рамках социально-технологического комплекса культуры указанных двух групп средств и механизмов организации общественной жизни и акцентирование их динамического единства весьма значимо в методологическом плане, в особенности в области изучения культурных явлений мировоззренческого порядка. Применительно к этим задачам из приведенных выше рассуждений можно сделать по крайней мере один существенно важный вывод: любое духовное образование, любой факт коллективного сознания, сколь угодно отвлеченным по содержанию и сколь угодно «непрактичным» в социальном отношении он на первый взгляд ни казался, в действительности представляет собой компонент социальной технологии общества и, следовательно, так или иначе участвует в поддержании и воспроизводстве структуры данного общественного организма. Именно признание этой «технологичности» духовных явлений в системе культуры в целом обязывает и в исследовании одной из ее сфер—культуры жизнеобеспечения—уделить специальное внимание анализу духовных, мировоззренческих средств, сопутствующих и способствующих ее функционированию.

Созидая и используя искусственную вещную среду, обеспечивающую удовлетворение его базовых жизненных запросов, человек в этой своей деятельности стимулируется не одними лишь витальными потребностями и руководствуется далеко не только соображениями чисто утилитарного порядка. Конструируя эту среду и стремясь максимально приспособить ее к себе, человек

---

* Ср.: «В социологии личность может быть рассмотрена как своеобразная «микросистема», обладающая определенной автономией в границах действия законов, управляющих общественным целым». (Буева, 1970, 161).

выносит, в нее, объективирует в ее вещественных формах и в способах своего собственного поведения в ней практически весь набор своих биологических, социальных и интеллектуальных характеристик, в том числе комплекс социально унаследованных, закрепленных в механизме этнокультурной традиции идей, представлений, стандартов поведения, нормативных критериев, предпочтений и т. п. Изучение того, каким образом эти духовные образования участвуют в детерминации конкретных, этнически определенных способов жизнеобеспечивающей деятельности и каковы выполняемые ими при этом социальные функции, представляет собой одно из важных условий целостного теоретического освещения культуры жизнеобеспечения этноса в единстве ее материально- и социально-технологической сторон.

Подчеркивая социально-организационную роль духовных явлений, участвующих в жизнеобеспечивающей деятельности человека, С. А. Токарев справедливо указывает: «Всевозможные обычаи, связанные с пищей и способами ее приготовления и потребления, верования, обряды, касающиеся пищи, отражение ее в фольклоре—все это порождено не самими материальными свойствами пищевых веществ, а их символическим значением как формы общения людей, либо как формы их разобщения». (Токарев, 1970, 7). Именно на анализе этого специфического класса духовных средств и механизмов жизнеобеспечивающей культуры—на символических средствах—мы и остановимся, учитывая тот значительный удельный вес, который занимает соответствующий этнографический материал по традиционно-бытовой культуре самых различных народов мира, в особенности в доиндустриальный период их развития, а также учитывая интересы настоящего исследования, посвященного культуре армянского села, которая как и сельская культура любого другого этноса является средоточием его этнической специфики—традиционных черт его жизненного уклада, мировоззрения и психологии.

Не довольствуясь уровнем интуитивного понимания терминов «символ», «символический», попытаемся дать их по возможности строгую интерпретацию и указать круг тех явлений в жизнеобеспечивающей культуре, которые ими охватываются. Следует иметь при этом в виду, что применительно к задачам исследования данного круга явлений, нас не может удовлетворить принятая в западной культурологии (Э. Кассирер, Л. Уайт и др.) неопределенно широкая трактовка указанных терминов. Последняя сводится к подведению под понятие «символического» всех проявлений разумной, понятийно- и знаково-опосредованной деятельности человека. Между тем, подобное отождествление символического поведения с человеческим поведением вообще вряд ли можно

считать плодотворным. Исследование ритуально-престижных аспектов функционирования этнических культур требует, во всяком случае, иного более специфицированного понимания этих терминов.

Специфика собственно символа как знака состоит прежде всего в особенностях семиотической структуры или, говоря иначе, отношений между элементами в системе «знак—объект—значение». В отличие от всех прочих знаковых образований символический знак (а в качестве такового могут выступать самого разного рода реалии—вещь, жест, телодвижение, поза, действие, словесный или музыкальный текст, число, цветовая гамма и т. д.) наряду с функцией обозначения объекта, выполняет также функцию его замещения. В силу такого семантического замещения оперирование символами, их манифестация, обращение к ним и т. п., или собственно символическое поведение, мыслится и строится субъектом таким образом, как если бы он имел дело с самим объектом и стремился бы реально воздействовать на него или использовать его в своих целях³.

Наиболее ярко указанный признак собственно символического поведения проявляется в магической практике, элементы которой, как известно, в прямом или переосмысленном виде широко представлены в самых различных формах как религиозной, так и светской обрядности. В качестве примера «замещающей» функции символа можно привести бытовавшую у ряда народов Закавказья, в частности у армян, магическую процедуру охранения скота от нападения волков. С этой целью перевязывали ниткой закрытый

---

³ Предлагаемое здесь понимание символа как замещающего знака не универсально. Оно выработано (Сарингулян, 1980) прежде всего применительно к задачам исследования фактов поведенческого символизма, традиционно входящих в предметную область этнографического знания (ритуальные формы поведения). Что касается абстрактных классификаций знаков, ориентирующихся главным образом на материал лингвистического порядка (естественный язык и «вторичные» языки культуры), понятию «символа» приписывается в них, как правило, совершенно иное значение. Так, в широко известной классификации знаков Ч. Пирса, где знаки разделяются на индексы, символы и иконические знаки, признак замещения объекта приписывается не символам, а иконическим знакам, тогда как связь символического знака с объектом считается сугубо конвенциональной и не-мотивированной. Между тем, то, что Ч. Пирс говорит об иконическом знаке, целиком может быть отнесено к собственно символу в нашем его понимании: «чистый иконический знак не проводит никакого различия между собой и своим объектом», «иконические знаки до такой степени замещают свои объекты, что едва могут быть отличены от них» (цит. по: Мельвилл, 1968, 185).

складной нож или сомкнутые ножницы и произносили заклинание типа: «Закрываю пасть волка», «Схватил, задержал, волку пасть завязал» и т. п. (Ямпольский, 1971). Как видим, сложенный нож или ножницы выступают здесь своего рода «заместителями» волчьей пасти, а действия с ними семантически переносятся на замещаемый объект.

Двойственность символического знака, сочетающего в себе функции обозначения и замещения объекта, тесно связана с двойственностью и третьего, главного компонента семиотической структуры символа—«значения», совмещающего в себе *прямое* (перевязывание ниткой ножниц, чтобы их невозможно было раскрыть) и *переносное*, или *собственно символическое* (охрана скота от нападения волков) значения.

Было бы ошибочным на основании приведенного выше и аналогичных ему примеров полагать, что отмеченные признаки символического поведения характеризуют лишь акции, мотивированные суевериями или религиозными представлениями. Эти признаки имеют не частный, а универсальный характер и приложимы ко всем символическим акциям как таковым безотносительно к характеру их идеологического обеспечения.

Примечательно то обстоятельство, что объект, символизируемый в соответствующих ритуальных акциях, далеко не всегда и не обязательно представляет собой какую-либо вещь, существо или иного рода чувственно осязаемое явление (подобно «волчьей пасти» в нашем примере). Напротив, гораздо чаще в качестве такого объекта выступают абстрактные понятия, не имеющие прямых чувственных коррелятов и выражающие собой те или иные отвлеченные признаки окружающих людей явлений природного и социального мира. Эти признаки типа «свойство», «отношение», «действие», «состояние» и т. п., естественно, не имеют какой-либо самостоятельной субстратной, вещественной основы. Несмотря на этот отвлеченно-понятийный характер многих символизируемых в ритуальных акциях объектов, символическое (ритуальное) поведение тем не менее обладает средствами обеспечения зримости, осязаемости, наглядной образности этих объектов, равно как и их значений.

Этот «эффект зримости» достигается благодаря тому, что те или иные физические реалии (материальные предметы, действия, жесты и пр.), которые выступают как «символические заместители» объекта, подбираются не произвольно. Набор этот осуществляется в соответствии с определенными принципами, а именно принципами их *метафорического подобия* или *метонимического отождествления* с некоторыми (существенными в данном ритуально-поведенческом контексте) признаками объекта. В основе такого мета-

форического уподобления символического знака объекту или метонимического отождествления объекта с ним лежат две другие интеллектуальные процедуры (процедуры смыслообразования)— *персонификация и реификация (овеществление)* символизируемого объекта. В результате этих процедур объект, а также его значение, если это некое абстрактное отношение, состояние, свойство и т. п., приобретает предметный характер, представляется в умах субъектов символического поведения в образе некоторого персонажа или вещи и в качестве такового воспроизводится в физических реалиях знаков-символов (Сарингулян, 1978, 72—75).

Убедиться в существовании указанных процедур, определяющих семантику символического поведения, мы можем на самых различных примерах. Однако коэффициент «отдачи» такого рода иллюстраций будет, на наш взгляд, выше, если прежде мы попробуем выявить специфические черты культурного символизма и в экстернорном плане, т. е. в плане прагматики символического поведения—тех присущих последнему специфических функций и способов их реализации, благодаря которым этот тип поведения выделяется из общего массива деятельности, в частности жизнеобеспечивающей деятельности людей.

* Главным отличительным признаком символического поведения и, шире, символических средств деятельности выступает в этом отношении их свойство, которое условно можно назвать *неинструментальностью*. Термин этот призван отразить отсутствие у них непосредственной (утилитарной) целесообразности, их неадекватность реальным условиям решения тех задач, во имя которых символические акции предпринимаются. Иначе этот признак может быть выражен как расхождение между «объективным смыслом» символических акций, т. е. реально выполняемыми ими социально-организационными функциями, и смыслом, вкладываемым в них субъектом⁴.» (В семантическом плане эквивалентом такого расхождения служит указанное выше расхождение между прямым и переносным значениями символа).⁴

Инструментальные средства напрямую соединяют исходную для деятельности потребность (задачу) с объектом ее удовлетворения (решения). Выбор того или иного инструментального средства определяется внесубъективными факторами: а) характером потребности или задачи; б) условиями, которых требует ее реализация; в) наличным набором средств и возможностей ее решения.

---

⁴ Ср.: «Обряд, ритуал, церемония, церемониал—совокупность условных, традиционных действий, лишенных непосредственной практической целесообразности, но служащих символом определенных социальных отношений, формой их наглядного выражения и закрепления». (Чистов, 1974, 679).

Именно поэтому инструментальное поведение вполне объяснимо извне, с позиции стороннего наблюдателя, без учета его внутренних психологических оснований. Подавляющая часть поведенческого массива жизнеобеспечения имеет инструментальный характер, прямо и недвусмысленно связана с реализацией объективных материальных и социальных условий физического бытия людей.

Что касается символических средств жизнеобеспечивающей деятельности, то они никогда не доводят и не в состоянии довести процесс реализации соответствующей задачи дальше подготовки определенных индивидуально- или социально-психологических предпосылок ее действительного, физического осуществления. Между тем, в сознании самого субъекта символического поведения предпринимаемые им акции зачастую (в той мере, в какой они сохраняют свою магико-анимистическую первооснову) воспринимаются как результативные, разрешающие ту или иную задачу так же эффективно, как это делают соответствующие инструментальные действия, строящиеся на базе рационального опыта.

Чем уже рамки этого опыта, чем ограниченнее возможности человека в познании причин различных грозящих ему бедствий и в практическом противодействии им, тем ярче выступает тенденция компенсировать недостатки этой инструментальной технологии воздействия на окружающий мир технологией символической, направленной на духовный мир человека, а через него и на социум в целом. Именно функцию компенсации стрессовых факторов, разрушительных и в плане психологического дискомфорта индивидов, и в плане психологической сплоченности социального коллектива, были призваны выполнять многие сопутствующие жизнеобеспечивающей практике человека символические акции. И именно в этом, при полной «бессмысленности» и нецелесообразности в утилитарном отношении этих акций, и состояла их конечная целесообразность. Данное обстоятельство необходимо учитывать при рассмотрении любых фактов культурного символизма, если мы не хотим оказаться здесь в следующей давно дискредитировавшей себя позиции: «Так как многие обряды не достигали, да и не могли достичь непосредственно поставленных перед ними целей, то им, как правило, отказывали в целесообразности, объясняя их существование силой традиции или невежеством, что полностью устрояло анализ данного типа поведения в жизни общественной группы» («Психологические проблемы...», 1976, 230):

Следует отметить, что многие, основанные на самых темных суевериях обрядовые действия, символические запреты и предписания и т. п. имеют свое функциональное «оправдание» не только с точки зрения некоторых производимых ими позитивных для социально-групповой жизни последствий. Необходимо иметь в виду

и их роль в обеспечении психологической уверенности индивида в достижимости ставящихся им целей, когда имеющиеся у него реальные практические возможности не дают для этого достаточных оснований. В этих условиях предпринимаемые индивидом символические акции служат своеобразными стимуляторами его активности, мобилизуют его на выполнение поставленной задачи, либо же, если реализация задачи ограничивается одними иллюзорными средствами, позволяют ему легче пережить неудачи и утраты (утешение типа «что поделаешь, я сделал все, что мог»).

Подобное психологическое воздействие символических акций (независимо от истинности их идейных посылок) имеет под собой определенную нейрофизиологическую основу. С. Н. Давиденков в этой связи писал: «В самом деле, что делает с точки зрения динамики корковых процессов тот самый спешащий домой австралиец, который обламывает ветку дерева, чтобы остановить солнце? Он находится в состоянии тревоги, вследствие застойной и аффективно окрашенной работы определенных кортикальных комплексов, эта тревога его мучает и ему мешает; гипертрофируясь, она начинает *приобретать черты* obsessions, и тогда человек создает в коре мозга новый пункт концентрации раздражительного процесса (все равно какой, лишь бы он был условно и иногда чисто случайно связан с основным переработанным пунктом и сам обладал достаточной эффективной окраской, чтобы сделаться для первого пункта источником внешнего торможения) и использует отрицательную индукцию из этого второго очага, чтобы успокоить остальную кору мозга. Тем самым он уничтожает чувство мешающей ему тревоги, и стало быть лучше может руководить своими действиями и, конечно, получает больше шансов попасть домой до захода солнца» (Давиденков, 1947, 138; см. также Кастро, 1956, 194—201).

У Функция психологической компенсации стрессовых факторов явственно прослеживается, в частности, в символических акциях, имеющих целью охрану жизни и здоровья людей. При этом особый интерес для нас представляют в данном случае те акции, которые операционально и семантически связаны с жилищем и преследуют цель предотвратить обиталище семьи от проникновения в него болезней и смерти. Интересная в этом отношении бытующая по сей день деталь похоронного обряда была зафиксирована нами в поселке Мегри Армянской ССР. До выноса покойника рядом с гробом кладут камень, который затем, после похорон и возвращения участников похоронной процессии с кладбища, выбрасывается из дому. Нетрудно догадаться, что камень здесь символизирует смерть, а его выбрасывание должно предотвратить повторное посещение смертью данной семьи.

, В этом примере с достаточной ясностью обнаруживаются и некоторые из тех общих для символического поведения процедур смыслообразования, о которых говорилось выше. На самом деле, зададимся вопросом, почему именно камень выбран здесь в качестве символического заместителя смерти? Существует ли мотивированная связь между ними и, если да, то какая именно? Обращение к широко распространенным как в художественной, так и в повседневной речи метафорам типа «каменная тишина—мертвая тишина», «каменное молчание—мертвое безмолвие», «окаменеть от страха или от удивления», «каменная невозмутимость» и т. п. позволяют с уверенностью утверждать, что связь «камень—смерть» и в данном случае семантически мотивирована и носит характер метафорического подобия⁵. Это подобие устанавливается в силу выделения ряда идентичных для камня и для наступившего смертью человека признаков, таких, как «неодушевленность», «бездыханность», «безгласность», «безучастность» (ср. «каменное сердце»—сердце, неспособное к состраданию), «неподвижность» и т. п. Далее, сама процедура символического изгнания смерти из дома имплицитно подразумевает, что смерть как определенное конечное и фатальное состояние живого организма мыслится здесь в виде некоего предмета (вещи или персонажа), который может войти в дом или выйти из него либо сам по себе (вспомним фольклорную персонификацию смерти в виде старухи с козой), либо с чужой помощью.

Чем выше уровень тревожности людей в связи с теми или иными угрожающими их жизни и благополучию факторами, и чем в меньшей степени или с меньшей надежностью они могут реально противодействовать этим угрозам, тем большее место в общем поведенческом массиве жизнеобеспечения занимают символические акции, создающие иллюзию такого противодействия. Известно, например, каким «бичом божьим» в дореволюционной Армении была детская смертность. Около половины новорожденных не доживали до зрелости, а большая часть из них погибала в первые годы, а точнее—в первые месяцы жизни. Вот почему во всех обследованных нами регионах Армянской ССР было зафиксировано наличие довольно обширного комплекса сходных (в прошлом неукоснительно соблюдавшихся, а в настоящее время бытующих частично) суеверных запретов, предписаний и процедур, имеющих целью уберечь новорожденного от болезни и смерти. Эти запреты и предписания в основном регламентировали способы обращения

⁵ Приведенные метафорические выражения почти идентичны в речевом обиходе армянского и русского народов. Ср. «բար լուսթյուն—մեռյալ անդրրը», «վարից կամ գարմանքից բարանալ», «բարսիրտ», «մեռած հայացք», «գինքի մեռած արտահայտութիւն», «գինքը բարացալ» и т. д.

ял в том, чтобы искупать ребенка, положив в таз для купания какой-либо предмет из одежды отца.

Функцию нейтрализации стрессовых факторов, погашения в психике индивидов чувства неуверенности и страха выполнял и ряд других, сопутствующих жизнеобеспечивающей деятельности армянского крестьянства в прошлом и в пережиточной форме отчасти доживших до наших дней, символических акций. В их числе — использование различного рода талисманов-оберегов, как носимых на теле, так и навешиваемых на домашних животных или прикрепляемых в тех или иных частях жилища или усадебной ограды; закладывание металлических денег в фундамент строящегося дома; закапывание *под порог* (!) дома бумаг с написанными на них заклинаниями против дурного глаза и нечистой силы; жертвоприношения у церкви или иных святынь по поводу испрашиваемых или якобы уже полученных милостей и т. д. и т. п.

Своеобразное противодействие деструктивным факторам, угрожающим физическому и психическому благополучию людей, является существенно важной, но отнюдь не единственной функцией символической технологии жизнеобеспечения. Многие элементы этой технологии не просто антидеструктивны по своей функциональной направленности, но и несут в себе конструктивное организующее начало, выступают в качестве средств знаковой организации окружающей человека вещной среды и его собственных действий по ее созиданию и использованию. Благодаря функционированию этих средств окружающие человека предметы и явления приобретают некоторые дополнительные к их физическим и утилитарным свойствам характеристики, наделяются символическими значениями, коррелятивными системе социальных отношений и мировоззренческих представлений членов данной человеческой общности. Соответственно такого рода символизации элементов вещного окружения, действия людей в связи с ними также в определенной мере строятся, исходя из учета не только физических и утилитарных, но и символических (в частности, престижных, сакральных и т. п.) характеристик этих элементов. Символическая маркированность последних утверждается и выражается прежде всего в различных формах обрядового и этикетного поведения, базирующегося на разветвленной сети нормативных предписаний и запретов.

Важно подчеркнуть, что знаковая организация вещной среды обитания является не самоцелью, а своеобразным способом закрепления той или иной наличной в данной общности людей системы социальных статусов и, тем самым, способом практической и психологической консолидации членов этой общности. В этом и состоит конструктивная социально-организационная роль символической технологии жизнеобеспечения.

ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ
ВАРИАНТОВ КУЛЬТУРЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭТНОСА§ 1. О ПРИНЦИПАХ ИССЛЕДОВАНИЯ
РЕГИОНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ КУЛЬТУРЫ

Любой регион представляет собой пространственно-временной комплекс с особой, неповторимой конфигурацией черт. Это обстоятельство послужило основанием для возникновения идеи об абсолютной уникальности региона. Данная идея не выдерживает научной критики, ибо нетрудно показать, что каждому региону наряду с неповторимыми чертами присущи и общие с другими регионами черты. Тем не менее именно неповторимое сочетание признаков делает регион регионом и выделяет его в общем ряду эквивалентных ему объектов. Поэтому, отвергая отмеченную идею абсолютной уникальности региона, необходимо иметь в виду принципиальную важность решения проблемы, связанной с выработкой соответствующих познавательных средств системной индивидуализации региона, в интересующем нас случае—системной индивидуализации региональных комплексов культуры. Между тем, данная проблема и вообще проблема индивидуализации культур с полным основанием может быть отнесена к числу методологически наименее разработанных в историческом знании.

Правда, проблеме индивидуализации культуры весьма значительное место было уделено в работах представителей баденской школы неокантианства, и прежде всего Г. Риккерта. Но Риккерт, противопоставляя индивидуализирующий, исторический (идиографический) метод генерализующему, естественнонаучному (нотетическому) методу, искаженно, односторонне выразил рассматриваемую проблему и по сути дела завел ее решение в тупик. И в этом тупиковом направлении практически во многом продолжается обсуждение проблемы индивидуализации культуры в западной литературе вплоть до настоящего времени.

Касаясь вопроса об исходных принципах исследования конкретно заданных комплексов культуры, известный американский культурантрополог Ф. Леман писал о показательности того, что никто до сих пор не дал удовлетворительного ответа по этому вопросу (Lehman, 1964, 380). Насколько нам известно, с тех пор ситуация в культурной антропологии в этом отношении не изменилась сколь-нибудь значительно. Основные же трудности исследования конкретно заданных комплексов культуры с методологи-

ческой точки зрения упираются прежде всего в отсутствие научно обоснованных системных принципов индивидуализации данных комплексов.

Проблема индивидуализации региональных комплексов культуры в связи с их районированием занимает значительное место в современной географии. Но и тут исходные методологические проблемы, связанные с разработкой научно обоснованных принципов системной индивидуализации культуры, пока практически не выдвинуты для обсуждения, хотя в этой области знания и получены интересные частные выводы и разрабатываются различные методики районирования (Хаггет, 1979, 279—366). В качестве же выхода из тупиковой ситуации, создавшейся в результате использования идиографического принципа, некоторые авторы предлагают даже вообще отказаться от концепции уникальности географических объектов (Харвей, 1974, 17, 69).

Задача системной индивидуализации региональных комплексов культуры, на наш взгляд, предполагает решение прежде всего трех неразрывно связанных между собой вопросов: 1. установление специфического способа обобщения характерного для процесса исследования индивидуального своеобразия исторически выработанных региональных комплексов культуры; 2. интеграция, в соответствии с этим, на базе единого общего принципа, различных конкретных понятий, порождаемых практикой изучения данного своеобразия; 3. выработка общей концептуальной схемы, способной пропорционально, достаточно строго и четко выразить системное сочетание локального видового своеобразия культур с присущими им общими видовыми свойствами. Как будет показано ниже, решение этих вопросов имеет непосредственное значение для этнокультурологических региональных исследований, предпринятых в настоящей книге.

Г. Риккерт не учитывал того, что, помимо «идиографической индивидуализации» объектов исторического исследования, связанной с описанием и повествованием однократных событий, фактов, критерием отбора которых выступает отнесение к соответствующим ценностям, имеет место особый ее вид, базирующийся на обобщении этих объектов в присущих им регионально заданных пространственно-временных координатах. Этот вид обобщения исторических и географических исследований был назван «генерализирующей индивидуализацией» (Маркарян, 1978а, 12; Markarian, 1979, 100). Особое значение этот вид индивидуализации приобретает при историческом и географическом исследовании такого глубоко повторяющегося по своей природе феномена, каким является культура.

Генерализирующая индивидуализация вступает в силу в тех случаях, когда ставится задача исследования не отдельных продуктов культуры, а ее общих массивов, скажем, при изучении неповторимых черт культуры того или иного народа. В этих случаях исследователь в целях индивидуализации объектов естественным образом вынужден идти по пути *генерализации* многообразных идентичных проявлений культуры, рассматривать их сквозь призму соответствующих стереотипов, характерных для той или иной этнокультурной традиции. Таков, в частности, метод этнографического исследования культур (Бромлей, 1973, 249—250).

Хотя в реальной познавательной практике исторических, а также географических наук та исследовательская процедура, которая была названа «генерализирующей индивидуализацией», весьма широко используется, она до сих пор не получила своего самостоятельного логико-методологического статуса. Это можно объяснить целым рядом причин, и прежде всего тем, что взятая абстрактно-логически «генерализирующая индивидуализация» ничем в принципе не отличается от других видов генерализации и также обязательным образом предполагает абстрагирование от индивидуальных признаков изучаемых объектов. Например, если в качестве объекта «генерализирующей индивидуализации» берется та или иная этническая культура, то она способна выполнить свои познавательные функции лишь в том случае, если, с одной стороны, будут выделены типичные для данной этнической культуры признаки, а с другой—оставлены вне поля зрения все те признаки, которые отклоняются от того, что в данном случае признано этнокультурной нормой.

Специфика «генерализирующей индивидуализации» как качественно особого научного способа обобщения объектов может быть установлена не абстрактно-логически, а лишь взятая в многомерном контексте реальных познавательных ситуаций, диктующих необходимость разделения функций между различными видами генерализирующей деятельности мысли. В частности, лишь в реальных познавательных ситуациях, возникающих при исследовании истории человечества, процедура выделения типичного для этнической культуры наделяется индивидуализирующей функцией и может быть достаточно четко отграничена от тех видов обобщения, которые направлены на вскрытие родовых свойства этносоциальных организмов.

Важно при этом напомнить, что *понятия «рода» и «вида» объектов являются относительными и зависят от общего задаваемого поля исследования.* Обычно общим полем исследования истории культуры выступает история культуры человечества в целом. Именно характерные для нее общие признаки считаются

«родовыми», и в соответствии с этой точкой отсчета производится отбор «видовых» признаков культурно-исторического процесса, которые можно подразделять на *общевидовые* и *локально-видовые признаки*.

Однако, если мы ограничим это общее поле исследования истории культуры определенной этнической культурой (выступающей по отношению к истории культуры человечества одним из ее локальных вариантов), то тем самым мы изменим точку отсчета, в соответствии с которой отбираются родовые и видовые (в данном случае локально-видовые) признаки культурно-исторического процесса. Объектом генерализации родовых свойств в данном случае выступают инвариантные черты общего массива исследуемой этнокультурной традиции, а функция генерализирующей индивидуализации будет состоять в обобщении локальных вариантов этой традиции.

Если в этой связи обратиться к непосредственным объектам исследования настоящей книги, то в соответствии со ставящимися познавательными задачами в качестве общего задаваемого поля исследования можно будет принять динамику культуры жизнеобеспечения армянского села XIX—XX вв. Именно характерные для нее общие черты в данном случае выступают родовыми признаками объектов; специфические же черты, характерные для систем жизнеобеспечения армянской сельской культуры Сюникского, Ширакского и Айраратского регионов, станут объектом генерализирующей индивидуализации, направленной на вскрытие локально-видовых признаков.

Аналогичным образом изменится соотношение родовых и локально-видовых признаков, если в качестве общего поля исследования будут взяты массивы традиций отмеченных регионов. Именно характерные для них общие черты выступят в виде родовых признаков объектов, специфические же черты сельских вариантов культуры жизнеобеспечения выступят в данном случае в качестве локально-видовых признаков.

Итак, мы установили специфический способ обобщения индивидуального своеобразия исторически данных систем культуры, который был назван «генерализирующей индивидуализацией». Кристаллизация процессов генерализирующей индивидуализации, как и любого обобщения, происходит в соответствующих понятиях. Основной формой обобщения индивидуальных признаков культуры должны явиться ее локальные исторические типы.

В этой связи следует обратить внимание читателя на то обстоятельство, что для советской литературы характерна весьма устойчивая тенденция закрепления за понятием «исторический тип» лишь функций выражения общих закономерностей стадияль-

ного развития изучаемых систем (Кабо, 1972; Каган, 1976). Хотя за последнее время некоторыми исследователями стала осознаваться необходимость выделения особого уровня абстракции, призванного выразить специфику локальных общностей культуры, но этому уровню все еще не придается статуса типологических понятий (Файнбург, 1976, Ханова, 1978). Даже в материалах симпозиума, специально посвященного многостороннему междисциплинарному обсуждению проблемы процессов типологизации явлений культуры, локальный аспект этих процессов практически не нашел своего отражения (Типы в культуре, 1979).

Что касается зарубежной литературы, то там при рассмотрении проблем культурно-исторической типологии наблюдается весьма значительная дезинтеграция исследовательских усилий. Характерными примерами в данном случае могут служить позиции таких известных американских культур-антропологов XX в., как А. Кребер и Дж. Стюард. Так, если первый из них считал возможным использовать понятие «тип» для выражения ареальных общностей культуры (Кгоебер, 1952 а), то второй разводил понятия «тип культуры» и «ареал культуры» (Steward, 1955).

Подобная ситуация неизбежно приводила к тому, что исследование обще-видовых и локально-видовых признаков исторических систем культуры и их региональных комплексов отрывалось друг от друга и шло по разным руслам. Причем сфера исследования локально-видовых особенностей этих систем во многом практически лишалась использования сравнительно-типологического метода, поскольку считалось, что задача этого метода состоит лишь в вскрытии и обобщении обще-видовых черт изучаемых объектов. Несомненно, практика исследования систем культуры вынуждала в той или иной форме прилагать эти методы и к изучению локально-видовых черт региональных комплексов культуры. Однако отсутствие интегративных принципов, способных связать типологическое обобщение данных черт с обобщениями обще-видовых черт приводило к тому, что это изучение осуществлялось в узкой перспективе и на эмпирически-интуитивном уровне.

В силу сказанного, одна из важнейших задач современного исторического и географического исследования культуры должна состоять в синтезе двух отмеченных видов типологизации систем культуры, которые обычно отрываются друг от друга и даже взаимно противопоставляются. Этот синтез предполагает создание единой, унифицированной концептуальной схемы, способной типологически органично выразить как обще-видовые, инвариантные черты этих систем, так и их локально-видовые, индивидуальные особенности. Исходя из учета этих требований, было предложено выделить в рамках единой понятийной схемы «общие» и «локаль-

ные» исторические типы культур (Маркарян, 1969, 113—114). Общие и локальные исторические типы культур призваны выразить два одинаково необходимых и взаимопредполагающих вида типологизации культурно-исторического процесса, дающие возможность пропорционально сочетать присущие ему качественно различные группы признаков.

В этой связи специально остановимся прежде всего на проблеме объемной характеристики термина «локальный». В отличие от обычной ограничительной трактовки термина «локальный», призванной зафиксировать «местные» варианты исследуемых явлений, нами данный термин используется для обозначения индивидуальной специфики любой системы культуры (этнической, субэтнической, суперэтнической и т. д.), рассмотренной в определенном пространственно-временном континууме безотносительно к ее масштабу и количеству выделяемых признаков. Представляется в этой связи целесообразным и термин «регион» («район») использовать в подобном объемно и содержательно варьируемом значении при выделении локальных общностей культуры. Подобное использование данного термина, находясь во многом в соответствии с практикой географического конструирования единицы регионального анализа (см., например, Уиттлси, 1957) не нашло еще своего достаточного обоснования в культуроведении.

Само собой разумеется, региональный комплекс культуры не сводится к присущей ему локальности. Однако, как уже отмечалось выше, именно локальность региона в своеобразном сочетании с присущими ему общими и универсальными характеристиками делает его таковым и выделяет в ряду иных однопорядковых пространственно-временных комплексов, обладающих тем или иным объективным единством связей элементов.

Обсуждая объем и содержание понятия «локальный», следует иметь в виду, что порой оно используется для фиксации и выделяемых исторических систем культуры, когда, например, говорится о соответствующих локальных культурах, цивилизациях (Маркарян, 1973, 134). Это расширительное значение не следует смешивать с рассматриваемым в данном случае значением понятия «локальный исторический тип культуры», которое специально призвано выразить именно индивидуальное своеобразие культурно-исторических систем.

Отмеченная разномасштабная трактовка понятия «локальный» имеет принципиальное значение и приводит к важным методологическим следствиям. Самым главным среди последних является то, что эта трактовка указывает на качественно особую проекцию исследования культуры, она соответствует именно тому аспекту изучения развития, который М. Салинсом был назван

«специфической эволюцией» культуры. Подобная интерпретация локальности создает теоретические основания для выработки на базе единого принципа общего междисциплинарного понятия, способного интегрировать под определенным углом зрения имеющиеся конкретные понятия, специально направленные на выражение индивидуальной специфики культур, например, понятия «регион культуры», «ареал культуры», «историко-этнографическая область» и др.

Масштаб конкретных исторических общностей культуры, которые способно выразить понятие «локальный исторический тип культуры» под углом зрения их индивидуальной специфики, как мы уже знаем, может быть самым различным. Он может соответствовать непосредственно интересующим нас в данном исследовании субэтническим региональным комплексам культуры как Сюник, Ширак, Айрарат, так и значительно более обширным культурно-историческим образованиям, выражающим уровни этнических регионов Армении, Италии, Мексики, наднациональные региональные комплексы Закавказья, Прибалтики, Средней Азии или же Западной Европы, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии.

Аналогичное можно сказать и о понятии общего исторического типа культуры. Данное понятие в силу того уровня абстракции, на котором оно строится, способно интегрировать исторические типы, формируемые путем отвлечения от локальных, конкретно данных пространственно-временных условий. Оно призвано выразить некоторые инвариантные характеристики всего класса исследуемых систем культуры. В одном случае эти инвариантные характеристики могут выражать те существенные трансформации общей системы культуры, которые происходят под воздействием изменений в способах материального производства. При данном ракурсе рассмотрения мы получаем *формационные типы культур*, базирующиеся на более общем по своей природе понятии общественно-экономической формации. В нашем исследовании типологические понятия этого рода как раз и дают возможность выразить общую динамику культуры жизнеобеспечения армянского села в результате перехода от капитализма к социализму.

Другим важным проявлением общих исторических типов культуры могут служить хозяйственно-культурные типы (Чебоксаров, Чебоксарова, 1971; Андрианов, 1974). Как известно, данные понятия призваны выразить соответствующие определенным этапам развития обществ типы культур, которые складываются в результате хозяйственной деятельности в определенных сходных природно-географических условиях. В нашем исследовании этому общему ракурсу рассмотрения типов культуры соответствует зо-

нальный анализ культуры жизнеобеспечения исследуемых региональных комплексов.

Общие исторические типы культуры могут в отличие от формационных типов культуры и хозяйственно-культурных типов, вбирающих в себя целостные комплексы культуры обществ, выражать и отдельные подсистемы культуры. Например, они могут выражать, как в случае данного исследования, общие исторические типы культуры жизнеобеспечения, а также любые другие составляющие культуры—материальной технологии, искусства, морали, права и др. Но во всех этих и других возможных случаях построения общих исторических типов культуры последние должны отвечать требованиям абстрагирования от непосредственных локальных связей соответствующих общностей людей—носителей исследуемой культуры со средой их обитания.

Таким образом, логическая природа понятий общих и локальных исторических типов культуры состоит прежде всего в том, что они призваны интегрировать любые случаи типологического обобщения двух видов: абстрагирующихся от конкретно данных пространственно-временных условий обитания человеческих коллективов и, наоборот, рассматривающие объекты исследования в рамках этих условий и усредненно отражающие локальные связи этих коллективов с их окружением. Кроме того, как мы уже попытались показать выше, в силу относительности родовых и видовых признаков объектов исследования логическая природа общих и локальных типов культуры независима от масштаба этих объектов. Тем самым, данные типы приложимы к любым познавательным ситуациям, выдвигающим задачу установления соотношения общевидовых и локально-видовых признаков исторических систем культуры

Особой задачей следует считать достижение синтеза обобщений, получаемых благодаря использованию общих и локальных исторических типов культуры. Она выдвигает целый ряд пока не разработанных методологических проблем. Можно надеяться, что настоящее исследование прольет определенный свет на решение данных проблем и послужит стимулом для разработок в данном направлении.

Для целей нашего, а также любого комплексного культурно-исторического исследования, наряду с четкой понятийной дифференциацией общих и локальных исторических типов культуры, не менее важно выделение общих и локальных черт при исследова-

нии культурных традиций. Интересно отметить, что в этой сфере исследования наблюдается картина, противоположная той, которая была описана выше. Если понятие исторического типа, как правило, ассоциируется с выражением универсальных закономерностей стадийного развития обществ, то понятие традиции обычно связывается только с характеристикой специфически-локального опыта, аккумулированного теми или иными историческими общностями людей.

Подобный односторонний подход к пониманию культурной традиции сегодня столь же неправомерен, как и однозначная трактовка исторических типов, как якобы направленных на выделение лишь общего, универсального. Дело в том, что специфически-локальный опыт выражает собой лишь один из основных пластов социально-организованного опыта, аккумулированного теми или иными историческими общностями людей. Столь же необходимым пластом систем культурных традиций выступает общий для различных общностей людей социально-организованный опыт. Отсюда вытекает важная в методологическом отношении задача дифференциации целостного массива культурных традиций, присутствующих различным, в частности этническим, общностям, на их общие и локальные составляющие (Маркарян, 1978б).

Основная непосредственная функция того слоя опыта, который охватывается понятием «локальная культурная традиция», состоит в поддержании и воспроизводстве регионального, ограниченного определенными пространственно-временными рамками разнообразия культуры в развитии человечества. Что касается того слоя социально-организованного опыта, который выражается в понятии «общая культурная традиция», то он в процессе своего воспроизводства призван поддерживать стабильность человеческих коллективов безотносительно к их локальной специфике.

В реальной действительности общие и локальные традиции находятся в своем нерасторжимом единстве. Их расчленение возможно лишь средствами изолирующей абстракции. Хотя подобное расчленение и связано со значительными трудностями, оно как и дифференциация общих и локальных исторических типов культур представляет собой очень важный этап познания. Ведь, как и в любом другом случае, предпосылкой достижения плодотворного научного синтеза является анализ соответствующих компонентов исследуемой системы. В интересующем нас случае без систематической дифференциации общих и локальных аспектов социокультурных систем, достигаемой благодаря выработке и актуализации соответствующих аналитических средств исследования, невозможно получить синтезированное представление об этих системах. Это важно иметь в виду особенно при исследовании этнокультурных

традиций, представляющих собой буквально социокультурный сплав элементов социально-организованного опыта, характеризующегося комбинацией общих и локальных черт.

Следует и в этом случае особо указать на относительность различий между «общими» и «локальными» культурными традициями. Так же, как и при использовании понятий «общих» и «локальных» исторических типов, их соотношение зависит от задаваемого поля исследования. Если в качестве такого поля исследования берется глобальная социокультурная система, то понятие общей культурной традиции будет выражать уровень опыта, универсального для всего человечества, или же тех или иных его эпох и ступеней развития. Понятие же локальной культурной традиции в этой познавательной перспективе будет призвано выразить специфику любого регионального опыта людей.

Если в качестве задаваемого поля исследования берется тот или иной культурный регион, то понятие общей культурной традиции будет выражать уже уровень исторического опыта людей, обшего для выделяемого региона. Так, например, если мы на определенном этапе исследования ограничиваем его поле традициями культуры жизнеобеспечения в изучаемых нами Сюникском, Ширакском и Айратском региональных комплексах, то понятие «общей культурной традиции» будет выражать определенную общность опыта, характерного для систем жизнеобеспечения этих регионов. Понятие же «локальной культурной традиции» в данном контексте будет прилагаться к специфическим массивам социально-организованного опыта жизнеобеспечения, накопленного в селах, входящих в эти регионы.

Следует в связи со сказанным особо подчеркнуть огромное значение совершенствования и развития теории традиций для выражения динамики регионов и их прогностического моделирования. Ведь, как справедливо отмечалось в литературе (Гвишиани, 1978), при создании имитационных моделей больших социальных систем регионы в них пока фиксируются как нечто неизменное, процессы трансформации и развития в них, как правило, выпадают из поля зрения. Поэтому обычное, чисто пространственное, хронологическое изучение регионов оказывается явно недостаточным. Преодоление же лимитов этого плана исследования в принципе возможно путем изучения динамики культурных традиций. И это не удивительно, ибо лишь благодаря изучению динамики культурных традиций, осмыслению образуемых ими траекторий развития представляется возможным ввести в имитационные модели социальных систем историческое измерение и связать в единый теоретический узел прошлое, настоящее и прогнозируемое будущее этих систем.

Современная социальная практика требует выхода на новые рубежи исследования локальной поливариантности культуры. Эти рубежи связаны прежде всего с переходом от установления локальных различий культур и их исторической причинной обусловленности к вероятностному анализу их поведенческого значения и возможных последствий в разнообразных социально-практических ситуациях. Лишь на базе подобного вероятностного анализа и прогнозирования возможно эффективное проведение многих широких практических мероприятий на глобальном и региональном уровнях, необходимость которых возникла в современную эпоху. Осуществление же отмеченной задачи неразрывно связано с системным целостным анализом динамики культурных традиций, охватывающих все формы социально стереотипизированного группового опыта людей.

При обобщении сделанных в данном разделе выводов, есть, по-видимому, основание сказать, что благодаря концептуальным схемам, выраженным в понятиях общих и локальных исторических типов культуры, а также общих и локальных культурных традиций, мы получаем достаточно гибкие и варьируемые в зависимости от ставящихся познавательных задач инструменты познания общих и индивидуальных черт региональных комплексов культуры. Методологическое значение этих концептуальных схем состоит как раз в том, что они приложимы к любым познавательным ситуациям, выдвигающим задачу соотносительного исследования общевидовых и локально-видовых характеристик культурно-исторического процесса.

§ 2. ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ КАК ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Выше уже говорилось о том, что непосредственный процесс взаимодействия общества с природной средой происходит путем ее соответствующего социально-организованного территориального освоения, которое выражается в поселениях и образующих их жилищах путем производства необходимых для поддержания жизни людей пищевых продуктов и одежды. Иначе говоря, этот процесс происходит прежде всего по поводу различных компонентов культуры жизнеобеспечения. Поэтому естественно, что данная подсистема культуры представляет очень интересный объект экологического исследования.

При изучении КЖ в контексте этнических систем весьма перспективной задачей является выявление присущей культурному потенциалу данных систем способности к адаптивно-экологиче-

ской вариативности. Каков потенциал адаптации этносов к соответствующим модификациям и трансформациям при овладении соответствующими экологическими зонами? Суть данной задачи состоит в том, чтобы выявить в динамике соотношение консервативных и творческих начал этнической культуры.

КЖ представляет для этих целей весьма удобный объект исследования, ибо в ней по целому ряду параметров фокусируются характерные черты этнических культур. Помимо характеристики соответствующих сторон и соотношений культуры производства, распределения и потребления различных компонентов КЖ, задача в данном случае должна состоять в том, чтобы установить наиболее типичный для этнической культуры адаптивно-экологический вариант, выявить, какие стороны природной среды используются для жизнеобеспечения, а какие—игнорируются. Это в полной мере может быть выявлено в результате сравнительного анализа КЖ различных этносов, обитающих в сходных природных средах. Но, как известно, такая задача в настоящем исследовании не ставится. В данном случае место подобного анализа занимает сравнительный анализ локальных вариантов КЖ одного этноса.

В целом широкомасштабное экологическое исследование КЖ в этнических системах должно выявить картину того, как в процессе эксплуатации природной среды этнос вписывается в ландшафт, каковы последствия воздействия на природную среду, в частности, в какой мере этноспецифическая хозяйственная деятельность ведет к обеднению и деградации этой среды. Подобная задача весьма многогранна, и нет никакой возможности сразу же охватить всю совокупность проблем, выдвигаемых ею. Так, например, в теоретических разделах, а также в разделах, обобщающих результаты полевых исследований, авторский коллектив настоящей книги намеренно стремился ограничить круг собственно экологических проблем человеческой деятельности и культуры. Это ограничение, однако, не может распространяться на некоторые исходные и базовые проблемы. К ним прежде всего относится обсуждение значения адаптивной системы отсчета при исследовании человеческой экологической деятельности, а также установление основных аспектов экологического исследования культуры.

Зарождение экологии человеческого общества существенно меняет строение всего здания экологической науки и предъявляет к ней качественно новые требования. Ведь в результате этого система экологического знания в целом оказывается образованной из двух различных подсистем: экологии биосистем и экологии общества. При этом естественно возникает вопрос, как должна достигаться взаимосвязь между этими двумя составляющими современной экологии? Ответ на этот вопрос может быть только

один—благодаря выработке определенных теоретических интеграторов (теорий, принципов, понятий), в одинаковой мере имеющих силу как для экологии биосистем, так и для экологии общества.

Одним из важнейших теоретических интеграторов современной экологии выступает общенаучное понятие «адаптация», о котором уже говорилось выше. Его значение для экологии состоит прежде всего в том, что оно призвано выполнять роль теоретической связки между понятиями «живая система» и «среда», связки, фокусирующей внимание исследователя на процессах нарушения и восстановления равновесия (соответствия) между объектами, выражаемыми данными понятиями. Причем это приведение системы в соответствие со средой может достигаться как средствами простой модификации заданных структур, так и путем их весьма существенной перестройки, в зависимости от класса данных систем и стимулов среды. Тем самым, понятие «адаптация» позволяет в данном случае выразить динамику конкретных взаимоотношений двух, вычленяемых понятиями «живая система» и «среда», системных комплексов. Именно в этом следует видеть огромное познавательное значение теоретической перспективы, открываемой адаптивно-экологическим подходом для решения современных проблем взаимоотношений общества и окружающей среды (подробнее об этом: Bennett, 1976).

Разумеется, плодотворность использования общенаучного понятия «адаптация» применительно к человеческой деятельности находится в непосредственной зависимости от степени осмысления специфики адаптивной активности людей. В самом общем плане можно сказать, что суть специфики адаптации людей к среде состоит в том, что приспособительный эффект достигается в данном случае не средствами генетической, биологически-наследственной, а социокультурной перестройки человеческих индивидов путем универсального преобразования внешней и внутренней среды их обитания. Общим же адаптивным механизмом этого преобразования, как мы уже знаем, выступает культура, превратившая человеческое общество в универсальную адаптивно-адаптирующую систему.

Адаптивная система отсчета рассмотрения истории человечества, связанная с введением в практику исследования социокультурного развития системно-кибернетических и экологических идей, пока что больше ставит проблем перед общественными науками, чем дает ответа на них. И это не удивительно, поскольку процессы адаптивного взаимодействия общества со средой не только чрезвычайно сложны, но стали предметом специального рассмотрения лишь недавно. Ведь даже в биологии, имеющей уже богатые традиции подобного изучения своих объектов, и по сей день

продолжаются острые дискуссии о природе биологической адаптации и ее конкретных проявлениях. Это говорит о том, что вряд ли по проблемам социокультурных адаптивных процессов будет найдено быстрое и окончательное решение. Но это никак не может служить основанием для того, чтобы отказаться от активного использования понятия «адаптация» и связанных с ним фундаментальных общенаучных идей в обществознании. Подобный отказ преградил бы путь к изучению общества в качестве специфической самоорганизующейся системы, без чего жизненно важная сегодня задача интегративного взаимодействия общественных, естественных и технических наук оказалась бы в принципе неосуществимой. В этой связи следует специально подчеркнуть, что социальная экология является как раз той областью знания, которая в наибольшей степени стимулирует процессы интегративного взаимодействия этих групп наук, и тем полем, где эти процессы начали находить свою непосредственную реализацию (Маркарян, 1980, 1980а). Причем, как справедливо в этой связи пишут американские антропологи Дмитрий Шимкин и Джон Лови, именно эта область обществознания наиболее удобна для развития формальной теории и приложения методов моделирования (Shimkin, Lowe, 1978, 89).

Одно из важнейших достоинств теоретической перспективы, открываемой понятием «адаптация», состоит в том, что она позволяет системно исследовать происходящие в соответствии с принципом обратной связи реальные процессы взаимодействия общества с природной средой, процессы, отдельные стороны которых разрывались и гипертрофировались позициями географического детерминизма и крайнего социологизма. Огромные потенциальные возможности в специальном исследовании этих процессов в адаптивно-экологической системе отсчета создают принципы исторического материализма, позволившие благодаря марксовской концепции труда дать ключ к правильному пониманию специфики обмена веществ, происходящего между человеческим обществом и природной средой.

Адаптивно-экологическое взаимодействие социальных систем со средой—это весьма многоплановый процесс, целостно осмыслить который можно лишь благодаря многомерному подходу, предполагающему построение различных проекций рассмотрения этого процесса и выделение различных функций, осуществляемых в нем культурой. Можно выделить следующие основные проекции рассмотрения адаптивно-экологических функций культуры: локально-экологическую, ландшафтно-экологическую, стадийно-экологическую и глобально-экологическую. Локально-экологическая проекция позволяет устанавливать конкретно выработанные

индивидуально-своеобразные адаптивные связи культуры с непосредственными средами обитания исторических общностей. Именно этим планом рассмотрения образуется предмет приложения генерализирующей индивидуализации к культурно-экологическим ситуациям, а также их выражение в соответствующих локальных исторических типах культуры и локальных культурных традициях.

Некоторые исследователи, исходя из того обстоятельства, что реальные процессы адаптивного взаимодействия происходят всегда в определенном окружении, неправомерно однозначно связывают понятие адаптации лишь с данными локально-экологическими аспектами изучения систем. В данном случае они не учитывают того, что это лишь одна из необходимых проекций рассмотрения целостного процесса адаптации, которые абстрагируются друг от друга сознанием, ибо последнее неспособно одновременно охватить весь этот процесс.

Что касается ландшафтно-экологического плана¹, то он по своей логической структуре соответствует исследовательской ориентации, создаваемой хозяйственно-культурными типами. Последние, относясь к общим историческим типам культуры, абстрагируются от конкретно данных локальных связей, устанавливающих между социокультурными комплексами и их непосредственным окружением, обобщенно воспроизводя обусловленность этих комплексов теми или иными видами географической среды². Аналогичные познавательные задачи ставит перед собой ландшафтно-экологический анализ, абстрагирующий от локальных адаптивных связей и концентрирующий внимание на обобщенно выраженных вариантах географических условий, ведущих к выработке сходных культурных форм. Оговоримся, что используя для характеристики этого плана культурно-экологического рассмотрения понятие «ландшафт» мы исходим из влиятельных направлений в современном ландшафтоведении, абстрагирующих выражаемые ими комплексы от локальных связей среды (Милюков, 1967, 24—25).

Следует также иметь в виду, что понятие «ландшафт» понимается в современном широком значении. Введение понятия «ландшафтно-экологического» плана изучения типов культуры

---

¹ Ранее для обозначения этого плана исследования был использован термин «зонально-экологический» (Маркарян, 1981, 113).

² Следует специально оговорить, что ХКТ в определенной степени включает в себя и стадильные характеристики. Выработка ХКТ может происходить не только независимо, под воздействием сходных ландшафтных условий, но и быть результатом генетической общности культуры (более подробно об этом см. часть вторую, главу третью, введение и классификацию).

преследует цель нахождения обобщенной формулы, которая бы позволила выразить идею обусловленности соответствующих типов культур определенным повторяющимся в различных регионах условиям среды. Но при этом обычно имеются в виду определенные повторяющиеся свойства *природной среды*. Вместе с тем, необходимо введение в научный оборот также и такого понятия, которое учитывало бы и сходные результаты антропогенных воздействий в различных регионах земного шара. Ведь сегодня с полным основанием утверждается идея совокупной природы современных ландшафтов. Введение ландшафтно-экологического плана изучения культуры как раз и преследует цель дать такую обобщенную характеристику зависимостей типов культуры от повторяющихся условий среды, которая бы могла выразить эти условия не только как природные, но и антропогенные образования в зависимости от стоящихся задач и выделяемых объектов исследования самого разного масштаба.

Иначе строятся стадияльно-экологический и глобально-экологический планы рассмотрения культур. Первый план строится соответственно вычленению определенных общих этапов экологического развития культуры человечества. Объектом же второго плана выступает культура человечества в целом, рассмотренная в экологической проекции соответственно тем или иным историческим эпохам и отрезкам времени.

Характеризуя стадияльно-экологический план, прежде всего следует отметить, что выражаемые им обобщения не только отвлекаются от локальных связей культуры со средой, но также и от типологически выраженных вариантов географических условий, на которые концентрирует свое внимание ландшафтно-экологический план. Основным проявлением стадияльно-экологического плана следует считать формационно-экологический. Формационно-экологический план исследования культур позволяет сконцентрировать внимание на адаптивных возможностях, открываемых тем или иным способом производства для процессов взаимодействия общества с природой и комплексных последствиях этих процессов.

Стадияльно-экологическая проекция на процессы развития общества как раз и соответствует плану «общей эволюции» по М. Салинсу. Но в отличие от последнего мы считаем, что эта проекция также является непосредственным и очень важным выражением *адаптивного* рассмотрения процессов развития социально-исторических систем и присущих им способов деятельности. Абстрагирование стадияльно-экологического плана исследования от локальных связей культуры ни в коей мере не должно служить основанием для часто встречающегося разведения данного и адаптивного планов исследования систем.

В общей перспективе стадияльно-экологического рассмотрения культур, наряду с формационно-экологическим планом, следует выделять и иные по своей логической структуре аналогичные ему планы исследования. В одном случае это могут быть агрегированные планы, охватывающие сразу несколько общественно-экономических формаций. В другом случае, наоборот, планы, выделяющие соответствующие экологически значимые стадии развития культуры в пределах одной и той же формации.

Теперь несколько слов относительно глобально-экологического плана рассмотрения культуры. Для того, чтобы понять специфику данного плана и его отличие от других отмеченных планов, следует иметь в виду, что любой отрезок истории человечества представляет собой системную мозаику, выражающую различные этапы, ландшафтные и локальные варианты развития культур, вписанные в единый сплав реально протекающих глобальных социокультурных процессов. Глобально-экологический план рассмотрения культуры призван в определенной мере синтезировать ее стадияльно-экологический, ландшафтно-экологический и локально-экологический планы исследования и выразить их совокупный эффект в соответствующие эпохи развития человечества, совокупное воздействие всего многообразия культуры на оболочку земного шара.

Глобально-экологический план исследования культуры приобретает особую актуальность по мере того как человечество превращается во все более интегрированное целое и стремительно наращивает масштабы и мощь своей деятельности по преобразованию природы. Глобально-экологический план изучения культуры представляет значительный научный интерес и с исторической точки зрения, направленной на рассмотрение периодов, когда развитие человечества шло по различным, порой практически совершенно обособленным и независимым руслам. В этом случае основная цель глобально-экологического исследования культуры состоит в том, чтобы суметь выразить результаты совокупного воздействия на оболочку земного шара и выявить кривую динамики его постепенного роста. Что касается центральной проблемы современного глобально-экологического исследования культуры, то она состоит в установлении потенциальных возможностей ее как адаптивного и негэнтропийного механизма вида *homo sapiens* (Маркарян, 1980). При оценке познавательных функций предложенных планов экологического рассмотрения культуры опять-таки необходимо иметь в виду то общее поле исследования, соответствующее которому до сих пор шло рассуждение. Им является, как мы знаем, ойкуменное выражение культуры, носителем которого вы-

ступает человечество в целом. Однако логический каркас выделенных проекций может вполне быть использован и при изменении масштабов задаваемого поля исследования, как это имеет место при использовании концептуальных схем, выражающих общие и локальные исторические типы культур и общие и локальные культурные традиции.

Если, например, ограничить задаваемое поле исследования рамками интересующего нас армянского этнорегионального комплекса, а непосредственный объект исследования культуры—КЖ и ее компонентами, то вместо глобального экологического плана мы получим регионально-экологический план. Понятийно-терминологическое же обозначение остальных проекций экологического исследования культуры останется тем же самым. Изменится лишь объем и содержание логического каркаса этих проекций соответственно вычленению интересующих нас общих этапов регионального развития КЖ, их локально-исторически и ландшафтно обусловленных вариантов.

Экологическое рассмотрение культуры делает особо осязаемым всю неправомерность аксиологического принципа построения фундамента культурологической теории, претендующей на научное объяснение исследуемых ею объектов. В частности, как отмечалось, этизация явлений культуры преграждает путь к научному анализу объективно присущих им экологических противоречий.

Выше уже говорилось о том, что культура, рассмотренная с точки зрения своего фундаментального критерия, ни хороша, ни плоха. Она есть определенная система средств деятельности, отвечающая некоторым обязательным общим признакам. Эти же признаки должны выражать основные функции, выполняемые культурой. Лишь исходя из этих функций можно при научном анализе явлений культуры производить их соответствующую оценку. Как мы знаем, исходной и предпосылочной функцией культуры является адаптивная функция. Это утверждение, однако, вовсе не означает, что все относящиеся к культуре явления имеют актуально-адаптивное значение.

Во-первых, в этой связи следует указать на противоречивость культуры в выполнении адаптивных функций. Выше уже отмечалось, что выступая в целом как универсальный адаптивный механизм общества и неизмеримо увеличивая приспособительные возможности людей по сравнению с животными, культура в то же время несет в себе большие разрушительные, деструктивные потенции. Эти потенции имеют различные источники, коренящиеся как в экологическом несовершенстве создаваемых средств человеческой деятельности, так и более глубинные основания, связанные с действием некоторых фундаментальных законов функциониро-

вания самоорганизующихся систем. В частности, особый интерес в связи с этим вторым источником представляет локальный характер любого негэнтропийного эффекта, достигаемого самоорганизующимися системами при взаимодействии с окружающей средой (Маркарян, 1973, 142; 1980). Особенно ощутимо отмеченные деструктивные потенции культуры проявились в современную эпоху в связи с процессами нарушения экологического равновесия в планетарном масштабе.

Во-вторых, как мы уже знаем, культура в той или иной степени всегда избыточна. А это, в частности, означает, что в ней обязательным образом должны присутствовать для данных условий среды адаптивно нейтральные и вредные элементы. Включаясь в общий фонд культуры, эти элементы в целом потенциально имеют большое значение для развития общества, ибо подобно генофонду в процессах биоэволюции выступают в качестве резервуара, определенные составляющие которого при изменении условий среды могут быть трансформированы в адаптивно значимые средства деятельности.

В-третьих, элементы культуры, имеющие адаптивное значение на данном этапе развития общества, могут перестать выполнять эти функции на последующих этапах, продолжая сохранять свое существование в виде различного рода пережитков.

В-четвертых, необходимо иметь в виду относительность адаптации в зависимости от того, какой субъект адаптивного поведения имеется в виду. Например, достижение тех или иных целей в процессах деятельности личности, имеющих для нее адаптивное значение, может играть деструктивную роль для соответствующих групп и наоборот.

В-пятых, адаптация относительна и в том смысле, что предпосылочные самосохраняющие систему функции культура может выполнять по-разному. Далеко не каждый конкретный способ адаптации общества к среде является оптимальным или близким к нему в заданных условиях. В любой социально-экологической ситуации можно наметить широкий спектр различных возможностей адаптации к среде, начиная от поддержания существования системы близкого к границе ее уничтожения и кончая состоянием, близким к оптимальному.

Эти соображения важно иметь в виду и при сравнительно-экологическом анализе локальных вариантов КЖ этнической системы. Правда, следует иметь в виду, что обобщения результатов полевых исследований в настоящей работе в большинстве случаев не ставят перед собой задачу оценок с точки зрения адаптивно-экологического оптимума компонентов КЖ. Это особая задача, которая требует осуществления специальных исследований.

§ 3. ИСХОДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ КУЛЬТУРЫ

В данной работе невозможно обсудить всю сложную совокупность теоретических проблем, выдвигаемых задачами сравнительного исследования региональных комплексов культуры. Мы остановимся лишь на некоторых из них, представляющих особый и непосредственный интерес для целей нашего анализа. Начнем с проблемы критериев отбора объектов сравнения.

Основная познавательная функция сравнительных исследований состоит в систематическом установлении сходства и различий в изучаемых объектах в соответствии со ставящимися задачами. Хотя довольно часто можно встретить утверждения о «несравнимых объектах», на самом деле с логической точки зрения несравнимых объектов не существует. Любые объекты могут быть сравниваемы между собой, если того требует ставящаяся познавательная задача. Другое дело, что сравнение приобретает качественно различный характер в зависимости от того, сравниваются ли однопорядковые, эквивалентные объекты или же объекты не характеризуются этими свойствами. При утверждении о несравнимости объектов имеется обычно в виду как раз мысль об их неоднородности, неэквивалентности.

В связи со сказанным вопрос о критериях эквивалентности объектов приобретает для практики сравнительного исследования фундаментальный характер. Подобные же критерии обеспечиваются соответствующими научными теориями об объектах, включенных в контекст сравнительного исследования. Степень методологической ценности той или иной теории для сравнительного исследования как раз и обуславливается прежде всего тем, насколько адекватными являются критерии, благодаря которым сравниваемые системы могут быть отнесены к классам эквивалентных, однопорядковых или же неэквивалентных, неоднородных объектов.

Например, очень часто традиционные культуры Востока сравниваются с современной западноевропейской культурой как однопорядковые объекты. Но при этом не учитывается то очень важное обстоятельство, что данные системы культуры выражают собой качественно различные этапы общественного развития. В силу этого они не могут быть интерпретированы в качестве однопорядковых объектов. Отметим в этой связи, что в релятивистской концепции эквивалентных культур подобная практика исследования, не учитывающая стадийный статус соотносимых систем, возведена в определенный общий принцип. И в этом состоит фундаментальный недостаток данной идеалистической по своей природе

концепции, которая в силу заложенных в ней формальных критериев отбора практически лишает исследователя-компаративиста такого важного инструмента познания, какими являются их обще-стадиально-исторические типы. Познавательное же значение этих типов культур-компаративистики в том и состоит, что они обеспечивают исследование необходимыми критериями отнесения сравниваемых объектов. Неудивительно поэтому, что за последние десятилетия концепция эквивалентных культур была подвергнута решительной критике и в целом отвергнута даже в тех странах Запада, в которых она в течение первой половины XX в. пользовалась весьма значительным влиянием.

Но проблема эквивалентности объектов культуры не столь проста, как это может показаться на первый взгляд. Дело в том, что использование обще-стадиальных типов культуры дает нам вполне определенное основание оценки эквивалентности объектов культуры, связанное с установлением их общей природы. Между тем, данное основание, как бы оно ни было важно, не является единственным в интересующем нас отношении. Существует и другое основание, создающее иную проекцию рассмотрения проблемы эквивалентности объектов культуры. Эта проекция направлена на вскрытие индивидуально-неповторимых черт данных объектов, теоретическая кристаллизация и упорядочение которых, как мы уже знаем, находит свое выражение благодаря особой генерализирующей индивидуализации культур, их локальной типологизации.

В данном случае в фокусе оказывается поле «культурных идиоадаптаций», которые подобно биологическим идиоадаптациям являются релятивными формами, непосредственно зависящими от конкретных условий среды обитания. Рассмотренные с этой точки зрения, скажем, буддизм, ислам, конфуцианство, традиционные системы изобразительного искусства или же этикетные системы Китая, Индии, Японии, арабских стран, с одной стороны, и соответствующие им компоненты культуры современной Западной Европы могут быть в целом признаны эквивалентными. Но эквивалентны они уже не в силу их однотипности, а по иным критериям. Каковы эти критерии? Вопрос этот требует своего тщательного изучения, ибо его правильное решение может иметь большое методологическое значение для культурно-исторических исследований. Несомненно одно, что ключевым понятием для подобных познавательных ситуаций выступает локальный исторический тип культуры, выражающий индивидуальную вариативность развития общества.

Итак, опять-таки и в решении проблемы эквивалентности объектов культуры мы сталкиваемся с двумя различными проек-

циями рассмотрения данных объектов и критериями их оценки. Обобщая, можно сказать, что *существует два вида эквивалентности объектов культуры. Один из них строится по принципу однотипности данных объектов, другой, наоборот,—по принципу их идиоадаптивной релятивности.* В первом случае путем построения общих исторических типов культуры, ее объекты сводятся в единый эквивалентный ряд благодаря присущим им некоторым общим, инвариантным свойствам. В другом случае, путем построения локальных исторических типов культуры ее объекты сводятся в единый эквивалентный ряд уже в силу того, что они выражают собой идиоадаптивные решения определенных, конкретно заданных проблемных ситуаций в соответствии с потенциями специфических традиций исторических общностей людей.

В целом, взятые в абстрагированном плане, локальные типы культур могут быть признаны идиоадаптивно эквивалентными, ибо они относительно по отношению к особой конфигурации условий и проблем, характерных для конкретных сред обитания человеческих коллективов и тех средств освоения данных сред, которые задаются специфическими массивами культурных традиций, присущих данным коллективам. Хотя в своем общем виде подобное допущение эвристически полезно, следует иметь в виду, что в действительности далеко не всегда имеет место реальная эквивалентность локальных форм культуры в силу их нередкой тесной сопряженности с общетипологическими характеристиками. Иногда эта сопряженность бывает очевидна, порой же существующие связи очень трудно уловимы.

Далее, принципиальная возможность множества идиоадаптивных решений одних и тех же проблем на практике приводит к тому, что, с точки зрения оптимальности этих решений, локальные культуры могут быть как примерно эквивалентными так и характеризоваться значительной неравноценностью. Особенно ощутимо это сказывается в экологической сфере деятельности. Ведь сама по себе выживаемость обществ свидетельствует не об оптимальности присущих им культур, а лишь о том, что они отвечают определенному минимуму адаптивных требований.

Установление экологической оптимальности локальных типов культур часто сталкивается со значительными трудностями как по причине объективной сложности проблем, так и несовершенства наших знаний в этом отношении. Но сама по себе эта задача очень интересна, практически важна, и поэтому заслуживает самого пристального внимания.

§ 4. О ЗАДАЧАХ СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ СИСТЕМ АРМЯНСКОЙ СЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В предыдущих разделах главы были обсуждены различные теоретические аспекты проблемы типологизации систем культуры и их сравнительного изучения. Основная задача этого раздела состоит в установлении связки между общими принципами сравнительно-типологического анализа систем культуры с непосредственными объектами исследования настоящей работы. Но до того как приступить к осуществлению данной задачи, мы хотели бы высказать некоторые соображения общетеоретического плана, связанные с вопросом об основных этапах использования сравнительно-типологического метода (см. Мелконян, 1981, 66—86).

Прежде всего следует отметить, что применение сравнительного метода имеет место не только после конструирования исторических типов, но и на начальном этапе типологизации. Ведь именно благодаря его применению в принципе возможно упорядочение и типологизация изучаемых объектов и, соответственно, установление их однотипности и разнотипности. Дальнейший этап применения сравнительного метода связан уже с сравнительным изучением исторических явлений благодаря оперированию различными сконструированными типами. Таким образом, типологизация исторических явлений и их сравнительное изучение—два взаимопроникающих, взаимообуславливающих процесса.

Особого внимания заслуживает вопрос о переходе от эмпирического обобщения и упорядочения исторического материала к его теоретическому осмыслению и объяснению. Следует согласиться с В. С. Швыревым, когда он, указывая на слабую разработанность вопросов о способах перехода к теоретическому уровню науки, подчеркивает, что «...именно они, а не рафинированная техника логической формализации, также вопросы дедуктивно-аксиоматического построения и пр. имеют первостепенное значение для методологии развивающихся научных дисциплин» (Швырев, 1977, 5).

При сравнительном изучении тип выступает как логическая конструкция, задающая определенную направленность исследованию и обобщению соответствующих исторических фактов, благодаря чему и происходит упорядочение и сведение в единый ряд многочисленных эмпирических явлений. Тем самым в этой своей роли тип выступает как некая точка отсчета, позволяющая определить степень соответствия ему каждого исторического факта. Представляется возможным говорить также о таксономических свойствах типа, так как он группирует многочисленные факты с целью их последующего обобщения более высокого уровня. Другими слова-

ми, саму типологизацию явлений можно представить как движение от типологии эмпирического уровня к обобщению все более высокого уровня идеализации. Сама идеализация в процессах типологизации в той или иной форме присутствует на всех уровнях построения типов. Степень же ее находится в соответствии с конкретными познавательными задачами.

В прямой зависимости от конкретных познавательных задач находится и конструирование типов различных таксономических уровней. Так, можно говорить о типах орудий и о хозяйственно-культурных типах, о типах жилищ и об историко-культурных областях и т. д., поскольку в каждом случае происходит обобщение исследуемых явлений по тем или иным параметрам, на том или ином уровне с целью выявления их общих или локально-специфических характеристик.

Помимо этого, следует подчеркнуть также, что каждый исторический объект в отдельности может быть типологизирован по различным параметрам—мы можем построить тип поселения на основе присущей ему конфигурации, на основе его внутренней планировки, на основе его стадияльных характеристик и др. Несмотря, однако, на все эти различия, в каждом случае правомерно говорить о типе поселения с указанием уровня его рассмотрения и параметров обобщения. Тем самым представляется неправомерным жесткое привязывание термина «тип» лишь к какому-нибудь одному, определенному уровню обобщения объектов, как это довольно часто практикуется.

В данной работе сравнительное изучение вариативных форм функционирования и развития систем жизнеобеспечения проводится в двух основных планах: культурно-экологическом и природно-экологическом.

Наибольший интерес в методологическом плане представляет рассмотрение пространственных координат настоящего исследования и различий в их интерпретации в соответствии с различиями отмеченных подходов: культурно- и природно-экологического.

Как известно, в этнографии уже достаточно давно выделяются историко-этнографические (историко-культурные) области, основной познавательной функцией которых является выявление локальной специфики культурно-исторических систем разных таксономических уровней в различных регионах земного шара. Сами культурно-исторические системы могут быть при этом рассмотрены на самых различных таксономических уровнях (Чебоксаров, Андрианов, 1975). Подобная индивидуализирующая типологизация правомерна и в рамках отдельных этнических культур, поскольку в каждой из них существуют свои локальные (субэтнические) варианты, в основе выделения которых лежат специфиче-

ские проявления общего массива элементов культуры, присущего всему данному этносу в целом. В качестве непосредственных объектов в настоящем исследовании выступают, как уже отмечалось выше, субэтнические историко-культурные районы Сюник, Ширак и Айрарат. Выбор этих регионов был продиктован следующими основными соображениями: а) отмеченные районы занимали ту часть территории исторической Армении, которая впоследствии вошла в состав современной Советской Армении; б) все они находятся не в непосредственном соседстве друг с другом, что в известной степени сводит к минимуму диффузию культурных явлений; в) все они отличаются по физико-географическим характеристикам занимаемых ими территорий; г) они могут быть рассмотрены как достаточно репрезентативные для КЖ армянской этнической культуры. Вместе с тем, изучение отмеченных регионов под интересующим нас углом зрения должно было позволить достаточно определенно выявить их специфические характеристики как локальных вариантов единой армянской этнической культуры.

Таким образом, при культурно-экологическом подходе, характерном для настоящего исследования, типологизация систем жизнеобеспечения проводится в строго определенных временных и пространственных рамках в пределах Армении в целом. В качестве таковых выступают рубеж XIX—XX вв. и 70-е годы нашего столетия и три историко-культурных района. В силу этого сами типы по логике и способу своего построения относятся к классу локальных исторических типов (см. § 1 главы второй).

Обратимся теперь к рассмотрению пространственных координат при природно-экологическом подходе. О значении данного подхода и его основных принципах говорилось выше. Здесь хотелось бы отметить, что в этнографии подобный подход имеет уже определенные традиции, свидетельством чего могут служить изыскания по проблемам хозяйственно-культурных типов. Данное понятие, являющееся одним из наиболее фундаментальных в этнографии, по сути дела направлено именно на выявление специфических сторон традиционно-бытовой культуры различных этносов, сформировавшихся под воздействием природной среды их обитания. Многочисленные разработки, посвященные интерпретации данного понятия, в соответствии со спецификой конкретного материала служат для нас основой для проведения и природно-экологического изучения КЖ армянского села.

Деятельность любых человеческих общностей протекает в определенной, ограниченной пространственной сфере, которую принято называть ландшафтом. Изучением ландшафта, его различных компонентов занимаются многие науки: геология, география, биология, геоморфология и др. Естественно, что нашей задачей нико-

им образом не является сколько-нибудь подробный анализ проблем ландшафтоведения. Мы выделим лишь те основные компоненты ландшафта, которые присущи Армении и которые оказали и оказывают наиболее значительное влияние на формирование и функционирование систем жизнеобеспечения.

Ландшафт очень сложное образование, состоящее из множества различных и разнородных компонентов. В качестве таковых в литературе обычно выделяют геологическое строение, рельеф, климат, поверхностные и подземные воды, почву, растительные и животные сообщества. В современном ландшафтоведении различаются два основных типа ландшафта: природный и культурный, или антропогенный, ландшафт, являющийся результатом адаптивно-адаптирующей деятельности людей в процессах взаимодействия с природной средой, иначе говоря,—«это природный ландшафт, измененный человеком» (Словарь общегеографических терминов, 60).

Как отмечалось в литературе (Демек, 1977, 197), культурный ландшафт в настоящее время преобладает в такой степени, что он может быть рассмотрен в качестве совокупного образования. В силу этого представляется целесообразным говорить о природных и культурных элементах ландшафта в целом (Словарь общегеографических терминов, 61). Подобное различение двух составляющих ландшафта весьма актуально для настоящего исследования, особенно под углом зрения сравнительного анализа систем жизнеобеспечения по двум временным срезам. Такой анализ позволяет выделить соотношение природных и культурных элементов ландшафта в армянском селе, в частности характерное для современного периода возрастание удельного веса культурных элементов со всеми сопутствующими ему позитивными и негативными явлениями.

В силу отмеченного многообразия компонентов, составляющих природный ландшафт, естественно, что само их влияние на традиционно-бытовую культуру не может быть одинаковым. С другой стороны, различные элементы этнической культуры в различной степени несут на себе печать природно-географических условий. Исходя из этого становится очевидно, что при применении природно-экологического подхода недостаточно указания лишь на общие характеристики ландшафта данного региона, оно требует выделения конкретных параметров, а также уяснения сферы их преимущественного влияния. Для решения этой задачи большое значение имеет принятое в литературе различение зональных и а зональных компонентов ландшафта.

В качестве зональных компонентов ландшафта выделяются климат, почва, растительность и животный мир. Распространение

и различия в них обусловлены, в частности, фактором (законом) высотной (или вертикальной) поясности. Сама высотная поясность понимается при этом как «...закономерная смена геосистем в направлении от уровня Мирового океана к вершинам, обусловленная изменением климата (количество тепла, влаги и т. д.)» (Демек, 1977, 36). В настоящем исследовании, исходя из специфики физико-географических условий Армении, в качестве таких высотных поясов были выбраны равнинная (до 1000 м над уровнем моря), предгорная (до 1700 м) и горная (свыше 1700 м) зоны, которые следует рассматривать как один из двух основных пространственных параметров природно-экологического изучения систем жизнеобеспечения. Влияние данного параметра особенно ощутимо при изучении такой системы жизнеобеспечения, как пища. Видимо, вряд ли нуждается в особом доказательстве, что наличие или отсутствие в конкретной этнической традиции тех или иных навыков животноводства и земледелия, навыков употребления дикорастущих трав, охоты и др. обусловлено прежде всего местными климатическими условиями. Этим, в свою очередь продиктован принятый в данной культуре ассортимент основных блюд, состав трапез. Естественно предположить поэтому, что если какая-либо культура (в данном случае армянская) занимает территорию, различающуюся по своим зональным (высотным) характеристикам, в ней должны существовать и различные типы систем питания. И именно в этом можно усмотреть одну из задач настоящего исследования, а именно: построение типов систем питания в армянской сельской культуре, детерминированных равнинной, предгорной и горной зонами обитания носителей данной культуры.

В качестве азональных компонентов природного ландшафта выделяются рельеф и геологическое строение (Энциклопедический словарь..., 1968, 193). Особенно важное значение для нас имеет рельеф—«совокупность всех форм земной поверхности для каждого конкретного участка и Земли в целом» (Геологический словарь, 1973, т. 2, 182).

Применительно к исследуемым регионам Армении представляется возможным говорить о следующих основных (и, подчеркнем, доминирующих) типах рельефа—плато (Ширак), равнина (Айрат) и сильно пересеченный горно-долинный рельеф (Сюник), которые объединяются под общим понятием горного ландшафта—«ландшафты горных поднятий, в которых проявляется яркость и высотная поясность ландшафтов, а также контрастность, связанные с различными экспозициями склонов, геологическим строением и т. п.» (Энциклопедический словарь..., 1968, 102). При этом основное «различие между равнинами и плато состоит

в том, что на равнине перепады рельефа отсутствуют или не превосходят десятков или сотен футов, а плато может быть глубоко рассечено долинами, так что относительные высоты в его пределах в целом могут быть большими..., и те и другие могут находиться и на малой и на большой высоте» (Словарь общегеографических терминов, 16).

Следует учитывать при этом одно важное обстоятельство. Необходимо отличать, на наш взгляд, рельеф данного региона в целом и наиболее характерный рельеф месторасположения сельских поселений того же региона, поскольку в некоторых случаях они могут не совпадать. Так, Горисский район (Сюник) с точки зрения геологического строения в основном представляет собой плато, однако местные поселения расположены (в особенности в первый из изучаемых периодов), как правило, на склонах гор.

Рельеф, наряду с высотными зонами выступает в качестве основного пространственного параметра природно-экологического изучения систем жизнеобеспечения. Применение данного параметра особенно важно при изучении поселений. Ведь место расположения поселений следует считать одним из главных факторов, обуславливающих их специфику. Неудивительно поэтому, что в литературе широко принята классификация поселений по данному основанию (горные, равнинные и др. поселения). В то же время данный фактор не оказывает (или оказывает в минимальной степени) существенного влияния на систему питания.

Более сложный вопрос о том, какой из отмеченных двух природно-экологических параметров оказывает доминирующее влияние на жилище. Армянское народное жилище, рассмотренное с точки зрения классификации функциональных помещений и их взаимосвязи, представляет, по-видимому, единый тип с относительно небольшими и непринципиальными вариациями. Вместе с тем большое значение имеет учет того факта, расположено ли оно на ровной местности или нет, поскольку в последнем случае часть жилых помещений из-за ярусности рельефа располагается на более высоком уровне, чем хозяйственные помещения. Другими словами, можно говорить об изменении высотной планировки жилища в зависимости от рельефа. Такой тип жилища, как это будет показано в соответствующем разделе, наиболее характерен для Сюника. С другой стороны, рассматривая жилище с точки зрения применяемых в строительстве материалов, наряду с другими азональными компонентами природного ландшафта—геологическим строением, в смысле наличия легкообрабатываемых каменных пород, следует указать и на зональный компонент—наличие в достаточном количестве лесоматериалов. Таким образом, в данном случае задача заключается в попытке типологизации различных

вариантов сельских жилищ согласно их привязанности с одной стороны, к одному из трех видов рельефа, а с другой,—к одной из трех отмеченных зон.

Как указывалось выше, типологические понятия, конструируемые при культурно-экологическом подходе, несут региональные и выражающие их локальные историко-типологические характеристики. В противоположность им типологические понятия, применяемые при природно-экологическом подходе к изучению систем жизнеобеспечения, по своей логической структуре и способу построения являются общетипологическими, поскольку в этом случае происходит, с одной стороны, абстрагирование (в пределах заданного поля исследования, т. е. Армении в целом) от пространственной локализации систем жизнеобеспечения, а с другой,—учет соответствующих сходных ландшафтных характеристик. Продолжая эту мысль, можно сказать, что предложенные подходы к изучению систем жизнеобеспечения армянской сельской культуры представляют собой попытку выделения субэтнических историко-культурных и хозяйственно-культурных таксонов в пределах Армении.

В заключение данного раздела рассмотрим основные этапы, по которым проведено типологическое изучение систем жизнеобеспечения армянской сельской культуры. Укажем прежде, что эти этапы универсальны при изучении всех систем жизнеобеспечения, для каждого из двух временных срезов и при двух подходах—культурно-экологическом и природно-экологическом.

Задача первого этапа заключалась в классификации конкретного материала, который был собран авторами в ходе экспедиций в отмеченные районы Армении. Материалы, собираемые в селах путем опроса и личного наблюдения, касались всех трех компонентов КЖ—поселений, жилища, пищи. Село (поселение) при этом явилось основной единицей социально-организованного пространства в настоящем исследовании. В соответствии со своей пространственной социально-организованной функцией поселение естественным образом выступает не только как отдельная система жизнеобеспечения, но и как исходное и необходимое условие и средство для функционирования остальных систем—жилища, пищи, одежды. Естественно, что данное положение нельзя понимать как некую механическую последовательность операций по обеспечению жизнедеятельности—сначала поселение, потом жилище и т. д. Конечно же, выработка и функционирование всех этих систем происходило и происходит в полном их единстве.

Учитывая это обстоятельство, тем не менее представляется возможным говорить, что поселение является тем материально выраженным условием существования человеческих общностей,

наличие которого делает возможным всю остальную жизнеобеспечивающую деятельность в целом. Исходя из этого, можно также сделать вывод, что поселение выступает в качестве определенного интегратора всей системы жизнеобеспечения, так как именно и лишь в рамках сельского поселения происходит функционирование жилища, пищи, одежды.

В соответствии со сказанным, можно, по-видимому, утверждать, что задача комплексного изучения сел в проекции на КЖ должна преследовать цель выразить и передать то системное единство, которым характеризуется реальное функционирование культуры жизнеобеспечения в целом.

Задача второго этапа состояла в том, чтобы на основе сравнительного анализа систематизированного материала по каждой из подсистем КЖ, в пределах каждого из трех районов и зон, выявить их наиболее существенные и универсальные признаки, и в соответствии с ними построить типы указанных выше видов. Данный второй этап исследований должен был выразиться в региональных (по историко-культурным районам), а также зональных и азональных типах каждой подсистемы КЖ по двум временным срезам.

Третий, заключительный, этап в соответствии с общей исследовательской программой состоял в сравнительном анализе КЖ на основе полученных ее типов. Другими словами, сравнение должно было производиться не в пределах выделенных историко-культурных районов или в соответствии с природно-географическими условиями, а иметь кросс-региональный, кросс-зональный характер, например, тип поселения Сюника сравнивался с типом поселения Ширака и Айрарата. В результате подобного анализа должен был быть получен тип, сконструированный на основе сходных характеристик поселений, наблюдаемых во всех трех регионах или зонах. Тем самым, он может быть рассмотрен в качестве типа КЖ поселения, присущего армянской сельской культуре в целом на тот или иной период изучения последней. Таковы в общих чертах основные этапы сравнительно-типологического изучения КЖ армянского села, преследовавшего цель выявления как ее общих, так и вариативных черт и признаков.

КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ АРМЯНСКОГО СЕЛА

ВВЕДЕНИЕ

В первой части книги была предпринята попытка сформулировать общетеоретические положения проблем изучения культуры в целом, этнической культуры в особенности, и, в частности, изучения культуры жизнеобеспечения как одной из основных подсистем этнической культуры. Во второй части авторы поставили своей целью показать, каким образом эти обобщенные предпосылки могут быть развернуты в конкретном исследовании. Как уже отмечалось, из ряда жизнеобеспечивающих систем мы выбрали жилищно-поселенческий комплекс и систему питания как наиболее целостные образования, имеющие самостоятельный характер (в отличие от утвари) и сохранившие определенную преемственность, последовательность и постепенность развития на протяжении нынешнего столетия. Напомним, что рубеж нынешнего столетия и современность логически явились двумя основными хронологическими срезами нашего исследования, преднамеренно ограниченно в плане методики и источников классическим этнографическим подходом—главным образом наблюдением и интервьюированием.

Избранные нами объекты исследования далеко не одинаковы по своей этноспецифической нагрузке. Для того, чтобы выявить причину этого, распределим их по оси «публичное—интимное». Значение этого плана рассмотрения обусловлено определенной культурологической закономерностью, состоящей в том, что наибольшую склонность к сохранению черт традиционности и этничности проявляют наиболее интимные стороны жизни и, соответственно, выражающие их явления культуры. Явления же культуры, выражающие наиболее публичные стороны жизни людей, склонны к выработке этнически нейтральных форм, лишь иногда снабжаемых факультативной этнической маркой (типа орнамента и т. д.). В этом отношении питание, в числе прочих физиологических процессов, несомненно, должно считаться принадлежащим к интимным сферам жизни, и общение в ходе трапезы является од-

ним из наиболее интимных видов общения, тогда как общение в поселении (на улице, на площади) принадлежит к наиболее публичным видам. Соответственно из разных комплексов культуры поселение в наименьшей, а пища в наибольшей степени выражают этнически специфичные черты, и поэтому они могут рассматриваться как полярные на указанной оси.

Для целей нашего исследования были выбраны три наиболее крупных целостных, важнейших, а также как по историческим, так и по ландшафтно-климатическим признакам существенно отличающихся друг от друга региона Армении—Ширакский (северо-западный), Айратский (центральный) и Сюникский (юго-восточный). В каждом регионе во всех его административных районах были отобраны наиболее крупные и репрезентативные села, имеющие как можно более однородный этнический состав, т. е. заселенные всецело или почти всецело армянами местного или характерного для данного региона происхождения. Эти села следующие: в Ширакском регионе—Казанчи, Торос-гюх, Азатан, Мармашен, Джрарат, Сарнахпюр, Баграван, Арич; в Айратском регионе—Советашен, Арарат, Айгезард, Арагац, Налбандян, Октембер; в Сюникском регионе—Мегри, Личк, Шванидзор, Карчеван, Курис, Шикаох, Егвард, Арцваник, Караундж, Тех, Шинуайр, Хознавар, Дарбас, Ангехакот, Брнакот.

В каждом из этих сел отбиралось несколько наиболее пожилых (преимущественно родившихся в XIX веке) и опытных информаторов по отдельным подпрограммам исследования. Полученные от них данные сопоставлялись и в случае наличия разночтений проверялись дополнительно. Отдельные подпрограммы велись по жилищу, по поселению, по престижно-ритуальным аспектам жизни в поселении, по подразделам системы питания—зерновым, овощам, фруктам, дикорастущим, масличным и бобовым, молоку, мясу, рыбе, яйцам, меду и приправам, напиткам, по системе трапез.

По каждой подпрограмме была составлена типовая анкета с высокой степенью детализации и конкретизации вопросов (по несколько десятков вопросов по каждой конкретной культуре или виду растения или животного в подпрограммах питания). Распространенность отдельных элементов культуры ранжировалась по уровням: отсутствует—0%, единична—до 5%, бытует—до 50%, преобладает—более 50%. Весь излагаемый ниже материал основан на данных этих анкет, а в части жилищно-поселенческого комплекса—также на снятых специалистами-архитекторами планах жилищ и поселений.

Особенности исторического развития армянского этноса с глубокой древности привели к образованию территориальных комплексов культуры и быта, которые сохранились в течение многих веков. Неблагоприятные условия политической жизни, опустошительные нашествия чужеземцев, массовые переселения армянского (и неармянского) населения из одних районов в другие привели к смешению субэтнических групп армянского этноса. На территории исторической Армении было более десяти таких сложившихся региональных историко-культурных комплексов. В литературе высказано предположение, что многие из этих комплексов восходят к древним родо-племенным группировкам (Вардумян, 1964, 1; Бдоян, 1972, 213—249). Однако одно несомненно, что особенности социально-экономического и политического развития армянского этноса в феодальную и капиталистическую эпохи, а также специфика природно-климатических условий различных зон и регионов сыграли определяющую роль в сложении и сохранении территориальных культурных комплексов.

На территории Армянской ССР сложилось восемь историко-культурных комплексов, отличающихся природно-экологическими и историческими условиями. На карте, прилагаемой к настоящей работе, они обозначены цифрами: I—Ширак, II—Арагацотн, III—Айрарат (хотя он и не охватывает всей исторической территории названной области), IV—Гехаркуник (бассейн оз. Севан), V—Вайоц-дзор, VI—Лори, VII—Тавуш, VIII—Сюник.

Как уже отмечалось, для целей настоящего исследования были выбраны три историко-культурных региона—Ширак, Айрарат и Сюник. Примечательно, что эти регионы в основном совпадают с главными экономическими районами (т. е. производственно-территориальными комплексами) Армянской ССР, которые, как известно, помимо учета природных условий и естественных ресурсов, предполагают наличие более или менее устойчивой системы внутренних экономических связей, придающей территории определенную хозяйственную целостность (Валесян, 1970, 299). Это обстоятельство для нас весьма существенно. Во-первых, оно показывает, что Ширак, Айрарат и Сюник и сегодня представляют собой территориальные комплексы с целым рядом характерных признаков, в том числе экономических, т. е. наиболее существенных, поскольку именно общность экономической жизни служит основой для образования общности культурной. Во-вторых, несомненно, что все те факторы, которые сегодня обуславливают функционирование этих регионов, в прошлом (например, в интересующий нас период конца XIX—начала XX вв), в условиях несравненно более

замкнутого образа жизни, действовали более рельефно, а потому региональные комплексы культуры должны были быть более четко выраженными.

Выделенные для исследования историко-культурные регионы—Сюник, Айрарат и Ширак—значительно отличаются друг от друга прежде всего своими природно-климатическими условиями.

Сюник расположен на юго-востоке Армянской ССР и в административно-территориальном отношении включает четыре района—Мегринский, Кафанский, Горисский и Сисианский. На его долю приходится около четверти территории республики, однако в настоящее время здесь проживает около 200 тыс. человек, что составляет менее 10 процентов населения Армянской ССР (Валесян, 1970, 345). Сюник—самый гористый район не только Армении, но и всего Закавказья. Он практически полностью занят мощными системами Зангезурского, Вайоцзорского хребтов, сильно расчлененных овражно-речной сетью. Более половины территории расположено выше 2000 м над уровнем моря, и всего лишь 4,4%—ниже 1000 м. Равнины занимают 1,8% всей площади района—во много раз меньше, чем в среднем по республике (более 17%) и любом другом районе, в том числе Айрарате и Шираке. Сложность рельефа и высота над уровнем моря обусловили большое разнообразие климатических условий. В низменных районах Мегри среднегодовое количество осадков не превышает 300 мм. Наибольшая влажность наблюдается в Горисском районе, где среднегодовое количество осадков достигает 500—700 мм. Наиболее теплые—долины Мегри и, частично, Кафана. Так, в Мегри средние температуры воздуха в январе—0,9 градуса, в июле—25,8. В Сюнике горно-лесные почвы встречаются только в Кафанском, Мегринском и, реже, Горисском районах. Верхняя зона гор покрыта горно-луговыми почвами. Летом они покрываются густой альпийской и субальпийской растительностью и являются прекрасными пастбищами. В растительном покрове значительное место занимают также леса, составляющие около 20% всей территории. В Горисском и Сисианском районах широкое распространение имеют степи, которые используются преимущественно под зерновые культуры.

С точки зрения хозяйственного использования земель особенно неблагоприятны в Сюнике показатели крутизны склонов—около половины территории региона составляют горные склоны, где издавна интенсивно развиваются эрозийные процессы. Это обстоятельство заметно затрудняет развитие земледелия, градостроительства, путей сообщения. Если в одних местах особенности микроклиматических условий способствовали развитию зернового хозяйства и скотоводства, то в других (например, в Мегринском

и Горисском районах)—развитию садоводства и виноградарства; к тому же Мегринский район (исключительно его низменные районы)—один из важнейших районов возделывания сухолюбивых субтропических культур. В целом малоблагоприятные рельефные условия местности, невыгодное экономико-географическое положение Сюника объективно обусловили его отставание и в прошлом, и в настоящем по сравнению с другими территориальными комплексами республики (Валесян, 1970, 345—347).

Историко-культурный регион Айрарат в пределах Советской Армении занимает только левобережную часть среднего течения реки Аракс. По своим природным и хозяйственным особенностям Айрарат занимает особое место в республике. Араратская котловина имеет сухой континентальный климат. Зима сравнительно холодная, средняя температура воздуха в январе 5° мороза (Октемберян), но бывают зимы, когда температура в течение дня достигает минус 10 — 15° . Лето здесь жаркое, средняя июльская температура воздуха достигает 25 — 26° . Здесь выпадает очень мало осадков. В Октемберянском районе, например, среднегодовое количество осадков составляет 256 мм. В Араратской равнине произрастают растения, характерные для полупустынь. Преобладающим видом природной растительности является душистая полынь. Летом под палящими лучами солнца растительный покров высыхает и вновь восстанавливается лишь во время осенних дождей. Однако поверхность равнины местами значительно заболочена, чему в большой степени содействуют высокий уровень подземных вод и низменный рельеф. Развита густая сеть оросительных каналов, которая издавна превратила Айрарат в самый густонаселенный район Армении. Выгодное географическое положение района сделано его самым экономически развитым среди всех остальных территориальных комплексов. Сегодня здесь проживает больше половины всего населения республики. Хотя Айрарат занимает чуть больше четверти всей территории республики, однако здесь сосредоточено 56% всех орошаемых земель, 90% виноградников, 47% фруктовых садов и производится около 90% овоще-бахчевых культур. Сейчас ведутся работы по освоению последних остатков каменистых почв, солончаков, болот, занимавших в прошлом обширные пространства. Животноводство в Айрарате получило сравнительно меньшее развитие (Валесян, 1970, 319).

Ширак расположен в северо-западной части республики. Он охватывает котловину и левобережный бассейн среднего течения реки Ахурян. Большую часть района занимает Ширакское плато, границами которого являются на западе— р. Ахурян, на востоке— Памбакский хребет, на юге—массив Арагаца, а на севере—Ши-

ракский хребет. В район входит также Гукасянское плато. Рельеф Ширакского плато представляет собой сплошную равнину, средняя высота которой доходит до 1550 м над уровнем моря. Высота Гукасянского плато—до 2000 м. Оба плато покрыты вулканическими породами, главным образом туфом. Климат континентальный; зима продолжительная, холодная, среднеянварская температура на Ширакском плато доходит до -9° . Самая низкая температура во всей республике наблюдается на Гукасянском плато—до 46° мороза. Ширакская весна довольно холодная, лето прохладное, среднеиюльская температура в районе Лениакана $19-20^{\circ}$, среднее количество годовых осадков на Ширакском плато не превышает 550 мм, а на юге доходит до 700 мм. Специфика природно-климатических условий обусловила преимущественное развитие полеводческо-скотоводческого хозяйства. Ширак издавна славился как житница Армении, чему во многом способствовал плодородный чернозем, характерный для Ширакского плато. Тучные альпийские и субальпийские пастбища горной системы Арагаца и Гукасянского плато, а также большой удельный вес полеводства в структуре земледелия благоприятствовали развитию здесь скотоводства.

Особенности природно-климатических и хозяйственных условий Сюника, Айрарата и Ширака в известной мере обусловили и особенности социального и культурно-бытового уклада жизни населения регионов.

С этнографической точки зрения весьма важным представляется и различие субэтнического состава населения указанных регионов. Так, если Сюник в основном сохранил свое коренное, восточноармянское население, то Айрарат со второй трети XIX в. заселяют переселенцы из так называемой «Персидской Армении», то есть из Хоя—Салмаста (именно из потомков этих переселенцев и образовалась преобладающая часть современного населения Айрарата); Ширак также со второй четверти XIX в. (после присоединения Восточной Армении к России в 1828 г.) был заселен выходцами из различных областей Западной Армении, преимущественно из Эрзерума, Алашкерта, Карса и других местностей, входящих в состав историко-этнографической области Бардзр Айк (Высокая Армения). К тому же, часть переселенцев принадлежала к католической ветви христианства, что в некоторой степени сказалось на культурно-бытовом укладе их жизни.

Таким образом, Сюник, Айрарат и Ширак, по своим природным, социально-экономическим, культурно-бытовым и иным условиям настолько различались в прошлом и в известной мере разнятся по сей день, что могут рассматриваться как репрезентативные для культуры жизнеобеспечения армянского этноса в целом.

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ АРМЕНИИ

ВВЕДЕНИЕ

Поселение как определенный социокультурный феномен является объектом изучения различных наук—этнографии, социологии, экономической географии и др. Естественно, что каждая из этих наук изучает поселение, исходя из специфики своих познавательных задач, делая акцент на тех или иных его сторонах и характеристиках. Однако, коль скоро ставится задача изучения поселения как определенного результата деятельности людей и развития культуры, вряд ли нуждается в особом доказательстве необходимость интеграции усилий специалистов разных профилей с целью его системного изучения. В этом смысле данное исследование можно рассматривать лишь как попытку подобного подхода к изучению поселений.

Представляется целесообразным прежде дать (хотя бы в самых общих чертах) типологию человеческих поселений с тем, чтобы возможно было бы уяснить место в ней самого сельского поселения, его специфику в сравнении с другими типами поселений, а также выявить его значение в общей структуре общества. Свидетельством признания важности подобного подхода может служить тот факт, что в литературе уже сделана попытка выделения особой «социально-поселенческой структуры» общества, представляющей собой «результат взаимодействия двух срезов общества—социального и поселенческого» (Методологические проблемы..., 1977, 22).

В качестве исходной можно принять одну из последних типологий поселений (Алаев, 1977, 83—84). В его основу автор совершенно справедливо кладет такой фундаментальный принцип, как общественное разделение труда, которое приводит прежде всего к отделению промышленности и торгового труда от труда земледельческого и, тем самым, к отделению города от деревни (Маркс, Энгельс, т. 3, 20). Предложенная Э. Б. Алаевым типология сводится к следующему: в качестве исходной единицы служит собственно человеческое поселение, в котором выделяются городские и сельские поселения. Далее, в самих городских поселениях различаются город и городской поселок, а в сельских поселениях—поселения не сельскохозяйственного профиля и села. Само человеческое поселение в целом определяется как «территориально целостный и компактный ареал концентрации населения со всеми

необходимыми условиями и оборудованием для жизни, труда и отдыха людей...» (Алаев, 1977, 82; см. также: Human Settlements, 1977, 3). Подобное определение представляется весьма продуктивным, оно позволяет включить в себя различные исторически сформировавшиеся типы поселений независимо от преобладающей роли в каждом из них одной из двух отмеченных форм разделения труда, благодаря выделению доминантных, сущностных характеристик человеческих поселений.

Основой выделения сельских поселений служит, таким образом, определенная сфера приложения труда, а именно сельскохозяйственное производство. Вместе с тем, для современной эпохи характерно возникновение сельских поселений, «в которых сельскохозяйственное производство не является доминирующей сферой приложения труда, а то и вовсе отсутствует» (Алаев, 84), что и служит ему основанием для выделения специального блока—поселений не сельскохозяйственного профиля. Учитывая, однако, указанный критерий выделения сельских поселений в целом, представляется сомнительной правомерность отнесения подобных поселений к сельским; их следует, видимо, рассматривать или как еще одну форму функционирования городских поселений, или, скорее, как некое промежуточное звено между сельскими и городскими поселениями. В этой связи заслуживает внимания используемое в зарубежной литературе понятие «сельско-городского континуума» (*urban-rural continuum*), которое призвано выразить характерную для современной эпохи ситуацию, когда «социально или физически простой четкой дихотомии города и деревни больше не существует..., нет определенной точки, где заканчивается сельское и начинается городское» (Словарь общегеографических терминов, 320). Можно согласиться с мнением, что «линия, которую проводят между городским и сельским населением в статистических или переписных целях по необходимости является переменной» (Там же).

Непосредственным объектом нашего исследования являются собственно сельские поселения (село, деревня). Сельское поселение можно определить как определенный пространственный локус, включающий все необходимые условия и средства для обеспечения жизнедеятельности людей, занятых в сельскохозяйственном производстве. Под пространственным локусом понимается в данном случае территория, на которой расположены не только жилые, производственные, хозяйственные, культовые и иные постройки, но также и все сельскохозяйственные угодья вместе с функционирующими сезонными поселениями. На основе рассмотренных в литературе видов сельских поселений можно выделить следующие их основные типы: а) поселения, в которых жилая часть (селить-

ба) и другие элементы расположены компактно, составляют единое целое; именно к этому типу относятся сельские поселения Армении; б) поселения, жилая часть которых расположена вне административного, хозяйственного и культурного центра; в) возможно также выделить тип поселений, который в наибольшей степени присущ современным США и другим развитым странам Запада. Речь идет о крупных фермах, не имеющих контакта друг с другом и не имеющих также определенного административного и культурного центра (см. также: Otterbein, 1977, 24—25). В этой связи можно вспомнить также известные этнографам «большие (длинные) дома» в ряде азиатских стран, которые в определенном смысле выступают как однопорядковые с сельским поселением явления или, другими словами, как их функциональные аналоги.

Рассмотрение сельского поселения в качестве определенной целостности, системы предполагает вычленение в ней определенных элементов. В исторической ретроспективе в качестве таковых можно выделить следующие основные: а) селитьба; б) хозяйственные постройки; в) центр; г) культурно-бытовые учреждения; д) культовые объекты; е) оборонительные сооружения и др. Одной из важных характеристик поселений является также численность проживающего в них населения. Такой набор компонентов характерен для любых поселений интересующего нас типа вне зависимости от времени и места их функционирования. Вместе с тем естественно, что те или иные из элементов (например, оборонительные сооружения и др.) могли не присутствовать в тех или иных конкретных поселениях в силу исторических причин самого различного порядка. Признанием наличия определенного универсального элементного набора сельских поселений и их выделением, конечно же, не может ограничиваться изучение последних, поскольку на этом уровне не представляется возможным выявление и объяснение их региональных и иных вариантов. Для решения этой задачи большое значение приобретает выяснение того факта, что при построении локальных типологий учитываются не только природа составных элементов изучаемой системы, сколько способы их связи, соединения в целом. Подобный подход к изучению поселений представляется весьма продуктивным и, на наш взгляд, именно благодаря его применению в литературе выделяются кучевой, компактно-слитный, улично-ветвистый и др. типы поселений, которые призваны в известной степени отразить форму, конфигурацию поселений как целостных объектов. Однако самые конкретные варианты отмеченных комбинаций элементов поселений различаются в очень большой степени и не только на уровне сравнения различных этнических культур, но также и в пределах одной

культуры. Все это свидетельствует о необходимости тщательного и всестороннего изучения тех факторов самого различного характера, под влиянием которых происходило и происходит формирование поселений, а также их развитие и трансформация во времени.

В первую очередь следует отметить особую важность учета уровня социально-экономического развития изучаемых этнических культур, находящего свое отражение в той или иной степени во всех элементах материальной и духовной культуры. Подобный подход особенно значим для настоящего исследования, которое, как известно, охватывает два качественно различных, формационных этапа в развитии армянского этноса—капиталистический и социалистический. Изменение специфики поселений в соответствии с тем или иным уровнем социально-экономического развития происходит посредством влияния на них различного рода постоянно действующих факторов. При этом, как это будет показано ниже, сами эти факторы, в зависимости от конкретного этапа исторического развития, могут играть неодинаковую роль и иметь различную степень воздействия на развитие и изменение структуры сельских поселений.

В качестве основного фактора, влияющего на процесс формирования и развития поселений, следует указать на природно-экологический фактор. В литературе неоднократно отмечалось, что различные элементы культуры этносов в различной же степени несут на себе печать, с одной стороны, этнической традиции, а с другой,—природной среды их обитания. Сельские поселения, на наш взгляд, относятся к тем элементам этнической культуры, основные формообразующие характеристики которых в наибольшей степени детерминированы средой обитания, конкретно, специфической рельефа местности их расположения. И это естественно, поскольку каждый народ, вне зависимости от присущих ему культурных традиций, при основании сельских поселений в первую очередь руководствовался чисто прагматическими, жизнеобеспечивающими соображениями, которые заключались в выборе местности, по возможности оптимальным образом отвечающей их потребностям в пригодной для обработки земле, в источниках воды, в здоровом климате и т. д. Очевидно также, что каждый этнос мог варьировать в выборе наиболее удобного места заселения лишь в пределах строго ограниченной территории. В этом смысле можно говорить о наибольшей (по сравнению с другими элементами культуры) «отчужденности» поселений от людей-носителей данной культуры в смысле отсутствия в них этноспецифической маркированности.

В качестве следующего фактора необходимо отметить фактор субъекта деятельности применительно к сельским поселениям.

Как отмечалось, культура в целом и культура жизнеобеспечения, в частности, являются социальными феноменами и правильное понимание их соответствующих подсистем и элементов предполагает рассмотрение последних сквозь призму социального организма. Так, при изучении отдельных систем жизнеобеспечения этноса неправомерно связывать их с отдельно взятыми индивидами и интерпретировать на основе их витальных потребностей. Из всех рассматриваемых в данном исследовании систем жизнеобеспечения поселение служит, видимо, наиболее ярким примером этому, поскольку оно является условием (и в то же время результатом) поддержания существования и дальнейшего развития человеческих общностей. В связи с этим возникает вопрос, для функционирования какого именно типа человеческих общностей призвано служить поселение, или, другими словами, кто является субъектом жизнедеятельности в пределах сельского поселения. Можно согласиться с теми авторами, которые указывают, что «...специфическим способом функционирования деревни как подсистемы общества в целом является жизнедеятельность сельского населения» (Методологические проблемы..., 1977, 60). Представляется, однако, недостаточным лишь простое выделение сельского населения в качестве субъекта деятельности. Необходимо, на наш взгляд, хотя бы в самых общих чертах выявить конкретные формы социальной организации сельского населения. Это тем более актуально для настоящего исследования, поскольку в данном случае речь идет об изучении сельских поселений Армении двух качественно различных исторических периодов.

При рассмотрении истории Армении в период с рубежа XIX—XX вв. и до сегодняшнего дня, представляется возможным выделить три основные поступательные формы социально-экономической организации в сельском хозяйстве—общинную, кооперативно-колхозную и государственно-хозяйственную. В соответствии с этим проблема субъекта жизнедеятельности решается следующим образом: если в первом случае (на рубеже XIX—XX вв.) в качестве такового выступает сельская община, то во втором и в третьем—сельский (сельско-поселенческий) коллектив. Форма социально-экономической организации сельского коллектива в колхозах, в известной степени возникшая на основе сельской общины, в свою очередь, служит основой для организации государственных хозяйств. Эти последние в наибольшей мере детерминированы господствующим в нашей стране способом производства и функционирующей социально-политической системой, в соответствии с чем и максимально контрастируют с сельскими общинами.

Одним из характерных проявлений качественных сдвигов в советской деревне является, в частности, постоянный рост чис-

ленности социально смешанных семей, что привело к своеобразному разбавлению собственно крестьянского населения, к постепенной трансформации, а то и забвению определенных традиций, сложившихся на протяжении многих столетий. Изменение структуры сельского населения имело существенное влияние на многие стороны жизни села, оно явственно ощущается и на примере собственно поселений под углом зрения наличия и принадлежности составляющих их кварталов, т. е. перехода от родственно-азговых к соседским кварталам. С другой стороны, рассмотрение данного вопроса может служить также яркой иллюстрацией факта исчезновения в структуре поселений разделения на кварталы зажиточных и бедных крестьян.

Еще одним фактором, влияющим в определенной степени на структуру поселений, является сфера сельскохозяйственного производства, доминирующая в том или ином из изучаемых районов Армении. Доминирование определенной отрасли сельского хозяйства (скотоводство, плодоводство и др.), продиктованное в конечном счете высотной зональностью поселений, оказывало решающее влияние на такой их специфический элемент, как сезонные (временные) поселения. Это влияние проявлялось в различии удаленности их от основных (стационарных) поселений, времени их функционирования, поло-возрастном составе проживающих там людей и др. Немаловажно также влияние отмеченного фактора на размеры поселений, усадеб, их взаимное расположение, что служит показателем свободной или компактной застройки жилой части поселения в целом. В качестве другого важного следствия можно указать на относительную прибыльность выращиваемых сельскохозяйственных продуктов, что служит мощным стимулом роста и развития сельских поселений. Для понимания основных тенденций роста или сокращения сельского населения большое значение имеет факт наличия или отсутствия близлежащих крупных городских центров, что особенно ощущается на современном этапе.

Одним из существенных факторов, влияющих на специфику сельских поселений Армении периода XIX—XX вв. является внешняя социокультурная среда. Отсутствие четких и хорошо охраняемых государственных границ, а также наличие постоянной угрозы извне оказали, как это будет показано ниже, значительное влияние на форму сельских поселений Армении в начале этого периода.

Таковы те основные, на наш взгляд, факторы, под воздействием которых формируются локальные варианты сельских поселений Армении, и которые определяют основные пути их дальнейшего развития. Их рассмотрение в предложенной очередности ни-

как не адекватно форме и степени их реального воздействия, поскольку все они находятся в неразрывной связи друг с другом. Одна из основных задач последующего изложения именно и будет состоять в том, чтобы показать и, по мере возможности, объяснить относительное превалирование тех или иных факторов и, наоборот, «угасание» других, исходя из конкретных условий функционирования поселений.

* * *

Проблема изучения сельских поселений Армении является одной из наименее исследованных в литературе. Насколько нам известно, на сегодняшний день практически отсутствуют специальные работы (будь то статьи или монографии), посвященные целостному рассмотрению сельских поселений того или иного периода, тех или иных регионов, не говоря уже по Армении в целом. Указывая на это, мы, однако, нисколько не отрицаем факта наличия различного рода сведений об армянских сельских поселениях, в частности дореволюционного периода их развития, которые, к сожалению, носят в основном отрывочный характер, во многом объясняемый тем, что часто их авторы не являлись профессиональными этнографами или историками.

Несмотря на бурное развитие за годы Советской власти этнографической науки в Армении, проблема целенаправленного и систематического изучения сельских поселений все еще остается вне поля зрения современных исследователей. Правда, в некоторых работах можно встретить ряд интересных наблюдений и обобщений (см. например, Вардумян, Карапетян, Лисициан 1962; Вардумян, Карапетян, 1963, Лисициан 1962; Мнацаканян, 1956; Папухян, 1963; Халпахчян, 1971, и др), которые во многом способствовали уяснению и уточнению исследуемых в настоящей книге проблем.

С другой стороны, как в армянской этнографической литературе, так и в советской в целом, очень мало работ, посвященных изучению поселения как определенного социокультурного феномена, его места в системе элементов культуры этноса, основных принципов его типологизации и других теоретических проблем. В этом смысле особого внимания заслуживает статья М. Н. Витова «О классификации поселений» (Витов, 1953), по сути дела, это и сегодня единственная работа, специально рассматривающая отмеченный круг вопросов. Именно под воздействием этой статьи формировались некоторые исходные положения настоящего раздела работы. Следует выделить также статью Т. В. Станюкович, посвященную основным достижениям советской этнографической науки

в деле изучения поселений нашей страны в целом (Станюкович, 1975).

Заканчивая вводный раздел, специально оговорим, что предлагаемый ниже анализ сельских поселений, их классификация и типологизация по трем регионам, будучи первой попыткой такого рода, естественно никак не претендуют на полное и всеобъемлющее рассмотрение всех проблем, встающих при изучении сельских поселений Армении.

§ 1. СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX ВВ.

Армения в силу своего географического расположения на протяжении почти всей своей истории служила ареной противоборства между наиболее мощными державами этого региона—сначала Персии и Византии, а впоследствии уже Персии, Османской империи и царской России, которые рассматривали Армению в качестве важного стратегического плацдарма для проведения своей агрессивной политики. Постоянное отсутствие стабильного положения, непрекращающиеся войны с иноземцами за право на самостоятельное существование оказали определенное влияние на многие стороны культуры армянского этноса. В силу часто изменчивости военно-политической обстановки люди нередко бывали вынуждены оставлять свои села и основывать новые в других, более безопасных местах. Именно поэтому сколько-нибудь систематическая и полная реконструкция истории отдельных поселений—трудноосуществимая задача, требующая специальных исследовательских усилий.

В этой связи для нас особый интерес представляют массовые перемещения армянского населения, происходившие в конце 20-х—начале 30-х годов прошлого столетия, в результате заключения Россией двух договоров— с Персией (1828 г.—Туркманчайский) и с Османской империей (1829 г.—Адрианопольский), по которым часть территории Армении вошла в состав России. Вследствие победоносной войны России в текстах названных договоров были включены специальные статьи, согласно которым армянам, проживающим в Персии и Турции, разрешалось в течение года переселиться в армянские области, отошедшие к России. Несмотря на множество препятствий, чинимых Персией и Турцией, более 150 тысяч армян переселилось в Восточную Армению. Именно к этому времени и относится формирование большинства современных поселений Армении, в особенности трех исследуемых в данной работе ее регионов.

При выборе места в процессе формирования этих поселений далеко не последнюю роль сыграл такой фактор, как наличие в

старых поселениях церквей. Значение этого фактора становится понятным в свете учета большой роли религии в ту эпоху. Оскверненные церкви, построенные еще первыми поселенцами (необязательно их предками), а также сохранившиеся кое-где армянские кладбища, как бы обязывали вернувшихся армян поселиться здесь, чтобы привести их в подобающий («божеский») вид. С другой стороны, наличие самой церкви, сохранившиеся следы жилых комплексов, свидетельствуя о том, что здесь когда-то жили люди, указывали на предпочтительность выбора именно данного, конкретного места.

Вместе с тем постоянная угроза со стороны Персии и Турции вынуждала местное население (как коренное, так и вновь прибывшее) селиться в труднодоступных местах и направлять усилия на организацию такого поселения, которое было бы способно обеспечивать наибольшие возможности для обороны.

С ю н и к

Из всех исследуемых регионов наиболее разнообразным по природно-климатическим и физико-географическим условиям является Сюник. Местному ландшафту более, чем в двух других регионах, присущи многочисленные горные хребты, глубокие ущелья, большие массивы лесов, вследствие чего ровные территории занимают здесь незначительную площадь. По этой причине и сами местные поселения по своим размерам и численности были сравнительно небольшими—в среднем 80—100 хозяйств, количество душ на каждое хозяйство составляло при этом 6—7 человек. Большинство старых поселений Сюника хорошо просматривалось лишь с ограниченного числа точек и в основном было ориентировано на юг, юго-восток и, в меньшей степени, на восток.

Специфика местного рельефа неизбежным образом должна была повлиять и на общую конфигурацию поселений, придавая им определенное своеобразие, в отличие от поселений других регионов с иным типом рельефа. «Подчеркивая своими объемными формами и расположением построек рельеф местности, селения органически вписываются в окружающий горный пейзаж, составляя с ним единое целое» (Халпахчян, 1971, 13).

Старые поселения Сюника, как правило, были расположены на крутых склонах гор, в ущельях рек. Подобное, на первый взгляд, нерациональное решение объяснялось, однако, следующими обстоятельствами. В качестве одной из важных причин следует указать на уже отмеченную выше нестабильность военно-политической ситуации в этом регионе. В условиях постоянной угрозы нападения иноземцев местное население с давних пор вынуждено

было селиться по возможности в труднодоступных и соответственно, более или менее легкозащитимых местностях. Во имя обеспечения своей безопасности они вынуждены были пренебрегать теми многочисленными трудностями (например, при строительстве домов, прокладке дорог), которые возникали в результате проживания в столь неудобных местах.

С другой стороны, однако, подобное расположение поселений имело и свои положительные стороны. Основание поселения в более высоких зонах, на плато, оказывалось нецелесообразным в силу постоянного протекания здесь потоков холодного воздуха. А этот момент, если учесть качество жилищ того времени, конечно же, естественным образом создавал значительные неудобства для формирования постоянных поселений. Строительство же домов внизу, вдоль рек, практиковалось сравнительно редко, поскольку климат там характеризовался большой сыростью и влажностью. Помимо этого, земли, расположенные в низинах, были единственными, пригодными для обработки и именно там находилась подавляющая часть садов и огородов местных поселений.

Таким образом, проживание на склонах гор, в ущельях рек было не случайным явлением, оно было продиктовано рядом причин и имело, наряду с отрицательными, также и свои положительные стороны.

Влияние подобного месторасположения в первую очередь и наиболее явственно ощущается в самой форме проявления кучевого и компактно-слитного типов застройки, являющихся доминирующими в поселениях Сюника в рассматриваемый период. Как правило, оба этих типа имели место в каждом поселении, лишь в отдельных случаях кучевой соседствовал с улично-ветвистым типом застройки (Карчеван, Курис). В условиях местного рельефа кучевой и в еще большей степени компактно-слитный тип застройки принимал вид ярусного расположения домов, при котором крыша одного дома служила двором для другого, расположенного выше по склону. Следует отметить, что специфика компактно-слитной застройки заключалась в большинстве случаев в непосредственном примыкании друг к другу домов не столько по горизонтали, сколько по вертикали. Тем самым можно говорить об определенной корреляции компактно-слитного типа застройки с ярусным расположением домов. Большая степень распространенности компактно-слитной застройки объясняется также и тем, что она давала ряд преимуществ оборонительного характера, так как позволяла посредством специальных ходов сообщений—«акнатов» (об этом более подробно смотри вразделе о жилище) передавать оружие и другие предметы, а в случае крайней необходимости люди могли переходить по ним из одного дома в другой без

появления на улице. Ярусность имела место не только во взаиморасположении отдельных домов, она предопределяла также вертикальную планировку последних, при которой жилые комнаты находились над собственно хозяйственными помещениями. Сами дома были окружены приусадебными участками и не выходили непосредственно на улицу. При этом дорога от дома к улице шла вверх или вниз по склону.

В силу отмеченной развитости скотоводства в данном регионе, весьма часто рядом с каждым домом отводились небольшие участки (огороженные невысоким каменным забором), для выращивания кормовых культур и выпаса скота.

Одной из отличительных черт старых поселений являлось отсутствие в них главных улиц. Существовало множество узких улочек и тупиков, обычно мощенных камнями, в лабиринте которых постороннему человеку нетрудно было затеряться (в чем легко убедиться и сегодня, оказавшись в старых кварталах некоторых сел, например, Шванидзора). Улицы, помимо своей непосредственной функции, служили также для прогона скота в небольшом, однако, количестве, учитывая их пропускную возможность. Наряду с этим, весной и осенью, в период наибольших осадков, они превращались как бы в своеобразные русла, по которым вода стекала вниз, часто в речку.

Другим свидетельством беспорядочной планировки местных сел может служить факт почти повсеместного отсутствия единого, специально отграниченного и композиционно выраженного центра. В качестве центра поселения, служащего местом встречи и общения односельчан (исключительно мужчин), обычно выступала церковь вместе с прилегающей к ней маленькой площадью, где, как правило, располагались также дома сельской администрации. В отдельных случаях встречи крестьян проходили также на кровле того или иного конкретного дома (Курис, Шикаох), под большим деревом (Караундж). В качестве административного центра поселений выступал дом старосты, который нередко становился местом встречи крестьян всего села. Наиболее показательно, однако, что во всех исследованных селах засвидетельствовано наличие не одного, а нескольких центров, количество и расположение которых в большинстве случаев совпадало с имеющимися в данном поселении кварталами, повсеместное наличие которых было естественно в условиях общинно-азговой формы социальной организации сельского населения. Количество кварталов составляло в среднем три, однако в отдельных селах оно достигало семи (Карчеван), что, впрочем, не может быть объяснено лишь размерами самого поселения, поскольку в селе Брнәкот (несмотря на его большие размеры) было только три квартала.

Основой разделения кварталов служили форма и степень родства между отдельными, проживающими в них, семьями. Наиболее характерными в этом смысле являлись семейно-родственные кварталы, где жили представители разных, родственных фамилий, при преобладании какой-либо одной из них. Наряду с этим имелись также семейные (представители одной фамилии), родственные (примерно равное число разных фамилий, состоящих в родственных связях), семейно-соседские (представители одной фамилии и семьи, не состоящие с ними в родстве), родственно-соседские (родственные фамилии и неродственные с ними отдельные семьи). Отметим, что более полное представление о характерном для Сюника типе кварталов согласно их принадлежности требует, на наш взгляд, охвата более широкого массива поселений.

Естественными пределами расположения кварталов служило их местонахождение, что находило свое отражение и в самих их названиях (нижний, верхний, средний), они часто назывались также по фамилии преимущественно населяющей их семьи. Несмотря на совместное проживание в одном поселении, наблюдалось осознание людьми их принадлежности к тому или иному роду и соответственно—к конкретному кварталу, что в отдельных случаях принимало даже крайние формы, как, например, в с. Брнатот, где молодежь трех различных родственных кварталов враждовала между собой.

Кладбища в старых поселениях Сюника располагались на окраине села, часто на расстоянии до 500 м. Как и по всей Армении, здесь также было принято отводить под кладбища имеющиеся поблизости высоты, холмы. Сам процесс формирования кладбищ в Сюнике, как и по Армении в целом, проходил в два этапа. На первом этапе, совпадающем со временем основания церкви, захоронения производились на прицерковной площади. Сама церковь при этом строилась обычно на окраине села. В дальнейшем, по мере роста поселения, церковь оказывалась в центре села, вследствие чего для захоронения отводился новый участок за пределами поселения. Именно эти кладбища и продолжали функционировать в рассматриваемый период. Что касается прицерковных кладбищ, то там хоронили лишь «вардапетов»—духовных лиц высшего ранга.

Для большинства местных кладбищ было характерно наличие родственных подразделений, число которых вследствие этого нередко совпадало с числом родственных же кварталов (Караундж, Шикаох).

Одной из главных проблем, создаваемых местным рельефом, являлись дороги, точнее, почти полное отсутствие более или менее

благоустроенных и удобных дорог. Следует указать, что и сегодня прокладка автомобильных магистралей в Сюнике связана с большими техническими трудностями. По этой причине связь между отдельными поселениями не носила регулярный характер, а осуществлялась по мере необходимости, что, наряду с отсутствием поблизости крупных городов, еще больше способствовало изоляции отдельных общин и консервации их основных традиций. С другой стороны, это имело и свои положительные стороны, поскольку затрудняло проникновение в данную местность крупных сил противника и тем самым облегчало задачу обороны от последних.

Наличие необходимого количества родников имело жизненно важное значение для функционирования поселений рассматриваемого периода, поскольку они обычно являлись единственными источниками питьевой воды. Более того, от наличия постоянного источника воды зависела возможность выдерживать долговременную осаду противника. Исходя из этого, в случае отсутствия родников в границах самого села, вода поступала по специально проведенным под землей трубам из родников, расположенных вне поселения (Шванидзор). Однако почти во всех селах Сюника имелись родники в количестве от одного (Карчеван, Курис) до семи (Брнакот). Находились они в разных частях поселений, но один из них, обычно, всегда имелся в центре села; все они вне зависимости от месторасположения были общесельские, хотя и понятно, что при наличии источника в конкретном квартале местными жителями предпочтение отдавалось именно ему.

Степень развитости и наличие различных культурно-бытовых и производственных объектов в поселениях Сюника вполне соответствовала уровню социально-экономического развития армянского села в рассматриваемый период. Заслуживает внимания то, что во всех селах (за исключением таких маленьких, как, например, Курис—100 жителей, 20 хозяйств) обязательно имелись небольшие приходские школы, дающие необходимый минимум знаний.

Из объектов бытового назначения были наиболее распространены небольшие магазинчики (духаны), в которых продавались различные товары. В ряде сел (Брнакот, Караундж, Хознавар) имелись свои парикмахерские, находящиеся во владении какой-либо одной семьи. В тех же селах, где их не было, практиковался проезд по установленным дням парикмахера из соседнего села. Все отмеченные объекты, как правило, располагались в центре поселения или недалеко от него.

К основным объектам на селе относились также кузницы (обычно располагавшиеся в центре поселения), принадлежавшие конкретной семье; мельницы, число которых в среднем достигало

4—5 (также семейные, вынесенные за пределы поселения, ближе к реке); маслодавили, правда, не во всех селах (Брнатот, Караундж). Указанные объекты приносили определенный доход их владельцам, так как их услугами пользовалось все население села.

Следует отметить также наличие почти в каждом личном хозяйстве токов, что было естественно в силу повсеместного выращивания зерновых культур. Вместе с тем, в некоторых селах их число значительно уступает числу хозяйств, что объясняется доминирующей в каждом конкретном селе сферой сельскохозяйственного производства. Так, в случае большого удельного веса садоводства и овощеводства (Карчеван), естественно, что не все хозяйства обязательным образом должны были иметь тока, поскольку более экономно было отдавать зерно на обработку за соответствующую плату (деньгами или натурой). То же самое имело место и при преимущественном занятии скотоводством. Наряду с этим, отсутствие токов зачастую являлось ярким проявлением процесса имущественной дифференциации, происходящего в армянском селе этого периода.

В рассматриваемый период в Сюнике наиболее развиты были скотоводство и садоводство, с известным превалянием первого из них, что было связано с трудностями орошения, т.е. отсутствия ирригационных сооружений. Именно этим и можно, на наш взгляд, объяснить преобладание садоводства и огородничества в селах, лежащих в низинах, близ рек и, наоборот, более развитое скотоводство в селах, расположенных выше, ближе к плато.

В силу отсутствия достаточного количества удобных для обработки земель характерной особенностью местных сельскохозяйственных угодий являлось то, что обычно пашни и сады располагались в непосредственной близости друг от друга. Более того, часто пахотные земли перемежались садами. Следует отметить также, что огороды лишь в отдельных случаях занимали специально отведенную под них территорию; как правило, они располагались в садах.

В условиях местного рельефа, когда усадьбы располагались по склону в виде ярусов, естественно, что угодия занимали земли, лежащие выше или ниже поселений. Более рационален был второй вариант, поскольку в ущельях обычно протекала река, которая служила основным средством орошения земли, а также потому, что вдоль рек находились сравнительно ровные, удобные для обработки земли. Средняя удаленность их от поселений составляла примерно от 0,5 до 5—7 км.

В условиях повсеместного развития скотоводства каждое се-

ло имело специальные пастбища, дифференцированные по сезонам—летние, весенне-осенние, зимние, куда выводился весь наличный крупный и мелкий рогатый скот. Из-за отсутствия скотоводческих ферм, скот практически в течение всего года находился на пастбищах, куда для присмотра за ним выезжала часть сельского населения. При этом, если в период примерно с ноября по июнь месяцы выезжали почти одни только мужчины, то в течение лета (июнь—сентябрь) вместе с ними там находились женщины, дети и старики. Следует отметить, однако, что в период созревания плодов мужчины возвращались в село, как для охраны садов, так и для последующего сбора урожая. При этом в самих садах строились временные летние, приподнятые над землей, деревянные сооружения—сторожки, служащие местом ночлега для сторожей.

Ширак

Ширакский историко-культурный район расположен на плоскогорье, поэтому и территории, занимаемые местными поселениями, не характеризуются столь большим, в смысле рельефа, разнообразием, как в Сюнике. В основном это довольно ровные пространства с не очень значительными перепадами. Сама местность здесь весьма отличается от остальных регионов—отсутствие лесов, длинные цепи гор, большие пространства необработанных земель.

По числу хозяйств местные поселения (основанные, как правило, переселенцами из Западной Армении) на начало века представляли весьма пеструю картину: в ряде сел их число составляло 60 (Баграван, Арич), в других—250 (Мармашен, Джрарат), в третьих—140 (Казанчи). При этом, однако, число душ на каждое хозяйство составляло обычно 6—7 человек. Поселения были ориентированы почти исключительно на юг (редко на юго-восток или юго-запад) и в основном хорошо просматривались.

По типу застройки поселения Ширака следует отнести к кучевому и компактно-слитному, сочетание которых наблюдалось практически в каждом селе. В отличие от Сюника, здесь не приходится говорить о ярусном расположении домов, поскольку сам рельеф местности диктовал их расположение на одном уровне. Тем не менее, в отдельных случаях, а именно, на особенно крутых участках, преимущественно встречался компактно-слитный тип застройки.

Преобладание подобной застройки, несмотря на наличие в достаточном количестве удобных для заселения территорий, опять-таки объясняется причинами оборонительного характера, стрем-

лением такой пространственной организации поселения, которая создавала бы по возможности оптимальные условия для его защиты. Именно этим целям служили также имеющиеся в домах квартально-слитной застройки отмеченные выше «акнаты». Дома (одноэтажные, составляющие как бы единое целое с подсобно-хозяйственными помещениями), окруженные приусадебным участком, строились в тесном соседстве друг с другом и выходили на маленькие и узкие улочки, расположение которых носило беспорядочный характер. Подобное впечатление от поселения усиливалось отсутствием главной улицы. В условиях преимущественного занятия местного населения скотоводством, улочки здесь также служили скотопроезным путем, что, естественно, не способствовало чистоте поселения в целом.

Повсеместное членение поселений на кварталы носило родственно-соседский характер, что отражалось в наиболее принятом здесь их названии по фамилии какой-нибудь одной семьи из данного рода. Поскольку ровный рельеф не давал особых ориентиров для пространственного разграничения отдельных кварталов, лишь в отдельных селах встречалось обозначение кварталов в соответствии с их расположением в селе—верхний, нижний (Арич, Мармашен). Кварталов в поселениях Ширака обычно насчитывалось от двух до четырех, хотя в с. Джаррат их число доходило до шести.

Показателем степени значимости квартальной дифференциации поселений, как основной формы их структурности, может служить тот факт, что в ряде сел (Джаррат, Мармашен) каждый квартал, в отсутствие общесельского центра, имел свой собственный центр, который находился на кровле определенного дома (собирались у «ердика»), либо в жилом отсеке коровника («гоми ода»). В отдельных случаях, помимо квартальных центров, имелся и единый, общесельский (Арич). С другой стороны, во многих случаях даже при наличии родственно-соседских кварталов имелся общесельский центр—прицерковная площадь (Баграван). Там же, как правило, располагалась администрация села.

Характерной особенностью поселений Ширака является наличие в них, как правило, двух кладбищ, расположенных в основном к юго-востоку от села. В некоторых случаях основание новых кладбищ было связано или со временем переселения в данное поселение армян из Западной Армении (Сарнахпур), или с массовыми заболеваниями со смертельным исходом (например, Арич, где в 1892 году была эпидемия холеры). В остальных случаях функционирование двух кладбищ можно, видимо, объяснить тем, что в условиях наличия больших пространств незаселенных и необрабатываемых земель, община по мере своего роста могла поз-

волить себе (в отличие от Сюника) выделить новые территории для захоронения. Другим отличительным признаком является меньшая распространенность на местных кладбищах родственных участков (в отличие опять-таки от Сюника), хотя и они весьма часты (Мармашен, Арич).

Культурно-бытовые объекты в селах Ширака были представлены: приходскими школами, которые имелись во всех поселениях; небольшими магазинчиками (духанами), бывшими во владении отдельных семей и расположенными обычно в центральной части села; парикмахерскими, также семейными и расположенными в центре. Иногда они могли принадлежать и отдельному роду в целом.

Из хозяйственно-производственных объектов следует отметить почти повсеместно имеющиеся кузницы (число их иногда достигало четырех, например, в селе Казанчи); мельницы (от 3 до 11); маслодавильни (1—2 на село, обычно в самом поселении или чуть дальше). Все указанные объекты были семейными или родственными. Тока имелись в каждом хозяйстве и выносились обычно за пределы села.

Источниками питьевой воды служили многочисленные родники (от 2 до 7), которые имелись, как правило, в каждом поселении, в разных его частях. Иная картина наблюдалась в селе Баграван, где единственным источником питьевой воды был колодец, удаленный от села на 1,5 км. При высыхании его приходилось использовать воду из р. Ахурян—единственной наиболее значительной водной артерии данного региона. Множество речушек и ручьев, стекающих с гор в период таяния снегов, также использовались для орошения земельных угодий местных сел.

Структура земельных угодий поселений Ширака во многом была предопределена суровым высокогорным климатом, что в первую очередь нашло свое отражение в практически повсеместном отсутствии садов, и, в несколько меньшей степени, огородов. Эти последние занимали незначительную площадь, как правило, в пределах самого села (в приусадебных участках) или на территории пахотных земель. Вследствие этого основными сферами сельскохозяйственного производства в рассматриваемый период являлись выращивание зерновых культур и скотоводство.

Пашни располагались обычно ниже и выше от сел, на расстоянии от 2 до 10—15 км и занимали весьма значительную площадь (Сарнахпюр—1400 га, Баграван—1200 га), на которых, как правило, находились также и естественные сенокосы.

Холодный климат определенным образом влиял также на структуру самих пастбищ местных поселений. Так, здесь практически отсутствовали специализированные зимние, осенне-весенние

пастбища, поскольку зимой, из-за сильных холодов, скот содержался в селах, в особых помещениях (гом), а весной и осенью близлежащие к селу территории в полной мере обеспечивали их кормом. Лишь летом, с июня по сентябрь месяцы, в пору жаркой погоды, скот (крупный и мелкий) выводился на специальные пастбища, удаленные от сел до 7—10 км, куда выезжала часть мужского населения, а также женщины и дети. Помимо этого здесь, как и в Сюнике, рядом почти с каждым домом имелся огороженный камнями участок, иногда весьма значительный по площади, на котором выращивались кормовые культуры. Участок служил также местом выпаса домашнего скота.

Айрат

Айратский историко-культурный регион расположен на Араратской равнине. Плодородная почва, умеренный климат, а также большое число оставленных пришлыми мусульманами поселений привлекали сюда большое количество армян-переселенцев, и в скором времени здешние села стали наиболее многочисленными и крупными в Восточной Армении. Так, в исследуемый период в Айрате имелся ряд поселений с населением 2000 и более человек (Октембер, Налбандян, Арарат и др.), со средним числом душ на каждое хозяйство примерно в 6—7 человек. Расположенные в долине, местные поселения с преимущественной ориентацией на юг и юго-восток, хорошо просматривались.

Несмотря на широкие возможности, предоставляемые местным рельефом, в Айрате также доминировал кучевой (в меньшей степени компактно-слитный) тип застройки, что опять-таки следует объяснить соображениями безопасности. Следует отметить, что компактно-слитная форма была характерна для тех поселений (или их отдельных кварталов), которые были расположены на склонах небольших поднятий, холмов (Арагац). Сами дома (глинобитные, одноэтажные) были упорядочены по кварталам, преимущественно родственно-соседским и родственным. В отдельных случаях наблюдалось их сочетание в пределах одного поселения (Айгезард). Вследствие специфики рельефа местности, каких-либо пространственных ориентиров для их разграничения не существовало, поэтому их отличали лишь по названиям, ведущим свое начало от имени главы населяющего данный квартал рода. Количество кварталов в среднем составляло 7—8, хотя в некоторых больших селах их число было больше (в с. Арарат—30, в Советашене—13). О значении родственной дифференциации свидетельствует тот факт, что в ряде поселений каждый подобный квартал, помимо общесельского, имел свой отдельный центр. В качестве таковых зимой часто выступала жилая часть коровников

(гоми ода). Наряду с этим в некоторых селах имелся лишь один, общесельский центр, который находился обычно близ церкви, а также во дворе дома старосты или под большим деревом в середине села (с. Октембер, Айгезард, Налбандян). Дом старосты во всех случаях рассматривался как административный центр местных поселений.

В целом поселения Айрарата на начало XX века представляли собой весьма однообразную картину: отсутствие главных улиц, множество узких и кривых улочек, на которых часто можно было встретить стадо скота, глинобитные низенькие дома с небольшими приусадебными участками. Такому впечатлению способствовало также отсутствие лесов и зеленых массивов в самом поселении, что было вызвано нехваткой воды как для орошения, так и для питья. Родники были далеко не во всех селах и приходилось пользоваться источниками, удаленными на весьма значительное расстояние от последних. В этом смысле современные, утопающие в зелени поселения Айрарата сильно контрастируют со старыми селами.

Захоронения в поселениях Айрарата производились на кладбищах, расположенных недалеко от сел, на возвышенном месте. Следует отметить, что, согласно полученным в ходе исследований материалам, на кладбищах местных сел обычно не было родственных участков, в отличие от данных по другим регионам. Не желая делать поспешных обобщений и осознавая необходимость более детального изучения данного факта, тем не менее представляется возможным дать ему предварительное объяснение.

Как уже указывалось, в исследуемых нами селах Айрарата, переоснованных переселенцами из Западной Армении, в течение длительного периода практически отсутствовало коренное армянское население, что привело к разрыву местных традиций, в частности традиции захоронения на родственных (азговых) или иных участках. В силу этого необходимо было время, чтобы этот обычай вновь утвердился. Учитывая, однако, что к концу XIX в. в силу социально-экономических преобразований происходит интенсивное разложение сельской общины, данная традиция не нашла свое более или менее четкое закрепление.

Так же, как и в других регионах, единственными и обязательными культурно-бытовыми объектами являлись приходские школы, духаны (магазинчики) и парикмахерские; число двух последних было значительно больше, чем в Сюнике и Шираке, учитывая размеры местных поселений. В некоторых селах (Айгезард, Арагат, Арагац) имелись также портняжные, обувные и оружейные мастерские. Все перечисленные объекты, кроме парикмахерских, преимущественно находились в центральной части села и, несмот-

ря на их принадлежность отдельным семьям, удовлетворяли нужды всей общины. Парикмахеры (цирюльники) принимали обычно дома, специальных помещений для них не существовало.

Из производственных объектов следует указать на повсеместное наличие семейных кузниц, мельниц (вне села, иногда на значительном расстоянии—5 и более км, у реки), токов (как вне села, так и внутри него, близ домов), а также почти полное отсутствие маслодавилен.

В силу отмеченной выше нехватки водных источников, в рассматриваемый период плодоводство и овощеводство не являлись преобладающими сферами сельскохозяйственного производства. Таковыми являлись скотоводство и выращивание зерновых культур. Пашни, занимающие значительную площадь, охватывали обычно территории, расположенные вниз или вверх от села на расстоянии до 4—6 км. Там же, как правило, находились и земли, отведенные под сады и огороды. В период созревания урожая (июль—сентябрь) в садах почти всех хозяйств строились временные сторожки, в которых ночью оставались мужчины, а днем обычно женщины и дети. В большинстве местных сел сенокосы были как естественные, так и искусственные, при этом они нередко соседствовали с пашнями. Однако, в ряде случаев, они занимали специально отведенные под них земли (село Арарат и др.).

Скотоводство (крупное и мелкое) было развито во всех селах Айрарата. Зимой скот оставался в селе, в коровниках, а весной и осенью в основном пасся на близлежащих пастбищах. Однако, в отдельных случаях (Айгезард, Советашен) в марте, мае и июне скот выводился на специальные пастбища за 15—20 км от села. Лишь летом, с июня по сентябрь, скот обязательно выводился на летние пастбища, которые, учитывая географическое расположение Айрарата в целом, находились достаточно далеко—35—60 км. С ними выезжала также небольшая часть населения села—мужчины, женщины, дети.

§ 2. СИМВОЛИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Символические аспекты функционирования сельских поселений любого народа связаны с его религиозными верованиями, обуславливающими мировосприятие, присущее данной культуре. Эти верования находят свое специфическое выражение в структуре поселений. Так, рассматривая под этим углом зрения поселения народов, исповедующих христианство, можно отметить факт почти повсеместного наличия в каждом поселении одной или более церк-

вей, являющихся ядром или центром общей системы культовых объектов. О значимости и распространенности данного явления говорит и то обстоятельство, что само отсутствие церкви в поселениях служило основанием для конструирования соответствующих типологий (см. Витов, 1953, 31—32). С другой стороны, повсеместному наличию церквей в старых поселениях могли способствовать также и некоторые другие факторы, обусловленные спецификой исторического развития той или иной конкретной культуры. Так, например, принятие Арменией христианства в качестве государственной религии в 299—302 гг. явилось одним из наиболее действенных в условиях средневековья этнозащитных механизмов (см. Мелконян, 1980), направленных на ее сохранение и развитие как этнокультурной общности.

В последующий долгий период утраты Арменией своей государственности церковь выступала в качестве фактора, способствующего объединению армян и их национально-освободительной борьбе против военно-политической и культурной экспансии персов, арабов, монголов, турок и др. Бесспорно, к началу нынешнего столетия церковь уже не играла той роли в армянской действительности, что в эпоху средневековья, однако продолжала в определенной степени выполнять свои этноконсолидирующие функции, а ее история протекала в тесном переплетении с историей самого армянского народа.

Но характерные для армянских поселений культовые объекты не ограничивались лишь церквями, расположенными внутри них. В качестве таковых выступали также церкви и часовни, находящиеся за пределами поселений. Наряду с ними, однако (и это следует отметить особо), существовали и другие места поклонений, ведущие свое начало с дохристианских, языческих времен. По всей Армении широко был распространен культ священных камней, пещер, священных деревьев и рощ. Ядром всей системы культовых объектов, тем не менее, как уже отмечалось, была церковь— институциональное воплощение христианства. Естественно, что христианская обрядность за 1600-летнюю историю своего существования стала доминирующей, вытеснив на периферию обрядности в целом нашла выражение и в самом поселении, когда христианские ритуалы проходили, как правило, внутри поселения около церкви, а ритуалы с явно выраженной языческой символикой проходили вне поселения и связывались обычно с тем или иным культовым объектом.

Интерпретируя этот исторический феномен, можно сказать, что церковь, будучи закреплена в центре поселения, внутри его,

как бы выталкивала все остальные, в большинстве своём имеющие языческое происхождение культовые формы на периферию, на окраину поселения. Так, возьмем к примеру христианскую пасху, в особенности пасхальную работу. В этот день с утра все крестьяне собирались у церкви, где проходило богослужение. Там же, у церкви, проходил обряд матаха (заклания жертвенного животного). К матаху готовились заранее. Все поселяне, богатые и бедные, собирали деньги, на которые приобретали 1—2 головы крупного рогатого скота. Животное, украшенное цветами, обводили три раза вокруг церкви, после чего совершался сам акт заклания. Жертвенное мясо в сыром, а позднее чаще в вареном виде раздавали всем поселянам, а также странникам и нищим, которые собирались в этот день во дворе церкви. Остатки матаха не выбрасывали, а бережно зарывали где-нибудь во дворе церкви. Вся трапеза проходила прямо на церковном дворе.

Кроме мясного матаха, бытовал и хлебный матах, что, в особенности, характерно для праздника сбора урожая. Из «первой» муки хозяйки дома пекли лаваш (чалаки, тонкие лепешки), которые в больших корзинах выносили на церковный двор, где угощали народ, выходящий из церкви после заутрени.

На периферии же одним из наиболее распространенных по всей Армении праздников являлся «вардавар». Все население собиралось где-нибудь недалеко от села, у воды (реки, родника), веселилось, пело, поливало друг друга водой, с которой, очевидно, связана семантика этого обряда. К этому дню, приходившемуся обычно на середину июля, также был обязателен общесельский матах, мясо которого раздавалось односельчанам, а шкуру и заднюю ногу животного отдавали церкви. Остатки матаха закапывали там же, где проходило празднество, но никогда не выбрасывали. Представляет интерес также следующий обряд. В неблагоприятную погоду, в засуху, женщины, переодетые в мужскую одежду (как правило, вдовы и бесплодные), впрягшись в соху, вспахивали поле, высохшее русло реки, иногда даже саму реку. В ритуале принимала также участие мужская половина села, и этот обряд обычно сопровождался жертвоприношением, проходившим там же, за пределами села, чтобы уберечь село от грозящего голода. В этом обряде также превалировала языческая символика.

Функциональным эквивалентом его был обряд, в котором участвовало духовенство. К священному роднику отправлялись за «святой водой» водоносцы. Они на границе деревни вручали ее священнику, поскольку здесь начиналась «власть» церкви. После службы в церкви процессия крестьян во главе со священником обходила поля и освящала их «святой водой». В этом ритуале

особенно характерен переход «святой воды» из рук водоносца в руки священника, что символизировало собой ту незримую границу между поселением и пространством вне его, относительно которой были скоррелированы почти все обряды.

Рассматривая этот переход, следует отметить, что он является исторической формой проявления такой глубинной универсалии, как «культура—природа». В литературе выражения данной оппозиции в основном изучались на примере дома, жилища. «Открытость, неограниченность внешнего мира,—пишет в этой связи Т. В. Цивьян,—связана с неопределенностью и хаосом и опасна для человека. Он находит защиту в ограниченном, небольшом и потому контролируемом пространстве дома» (Цивьян, 1978, 72). Однако, на наш взгляд, «контролируемое пространство» не ограничивается домом, жилищем. Границы его совпадают с границами поселения, где и проходит водораздел между сакральным, окультуренным и профанным, т. е. всем тем, что находится на периферии культуры. Само профанное при этом представляет собой вытесненное в определенный период исторического развития данной культуры такральное. В данном случае исторически обусловленной формой проявления отмеченной оппозиции «культура—природа» и явилось то, что христианская обрядность, войдя в ядро культуры, вытеснила на периферию языческую обрядность и символику.

Обращаясь еще раз к рассмотренному противопоставлению культурного и природного, ядерного и периферийного, сакрального и профанного (внутри поселения—вне поселения), следует отметить, что оно, как будет показано ниже, актуализируется во всей культуре жизнеобеспечения. Так, например, ритуально-престижные трапезы также противопоставлялись по этому принципу.

Очевидно, что рассмотренная нами оппозиция является своеобразной культурной универсалией. С этой точки зрения обряд заклания животного (матах) представляет собой такую универсальную культурную форму, которая служила медиатором, копией, связующей члены оппозиции в специфическую мифологему сакрального с различной семантикой: языческой (вне поселения) или христианской (внутри поселения). Любой общесельский праздник, будь то ядерный или периферийный, сопровождался обрядом матаха, языческим по происхождению. В этом можно усмотреть, с одной стороны, определенную преемственность между языческой и христианской обрядностью, с другой—ассимиляцию христианством языческих ритуалов. В этом нам видится также характерная черта армянской обрядности вообще, когда такая культурная универсалия как матах одинаково присут-

ствовала и в обрядах с доминированием языческой символики, и в обрядах с христианской символикой. Преемственность заключается в том, что христианские традиции, формируясь в Армении, не возникали на пустом месте, а впитывали, модифицировали местные языческие традиции. Полифункциональность церемонии матаха состоит и в том, что и сегодня им иногда сопровождаются азговые и семейные праздники, посвященные дню рождения, проходам в армию, избавлению от различных недугов и др.

§ 3. СОВРЕМЕННЫЕ СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

С ю н и к

Как указывалось выше, в первый из рассматриваемых периодов поселения Сюника, как правило, были расположены на склонах гор, в ущельях рек, что, однако, в силу своей специфики в каждом отдельном случае диктовало различные возможности для последующего развития поселений. Можно выделить в связи с этим два основных типа формирования современных поселений Сюника.

Первый тип характерен для тех поселений, которые в силу специфики занимаемой территории практически не имели никакой возможности для своего расширения путем освоения близлежащих участков. И это естественно, поскольку в данном случае освоение низлежащих территорий было нецелесообразно в силу их занятости под сады и огороды, а кроме того здесь из-за протекавших рек находилась зона наибольшей влажности и сырости. Помимо этого, само строительство новых домов представляло большие сложности по причине отсутствия соответствующих дорог, а также других трудностей, создаваемых крутым рельефом. Таким образом, единственной альтернативой являлось не расширение старых поселений, а основание новых на других, более удобных территориях, в частности на плато. Подобным путем шло формирование таких сел, как, например, Шинуайр, Галидзор, Хндзореск и др.

Характерная особенность второго типа продиктована спецификой самого рельефа ущелья, занимаемого старым поселением. Это в основном проявлялось в том, что ущелье не было столь тесным и узким, как в первом случае и, тем самым, давало возможность развитию поселений за счет освоения близлежащих (как правило, расположенных вниз от села) территорий в непосредственной близости от садов и огородов: Примером подобного

развития являются села Шванидзор, Мегри, Карчеван и др. Такой тип формирования современных поселений следует, видимо, рассматривать как весьма эффективный, поскольку, во-первых, наличие старого поселения создавало необходимые условия для оптимального решения многих проблем, связанных со строительством новых домов и т. д. и, во-вторых, значительно облегчалось проведение ряда сельскохозяйственных работ в силу близости соответствующих земельных угодий.

Типологизация поселений Сюника по форме их застройки представляет собой весьма сложную задачу в силу большого разнообразия как самих этих форм, так и их комбинаций. Почти в каждом селе можно встретить сочетание двух-трех форм застройки, которые к тому же часто находятся почти в равном соотношении друг к другу. В этом смысле картина здесь совершенно иная, чем в двух других исследуемых регионах—Шираке и Айратате, где можно выявить более или менее упорядоченную и единую систему заселения. Тем не менее, представляется возможным выделить в качестве доминирующего по Сюнику в целом улично-ветвистый тип поселений. В соответствии с проведенной выше дифференциацией двух основных путей формирования современных поселений Сюника, сам улично-ветвистый тип застройки встречается в двух наиболее распространенных вариантах. С одной стороны, для сел, которые изначально располагались на плато (Брнатот) или уже впоследствии перебравшись на ровные территории, характерно сочетание улично-ветвистого типа с многопорядковым. С другой стороны, в селах, развитие которых шло по пути расширения старых поселений, наиболее распространен синтез улично-ветвистого с кучевым (и отчасти компактно-слитным). Это объясняется тем, что, наряду с освоением новых территорий, старая часть села также продолжала и сегодня продолжает функционировать как в силу указанных причин, так и поскольку сами старые дома—это весьма основательные, отвечающие всем необходимым требованиям каменные постройки, допускающие надстройку и модернизацию.

Следует особо отметить, что простое указание на улично-ветвистый характер застройки поселений Сюника не может дать полного представления о последней, поскольку сама форма ее проявления продиктована спецификой местного рельефа, резко отличающегося в целом от других регионов Армении. Как уже отмечалось, поселения Сюника расположены в основном на склонах гор и занимают неровную местность, вследствие чего сами усадьбы расположены как бы амфитеатром, а дороги между ними идут серпантинном. Наряду с этим, как основная улица, так и отходящие от нее ответвления, обычно крутые, узкие и да-

леко не прямые. Несмотря, однако, на это, новые улицы, в отличие от старых, дают возможность для проезда автомашин и различной сельхозтехники. В случае протекания через село реки, главная улица обычно тянется вдоль нее по одному из берегов. Улицы редко асфальтированы, каменистый грунт здесь более целесообразен для безопасности движения.

Планировка сел вносит в основном беспорядочный характер, в ряде сел наряду с этим бросается в глаза различие между старыми и новыми кварталами. В отличие от этого, во вновь основанных поселениях планировка регулярная, в несколько параллельных рядов, и в этом смысле она в известной степени аналогична существующим планировкам в селах Айрарата.

Разделение на кварталы существует во всех селах Сюника безотнositельно к их форме и месторасположению. Все они семейные, их число в среднем составляет 2—3. Сохранению семейных кварталов в первую очередь способствует, на наш взгляд, то обстоятельство, что здешние поселения характеризуются относительно стабильным составом населения, почти полным отсутствием миграции из других мест. Подобная «консервация» может быть объяснена также тем, что в целом данный регион в силу географического расположения лишь своей северной частью граничит с основной территорией Армянской ССР, что значительно снижает возможности контактов местного населения с Ереваном и другими городами; иными словами, урбанизация местных сел протекает значительно медленнее, чем в Шираке и, тем более, в Айрарате.

Основным ориентиром для различения кварталов служит место их расположения в пределах самого поселения (нижний, верхний, средний), распространенность подобного обозначения естественна, учитывая специфику местного рельефа, дающего множество соответствующих для этого ориентиров, в частности протекающие речки часто делят село как бы на две части.

Усадьбы находятся в непосредственном соседстве друг с другом; сам дом при этом со всех сторон окружен приусадебным участком, а его фасад не обязательно смотрит на улицу. Именно поэтому, а также в силу крутизны местности вход с улицы в дом обычно характеризуется спуском или, наоборот, подъемом.

Своеобразие местного рельефа определенным образом влияет также и на планировку центра поселений, который часто, в силу отсутствия подходящей для него территории, композиционно выделен недостаточно четко. Во многих случаях центр поселения не обязательно расположен в его срединной части, что наиболее характерно для сел, сочетающих новое со старым. Иная картина во вновь основанных селах, где четко выраженный

центр является необходимым элементом планировки. Архитектурно-художественное решение центральных частей поселений в основном сводится к соответствующим образом оформленным родникам общего пользования. Вообще природные родники имеются здесь во всех селах в количестве, достаточном для нормального обеспечения населения питьевой водой.

Сюник в целом один из лесистых районов Армении, что наряду с зеленым массивом приусадебных участков придает весьма привлекательный вид местным селам. Живописность ландшафта во многом компенсирует частое отсутствие различного рода декоративных элементов, столь часто встречающихся, например, в Айрарате.

Захоронения в местных поселениях проводятся на тех же кладбищах, что и в начале века. Объясняется это как отмеченным рациональным использованием земель, так и тем, что здесь в принципе не наблюдается качественного прироста населения. Кладбища в Сюнике более, чем где-либо, характеризуются сохранением традиционных форм надгробных памятников, несмотря на наличие некоторого стилового разнообразия, особенно в крупных селах. Былое деление на родственные участки не сохранилось, оно (в виде семейных участков) встречается лишь в отдельных селах (Курис), численность населения которых имеет тенденцию к сокращению.

Сюник богат памятниками церковной архитектуры, и в каждом селе сохранились церкви, которые, однако, ныне не функционируют. Религиозным центром региона является действующая церковь в Сиснани. Местное население в целом (включая и самое старшее поколение) отличается своим довольно скептическим (или даже прагматическим) отношением к церкви и слабым знанием календарной привязки и обрядности христианских праздников, хотя некоторая часть его наиболее значимые праздники отмечает.

В силу незначительной площади пригодных для обработки земель, число поселений в Сюнике сравнительно меньше, чем в других регионах, потому и сами они находятся в основном на значительном удалении друг от друга. В свою очередь горы и глубокие ущелья создают значительные трудности для проведения широкой сети дорог. Тем не менее, автомобильные дороги, в отсутствие железнодорожной линии, являются основным способом сообщения между селами; дороги, как правило, проходят непосредственно через села. За последние годы все большее распространение получает воздушное сообщение, которым сегодня связаны со столицей республики все четыре райцентра.

Производственных объектов в селах Сюника меньше, чем в

других регионах, однако кузницы и электромельницы есть везде. Обычно они расположены на окраинах сел, но вдали от кладбищ.

При рассмотрении структуры земельных угодий поселений Сюника следует учитывать отмеченные выше различия в их месторасположении. Так, если в поселениях, расположенных в низинах, преобладают сады, то поселения, находящиеся на плато, характеризуются большим удельным весом пашен; в обоих случаях они сочетаются с огородами. В период созревания плодов и овощей (июнь—октябрь) функционируют сторожки (легкие деревянные сооружения, рассчитанные на 1—2 человека и приподнятые над землей на 2—3 метра), в которых обычно остаются мужчины. Днем эту обязанность иногда выполняют также женщины и взрослые дети. Удаленность их от поселений составляет примерно 3—5 км, число их колеблется в зависимости от размеров хозяйств (10—15 шт.). Успешному решению проблемы орошения во многом способствует наличие в Сюнике рек. В частности, широко используются воды Аракса, Воротана, Карчевана, а также множества мелких горных ручьев. Сенокосы, расположенные обычно вблизи пашен, в основном естественные, однако имеются и искусственные, уступающие им по своей площади.

В Сюнике, в силу благоприятных природно-климатических условий, весьма развито скотоводство, несмотря на некоторое уменьшение за последние годы его удельного веса. Крупный и мелкий рогатый скот в течение практически всего года находится на пастбищах, специализированных по сезонам (летние, зимние, осенне-весенние). Удаленность их от поселений различна—от 2 до 20—30 км. По мере строительства ферм (обычно расположенных вне села в направлении, противоположном кладбищу) в ряде хозяйств скот зимой содержится в них. Наряду с этим, по мере возможности, рядом с домом часто выделяется специально огороженный каменным забором участок для выращивания кормовых культур—люцерны и др. Из-за крутизны местности близлежащие к селу выгоны предназначены для выпаса лишь индивидуального скота. Но следует отметить, что села Сюника весьма варьируют по высоте своего расположения; естественно, с ростом высоты убывает выраженность садоводческих элементов в поселении и нарастает выраженность скотоводческих.

Ширак

В общем процессе формирования современных поселений Ширака можно выделить два основных типа: а) новое поселение строится на месте старого путем его реконструкции, при этом новый дом возводится впригык к старому, который впоследствии

начинает служить в качестве подсобного помещения; б) реконструкция старого села сопровождается преимущественным расширением его за счет освоения окраин. Отмеченные два типа встречаются не в чистом виде—как правило, они синтезированы. Тем не менее, в каждом отдельном случае представляется возможным выявить превалирующую роль одного из отмеченных вариантов развития поселений. Наблюдается также основание поселения на новом месте. Объясняется это обычно причинами сугубо природно-географического порядка. Так, в одном случае это оползни, заставляющие перебираться на новую, более безопасную территорию. В другом—землетрясения, имевшие место в Шираке в 20-х годах, когда население оставляло старое место и строило новое поселение.

Численность населения в местных селах колеблется от 600 до 1500 человек; наибольший показатель в обследованных селах зафиксирован в Сарнахпуре—2447 человек. На одно хозяйство в среднем приходится 5 человек. Явной тенденции к уменьшению населения не отмечается, хотя положение в этом вопросе несколько иное, чем в Айрарате: если в одних селах в период с 1970 по 1979 гг. происходило некоторое сокращение населения (Мармашен—1404—1350; Казанчи—588—537), то в других, наоборот, наблюдалось его увеличение (Сарнахпур—2397—2447).

Поселения Ширака, будучи расположены на плоскогорье, занимают территории со сравнительно ровным рельефом. Ориентированы они исключительно на юго-восток и достаточно хорошо просматриваются. По форме своей местные поселения представляют сочетание улично-ветвистого типа с разбросанным при явном преобладании первого. В большинстве случаев здесь отсутствует четкая планировка, улицы проложены в соответствии с особенностями рельефа; они, как правило, не имеют специальных названий и вследствие этого не могут служить в качестве ориентиров. В качестве последних и по сей день служат кварталы, на которые разделены поселения.

Можно выделить три основных принципа выделения кварталов в местных поселениях: а) семейно-соседские кварталы, с преимущественным проживанием семей, восходящих к единому корню, а также семей, не имеющих с ними каких-либо родственных связей. Сохранению семейно-соседских кварталов способствует, на наш взгляд, меньшая мобильность местного населения, незначительная миграция из других районов, что и приводит к сравнительно постоянному составу населения; б) кварталы, выделяемые по месту их расположения—нижний, верхний (Мармашен, Арич); в) в ряде сел выделяются кварталы, основную массу жителей которых составляют семьи репатриировавшихся зарубежных армян,

которые предпочитают обычно селиться вместе, компактной группой (Сарнахпюр). Отметим, что ни одно поселение не представлено каким-либо одним из перечисленных видов кварталов, наоборот, почти в каждом из них встречается их сочетание. С другой стороны, часты случаи совпадения первых двух типов, т. е. когда семейно-соседские кварталы названы в соответствии с их месторасположением в селе. Количество кварталов в среднем составляет 4—5, хотя и в отдельных случаях достигает 9 (Джрарат).

Несмотря на некоторые трудности, создаваемые местным рельефом, поселения Ширакского региона связаны друг с другом, а также с райцентрами достаточно благоустроенными дорогами, проходящими, как правило, не непосредственно рядом с ними, а вблизи, что делает необходимым наличие специального въезда в село. Вместе с тем, однако, некоторые села Гукасянского района зимой, когда здесь выпадают обильные осадки, нередко оказываются на какое-то время отрезанными от остальных сел и районов в силу непроходимости дорог. Железнодорожная линия проходит лишь через два района—Анийский и Ахурянский, воздушное сообщение осуществляется посредством аэропорта г. Ленинакана.

Общая территория, занимаемая Ширакским регионом, одна из самых больших в Армении, и именно поэтому села здесь расположены на весьма значительном расстоянии друг от друга, но в то же время ближе, чем в Сюнике. Сравнительно небольшое количество сел объясняется рядом факторов, из которых отметим прежде всего суровый местный климат, меньшую прибыльность вырабатываемой сельскохозяйственной продукции и в то же время ее большую трудоемкость.

Аналогичным образом дело обстоит и в самих поселениях, где усадьбы расположены свободно, а занимаемая ими территория больше, чем в других регионах. Это продиктовано также и тем, что в условиях занятия местного населения скотоводством в состав усадьбы обязательным образом входят и специальные помещения для скота. Двери домов обычно выходят на улицу, при этом отметим, что сам приусадебный участок весьма часто как бы окружает дом со всех сторон. Одной из характерных деталей, продиктованных сельскохозяйственной специализацией, является наличие между домами участков, огороженных каменными изгородями, которые в связи с преобладающей ролью скотоводства засеваются кормовыми культурами—ячменем, люцерной.

Улицы в местных поселениях весьма широкие, оставляющие часто впечатление площадей. Они, как правило, специально не благоустраиваются, каменистый грунт служит достаточным покрытием, в силу этого не практикуется и их асфальтирование. Как и в Сюнике, здесь также улицы служат скотопрогонным пу-

тем, и широта их в известной мере связана с необходимостью избежать чрезмерного загрязнения. Повсеместное отсутствие специального озеленения в сочетании со своеобразием местного ландшафта, в частности, отсутствием лесов, придает суровый облик местным поселениям в целом.

Центры поселений Ширака четко обозначены, расположены они обычно в середине села, где находятся административные и культурно-бытовые учреждения. В отдельных случаях (Мармашен, Арич) центр села привязан к клубу или магазину, которые находятся в той или иной части села. Здесь также принято возводить памятники погибшим в годы второй мировой войны, которые, однако, часто строятся не в самом селе, а выносятся за его пределы на территорию, достаточно хорошо просматриваемую со всех сторон. В ряде сел обязательным элементом его центральной части являются родники общего пользования, архитектурно оформленные в лучших традициях армянского зодчества, которые часто построены в честь погибших на войне односельчан.

Следует указать, что центры местных сел носят скорее утилитарный, функциональный характер и уступают в этом смысле поселениям Айрарата по своему архитектурно-художественному оформлению. Это, видимо, можно объяснить как экономическим положением местных сел, так и стремлением органически вписать все свободно раскинувшееся поселение в присущий данному региону ландшафт.

Для ширакских сел характерно захоронение не только на старых кладбищах (Сарнахпюр, Арич), но и новых (Джрарат, Казанчи), находящихся на незначительном расстоянии от сел (50—500 м). В последнее время наблюдается тенденция к захоронению членов отдельных семей на одном участке. Надгробные памятники используются в традиционном стиле, однако все чаще их формы и размеры варьируются.

Во всех поселениях Ширака имеются церкви, ныне не функционирующие. Религиозным центром данного региона является город Лениканан (бывший Александрополь), где находится одна действующая церковь. Памятники церковной архитектуры служат для местного населения своеобразным свидетельством древней истории народа и бережно охраняются. В этой связи следует упомянуть известный комплекс средневековой архитектуры в селе Арич, при котором организован краеведческий музей.

Среди части ширакцев все еще сохраняется обычай жертвоприношения птицы и мелкого скота по различным поводам в «святых местах» (церквах, часовнях и т. д.), расположенных как в самих селах, так и близ них.

В некоторых селах имеются промышленные объекты, построенные на не пригодных для обработки землях. Помимо этого, во всех селах ныне действуют электромельницы и кузницы. Питательная вода в сельские дома подается по водопроводу из ближайших родников.

В силу климатических условий данного региона доминирующей сферой сельского хозяйства является скотоводство (крупное и мелкое), а также выращивание овощей и злаков. Именно этим и продиктована специфика структуры земельных угодий поселений Ширака. Под овощные культуры отводится примерно 60—100 га, которые расположены в непосредственной близости от сел и окружают их. Пахотные земли также обычно расположены вокруг поселений и простираются от 3 до 5 км. Площадь их составляет примерно 1000—1500 га. Сенокосы занимают значительные территории (400—600 га) и находятся вперемежку с пахотными землями. Как правило, все они искусственные, хотя в некоторых селах велика доля и естественных сенокосов (в Джрарате—414 га). Лесов здесь практически нет. Скотоводство представлено разведением крупного и мелкого рогатого скота, подавляющая часть которого находится в ведении совхозов. Площадь, занимаемая выгонами, для средних по размеру хозяйств не превышает обычно 400—500 га. В качестве таковых используются, в частности, близлежащие к селу участки, которые, учитывая ровное и удобное их месторасположение, дают возможность (в отличие от Сюника) для одновременного выпаса большого количества скота, вплоть до принадлежащего совхозу в целом. В период с июня по октябрь месяцы скот выводится на горные пастбища, удаленные от сел до 15—20 км. В некоторых случаях (Мармашен) их удаленность еще больше и достигает 40—60 км. На летние пастбища выезжают мужчины, женщины, иногда дети, включая сюда чабанов и доярок. Зимой (с ноября по май) скот содержится на фермах, вынесенных за территорию села в направлении, противоположном местонахождению кладбища. Подобное взаиморасположение, характерное для Армении в целом, можно объяснить стремлением избежать элементов осквернения могил родных и близких.

Айрарат

Формирование современных поселений Айрарата происходило повсеместно путем постепенной реконструкции старых сел. В отличие от Сюника и Ширака, в данном регионе старые дома в основном были глинобитные и потому они, как правило, полностью сносились и на их месте строились каменные из туфа. Такому

решению во многом способствовало также то обстоятельство, что нецелесообразно было занимать под новые дома плодородные земли приусадебных участков. Наряду с этим, в отдельных случаях, когда старое село находилось на сравнительно неудобном месте, новое поселение строилось непосредственно рядом на более ровной территории (например, село Арагац).

Современные поселения данного региона—это крупные хозяйства с большим населением. Так, для обследованных сел минимальная численность составляла примерно 2000 человек, а максимум наблюдался в селе Арарат—6200 человек. Среднее количество душ на каждое хозяйство составляло примерно 4—5 человек.

Одним из характерных последствий современного социально-экономического развития является отток сельского населения в города. Подобная ситуация в целом характерна и для Армении. При этом, однако, следует проводить различие между отдельными районами. Как свидетельствуют статистические данные, население сел Араратской долины в основном возрастает, во всяком случае оно весьма стабильно. Так, например, в селах Арарат и Налбандян численность населения в 1970 и 1978 гг. составляла соответственно 5706—6200 и 3463—3734 чел. Объясняется это, на наш взгляд, следующими причинами: а) хозяйства данного региона в силу своей специализации (плодово-овощные культуры) весьма прибыльные, а потому само население одно из наиболее материально обеспеченных в республике; б) за последние годы культурно-бытовые условия здесь значительно улучшились, и молодое поколение свои основные потребности может удовлетворить на месте; в) немаловажный фактор—близость столицы и райцентров, с которыми поселения связаны сетью благоустроенных дорог. При наличии личных автомашин необходимые контакты сельчан с городом не представляют особой проблемы. С другой стороны, все это приводит к тому, что довольно большой процент сельских жителей Айрарата, в первую очередь молодежь, работает на промышленных предприятиях районных городов и Еревана, оставаясь при этом жить в селе (явление, известное в социологии как маятниковая миграция). Вследствие этого для данного региона характерен весьма высокий (30—40) процент социально смешанных семей.

Поселения региона расположены на Араратской равнине, в силу чего занимаемая ими территория характеризуется ровным рельефом. Наблюдаемые в некоторых селах (например, с. Арагац) незначительные уклоны не влияют на общую картину. Села ориентированы на юг и, реже, на юго-восток. Все они хорошо просматриваются. По своей форме села Айрарата относятся к

улично-ветвистым и многопорядковым поселениям. Для них характерна довольно четкая планировка, свидетельством чего служит наличие улиц с соответствующими названиями. Это обстоятельство, а также то, что отмеченная специфика местного рельефа не дает особых ориентиров для разграничения отдельных участков в самом селе, объясняет повсеместное отсутствие на сегодняшний день бывшего разделения на кварталы. Сами улицы, особенно главные, имеют городской вид—они заасфальтированы, озеленены, по вечерам хорошо освещены.

В Айраратском регионе существует весьма разветвленная сеть дорог, связывающих как отдельные села, так и их в целом с райцентрами и Ереваном. Следует отметить также, что практически все села находятся в непосредственной близости от железнодорожной линии, что еще более способствует мобильности местного населения. Основные транспортные магистрали проходят рядом с селами, но, как правило, не через них, что следует рассматривать как положительное явление для нормального функционирования поселений.

Свободных, заброшенных территорий здесь практически нет. В силу большой ценности земли, усадьбы непосредственно примыкают друг к другу и образуют сплошной ряд по всей улице. Двери домов выходят на улицу, сам дом как бы окружен с трех сторон приусадебным участком, большая часть которого при этом приходится на часть дома сзади, а меньшая—по его бокам. Тем самым каждый дом разделен от другого не только своим, но и соседским приусадебным участком. Вдоль почти всех улиц протекают ручьи, которые используются в хозяйственных нуждах. По этой причине весьма часты случаи строительства небольших мостиков через них, связывающих дом с улицей.

Тот факт, что основная масса имеющегося скота принадлежит колхозам и совхозам, а не личным хозяйствам, ведет к тому, что на улицах местных поселений практически не наблюдается прогон скота, что благоприятно влияет на чистоту села в целом. Другим следствием этого явилась весьма частая практика переоборудования коровников в гаражи, которые стали неотъемлемой частью многих местных усадеб. Гаражи обычно непосредственно примыкают к дому и также выходят на улицу.

Одним из обязательных элементов планировки местных поселений является наличие композиционно выраженного центра, представляющего собой небольшую территорию, на которой расположены административные учреждения и большая часть культурно-бытовых объектов (дом культуры, магазин, столовые и др.). Часто здесь же находится остановка автобусов, связывающих села с райцентрами. Центр села обычно озеленен, часто в виде

небольшого сквера. За последние годы стало традицией возводить в селах памятники односельчанам, погибшим в годы Отечественной войны. Подобные сооружения, выполненные профессиональными скульпторами, служат украшением села и его центра в частности. Именно здесь, в центре, и собираются жители для общения.

Свидетельством рационального использования земли в данном регионе можно также считать тот факт, что, несмотря на постоянный рост населения, отсутствует практика отведения под кладбища новых (в отличие от имеющихся) участков. Во всех обследованных селах захоронения проводятся на тех же кладбищах, что и в начале века. Кладбища расположены, как правило, в непосредственном соседстве с селом, в основном ориентированы на запад и северо-запад. В них уже не наблюдаются родственные или какие-нибудь иные разграничения, что объясняется новыми социальными отношениями, присущими современному селу. В то же время, как и в Шираке, характерно стремление к захоронению членов отдельной семьи на едином участке. В отличие от старых кладбищ, для которых была характерна определенная стереотипность надгробных памятников, сегодня, наряду с сохранением традиционных элементов, наблюдается множество форм их художественного оформления и техники исполнения, что опять-таки во многом объясняется прямым влиянием города.

Религиозным центром Айрарата, как и всей Армении, является город Эчмиадзин, где находится резиденция главы армяно-григорианской церкви—католикоса. Среди некоторой части населения все еще сохраняется традиция отправления наиболее значительных христианских праздников, которые носят сегодня главным образом рекреационно-светский, лишенный значимого культурного содержания характер. То же относится и к сохраняющемуся обычаю жертвоприношения по самым различным поводам. Подобные жертвоприношения совершаются в церквях, часовнях и других святых местах, расположенных как в пределах самих поселений, так и вне их. Нередко в силу определенных традиций эти последние находятся на весьма значительном расстоянии. Так, для крестьян с. Айгезард наибольшей популярностью пользуется в этом смысле монастырь в Гехарде, удаленный от них на 70 км.

Одним из факторов, способствующих постепенной урбанизации сел, является создание в сельских местностях производственных объектов. Для данного региона, являющегося основным поставщиком винограда по Армении в целом, характерно наличие предприятий, производящих вино-водочные изделия. Такие заводы существуют, например, в селах Арарат, Налбандян и др. Помимо этого, в каждом селе имеются кузницы и электромельницы.

Все отмеченные элементы поселений, как правило, расположены на их окраинах.

Сегодня практически все поселения Айрарата в достаточной степени обеспечены питьевой водой, в качестве которой используются природные родники, вода которых отводится по всем домам. Помимо этого, для здешних сел характерны также источники воды общего пользования (фонтанчики), расположенные в разных частях и обязательно в центре. Следует отметить, что появление последних часто является результатом инициативы частных лиц, строящих их для увековечения знаменательных событий, памяти близких им людей и т. д. В этом можно усмотреть еще одно проявление влияния города, где подобная практика существует уже давно.

Основной сельскохозяйственной продукцией сел данного региона являются плодовые (в наибольшей степени) и овощные культуры. Именно эти культуры, наряду с различного рода пряной зеленью, культивируются в приусадебных участках крестьян. Земельные угодья, занятые под плодово-овощные культуры, непосредственно примыкают к поселениям и простираются вокруг них на несколько километров. В период созревания плодов (июнь—октябрь) в сельских садах и огородах функционируют сторожки, аналогичные имеющимся в Сюнике. Количество их зависит от размеров самих угодий (от 15 до 50 штук). Обязанность ночных сторожей выполняют исключительно взрослые мужчины.

Значительное место в структуре земельных угодий занимают пашни, расположенные, как правило, вокруг поселений вслед за садами и огородами, на расстоянии от 5 до 10 км. Сенокосы, преимущественно искусственные, занимают сравнительно небольшие территории и соседствуют с пашнями. Для хозяйственных нужд функционирует сеть ирригационных сооружений—каналы, артезианские колодцы, используются также традиционные источники—протекающие ручьи.

В современных селах Араратской долины скотоводство развито слабо. Тем не менее имеется определенное количество колхозного скота (крупного и мелкого). В силу занятости основной близлежащей территории под плодово-овощные культуры, пастбища (исключительно летние) расположены в большинстве случаев на значительном расстоянии от поселений (например, пастбища с. Арарат удалены до 50—60 км). Это особенно характерно для поселений, расположенных более или менее в центре Араратской долины. В противном случае, в силу близости к иным географическим зонам, пастбища находятся ближе (с. Арагац—до 2 км). Зимой скот остается на фермах, имеющихся в каждом селе. Фермы повсюду вынесены за территорию села на расстояние

от 200 и более метров. Выбор их конкретного места обусловлен удаленностью от кладбища и промышленных предприятий, а также направлением доминирующих ветров, т. е. если, например, ветры северо-западные, то ферма строится соответственно на западной окраине, что сводит к минимуму распространение специфического запаха по всему селу.

Выше мы попытались дать обобщенный тип сельских поселений Айрарата. Следует указать, однако, что из обследованных сел Советашен по целому ряду признаков выпадает из этой общей картины и контрастирует с ней. Так, численность населения здесь значительно ниже, чем в Араратской долине, и составляет 950 человек (при числе хозяйств 226), которые заняты в основном скотоводством. По своей форме данное поселение представляет своеобразный синтез двух типов—улично-ветвистого и разбросанного. Одним из ярких различий является также сохраняющееся разделение поселения на кварталы (3) по семейно-соседскому принципу.

Отмеченные различия следует, видимо, объяснить тем, что село Советашен, рассматриваемое согласно административному делению как поселение Айрарата, в то же время по своему географическому расположению находится как бы на стыке трех историко-культурных регионов—Айрарата, Вайоц-дзора и Сюника. Вследствие этого, а также в силу близких географических условий с Вайоц-дзором и, в определенной мере, Сюником, Советашен схож с поселениями указанных двух историко-культурных регионов. В этом смысле изучение его в системе сел Айрарата имеет особое познавательное значение, поскольку представляет собой достаточно резкое отклонение от общего типа поселений данного региона.

Общие выводы

«Если история обращается к единичному для реконструкции реального хода событий, то этнография в этом плане не интересуется единичным; для нее единичное лишь основание для выявления типичного» (Бромлей, 1973, 243—244). Это справедливое замечание легло в основу проведенного конструирования типов поселений по каждому из трех регионов в отдельности, посредством обобщения материала по отдельным селам. Для выявления их общих и отличительных черт как в межрегиональном смысле, так и в соответствии с двумя временными периодами, большое значение приобретает уже высказанная мысль, что специфика исходной структуры исторического явления во многом обусловлена не природой составляющих его элементов, а теми связями и отно-

шениями, в которых они находятся друг с другом, иными словами, от их особой системной комбинации.

В самом деле, как уже отмечалось, всем сельским поселениям рассмотренного типа присущ определенный набор составляющих элементов. Сравнительный анализ этих последних (другими словами, поэлементное сравнение), конечно же, позволит выявить определенные вариации в них по каждому из трех регионов. Следует признать, однако, что в таком случае остается недостижимой задачей понимание поселения как целостной системы, обладающей определенной структурой.

Отметим прежде, что рассмотренные различные элементы поселений (независимо от времени их существования) по выполняемым ими функциям можно скомпоновать следующим образом: а) собственно жилая часть; б) подсобно-хозяйственная, куда входят приусадебные участки, центр села, культовые, культурно-бытовые объекты, различные мастерские и т. д. (в силу непосредственного соседства элементов этих двух групп, они нередко расположены чересполосно); в) интенсивно-производственная часть—пахотные земли, сады, огороды, иногда также и сенокосы, мельницы, тока и др.; г) экстенсивно-производственная часть—пастбища, сезонные поселения, леса, оборонительные сооружения (если таковые имеются) и др.

Наибольший интерес в этом плане представляет рассмотрение первых двух блоков элементов поселений, которые в своей целостности и определяют в значительной степени конфигурацию того или иного типа поселений.

Рассмотрим под этим углом зрения сельские поселения Армении на рубеже XIX—XX вв.

Сравнительный анализ поселений по трем регионам позволяет говорить о их минимальной структурированности (степени дифференцированности), основной причиной чего является, на наш взгляд, повсеместное доминирование кучевого и компактно-слитного типов застройки поселений. Поселения подобной формы характеризовались отсутствием главной улицы (а имеющиеся более напоминали проходы), четко выделенной площади в центре села, сети культурно-бытовых объектов, занимающих специально отведенные под них помещения. В силу этого можно говорить лишь о таких сегментах поселений, как квартал и церковь в центре села с небольшой прицерковной площадью. Такова в целом «грамматика» сельских поселений Армении на первый из периодов.

Но даже столь простая структура поселений имела свои специфические проявления в отдельных регионах в силу различий присущих им рельефов. Это особенно ярко проявилось в Сюнике

(и, в несколько меньшей степени, в Шираке), где расположение поселения на разных плоскостях, а также наличие протекающей через село реки, давало возможность для четкого пространственного разграничения кварталов. В противном случае, как это имело место в Айрарате, разделение кварталов зрительно не воспринималось, и оно существовало в основном лишь в сознании самих односельчан.

Таким образом, можно сказать, что структурированность сельского поселения на рубеже XIX—XX вв. проявляется в его разделении на кварталы и наличии церкви, а также двух других блоков элементов—интенсивно- и экстенсивно-производственных. Вариативность подобной структуры, выявляемая по отдельным регионам, продиктована исключительно ландшафтными (конкретно, рельефными) особенностями последних, что находит свое выражение в одноплоскостном (Айрарат, в меньшей степени Ширак) или разноплоскостном (Сюник, в меньшей мере Ширак) расположении поселения в целом. С этим коррелируется и местонахождение сельскохозяйственных угодий и других элементов интенсивно-производственной части. Если в первом случае (одноплоскостном расположении) они обычно располагаются вокруг поселений, то во втором случае—вниз или вверх от села.

Качественно иная картина наблюдается при рассмотрении современных сельских поселений, что во многом объясняется распространением улично-ветвистого, многопорядкового типов их застройки. В этих условиях становится возможным говорить о наличии таких структурных единиц, как главная улица с соответствующими ответвлениями, композиционно выраженный центр села, культурно-бытовой центр (не обязательно совпадающий с центральной площадью села), производственные объекты, школа (занимающая особое место и четко выделяющаяся в общей картине села), церковь (в отдельных случаях совпадающая с настоящим центром). Указанные элементы почти в равной мере присущи всем современным поселениям Армении. Следует отметить, что подобная универсализация проявляется также и в взаиморасположении этих элементов в пределах поселений. Тем самым структуру последних можно выразить в виде концентрических кругов, основу которых составляют: а) центр села; б) селитьба; в) производственно-хозяйственные объекты; г) сельскохозяйственные угодья (см. также: Вардумян, Карапетян, 1963, 33). Если согласиться с тем, что подобная структура едина для армянских поселений вообще, то встает вопрос о вариативности ее в различных регионах.

В первую очередь следует отметить, что в силу социально-экономических преобразований на селе существенно меняется зависимость общей конфигурации поселения от размеров. Это особенно четко проявляется в Сюнике, где новые села строятся обычно на ровных территориях, не говоря уже о Шираке и тем более Айрарате. Тем самым основной принцип выделения вариативных форм проявления единой структуры поселений на рубеже XIX—XX вв. (одноплоскостное или разноплоскостное расположение поселений) в данном случае в целом уже не может быть рассмотрен в качестве определяющего, хотя и его влияние все еще наблюдается.

На наш взгляд, основой специфики конфигураций поселений по каждому региону является, с одной стороны, степень компактности самого поселения в целом, точнее его собственно жилой и подсобно-хозяйственной частей, а с другой—степень компактности на уровне взаиморасположения отдельных поселений. В этом смысле в качестве двух полюсов можно рассматривать поселения Ширака (относительно минимальная степень компактности в обоих указанных планах) и поселения Айрарата (относительно максимальная степень компактности). Поселения Сюника занимают среднюю позицию, поскольку для них характерна компактность самого поселения (по причине нехватки пригодных для обработки земель) и разбросанность отдельных поселений в силу горного рельефа.

Поселения Айрарата следует рассматривать также в качестве наиболее показательных в смысле основной тенденции развития сельских поселений в целом, а именно, все большей их урбанизации, выражающейся в степени их эстетической маркированности, благоустроенности, увеличении числа социально смешанных семей и т. д. Естественным следствием подобного пути развития может явиться трансформация сельских поселений в «сельско-городской континуум», о котором говорилось во введении. Конечно же, скорость протекания подобной трансформации будет (и есть) различной в каждом из регионов—в Айрарате—наибольшая, в Сюнике—наименьшая, исходя из указанных в соответствующих разделах объективных причин.

В заключение отметим, что проведение сравнительного анализа основных типов поселений по двум временным периодам не представляется целесообразным и, в известной степени, даже невозможно, настолько велик контраст между ними по всем наиболее значимым параметрам, обусловленный коренными различиями социально-экономического фона их функционирования на рубеже XIX—XX вв. и на современном этапе.

СЕЛЬСКОЕ ЖИЛИЩЕ АРМЯН

ВВЕДЕНИЕ

Жилище является одним из наиболее важных компонентов культуры жизнеобеспечения. В историко-этнографической литературе этот элемент изучен, пожалуй, фундаментальнее и многограннее, нежели другие компоненты. Только в кавказоведческой литературе за последние три десятилетия появилось более сотни исследований, в которых нашли отражение самые различные аспекты культуры жилища. Однако ни в кавказоведческой, ни в общезтнографической литературе еще не разработаны общепринятые принципы комплексного рассмотрения жилища как социального феномена, не установлены единые принципы его типологизации, что, несомненно, сужает возможности широкого сравнительно-исторического анализа этого явления, достижения полноты и глубины его исследования. В связи с этим считаем целесообразным предпослать настоящему разделу некоторые вводные замечания, касающиеся основных параметров формирования, функционирования и развития жилища.

Жилищный комплекс в нашем исследовании рассматривается прежде всего как элемент, направленный на социально-организованное удовлетворение витальных потребностей людей. В литературе справедливо отмечалось, что жилище человека выполняет «ту элементарную функцию защиты от внешней среды, которая вполне аналогична и даже тождественна параллельным явлениям в мире животных; палеолитическая пещера, ветровой заслон, землянка или шалаш древнего человека по этой своей первичной функции не отличаются от норы и берлоги зверя, птичьего гнезда. Но из этого общеизвестного и элементарного факта вытекают чисто социальные последствия, превращающие человеческое жилье в историческую категорию с неисчерпаемым и чрезвычайно изменчивым содержанием» (Токарев, 1970, 11—12). Подобно другим компонентам культуры жизнеобеспечения, жилище выполняет двойную социальную функцию: «оно как-то соединяет людей и оно же их разъединяет» (там же, 12). В методологическом плане весьма существенно, что жилище знаменовало собой выделение определенным образом организованного микропространства из безграничной вселенной и оно оказывало мощное воздействие на психику человека. С. А. Токарев справедливо подчеркивает, что противопоставление этого микропространства и всего внешнего мира существует на всех ступенях истории, но варьирует в широ-

ких пределах в зависимости от уровня социально-экономического развития, формы и структуры семьи, этнических традиций (там же, 12—13). Именно своеобразие этих условий в различных обществах и создает разнообразие типов жилища (форм, конструкций, планировки, строительных материалов, высотности, характера использования площади жилого комплекса и др.) и функционального использования отдельных его частей (членение на части, предназначенные для определенных хозяйственных и бытовых нужд, для женской и мужской половины семьи и др.).

Для познания феномена жилища чрезвычайно важным является выделение (или же определение) социального эквивалента жилища, т. е. типа и характера человеческого коллектива, населяющего жилище. В литературе эти вопросы, с большим или меньшим акцентированием, уже ставились (Токарев, 1970, 14—17; Кобычев, Робакидзе, 1967, 26—27; Типы традиционного сельского жилища..., 1979 и др.). И теперь, кажется, получает общее признание рассмотрение семьи в качестве социального эквивалента жилища. Это означает, что форма и структура семьи должны найти отражение в типе и форме жилища, в функциональном использовании его отдельных частей, тем самым выделяется один из существенных механизмов формирования, функционирования и развития жилищного комплекса.

Форма семьи и ее структура исторически меняются. Исследуемые в данной работе два хронологических среза (конец XIX—начало XX вв. и 1970-ые гг.) отличаются, помимо всего прочего, и формой семьи и семейных отношений. Если в начале рассматриваемого периода сосуществовали большая патриархальная и малая семьи, то в 1970-ые годы господствующей формой семьи была малая семья в два, реже, три поколения, а неразделенные семьи были сравнительно редки. Этнографически засвидетельствовано, что функционирование большой патриархальной семьи накладывало определенный отпечаток на форму и планировку жилища, что отражалось в наличии одной большой жилой комнаты для всех членов семьи; распад же большой семьи вел к делению общей жилой площади на отдельные части, появлению отдельных жилых комнат для семейных пар внутри всего комплекса, либо возведению отдельных однокамерных жилищ для выделившихся семейных пар.

Другой важный фактор, детерминирующий особенности типов и форм жилища,—уровень социально-экономического развития. Качественное отличие социально-экономического строя Армении в конце XIX—начале XX вв., буржуазного по своему характеру, с целым рядом архаичных черт феодального периода, от современных социально-экономических условий периода развитого со-

циализма, несомненно, должны были отразиться в техническом прогрессе, появлении новых строительных материалов, урбанизации, изменении планировки жилища, улучшении санитарно-гигиенических условий и характера функционального использования отдельных частей комплекса. Исследование эволюции жилища на фоне коренных социально-экономических преобразований армянского села служит эффективным методом познания механизмов формирования и функционирования этого феномена.

Жилищный комплекс обеспечивает и хозяйственные нужды семьи, поэтому в нем определенным образом сочетаются жилая и хозяйственная части. Это сочетание не только варьирует у различных этнических общностей, но и у одного и того же этноса в один и тот же период, что обусловлено своеобразием хозяйственного уклада населения различных районов и зон. Так, только для дореволюционной Армении можно было выделить несколько типов хозяйственного комплекса: полеводческо-садоводческий комплекс со слабо развитым скотоводством; полеводческо-садоводческий комплекс со среднеразвитым скотоводством и полеводческо-скотоводческий комплекс со значительно развитым скотоводством. Это разное соотношение отраслей хозяйства, несомненно, должно было отразиться в видах и масштабах хозяйственных построек. Поэтому, в данном исследовании важное значение получает не только выявление соотношения и характера соединения жилых и хозяйственных построек, но и обусловленность видов, количества и конструкций последних основными отраслями хозяйства.

В наше время, когда произошло перемещение центра хозяйственной жизни в колхозы и совхозы, и семья из производственно-потребительской ячейки общества превратилась в преимущественно потребительскую, несомненно, должны были измениться как количественные, так и пространственные показатели хозяйственных построек.

Несмотря на то, что в целом для армянского сельского населения как в дореволюционный период, так и в современный, были характерны общность социально-экономических процессов, повсеместно распространенный земледельческий уклад хозяйства, все же в процессе исторического развития сложились определенные историко-культурные районы. Последние характеризовались комплексом локальных особенностей, наибольшей частотой и плотностью информационных связей, нашедшими отражение в отдельных элементах культуры жизнеобеспечения. В современных условиях идет процесс нивелировки этого своеобразия локального характера, выработка и распространение общенациональных форм. Одной из центральных проблем в настоящем исследовании как

раз и является локальное (региональное) изучение жилищного комплекса, выявление в нем своеобразия формирования, функционирования и исторического развития в условиях Сюника, Айрарата и Ширака, историко-культурных районов, которые в совокупности отражают основные варианты локально-исторических процессов на всей территории современной Армянской ССР. Здесь, в познавательном плане, наиболее важны два основных аспекта рассмотрения: первый—выявление регионального своеобразия на материале жилищного комплекса дореволюционного периода, и второй—эволюция региональных типов в советский период, основные пути и направления этого процесса, приведшие в значительной степени к унификации и стандартизации жилого комплекса, выработке новых общих черт, общенациональных форм.

Влияние факторов природно-экологического характера по мере развития производительных сил общества постепенно уменьшается. В этом аспекте есть значительная разница в исследуемых нами двух временных срезах. В конце XIX—начале XX вв., при довольно низком уровне производительных сил, элементы культуры жизнеобеспечения, в том числе жилищный комплекс, должны были в большей степени отражать особенности природно-экологических условий, нежели в современных условиях. Этим объясняется другая важная познавательная задача—выявление природно-экологических (зональных) типов жилищного комплекса. В Армении четко прослеживается зональность (равнины—предгорье—горы), для которой характерны резкие перепады климата, растительности, рельефа. В жилище все это разнообразие находит свое отражение, в зависимости от уровня развития общества, в большей или меньшей степени.

На конкретном материале армянского жилища будет принята попытка показать характер и степень отражения зональных характеристик в жилищном комплексе для всех трех зон; степень вписанности компонента культуры жизнеобеспечения в экологическую нишу; пути и формы постепенного «высвобождения» от значительной обусловленности факторами природно-экологического характера. Так, если в горных районах, в конце XIX—начала XX вв., под воздействием суровых климатических условий и отсутствия или сильной ограниченности топливных ресурсов сложился замкнутый хозяйственно-жилой комплекс с крытым двором и общими сенями для всех жилых и хозяйственных построек, то в современных условиях, благодаря созданию и расширению топливной базы, внедрению новых городских форм отопления, создались условия для «раскрытия» замкнутого комплекса. Зональная характеристика на значительном историческом

отрезке времени (охватывающем фактически последнее столетие) на армянском материале позволит вскрыть основные закономерности сложения и изменения, степень и формы обусловленности элементов культуры жизнеобеспечения природно-экологическим фактором.

Однако, наряду со всеми отмеченными выше факторами, особенно видное место занимают и этнические традиции, которые сформировались в тот или иной период, но долго сохранялись и развивались в прямой преемственности от поколения к поколению. В народном зодчестве традиции, связанные со строительной техникой, использованием определенных строительных материалов, конструктивными принципами сохранялись дольше, нежели условия, породившие их, поэтому, в ряде случаев, именно этническая традиция служила, порой, тормозом в быстро прогрессирующем процессе качественного преобразования компонентов культуры жизнеобеспечения. Думается, это объясняется тем, что функционирование жилища вызывает к жизни разнообразные обряды, обычаи, правовые нормы, верования, причем многие из них связаны с определенными типами и элементами жилища—обстоятельство, которое «удлиняет» жизнь тех или иных элементов культуры. Отсюда понятна большая роль ритуально-престижных аспектов функционирования жилища.

Ставя эти проблемы, мы хотели бы подчеркнуть, что все отмеченные и неотмеченные (например, межэтническое взаимовлияние, классовая принадлежность и др.) факторы в реальной действительности воздействуют на тот или иной элемент культуры жизнеобеспечения, и вообще на культуру в целом, суммарно, и тип или форма того или иного элемента уже есть результат характера воздействия всех этих факторов. Но такое выделение отдельных факторов и их изучение, во-первых, дает ключ для выявления механизмов формирования, функционирования и развития культуры; во-вторых—возможность понять, какой из этих факторов в том или ином случае сыграл доминирующую роль в формировании и сохранении определенного элемента культуры или его части; и, в-третьих,—определить характер взаимодействия этих факторов, порой направленных в противоположные стороны: например, уровень развития позволяет применение новых строительных материалов, но традиция, связанная с применением прежних строительных материалов, сохраняется; изменение природной среды диктует необходимость новых конструктивных решений, этническая традиция вновь стремится сохранить старое и т. д. Отсюда понятна важность акцентирования внимания как на взаимодействие факторов, так и на действие одного из них.

Специальная литература по жилищу армян довольно много-

численна. Целый ряд ценных сведений и описаний содержится в трудах античных и средневековых авторов. В новое время, начиная со второй половины XIX в., много данных можно почерпнуть из экономических и этнографических сборников, периодических изданий, а также из записок и отчетов различных должностных лиц. Особенно в этом отношении заслуживают внимания «Сборник материалов для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Азгагракан андес» и др.

После установления Советской власти в Армении изучение жилища было поставлено на широкую научную основу. В первые десятилетия особенно значительным был вклад проф. С. Д. Лисициана, предпринявшего исследование различных типов крестьянского жилища в разных историко-культурных районах Армении. В этом плане большую ценность представляют труды С. Вардана, О. Халпахчьяна, Д. Вардумяна, Н. Папухяна и др. Для работ этих авторов характерна комплексность подхода, рассмотрение жилища сквозь призму региональных и зональных аспектов, однако в них нет унифицированного подхода к изучению жилища, предметом исследования избраны разные аспекты явления, а современное сельское жилище в имеющихся работах почти не представлено. Поэтому, если для описания традиционного крестьянского жилища эти работы представляют несомненный интерес, как с точки зрения содержащегося в них материала, так и типологической классификации, то раздел о современном сельском жилище армян полностью опирается на полевые данные авторского коллектива.

Предпринимаемая ниже попытка регионального и сравнительно-типологического изучения армянского жилища на материале трех историко-культурных районов и трех зон, по сути, представляет первый опыт комплексного этнокультурологического исследования его как целостной подсистемы, обеспечивающей функционирование семьи со всеми ее хозяйственными, внутрисемейными, общественными и культовыми атрибутами. Другая основная познавательная задача—это построение типологической классификационной схемы для двух основных хронологических периодов (конца XIX—начала XX вв. и 1970-ых гг.), включающей в себя региональные и зональные типы и их варианты.

§ 1. СЕЛЬСКОЕ ЖИЛИЩЕ КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX ВВ.

Дореволюционное сельское жилище армян отличалось значительным разнообразием типов и форм, богатством архитектурных конструкций. Поскольку типы и формы жилища обусловлены и

особенностями социально-экономического и политического развития этноса, и особенностями природно-экологической среды, то в данном параграфе будут выявлены формы и характер этой обусловленности для дореволюционного периода, степень вписанности жилищного комплекса в экологическую нишу, соотношение исторических (социально-экономических и политических) и природных факторов в процессе сложения основных характерных признаков жилищного комплекса; отражение в жилищном комплексе как особенностей социальной дифференцированности крестьянства, так и особенностей семейного уклада периода конца XIX—начала XX вв. Именно такой подход, по нашему мнению, ведет к наиболее эффективному познанию механизмов формирования функционирования и развития жилищного комплекса.

С ю н и к

На всей территории данного историко-этнографического района в конце XIX—начале XX вв. в основных поселениях сосуществовали четыре типа жилища—жилище со ступенчато-венцеобразным (или, как еще иначе его характеризуют, ступенчато-пирамидальным) перекрытием, пещерное жилище, каменное жилище со сводчатым перекрытием и одно- или двухэтажный каменный или саманный дом с плоской земляной крышей. Географическое распространение указанных типов внутри региона отличалось целым рядом особенностей, находящихся объяснение в специфических условиях социально-экономического и культурного развития микро-районов.

Первый тип жилища—жилище со ступенчато-венцеобразным перекрытием—наибольшее распространение имел в северной половине региона, в пределах современных Сисианского и Горисского районов, а также части Кафанского района. Тип этот известен в литературе под названием глхатун (Лисициан, 1969, 98; Халпахчян, 1971, 57; Чиковани, 1971, 35, и др.). Основной вариант глхатуна, наиболее распространенный в Сюнике,—это четырехстолпный, квадратный в плане, с характерным перекрытием в виде усеченной квадратной пирамиды с единственным световым и дымовым отверстием (ердик) в центре кровли. Основной конструктивной особенностью являлось то, что все перекрытие опиралось не на стены, а на свободно стоящие деревянные столбы, которые устанавливались на некотором расстоянии от стен. На эти столбы параллельно стенам клались толстые бревна (геран), поперек которых, ближе к центру клали два других бревна, которые и образовывали с первыми двумя бревнами квадрат-четыреугольник. Каждый последующий квадрат составляли бревна чуть

короче и тоньше бревен предыдущего квадрата, так что пирамидальный свод, возвышаясь, суживался. Обычно число таких квадратов-венцов было 4, что обеспечивало, при использовании довольно толстых бревен, конструкцию высокой пирамиды. Пространство между бревнами различных квадратов покрывали метровыми деревянными брусками, поверх брусков клали хворост, обмазывали глиной и уже затем покрывали слоем утрамбованной земли. Поскольку стены здесь не были несущими, то очень часто они возводились из рваного камня на глиняном растворе, без использования извести и песка. Следует отметить, что подобная конструкция во время землетрясений выдерживала сильные сотрясения, и не случайно, что население предпочитало глхатун другим конструкциям (Лисициан, 1969, 100).

Обязательный элемент глхатуна—очаг (тонир), который располагался в центре жилого комплекса. В зимнее время в тонире пекли хлеб, готовили обед, здесь же члены семьи грелись. Именно поэтому стены и перекрытие были покрыты, как правило, толстым слоем сажи. В летнее время использовали тонир, который располагался под навесом (эйваном) перед самым домом.

Следует отметить, что помимо указанного типа глхатуна, при котором перекрытие опиралось на центральные столбы, в Сюнике возводили и глхатуны, при котором перекрытие опиралось на пристенные столбы, расположенные вдоль стен. Обычно это зависело от размеров помещения: в больших помещениях обязательно использовалась конструкция центральных столбов, в небольших же—конструкция пристенных столбов. Примечательно, что в особенно больших помещениях (как, например, в селах Брнакот, Караундж и др.) наряду с центральными столбами использовали и пристенные столбы, что придавало особую прочность конструкции.

В типе глхатуна, в зависимости от состоятельности хозяйства, его специализации, высотности, встречаются одно- и двухэлементные дома и комплексы, где под одной крышей объединены жилая часть, кладовая, хлев. Если в Брнакоте, где было развито полеводство и скотоводство, в комплексе значительное место занимал хлев, то в Караундже помещение, предназначенное для содержания скота, занимало меньше места, в то время как большая часть площади была отведена под хранение продуктов полеводческо-садоводческого хозяйства. В крупных хозяйствах имелось несколько кладовых для хранения различных сельскохозяйственных продуктов.

Если кладовые для хранения сельскохозяйственных и скотоводческих продуктов располагались, как правило, рядом с жилой частью, соединяемые с ней через общие сени, то хлев мог располагаться и на некотором удалении от нее. Хлева представляли

собой прямоугольные помещения со специфической полусферической кровлей и световым проемом. Встречались хлева с одним рядом поддерживающих перекрытие деревянных столбов (и тогда перекрытие имело двускатную форму, поскольку боковые стены были ниже высоты столбов) и с двумя рядами столбов (и тогда перекрытие имело полусферическую форму). В селах Брнакот, Хознавар, Караундж хлева нередко возводились рядом с глхатуном для их утепления. Двери, общие для жилой и хозяйственных частей, располагались вблизи угла с фасадной стороны. Это, по выражению О. Х. Халпахчяна, «создавало наиболее благоприятную точку для обозрения интерьера, воспринимаемого во всем многообразии пространственных форм. Открытые деревянные конструкции сами по себе повышают архитектурную выразительность интерьера. Для еще большего ее усиления иногда прибегали и к орнаментальной геометрической и растительной резьбе, которой покрывали освещенные части столбов, подбалок и капителей» (Халпахчян, 1971, 68).

Этот тип жилища с древних времен был распространен от Закавказья и Средней Азии до Индии и Кореи, что может служить свидетельством существования хозяйственно-культурных связей на значительном пространстве (Ильина, 1946, 23 и сл.; Чиковани, 1971, 62—67; Халпахчян, 1971, 69).

Столь длительному сохранению этого типа жилища в условиях Армении (да и не только в Армении), видимо, способствовал целый ряд условий, прежде всего замедленность темпов социально-экономического развития, существовавшая в Армении подымная налоговая система, которая способствовала выработке жилых комплексов, объединенных одной кровлей (Чиковани, 1971, 68; Халпахчян, 1971, 38), функционирование больших семейных общин, ведение комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства.

Одной из характерных особенностей дореволюционного села, как известно, была компактно-слитная застройка. Это, не в последнюю очередь, диктовалось интересами защиты от набегов и грабежей, что, в условиях недостаточной политической стабильности, было нередким явлением. Как одну из характерных черт такой застройки, следует отметить наличие специальных отверстий (акнатов) в смежных стенах соседних жилых строений. Такие акнаты делались либо в задней стене жилого дома, либо в одной из стен хлева. Они имели до 30 см в ширину и до 40 см в высоту, так что ребенок мог пролезть через них. И если село или один из его домов с какой-либо стороны подвергались нападению, то известие об этом мгновенно распространялось по всему селу, что позволяло координировать усилия для организации за-

щиты и отпора. В повседневном быту акнаты служили хозяйственным целям: через них соседи передавали друг другу разные предметы и продукты, общались по всевозможным поводам. Степень распространенности акнатов в дореволюционных жилых домах Сюника, и, в значительной мере, в других историко-культурных регионах Армении, настолько велика, что позволяет видеть в них одну из характерных их деталей.

Другой тип—это пещерные жилища, которые в Сюнике были распространены преимущественно в пределах нынешнего Горисского района. В ряде сел (Хндзореск, Тех, Веришен и др.) 25—30 процентов населения жило в пещерных комплексах. О. Х. Халпахчян отмечает, что «при выборе для жилья естественных и устройстве искусственных пещер предпочтение отдавалось горным склонам, ориентированным на южную половину горизонта и обращенным в подветренную сторону. При этих условиях быстрее удалялись атмосферные осадки и лучше прогревался скальный массив, что способствовало сухости помещений и долгому сохранению тепла зимой» (Халпахчян, 1971, 51—52). Мягкие горные породы легко поддавались обработке, и крестьяне превращали небольшие естественные пещеры в просторные помещения, нередко состоящие из нескольких частей—собственно жилища и хозяйственных частей, для содержания скота и хранения земледельческо-скотоводческих продуктов. В зависимости от местных условий пещерные жилища могли возводиться в горизонтальном и в вертикальном планах. Классические образцы комплексов вертикального плана засвидетельствованы в Хндзореске. Жители села шутили, говоря, что их селение состоит из 3—4-этажных домов. И действительно, у самой подошвы скалы выдалбливалось помещение для скота, чуть выше—помещение для жилья, и еще выше устраивали сеновал. Устраиваемые порой террасы и арочные портики служили связующим звеном между жилыми и хозяйственными помещениями (Варданян, 1959, 10—21; Халпахчян, 1971, 54—55; Лисициан, 1955, 204—213). Характерно, что к пещерным комплексам пристраивали одно- или двухэтажный дом, возводимый либо над ними, либо рядом с ними. В таких случаях пещерные комплексы использовались исключительно в хозяйственных целях, а каменные дома—под жилье. Этот процесс, особенно после установления Советской власти, получил дальнейшее свое развитие.

Пещеры, как известно, использовались под жилье еще со времен палеолита (Сардарян, 1967, 86, 268 и др.). Столь длительное сохранение пещерных жилищ можно объяснить тем, что они, вопервых, позволяли эффективно вести оборону в случае нападения

неприятеля, и, во-вторых, их сооружение не требовало значительных материальных затрат.

Третий тип жилища—жилище со сводчатым перекрытием («тагакап») в Сюнике имел в рассматриваемое время, пожалуй, наименьшее распространение. Этот тип жилища, как правило, полностью возводился из камня, без деревянных частей, на известковом или, реже, глиняном растворе. Жилища со сводчатым перекрытием имели прямоугольную форму и ширина их была не очень большой—2,5—3 м. Такой тип жилища засвидетельствован в селах Шванидзор, Караундж, Шинуайр, Тех и др. Некоторые жилища со сводчатым перекрытием были возведены из гладко обтесанных камней, нередко небольших по размерам, величиной в обыкновенный кирпич. Видимо, размеры камней для жилища со сводчатым перекрытием обуславливались конструкцией кровли, ибо стены могли возводиться из крупных каменных блоков. Имеющиеся материалы (см. Варданян, 1967, 124) дают основание полагать, что этот тип жилища в прошлом имел значительно более широкое распространение. Однако малые размеры пространства внутри таких жилищ не благоприятствовали функционированию большесемейных общин, вследствие чего «тагакап» по степени распространенности уступал другим типам жилища. С. В. Варданян правмерно считает, что такие конструкции имели распространение преимущественно в районах, бедных лесами.

Примечательно, что даже хозяйственные помещения возводились иногда (Шинуайр, Караундж, Хндзореск, Тех) со сводчатым перекрытием.

И, наконец, четвертый тип жилища (одно- или двухэтажный каменный или саманный дом с плоской кровлей) в прошлом наибольшее распространение получил на территории современного Мегринского и части Кафанского районов, хотя встречался почти во всех селах Сюника, уступая по степени распространенности другим типам.

Наиболее характерным вариантом этого типа жилища был двухэтажный каменный дом прямоугольной формы, с плоским земляным перекрытием, балконом вдоль всего дома, ориентированным на юг, юго-запад и юго-восток. Возводимые на склоне, такие дома задней стеной врезались в скалу, фундамент закладывался на глубине 70—80 см; показательно, что не редки были случаи, когда дом на скале возводился без всякого фундамента. И фундамент, и стены выкладывались из рваного камня, тесаный камень встречался здесь редко и применялся в этот период больше в декоративных целях: для оформления карнизов, обрамления дверных и оконных проемов. Чаще всего вся конструкция возводилась на глиняном растворе, реже—на известковом. Стены

толщиной в метр, а нередко и больше, имели высоту в 2,5—3 м и с внутренней стороны штукатурились и окрашивались раствором беловатого каолина, отличающегося «белизной и не пристающим ни к пальцам, ни к одежде» (Лисициан, 1927, 129). Первый этаж этого жилища использовался для хозяйственных нужд (здесь располагались хлев, кладовые и складские помещения), а второй—под жилые.

Самая характерная особенность этого типа жилища по сравнению с вышеописанными—это форма кровли и наличие окон. В конструкции дома такого типа несущими уже являются стены, на которые кладутся балки (из дуба, вяза, клена или тополя) грубой обделки, поверх которых поперечно укладываются плотными рядами тонкие, прямые жерди (парду) или доски, а сверху все это постилалось камышом и соломой и засыпалось довольно толстым слоем (нередко в 50 и более см) водонепроницаемой глины. Специальными каменными катками (ктракар), а нередко и ногами, трамбовали землю на крыше, уплотняя ее; особенно это практиковалось после дождя, когда слой земли смягчался. Конечно, помещение с такой кровлей вентилируется слабее, нежели глхатун, но как раз система световых окон способствует движению воздуха под самым потолком. В этом отношении примечательна следующая деталь: жители Мерги, Шванидзора, Карчевана, Курица и других сел, где этот тип жилища превалировал в конце XIX—начале XX в., в качестве парду предпочитали тонкие круглые жерди, а не плотно пригнанные друг к другу доски, поскольку в первом случае обеспечивалось быстрое высыхание земляной настилки на плоской кровле (Лисициан, 1927, 128).

В плоской кровле обеспечивался незаметный скат и вода во время дождей стекала по коротким каменным или деревянным желобкам.

В двухэтажных домах на втором этаже окна делались арочной формы, довольно широкие и высокие, на первом же окна были маленькие. Балконы делались достаточно широкими, поскольку «служили не только связующим звеном между расположенными вдоль них жилыми комнатами», но и местом, где протекала жизнь семьи в течение значительной части года. Это определило повышенное внимание к художественному убранству балконов. Потолочные балки, прогоны, столбы украшались резными орнаментами.

Хозяйственные помещения в двухэтажных домах, как уже было отмечено, располагались преимущественно на первом этаже; в одноэтажных домах же—располагались либо в один ряд с ним, либо в стороне от жилья. Эти помещения представляли собой, как правило, постройки вытянутой формы (хлев, кладовая) с той же плоской кровлей, но проще. Хлева иногда имели слегка выпуклую

форму кровли, что объяснялось наличием высоких центральных столбов. Сеновал, часто квадратной формы каменное сооружение, встроенное в землю, располагался на краю тока, слегка возвышаясь над ним, с тем, чтобы после молотбы саман ссыпать через отверстие в задней стене сеновада (см. также Лисициан, 1927, 132).

Если сравнить вышеназванные четыре типа жилищного комплекса, распространенные в селах Сюника в конце XIX—начале XX вв., то несомненно, что наиболее развитым типом, имевшим тенденцию к дальнейшему распространению, был четвертый тип. Его появление в Сюнике, причем первоначально в южных его частях, С. Д. Лисициан, думается, совершенно справедливо связывал с влиянием российских и европейских торгово-промышленных центров, с которыми еще в XVI—XVIII вв. местное население имело сношения. Этот тип постепенно распространялся на север—от Мегри к Кафану, Горису и Сисиану. В этот период именно каменный двухэтажный дом с большими окнами, широким балконом и плоской деревянной и земляной кровлей стал наиболее престижным. Первые дома такого типа, как правило, принадлежали не только самым состоятельным семьям, но и тем семьям, которые поддерживали более или менее тесные связи с городами. В них уже вместо открытого очага внутри дома возводится пристенный камин (бухари), который тщательно отделывается искусно обработанными каменными плитами.

С распространением жилищ нового типа постепенно изменяется и быт семьи. Начинают выделяться спальня и столовая, комнаты для супружеских пар, гостиная, кухня отделяется от жилой части. Все это, несомненно, свидетельствует об улучшении санитарно-гигиенических условий жилищного комплекса и об общем росте жизненного и культурного уровня.

В армянском селе рассматриваемого периода все еще сильны были традиции фамильной и азговой взаимопомощи, что особенно наглядно проявлялось при строительстве жилища. Независимо от того, какой тип жилища возводился, родственники и соседи строящего дом крестьянина оказывали содействие на всех этапах строительства—с закладки фундамента до возведения кровли. Характерно, что они не только участвовали в самих работах, но и приносили с собой продукты и напитки. При закладке фундамента первый камень в фундамент бросал глава семьи, самый старший мужчина, и тут же устраивалось пышное угощение. А при завершении возведения стен, когда закрепляли бревна («геран гцел»), также устраивался пир, символизировавший прочность, надежность дома.

Армяне Сюника применяли различные способы «ограждения» дома от несчастий, действия «злого» глаза и др. На столбах балконов, над порогом дома, на стене с фасадной стороны вешали рога

крупного и мелкого рогатого скота, оленя, шкурку ежа, ветку колючего растения, у порога клали яйцо, над порогом вешали также подкову (лошадиную или ослиную) и др. Разнообразие указанных явлений находится в прямой связи со значением домашнего очага, неизбежностью семейных устоев у армян, с живучестью многих дохристианских верований.

Помимо вышеназванных типов жилища, армяне Сюника в зоне своих летних и зимних скотоводческих баз возводили комплексы построек, которые отличались целым рядом особенностей. В районах, богатых лесом, возводились деревянные жилища, для которых обыкновенно делали площадку (примерно 4 м длиной, 3 м шириной и 0,5 м глубиной) и параллельно стенкам, на расстоянии 70—80 см в сторону от них, вкапывали в землю деревянные столбы, имевшие раздвоенное от срубленного сука. Эти четыре столба соединялись поперечными жердями, промежутки между которыми закрывали тонкими сучьями. Затем таким же способом устраивали боковые стенки и, покрыв хворостом, накладывали дерн и засыпали землей. Жилище было готово. В нем выделялись три части (или отделения): одна—для людей, другая—для хранения молочных продуктов и третья—для телят. В противоположной от входа части жилища был устроен камин, где нагревали молоко и варили обед. Состоятельные хозяйства для содержания телят строили отдельные телятники.

Другой тип жилища на сезонных поселениях возводился из камня с плоской земляной кровлей, прямоугольной формы, наподобие тех, которые возводились в основных поселениях, упрощенной конструкции и меньших размеров. В зимовниках возводимые комплексы жилых и хозяйственных построек отличались большой фундаментальностью. Жилые помещения возводили из камней, имели плоскую деревянную кровлю, засыпанную толстым слоем земли, и обязательно с пристенным камином и дощатыми нарами. Зимой здесь жила часть семьи, в обязанности которой входило содержание скота. Кроме того, здесь возводили помещения для крупного рогатого скота, выложенные каменными плитами и имевшие прочные деревянные перекрытия. Примечательно, что некоторые из таких зимовников и летовок, постепенно из скотоводческих баз превращались и в земледельческие, а в случае благоприятных агроклиматических условий становились постоянными. Этому во многом способствовал и такой фактор, как наличие постоянных построек в них.

Сам факт появления сезонных построек объясняется особенностями хозяйственного быта армян Сюника, практиковавших отгонную форму скотоводства, т. е. здесь определенным образом

выявляется связь особенностей народного зодчества с характером и формами хозяйственной жизни.

Ширак

Типы жилища, распространенные здесь в конце XIX—начале XX вв., можно разделить на две группы. Один тип жилища составляет глхатун, а второй—жилище с плоской кровлей и окнами. Однако указанные типы имеют здесь своеобразные варианты, обусловленные особенностями географических, хозяйственных и культурно-бытовых условий. Глхатун здесь выступает в двух вариантах по форме своего купола. Одна форма известна под названием кубба, где купол поднимается суживающимися квадратами, полученными через перекладывание бревен параллельно стенам или сторонам квадрата главных бревен, лежащих концами на четырех столбах; другая форма известна под названием «азарашен», где купол образуется пересечением балками углов основного квадрата, так что получаются ярусы с 8 и 16 углами. В этой второй конструкции обязательно устройство каркаса вдоль стен. Каркас этот состоит из 4—6 столбов, на которые ложатся бревна. В селах Ширака широко практиковалось использование капителей. Устройство купола типа «азарашена» (который можно перевести с армянского как «тысячекладка» или «многоступенчатка») связано со значительными трудностями (Лисициан, 1927, 135—136; Сумбадзе, 1960, 18—22; Народы Кавказа, 1962, 495—496), поэтому в количественном отношении явно преобладали жилища с куполом «кубба».

По сравнению с Сюником, распространенный здесь глхатун имеет ряд особенностей. Первая и самая важная отличительная черта—жилая и хозяйственная части тесно примыкают друг к другу, так что под одной кровлей сосредоточены были все помещения, за исключением саманника (мараг). Жилое и хозяйственные помещения имели один общий вход, который вел в сени, откуда в разные стороны открывались двери, ведущие в жилое помещение (называвшееся здесь «ацатун»—букв. «дом для хлеба», т. е. для выпечки и хранения хлеба), кладовую (килар), хлев (тавла), который служил помещением главным образом для крупного рогатого скота, овчарню (гом) и томи ода. Это наиболее замкнутый комплекс. Его появление, как уже справедливо было отмечено в литературе, находит объяснение в особенностях климатических и хозяйственных условий жизни ширакцев. Действительно, в условиях продолжительной и холодной зимы обеспечение надлежащего ухода за скотом возможно было только в таких жилищных комплексах. К тому же Ширак—безлесный район и едва ли не единственным источником топлива здесь был кизяк, да и то в ограниченном ко-

личестве. В целях экономного расходования топлива жилищный комплекс возводился таким образом, чтобы он был защищен от пронизывающих холодных ветров. Устроенный в одном из углов хлева, и огороженный от основного помещения его полустеной, гоми ода в зимние месяцы был местом сбора семьи. Тепло проникало из хлева в гоми ода, который обогревался также пристенным очагом («бухари»). Кроме того, гоми ода, по сравнению с жилой частью, был намного меньше по размерам и его можно было обогревать меньшим количеством топлива.

Другая особенность конструкции ширакского жилища состояла в том, что здесь несущими были не только деревянные столбы, но и стены. Больше того, в отдельных конструкциях дома строились без столбов, купол возводился прямо на стенах. Это объясняется тем, что, по сравнению с другими районами, здесь в качестве материала не только для фундамента, но и для стен широко использовался местный камень, как правило, туф на глиняном растворе, т. е. прочность стен здесь была несравненно более высокой, нежели в тех случаях, когда стены возводились из глины или сырового кирпича.

Третья особенность заключалась в том, что очень часто глхатун здесь имел два уровня пола—нижний и верхний («нерки тун» и «верин тун»). «Верхний пол» возвышался над нижним примерно на 0,6—0,8 м. Именно в верхней части был зарыт тоннир, где пекли традиционный для Ширака лаваш, в «нижнем полу» также располагался тоннир, но неглубокий, ибо он не служил для выпечки хлеба—здесь варили обед и согревались во время холодов. Над очагом устраивался маленький столик (кюрс), застилаемый обычно паласом, концами которого накрывали ноги. Здесь эти два уровня встречались довольно часто, хотя следует отметить, что и в Сюнике, и в Айрарате, особенно в тех селениях, где уровень подземных вод был высоким, также устраивали «верхний» и «нижний» пол. Ибо если делали углубления для тоннира, то появлялась вода, именно поэтому дно тоннира делали на уровне нижнего этажа и уже затем в высоту тоннира делали площадку из камня и земли, так что получалась приподнятая площадка. Обычно размеры этой площадки («верхнего пола») были 2×3 м, а то и меньше. Обязательно над тонниром делали венцеобразное перекрытие, но меньшего объема, нежели купол над нижним «домом». Так что дома такого варианта имели два высоких купола—над «верхним» и «нижним» уровнями.

Второй тип жилища армян Ширака—это одноэтажный каменный дом с плоской кровлей, прямоугольной формы, однокамерный, реже двухкамерный. Для фундамента использовался базальт, а для стен—туф самых разных оттенков, но преимущественно тем-

ных оттенков, который добывался в окрестностях многих ширакских сел.

Со второй половины XIX в. под влиянием крупного ремесленного и торгового центра Александрополя (ныне Ленинанкан) в сельских местностях Ширака стали строить дома городского типа, с окнами, без тони́ров внутри, с плоской кровлей. Собственно, как только тони́р выносится за пределы собственно жилой части, необходимость в венцеобразном перекрытии уже отпадает, поэтому существенным образом меняется и конструкция всего жилища. В первое время вновь возводимые дома нового типа пристраивались к старым комплексам и, наряду с последними, использовались под жилье. Строительство каменных плоскокрышных жилищ предпринималось наиболее состоятельными крестьянскими хозяйствами, связанными с городом, но вплоть до установления Советской власти они не получили широкого распространения в Шираке. Постепенно к однокамерным жилищам стали пристраивать новые постройки либо вдоль по линии фасада, либо с боковой стороны, в зависимости от чего новое жилище либо приобретало прямоугольную форму, либо Г-образную. Постепенно старое жилище (глхатун) отводили полностью под хозяйственные цели и вся семья переселялась в новый дом, который использовался исключительно под жилье.

Этот процесс перестройки жилого комплекса, который затянулся на долгие десятилетия, был связан с дальнейшим проникновением капиталистических отношений в деревню, с полным распадом большой патриархальной семьи, существование которой во многом способствовало живучести такого жилого комплекса, как глхатун.

Строительство и функционирование жилища в традиционном быту ширакцев было связано с целым рядом ритуальных обрядов и обычаев. Так, чтобы фундамент был «крепким», при его закладке самый старший в семье мужчина бросал монеты; чтобы обеспечить благополучие дома, на столбе, у порога дома, вешали лошадиную подкову, бычьи или коровьи рога, бараний череп и рога, в доме в качестве амулета хранили священные писания (евангелие) и т. д., которые должны были обезвредить действие «злого» глаза. Эти обычаи и обряды своими корнями восходят к глубокой древности, к периоду первобытного общества, язычества, а живучесть их в течение многих тысячелетий объясняется медленными темпами социально-экономического развития, особенностями нестабильной политической жизни, когда беспрестанные нашествия сеяли неуверенность в завтрашнем дне, уносили тысячи жизней, разоряли сотни домов и хозяйств. В этих условиях формировались и укоренялись многочисленные ритуальные способы ограждения

дома, хозяйства, семьи от несчастий и бед. Примечательно, что эта ритуализация домашнего очага в Шираке проступает более явно, нежели в Сюнике и Айрарате. И именно население Ширака более всего подвергалось нашествиям, разорениям и переселениям, нежели армяне других регионов.

Помимо основных поселений в Шираке большое распространение получили и сезонные поселения, что обусловлено функционированием здесь отгонной формы скотоводства. Значительная часть армян Ширака в летние месяцы, при перегоне скота на сезонные пастбища, переселялась на временное жительство в район летовок, где возводила комплексы жилых и хозяйственных построек. Здесь они строили прочные каменные постройки (сари тун—горный дом), с плоской кровлей из жердей, засыпанной толстым слоем земли и утрамбованной специальным катком. Некоторые из таких построек состояли из четырех отделений. Первое—центральное отделение (тун) было предназначено для людей и для изготовления молочных продуктов; второе—молочная (катноц)—для отстаивания и хранения молочных продуктов и молока; третье—телятник (ортаноц)—для содержания телят и новорожденных ягнят; и, наконец, четвертое—агал (пристройка перед домом, не крытое сверху и огороженное место)—для загона крупного рогатого скота на ночь. Молочная и телятник находились обычно справа и слева от жилого отделения, но, как правило, с внутренним сообщением между ними. Внутри жилого помещения устраивали сравнительно невысокие нары, на которых стелили циновку, войлок и постельные принадлежности. Эти нары служили местом для сидения, столом, а ночью—кроватью.

В ряде летовок, расположенных в районах с давно сложившейся практикой отгона скота на летние пастбища, армяне, наряду со скотоводством, занимались также пчеловодством, обработкой шерсти, ткачеством, гончарством, а иногда и выращиванием кормовых трав, т. е. летовки становились дополнительной базой села. В случае же благоприятных природно-климатических и хозяйственных условий не исключено было превращение летовок в селение. Так, целый ряд селений нынешнего Гукасянского района, расположенного в самой северной части Ширака (Салут, Сарпат, Гетик, Дзорашен, Покр Сариар и др.), образовался в 50—80-х гг. прошлого столетия на месте прежних летовок армян равнинных сел данного региона. Часть жителей переселялась сюда из-за нехватки пахотных земель в районе основного поселения. Жители с. Сариар (ныне Мец Сариар) нынешнего Ахурянского района в середине XIX в. имели летовку, расположенную в 10—12 км от села, куда в летние месяцы перегоняли дойный и яловый скот. Здесь были возведены комплексы жилых и хозяйст-

венных построек. С течением времени часть разросшегося населения села (10 семейств) перешла на постоянное жительство на летовку. Поднявшись на высокогорные пастбища, расположенные в большинстве случаев на высоте 2000 м и выше над уровнем моря, крестьяне стали заниматься земледелием и оседлым скотоводством, поскольку сами селения находились в зоне субальпийских и альпийских лугов. Впоследствии селение это разрослось и получило название Покр Сариар (Малый Сариар), в отличие от прежнего села, названного уже Мец (Большим) Сариаром. Хозяйства, оставшиеся в селении, отгоняли скот на другую летовку, расположенную на некотором расстоянии от прежней, уже не принадлежавшей всей общине. То же наблюдалось при образовании селений Салут, Сарпат, Гетик и др.

Как видим, оседлый быт армян Ширака и в условиях отгонного скотоводства способствовал возведению постоянных жилых и хозяйственных построек, что сыграло значительную роль в превращении сезонных поселений в постоянные.

Айрат

В данном регионе в основном имелись два типа жилища—одно- или двухэтажный дом с плоской земляной крышей и, преобладающий, со ступенчато-венцеобразным перекрытием. Основной вариант глхатуна, наиболее распространенный в Айрате,—это четырехстолпный, квадратный в плане, дом с характерным перекрытием в виде усеченной пирамиды с единственным световым и дымовым отверстием (ердиком) в центре кровли. Несущая часть исключительно деревянная (из древесины дуба и тополя). В конструктивном отношении глхатун в рассматриваемом регионе имел много общего с аналогичным типом жилища в Сюнике. Глхатуны достигали порою больших размеров (10×10 м). Обычно чем больше пролет, тем толще бревна и столбы. Так как с каждым новым венцом перекрытие смещалось к центру, пролет укорачивался, соответственно уменьшался и диаметр бревен.

Стены здесь возводились из глины (могра пат), либо из сырового кирпича (с. Налбандян, Советашен, Арарат и др.). В селе Арагац стены возводили также из камня, но на глиняном растворе, без использования извести и песка.

Как правило, глхатуны в Айрате были однокамерными в жилой части, в центре ее располагался открытый очаг (тонир). Здесь пекли хлеб, готовили обед, преимущественно в зимнее время. Летом же использовали тонир, находящийся под навесом, в передней части дома. По характеру расположения помещений здесь встречаются два варианта: хозяйственная часть либо при-

мыкает к жилой и общие сени соединяют их, либо она возведена на некотором удалении от жилой, в глубине двора. Второй вариант в селах Айрарата преобладал. Земледельческий уклад жизни обусловил повсеместное распространение кладовых (маранов), которые использовались для хранения и обработки полеводческо-садоводческих продуктов. Те хозяйства, которые держали в значительном количестве крупный и мелкий рогатый скот, возводили также скотные помещения. Примечательно, что при хлевах строили специальные помещения для людей, уже упоминавшиеся гоми ода.

Хлева и кладовые представляли собой прямоугольные помещения со специфической полусферической кровлей, которая опиралась либо на один ряд поддерживающих деревянных столбов, либо на два ряда столбов, в зависимости от их размеров.

Как в жилых помещениях, так и хозяйственных (в кладовой) делали ниши самых различных размеров, которые использовались как для укладки постели, так и для хранения посуды, продуктов.

Другой тип жилища—с плоской кровлей. Здесь несущими уже являются стены. Основным строительным материалом для этого типа жилища служил сырцовый кирпич, который в большом количестве изготовлялся на месте. Глинистая почва позволяла употреблять для приготовления кирпича землю в любом месте, не выбирая ее специально. Для перемешивания раствора гоняли по нему скот. Готовая масса в течение двух-трех дней скисала, после чего ее клали в специальные деревянные формы. В течение 20 дней кирпичи сушили на солнце, переворачивая с одной стороны на другую. Просушенный кирпич складывали в штабеля, в которых он окончательно досыхал. Изготовление сырцового кирпича осуществлялось, как правило, силами семьи, хотя очень часто на помощь приходили и члены патронимической группы.

Дома обычно строили на каменном фундаменте, возводившемся на глубине от 0,5 до 1 м. Камень обычно брали из окрестностей села, речных долин. Кладку фундамента также осуществляли силами семьи и патронимии, а для возведения стен уже приглашали специальных мастеров, число которых в селах было значительным. За свой труд они получали питание и плату, обычно натурой.

Самым распространенным вариантом этого типа был одноэтажный дом прямоугольной формы, с однорядным расположением помещений относительно главного фасада. Число комнат варьировало от одной до трех. В тех случаях, когда жилище состояло из трех отделений, две комнаты служили спальнями, а третья располагалась между первыми двумя и служила общими сенями. Жилище этого типа отапливалось либо жестяной печью, которая

уже в это время начала входить в быт сельского населения, либо пристенным очагом (бухари), который устраивался в задней стене одной из комнат. Поэтому одна комната была теплой, а другая—холодной. В случае же наличия трех отделений, печь ставилась в среднем, а открытые двери двух крайних позволяли обогревать их.

Дома этого типа в основном были двухэтажными. При этом либо все жилище возводилось из сырцового кирпича, либо первый этаж возводился из камня на глиняном растворе, а второй—из сырцового кирпича. Первый этаж использовался в хозяйственных целях, а второй—служил жильем. В этом варианте заметна большая концентрация жилых и хозяйственных построек, сосредоточение их под одной крышей, что, по всей видимости, объясняется стремлением наиболее эффективно использовать земельные участки, которые в условиях Айрарата были весьма прибыльны. Как мы дальше увидим, именно этот вариант жилища получает в дальнейшем наибольшее распространение.

Хотя в планировке жилища наблюдалось преобладание прямоугольной формы, однако довольно большое распространение получили и жилища Г-образной формы. Материалы показывают, что эта форма не была изначально распространена, а образовалась в результате позднейшей пристройки бокового помещения к прямоугольным жилищам. Это обстоятельство объяснялось либо маломощностью крестьянских хозяйств, не имевших возможностей одновременного сооружения жилища в нужных размерах, либо дальнейшим разрастанием семьи.

Материалы полевых исследований показывают, что в рассматриваемый период жилища второго типа, а тем более, двухэтажные, как правило, строили зажиточные крестьянские хозяйства. Не случайно, что именно одноэтажный или двухэтажный дом с плоской кровлей был наиболее престижным в селах Айрарата. Этот тип жилища улучшал санитарно-гигиеническое состояние в сравнении с традиционным глхатуном.

Как и в глхатуне, в жилищах этого типа также делались ниши. Для этого стены жилища возводили толщиной в два сырцовых кирпича, а с внутренней стороны оставляли места для ниш глубиной в один или полтора кирпича.

Другое наиболее существенное отличие жилища этого типа от глхатуна состоит в наличии окон. Если в последнем единственном световым проемом было отверстие в центре кровли, то в этом типе уже делались окна в стенах. Проемы были небольшими и имели прямоугольные очертания, размеры их достигали 0,5—0,6 на 0,9—1 м. Перемычки делали из тесаных балок, вместо рам более широкое распространение получили ставни, укрепленные в

оконных коробках. Здесь, как и в Сюнике, в двухэтажных домах на втором этаже делались высокие широкие окна арочной формы, на первом же они были намного меньше.

У армян Айрарата почти отсутствовали сезонные поселения. Лишь в отдельных случаях (например, у жителей сел Советашен, Арагац) были сезонные жилища, представлявшие собой наземные каменные одноэтажные дома прямоугольной формы с плоской кровлей. Внутри такого дома устраивали пристенный очаг для хозяйственных нужд. Здесь наблюдается некоторое сходство с сезонными постройками Ширака.

В других селах наиболее богатые овцевладельцы поднимались на летние пастбища и устраивали временки типа курдских чадыров (Аристова, 1966, 87—88; Мкртумян, 1974, 5—58; Григоров, 1892, 87).

Как видим, там, где издавна сложилась практика использования летних пастбищ, армяне возводили постоянные жилые постройки—меньших размеров и упрощенной конструкции, а там, где практика летнего содержания скота вдали от села не вылилась в традицию, они перенимали типы построек, характерных для кочевого и полукочевого курдского и азербайджанского населения.

Таким образом, в культуре армян Айрарата в рассматриваемый период налицо сосуществование двух типов сельского жилища—гхлатуна, восходящего к глубокой древности, и дома с плоской крышей и несущими стенами, который стал широко распространяться лишь с конца XIX—начала XX вв., но до революции так и не стал доминирующим в местных селах. Для этого нужны были коренные социально-экономические преобразования, которые, изменив жизнь крестьянства, вызвали бы существенные перестройки в жилищном комплексе.

§ 2. СОВРЕМЕННОЕ СЕЛЬСКОЕ ЖИЛИЩЕ

Переходя к характеристике современного сельского жилища армян, следует заметить, что под «современными» понимаются не только типы жилища, характерные для 1970-х гг., но и весь наличный жилой фонд, который, естественно, формировался постепенно, по крайней мере, в течение последних 70—80 лет. Такой охват позволит не только представить реальную картину сегодняшнего дня, но выявить степень сохранности старых типов и конструкций, характер соотношения между постройками разных десятилетий, доминирующие типы, основные тенденции эволюции жилищного комплекса в советский период.

Следует остановиться еще на одном важном обстоятельстве. Разумеется, эволюция жилищного комплекса происходила и в «традиционалистский» период. Однако та эволюция жилищного комплекса (да и не только, конечно, жилищного, но и поселенческого комплекса, системы питания и др.), которая имела место за годы социалистического строительства, качественно отличается от предыдущих этапов. Суть этого качественного отличия заключается в том, что эволюция жилищного комплекса во всех регионах и зонах происходила под действием общих коренных социально-экономических преобразований, что отразилось в унификации, стандартизации, выработке общих черт в типах, конструкциях и планировке. К этому добавлялся еще один важный фактор. Рост производительных сил общества, создание современных коммунально-бытовых средств несравненно уменьшили, по сравнению с дореволюционным периодом, зависимость жилища от внешней среды, от неблагоприятных климатических условий, что также должно было сказаться на типе и конструкции жилища. Это обстоятельство постепенно должно было привести к зональной нивелировке элементов культуры жизнеобеспечения. Поэтому одной из целей исследования будет показ путей «высвобождения» тех или иных типов жилища и их конструктивных принципов от узкозональной приспособленности и специфичности.

Если первый фактор (социально-экономический) особенно важен при региональной характеристике жилищного комплекса и покажет механизм постепенного убывания региональной специфики, то второй фактор (технический прогресс) существен при зональной характеристике.

С ю н и к

По всему Сюнику самым распространенным типом современного жилища является двухэтажный каменный дом прямоугольной формы, на каменном фундаменте, с двускатной стропильной крышей из шифера, с двумя жилыми комнатами и гостиной, застекленной верандой, кухней, кладовой, хлевом, приусадебным садом-огородом и туалетом. В различных селениях этот тип представлен несколькими вариантами. Так, в селах Курис (Мегринский район), Брнакот (Сисианский район) и ряде других, дом состоял преимущественно из трех жилых комнат, имел четырехскатную стропильную кровлю, двойную веранду—застекленную и открытую. Вариации этого типа прослеживаются не только по различным селам, но внутри одного селения. Так, например, в с. Карчеван Мегринского района при доминировании вышеуказанного типа в его наиболее распространенном варианте, встре-

чаются довольно часто также дома с тремя жилыми комнатами, трех- или четырехскатной крышей, одинарной открытой верандой, баней, без сада-огорода вокруг дома.

Как показывает сравнительный анализ с дореволюционным периодом, прототип этого жилища стал складываться еще в конце XIX—начале XX вв. Это, как уже отмечалось, были двухэтажные каменные дома с плоской кровлей из двух-трех жилых комнат, с открытой верандой, слегка наклонная кровля которой поддерживалась деревянными столбами. Однако в конструктивных приемах имеется значительная разница. В дореволюционных домах второй этаж очень часто целиком опирался на аркады первого этажа, ныне же эти аркады отсутствуют и причины здесь самые различные. Эта архаичная форма вызывала неудобства в эксплуатации, уменьшала объем помещения и, в известной мере, объяснялась трудностями доставки леса для столбов и балок. Ныне сельское строительство несравненно лучше обеспечено лесоматериалом, получили широкое распространение новые строительные конструкции и материалы (железобетонные столбы, двутавровые балки и т. д.), что позволило в большинстве случаев отказаться от применения арочных конструкций.

Второй тип жилья, который также получил распространение в селах Сюника, но значительно меньшее, нежели первый,—это одноэтажный каменный дом прямоугольной формы, на каменном фундаменте с высоким цоколем, с двускатной стропильной крышей из шифера, с двумя жилыми комнатами, застекленной верандой, кухней, кладовой, хлевом, приусадебным садом-огородом и туалетом. Этот тип, подобно второму, имел самые различные варианты в различных селах, а часто и в пределах одного и того же села. Вариации касались числа комнат—встречались трех-, реже четырехкомнатные дома, с трех- или четырехскатной кровлей из жести или черепицы, с баней, цокольным этажом, отводимым под хозяйственные нужды. Наиболее существенное отличие этих типов домов в том, что если в первом наблюдается вертикальное расположение жилых и хозяйственных частей, то во втором—горизонтальное. Динамика изменения соотношения между первым и вторым типами в Сюнике показывает, что процент двухэтажных домов все более увеличивается. Этот факт, на наш взгляд, объясняется, во-первых, стремлением экономить участки под насаждения, и, во-вторых, тем, что хозяйственные постройки в наше время в количественном и пространственном отношении значительно сократились—в связи с перемещением центра хозяйственной жизни сел в колхозы и совхозы.

Примечательно, что в некоторых горных и предгорных районах приусадебный участок используется не так эффективно, од-

нако тенденция к увеличению доли двухэтажных домов налицо. Это, думается, можно объяснить как зажиточностью большинства сельчан, так и значительной престижностью данного типа жилища.

Сравнение между указанными типами показывает, что в обоих случаях имеются две или три жилых комнаты; это находит свое объяснение в доминировании семьи из 5—6 человек, состоящей из двух поколений—родителей и детей. Трехпоколенных семей значительно меньше. Интересно, что там, где живет семья из трех поколений и число членов семьи доходит порой до 7—8, а то и больше (семьи до 11—12 человек нами засвидетельствованы в ряде сел Сюника), двухэтажный или одноэтажный дом прямоугольной формы имеет тенденцию к превращению в квадратную форму. На первом этапе это образуется благодаря тому, что открытая с фасадной стороны веранда застекляется и, поскольку она была на всю длину дома, то в середине нередко ставится дощатая или плиточная перегородка. К уже существующей пристраивается на всю длину дома новая веранда, опирающаяся либо на бетонные столбы, либо на деревянные. Таким образом, получается двурядное расположение жилых комнат, что не было характерно для армян Сюника. Ныне же часть вновь возводимых домов с самого начала строится квадратной формы, будь то первого типа или второго.

Следует отметить, что в зависимости от типа жилища меняется форма усадьбы, т. е. комплекса жилых, хозяйственных и производственных элементов, характер и формы их соединения. При первом типе встречаются усадьбы двух вариантов: дом строится в глубине сада-огорода, окруженного сеткой, укрепленной на бетонных или деревянных столбах, либо дощатым забором. Но в обоих случаях проем ворот делают из камня, с арочным, украшенным резьбой, порталом, двустворчатой или одностворчатой дверью; дом строится на краю участка, фасадом к саду-огороду.

При втором типе, когда жилые и хозяйственные постройки располагаются в горизонтальном плане, хлев и сеновал строятся с одной стороны, а кладовая и навес для выпечки хлеба—с противоположной, так что образуется П-образная форма, и в таких случаях лишь с одной стороны открыт сад-огород. Однако ворота, как правило, делают поблизости жилого дома.

При постройке дома, в отличие от прежних времен, составляется примерный план, осуществление которого поручается знатым мастерам-строителям, которыми всегда славилось армянское село (известно, что армянских мастеров нередко приглашали для строительства жилья в соседние азербайджанские и курдские села). Глубина заложения фундамента, как правило, зависела от грунта, но в среднем была 50—110 см, ширина в основании пре-

вышала 1 м и, сужаясь, доходила до 50 см. Раствором служит сегодня бетон, хотя все еще практикуется использование глинистого, а то и земляного раствора с примесью соломы (Шванидзор, Карчеван, Шикаох). Стены возводятся из рваного или валунного камня, в избобилии имеющегося в окрестностях почти любого сюнникского села. Практикуется формование и теска камней, что придает дому более привлекательный внешний вид. Широко распространено оформление дверных, оконных проемов и карнизов отборными каменными плитами, нередко украшенными разнообразным орнаментом.

Показательно, что если в прошлом украшению подвергались деревянные столбы и карнизы, то теперь значительно чаще—каменные детали жилища.

Каменщики выполняют все работы, за исключением плотничьих и малярных (для последних приглашаются также местные мастера). Многие из них работают и вдали от родных сел, что вылилось в своеобразную форму отхожего промысла.

В армянском народном зодчестве издревле существовала традиция использования различных деталей в антисейсмических целях. В прошлом в стенах, в стыке этажей, вставлялись деревянные связки, которые представляли собой обыкновенные тесаные балки. Теперь же применяют бетонные балки, кладку «в елочку».

Если в доме предусмотрены три жилых помещения, то планировка бывает двух видов. Либо комнаты возводятся во всю длину веранды, по одной оси (жители Сюника эту планировку называют «прямой»), либо к двум помещениям, построенным в ряд, сбоку, с правой либо левой стороны, пристраивается третье. Место для него часто выбирается в зависимости от направления постоянно дующих ветров, а также на противоположной от восхода солнца стороне, с тем, чтобы вся веранда и большинство комнат с утра были хорошо освещены. Вот почему дома здесь преимущественно юго-восточной ориентации. Таким образом, боковая жилая комната захватывает часть веранды, в результате длина последней значительно укорачивается—получается дом Г-образной формы.

Наличие новых строительных материалов и технические новшества позволили внести существенные изменения в общий облик жилища. Новая конструкция крыш, широкое распространение цемента и стекла резко изменили внешний вид армянского дома: окна стали намного шире, во всех домах появились застекленные галереи. Отметим, что еще в начале нынешнего столетия, когда в селах стали возводить одно- и двухэтажные каменные плоскокрышные дома, прототипы современных, одной из существенных новых деталей были окна, которые не всегда стеклились, но, как

правило, имели двустворчатые ставни. Окна делались арочными—эта форма придавала прочность конструкции и была широко распространена в строительной практике. Но в этом случае окна были уже и короче. В современных жилых комплексах число окон и их размеры увеличились.

Окна арочной формы с 50-х годов уступили место квадратным, так что даже по этому признаку можно определить время строительства того или иного дома в селах Сюника.

Строительство нового дома всегда являлось большим событием в жизни армянского крестьянина. Издавна сложившаяся традиция родственной, семейной и соседской взаимопомощи и теперь весьма живуча. При закладке фундамента, возведении стен и крыши особенно необходима помощь большого числа людей. В те дни, когда производятся эти работы, собираются близкие и дальние родственники, соседи. Хозяева организуют обильное угощение, причем интересно, что и семьи родственников готовят для таких дней специальные блюда, продукты, которые приносят с собой на место строительства.

По-прежнему сохраняется старинный обычай «благословления» первого камня фундамента, бросание монет, распитие коньяка или водки и закладка пустой бутылки в фундамент (причем, разбив бутылку, по старым поверьям, обезвреживают «злой глаз», отгоняют «нечистые силы»). Но сегодня, как показывает полевой материал, многие не осознают прежнего магического смысла обычая).

Интерьер современного дома резко отличается от довольно скудного убранства дореволюционного жилья. Сейчас повсеместно вошли в быт городские формы интерьера—спальный и столовый гарнитуры, радиоприемники, телевизоры, холодильники, стиральные машины. В Сюнике эти элементы—достояние абсолютного большинства населения. И в этом отношении показательно, что даже в Шванидзоре (Мегринский район), где не было возможности приема телевизионных программ (материалы 1978 г.), ввиду сильно изрезанного горного рельефа, и то уже значительное число сельчан имели телевизоры в ожидании пуска строящейся ретрансляционной установки.

Именно богатство внутреннего убранства, видимо, способствовало тому, что украшения внутри дома, по сравнению с дореволюционным периодом, уменьшились. Но сегодня уже широко практикуется не только штукатурка, побелка стен, но и разрисовка их, причем в каждой комнате свой специфический орнамент; с 1970-х годов стены стали обклеивать обоями. Интересно, что местное население предпочитает различные тона красного, синего, голубого и зеленого цветов, а использование некоторых орнамен-

тальных мотивов ворсовых ковров дает основание полагать, что знаменитые сюникские ковры, в какой-то степени, предопределили выбор цветовой гаммы при создании современного интерьера.

В летнее время члены семьи большую часть времени проводят на открытой или застекленной веранде, во дворе, а жилые помещения служат местом ночлега. Обедают обычно на веранде. Лишь при гостях стол накрывают в столовой комнате, которая обычно бывает самой большой и находится в середине комплекса. В зимнее же время, при наличии застекленной галереи, большая часть семьи в дневное время находится в ней, при отсутствии же ее — в средней комнате, где обычно ставится печь. Из средней комнаты двери ведут в две соседние, которые также обогреваются этой печью. В случае если угловая комната расположена так, что сообщается с другими жилыми комнатами только через открытую веранду, то в ней ставится отдельная печь.

С каждым годом увеличивается число домов с паровой системой отопления. Например, в селах Караундж (Горисский район), Брнакот (Сисианский район) уже 20—25 процентов домов перешли на современную систему отопления, а в с. Хознавар (Горисский район) все еще нет ни одного подобного дома. Возможно, это следует объяснить тем, что и Брнакот, и Караундж находятся в непосредственной близости от городов Горис и Сисиан (всего в 5 км), а Хознавар удален от городского центра на значительное расстояние (45 км).

Вообще в жилом комплексе сюникцев нет вполне четкого разграничения столовой и спальной комнат. Столовая во многих случаях превращается при надобности в спальню. Но материалы определенным образом показывают, что постепенно утверждается в быту строгость разграничения спальных и столовых помещений. Это проявляется в том, что в мебелировке спален отсутствуют столы и стулья, а в столовой — кровати, хотя диваны (раскладные) повсеместно распространены.

Возведение подсобных комплексов строго подчинено хозяйственным нуждам. По сравнению с прошлым периодом и количественно, и пространственно число возводимых для этих целей построек сильно сократилось. Это объясняется тем, что семья на современном этапе из производственно-потребительской ячейки общества превратилась преимущественно в потребительскую. Развитость садоводческо-огороднического хозяйства в селах Шванидзор, Карчеван, Караундж и др. обусловила превалирование помещений и построек, предназначенных для хранения и обработки огородных и садовых культур (система кладовых, давлений и др.). В других селах (Брнакот, Хознавар и др.), которые характеризовались значительным развитием скотоводства и молочного хо-

зьяйства, в комплексе построек видное место занимали хлев, кладовая для хранения скотоводческих продуктов, сеновал и др.

Однако, помимо рассмотренных, в сюникских селениях до сих пор сохранились еще два типа, которые в прошлом имели довольно широкое распространение. Но современные типы жилища вытеснили их, и сегодня они сохраняются пережиточно, зачастую потеряв свое первоначальное функциональное назначение.

Один из них—широко известный глхатун. В ряде сел (Караундж, Брнакот, Хознавар и др.) сегодня еще можно встретить этот тип жилища, однако он используется ныне в качестве кладовой, места выпечки хлеба. В процентном отношении этот тип (назовем его третьим) составляет 1—2 процента всего современного жилого фонда в сюникских селениях.

И, наконец, четвертый тип—это пещерные жилища, которые еще в 20—40-х годах нашего столетия частично использовались, но с 60-х годов были покинуты людьми и теперь изредка используются лишь в хозяйственных целях: там содержат порой скот, хранят сено и т. д.

Примечательно, что эта вековая традиция использования естественных пещер и искусственного сооружения пещерных жилищ и в современном быту сюникцев довольно живуча. В современной практике домостроительства (Караундж, Тех и др.), когда дом строится на склоне и задняя стена на значительной высоте упирается в склон (фактически в гору), в задней стене оставляется проем и жители начинают рыть пещеры. Формы последних самые различные, в зависимости от свойств грунта. Внутри делали своды, оставляли естественные подпорки, во избежание обвалов и осыпей. Такие пещерные помещения, которые встречаются нередко по всей длине дома, используются в самых различных целях: в качестве хлева, кладовой, для хранения продуктов (в последнем случае пещерное помещение используется в качестве естественного холодильника, в котором круглый год одна и та же температура—5—10 градусов тепла). В ряде сел процент использования таких пещерных помещений достигает 25—30 процентов от общего числа хозяйств.

В заключение следует отметить, что доминирование в современном сельском жилище одно- и двухэтажного многокамерного каменного дома находит объяснение в тех коренных социально-экономических и культурных преобразованиях, которые произошли в Сюнике за годы социалистического строительства. Изменение шло в сторону повышения этажности, все более широкого использования современных строительных материалов и техники строительства, что привело к абсолютному превалированию двухэтажного дома с жилыми помещениями на втором этаже и хо-

зяйственными—на первом. Это отражало как дальнейшее улучшение санитарно-гигиенических условий жилища, так и стремление к компактному расположению построек для высвобождения места под посевы огородных и садовых культур. Указанному процессу во многом способствовало и перемещение центра хозяйственной жизни от семьи к общественному и государственному хозяйству. На наш взгляд, этот тип жилища имеет тенденцию к еще большему распространению.

Другая особенность развития современного типа жилища сюзникцев—постепенное увеличение жилищ квадратной или близкой к квадрату формы, что является свидетельством повышения благосостояния населения, создающего еще более широкие возможности для удовлетворения потребностей в комфорте, в обеспечении членов семьи благоприятными условиями для труда и отдыха.

Ш и р а к

Аналогичные процессы были характерны и для историко-культурного района Ширак. Сегодня здесь доминирующим стал одноэтажный дом из туфа, прямоугольной формы, с двускатной крышей из шифера, с двумя-тремя жилыми комнатами, приусадебным огородом и туалетом.

В Шираке имеются большие вариации этого типа. Так, с точки зрения планировки встречаются также дома квадратной и Г-образной форм (в селах Сарнахпюр, Баграван); имеются дома, состоящие из одной жилой комнаты (всего не более 8—12 процентов) или четырех и более (около 20—25 процентов). С середины 60-х гг. широкое распространение получают четырехскатные крыши.

По сравнению с Сюзником, здесь открытые балконы составляют весьма незначительный процент. Суровые климатические условия, с продолжительным холодным зимним периодом, сильными ветрами и большими снежными заносами не способствовали широкому распространению открытых балконов; даже застекленные веранды в жилых комплексах встречаются в единичных случаях (всего 10—12 процентов). В прошлом, как уже было отмечено, отличительной особенностью ширакского жилища было то, что жилая и хозяйственная части тесно примыкали друг к другу, они имели один общий вход. Современное сельское жилище претерпело существенные изменения: жилая и хозяйственная части отделены и имеют не только раздельные входы, но хозяйственные постройки строятся на некотором удалении от самого жилища (удаление достигает 10—15 м). В результате коренных социально-

экономических и культурно-бытовых преобразований улучшилась вся система семейного уклада, стали разнообразнее виды топлива; крестьянские хозяйства, подвергавшиеся в прошлом разбойничьим нападениям и грабежам, навсегда были ограждены от насилия и разорения.

Особенности климатических условий обусловили сохранение сеней, защищающих жилище от зимней стужи. Поэтому в планировке здесь нередко можно увидеть лоджийный вариант. В нем две крайние комнаты обрамляют веранду и превращают ее в лоджию, что вообще характерно для горных областей Кавказа. Аналогичные черты встречаются, например, в жилищных комплексах Дагестана (Османов, 1971, 97—118).

В одноэтажном комплексе хозяйственные и жилые помещения занимают, естественно, большую площадь. В связи с тем, что в советский период на приусадебных участках ширакцев появились сады и огороды, тяга к экономии земли и в условиях Ширака приводит к эволюции одноэтажного жилища через цокольное к двухэтажному, в котором первый этаж занимает хозяйственные помещения. В результате этого процесса в настоящее время с каждым годом увеличивается число двухэтажных домов в местных селах. Так, в селах Сарнахпюр, Мармашен, Джрарат процент их достигает 25—30. Однако по распространенности двухэтажного типа жилища Ширак все же уступает Сюнику и Айрарату.

При вертикальной планировке жилых и хозяйственных помещений повсюду наблюдается стремление отделить постройки для скота; они в большей степени сохраняют свои архаичные черты в форме кровли. Самое характерное для хозяйственных построек в Шираке—это наличие специальных помещений (тонратунов) для выпечки традиционного лаваша. Тонратуны возводятся либо на некотором удалении от самого жилища, либо пристраиваются к одной из стен дома, чаще к задней. Весь комплекс жилых и хозяйственных построек, вместе с садом-огородом, огораживается, так же, как и в Сюнике, однако здесь ограды проще: возводятся из необработанного камня, чаще туфа, без раствора. В ограде имеются широкие двустворчатые ворота, хотя и не так тщательно оформленные, как в других регионах. Однако в Шираке, где существует древняя традиция искусной обработки камня, сегодня при строительстве дома широко используются гладко обтесанные и формованные камни, оконные и дверные проемы оформляются резными каменными плитами, карниз делают из отборных тесаных камней. В результате дом выглядит весьма привлекательно, и многие его элементы приобретают наряду с практическим и декоративное значение. На фасадной стороне дома над входной дверью либо между оконными проемами, под карнизом, устанавливается

несколько выдающаяся вперед каменная плита, часто особым образом обработанная, на которой высекается дата строительства и инициалы владельца.

В соотношении жилых и хозяйственных построек, в интерьере жилища, темпах обновления жилищного фонда и в других аспектах можно увидеть много общего с другими регионами, но есть и целый ряд отличительных черт (помимо уже отмеченных), которые присущи Шираку. Хозяйственные постройки здесь занимают значительное место, особенно те из них, которые связаны с ведением скотоводческого хозяйства, получившего здесь широкое распространение. Далее, темпы обновления жилищного фонда в Шираке несколько более замедленны, нежели в других регионах, что объясняется особенностями социально-экономического развития, уровнем материального благосостояния, характером связей с городскими центрами и близостью к ним. Села Айрарата, как увидим ниже, в этом отношении имели некоторые преимущества, что и способствовало тому, что процесс урбанизации села в Айрарате начался раньше и протекал глубже и более ускоренными темпами, нежели в Шираке. Поэтому не случайно, что старые типы жилища еще сохраняются в современном жилом фонде Ширака, хотя и составляют весьма незначительный процент. Здесь, с возведением новых жилищ, часть семьи продолжала жить в старом глхатуне. Больше того, в первые десятилетия семья в летнее время жила в новой постройке, представлявшей собой одноэтажное каменное жилище (состоящее из одной комнаты, с плоской кровлей из жердей, покрытых землей), а зимой предпочитала жить в глхатуне, в летнее время служившем кухней. Это, как уже отмечалось в литературе, объясняется тем, что кизяком, который и поныне остается важным видом топлива, легче было отапливать помещения с тоном, нежели новые дома, где устанавливались печи-временки. В Шираке трансформация жилищного комплекса и его освоение протекало более медленными темпами, хотя в своих основных чертах характеризовалось теми же признаками.

Это касается и ритуальных аспектов функционирования жилища, и трансформации комплексов жилых и хозяйственных построек в сезонных поселениях. В Шираке чаще, чем в других районах, можно увидеть и сегодня использование различных подков, черепов, рогов, священных книг и др. в качестве оберегов. В свадебных, родильных, похоронно-поминальных и иных ритуалах в большей степени сохраняются обряды и обычаи, уходящие своими корнями вглубь веков.

Сохранение отгонной формы скотоводства по настоящее время обусловило функционирование сезонных поселений, где продолжают использовать типы жилищ, аналогичные тем, которые

возводились в рассмотренный выше период (конец XIX—начало XX вв.).

Айрарат

Самым распространенным типом современного жилища здесь является двухэтажный каменный дом прямоугольной формы, на каменном фундаменте, с четырехскатной стропильной крышей из шифера, с тремя жилыми комнатами, с одинарной застекленной верандой, кухней, кладовой, гаражом, приусадебным садом-огородом и туалетом. В различных селах этот тип представлен несколькими вариантами. Так, в Октябре, Налбандяне, Арарате и Айгезарде с 60-х годов стал широко распространяться дом квадратной формы. В одних случаях дом сразу строится в такой форме (главным образом, с начала 70-х гг.), в других—квадратная форма получается в результате пристройки к застекленной веранде, по всей длине фасада, открытого широкого балкона, так что получается двойная веранда. В прежней застекленной веранде возводится стенка, которая делит ее на две части, в итоге получается двурядное расположение жилых комнат.

Вариации касаются не только формы дома, но и количества комнат, числа и видов хозяйственных помещений, формы кровли, видов строительного материала. Так, значительный процент составляют жилища с двумя жилыми комнатами, двускатной жестяной крышей, открытой одинарной верандой. В одних случаях комнаты расположены в ряд, в других—одна комната возводится с боковой стороны, что приводит к образованию Г-образной формы.

Комплекс жилых и хозяйственных построек, а также приусадебный сад-огород огораживаются со стороны улицы каменной стеной, нередко из туфа, а с трех остальных сторон сеткой, но, как правило, имеется архитектурно оформленный вход—двустворчатые широкие ворота со стороны улицы и небольшая калитка с противоположной стороны для сообщения с соседями. Нередко от ворот к входу в жилую часть устраивается так называемый швак—затененная галерея. Он устраивается как живая изгородь: по обеим сторонам устанавливают опоры (бетонные или деревянные) для виноградных лоз, которые, разрастаясь и переплетаясь, образуют свод (Народы Кавказа, 1962, 505). Жилые комплексы располагаются либо в глубине сада-огорода, либо, что ныне преобладает, на краю участка, фасадом, обращенным к саду-огороду, а задней стороной—к улице. В отличие от прошлого, когда дом, расположенный на линии улицы, выходил на нее глухой стеной, теперь делаются широкие окна, нередко по два на каждую жилую комнату. Показательно, что окна делаются только на втором эта-

182

же; на первом этаже, где располагаются хозяйственные помещения, они, как правило, отсутствуют.

Если раньше дома строились глинобитные либо из рваного камня, ныне они возводятся из тесаных блоков привозного или местного туфа, на прочном базальтовом фундаменте, с повсеместно широко используемым бетонным раствором, вытеснившим земляной и глиняный растворы. Для Айрарата в большей степени, нежели для Сюника и Ширака, характерно разнообразие строительных материалов, в зависимости от конкретных экономических возможностей и вкусов самих застройщиков. Наряду с преобладающими туфовыми блоками имеет место возведение стен, в особенности на втором этаже, из бетонных блоков, а в более редких случаях—из сырцового кирпича. Такие дома отапливаются печью-временкой или стенной печью, но все более распространяется водяное отопление от установленного на первом этаже (в специальном помещении или на кухне) котла.

В расходах на строительство современного дома значительная доля падает на эстетическую отделку его, в частности на художественную роспись и орнаментацию оштукатуренных внутренних стен, выполняемую профессиональными мастерами. Одна из комнат дома, самая большая, служит для приема гостей; эту функцию выполняет также широкая застекленная веранда. Таким образом, наряду с инструментально-витальными, современный сельский дом в Айрарате (и это сегодня общеармянское явление) всегда имеет и престижно-знаковые функции, которые ранее были несколько иными. Для периода конца XIX—начала XX вв., как уже указывалось, в структуре глхатуна наибольшее место занимали привозные деревянные части, которые обычно и орнаментировались. Тогда престижными были огромные размеры хозяйственных частей (давилен, хлевов, земельных участков), а также дома с плоской кровлей, хотя и с глинобитными или кирпичными (сырцовыми) стенами.

Как и в Сюнике, здесь наблюдается тенденция к снижению числа хозяйств, содержащих личный молочный скот. Соответственно снижается потребность в хлевах и сениках. Во многих селах ныне на месте хлевов строятся гаражи. Следует отметить, что приусадебные участки в Айрарате дают существенный доход семье, чем и объясняется более высокий уровень жизни, по сравнению с другими регионами, местного населения. Это обстоятельство объясняет наличие в большинстве сел значительного числа хозяйств, обеспеченных автомашинами. Этим следует также объяснить тот факт, что, по сравнению со всеми остальными регионами, в Айрарате наблюдается наибольшее обновление жилого фонда. Во всяком случае, основная его часть возведена в конце 50—

середине 70-х гг. Строительные работы ведутся в широких масштабах и в настоящее время. Преобладающая часть современного населения Айрарата, за редким исключением, живет в домах послевоенной постройки, которые приспособлены уже к новому укладу жизни, мало отличающегося от городского. В наши дни, когда культурный уровень семьи является более существенным фактором, чем материальное благосостояние, престижные функции переместились на жилой дом. Значительная и все возрастающая часть сельских домов снабжается удобствами городского типа—ваннами с горячей водой от колонки, утепленными туалетами. Весьма значительный процент составляют дома, в которые проведен водопровод.

Хотя во всех семьях используются газовые плиты и отопительные печи, однако в селах Айрарата по-прежнему широко используют тонир, который уже не помещают в жилом доме, а во дворе—под открытым с одной стороны навесом (хацатун, тонратун), пристроенным к стене дома или же отдельно от него, на некотором расстоянии. Сейчас тонир используется исключительно для выпечки хлеба и для приготовления праздничной пищи, тогда как повседневная готовится на газовой плите. Тонратун и теперь сохраняет некоторые черты традиционной кровли.

В современном сельском строительстве все большее распространение получает строительство домов по заранее разработанному плану. Причем большую помощь при постройке нового дома оказывают колхозы и совхозы, предоставляя ссуду, транспортные средства (Тер-Саркисянц, 1972, 158).

В домах с несколькими комнатами, как правило, имеются столовая, спальни, нередко, комната для приема гостей, а иногда и отдельная комната для детей-школьников.

Второй тип жилища, распространенный в селах Айрарата,— это одноэтажный каменный дом прямоугольной или квадратной формы (реже Г-образной формы), на каменном фундаменте с высоким цоколем, с двускатной или четырехскатной стропильной крышей из шифера, с двумя-тремя жилыми комнатами, открытой или, чаще, застекленной верандой. Как видим, этот тип, подобно первому, также имел несколько вариантов. Выше, характеризуя современное жилище Сюника, отмечалось, что наиболее существенное различие между этими двумя типами в характере расположения жилых и хозяйственных помещений: в одном случае вертикальное, в другом—горизонтальное расположение. И здесь, так же, как и в Сюнике, динамика изменения соотношения между этими двумя типами показывает, что с каждым годом все более увеличивается процент двухэтажных домов. Так, если в середине 60-х гг. двухэтажные дома в селах Айрарата не пре-

вышли 20—25%, то к концу 70-х гг. превысили 50% от общего числа домов. Это объясняется и сокращением числа и видов хозяйственных построек, в связи с перемещением центра хозяйственной жизни в колхозы и совхозы (причем, в селах Айрарата особенно сокращаются скотные постройки, которые обычно возводились в некотором отдалении от жилых помещений) с целью экономии участка под различные садово-овощные культуры.

Однако, как показывает сравнение между обоими типами, и в том, и в другом случае доминируют жилища с двумя-тремя комнатами, использующиеся под спальни и столовые, что находит объяснение в доминировании семьи в 2—4 и 5—6 человек, состоящей из двух поколений. Выявляется определенная связь между численностью, структурой семьи и количеством жилых комнат. Материалы показывают, что для семей в 4—6 человек характерны жилища, состоящие из трех комнат. Для семей из 2—4 человек характерны жилища из двух комнат. Однако в ряде сел Айрарата были также семьи, состоящие из 7—8, 9—10 и более человек. И именно такие семьи возводили комплексы из 4 и более комнат. Так, в обследованных нами селах Арарат, Айгезард, Налбандян и др. семьи, состоявшие из 7—8, 9—10 и более человек, составляли 20—26%. Примечательно, что исследования А. Е. Тер-Саркисянц в селениях Мргаван и Далар Арташатского района показали, что в указанных селах в 1966 г. семьи в 7—8, 9—10 и более человек составляли примерно 27% (Тер-Саркисянц, 1972, 54—55). В Мргаване многие семьи, состоявшие из 8 и более человек, жили в домах из 4, 5 и 6 комнат (там же, 160).

Семьи, состоящие из 7 и более человек, открытую веранду дома стеклили и строили новый открытый балкон, а застекленную веранду, разделив на две половинки, отводили под жилье. Таким образом дома прямоугольной или Г-образной формы превращались в дома квадратной формы, с двурядным расположением жилых комнат. Здесь наблюдается картина, аналогичная Сюнику.

В селах Айрарата в большей мере, нежели в селах Сюника, повсеместно вошли в быт городские формы интерьера—спальники и столовый гарнитуры, радиоприемники, телевизоры, холодильники, стиральные машины. В традиционной мебелировке крестьянского жилища, раньше основное место занимали сундуки, полки с глиняной, медной и деревянной посудой; деревянные тахты, располагавшиеся вдоль стен. Стол и стулья использовались в редких случаях—сидели либо на полу, на подстилках, либо на тахте, где и расстилали скатерть. Примечательно, что и сегодня часто в стенах устраивают ниши, которые, в отличие от прошлого, служат для хранения постельного белья, утвари, продуктов и т. д.

Качественные изменения, происшедшие в жилищном комплек-

се, находят объяснение также и в изменениях социально-профессионального состава населения. Ныне в селах Айрарата, наряду с колхозниками, значительный процент (50 и более) составляют рабочие и служащие, если считать и социально смешанные семьи. Естественно, у этой категории сельских жителей нет ни хлевов, ни сенников и, в силу этого, санитарно-гигиенические условия в их домах намного лучше. Здесь хозяйственные помещения отводятся под кладовые и для обработки садово-огородных культур. Увеличение доли рабочих и служащих в условиях Айрарата можно объяснить не только социально-экономическими преобразованиями на селе, но и близостью множества городов—Арарата, Аргашата, Эчмиадзина и др. Весьма существенное значение для экономического, социального и культурного развития сельских районов Айрарата имеет и близость столицы республики. Благодаря регулярному автобусному сообщению, многие жители сел региона работают на промышленных предприятиях, стройках и других объектах указанных городов.

Эти факторы сыграли значительную роль в изживании из быта сельского населения многих пережитков. По сравнению с жителями Сюника, а в еще большей степени с жителями Ширака, ритуальные аспекты в функционировании жилища в селах Айрарата менее выражены. Здесь в редких случаях можно увидеть сегодня использование различных амулетов и талисманов, магических обрядов по ограждению дома от воздействия «злого» глаза и обеспечению благосостояния дома. Из всех амулетов в селах Айрарата сегодня кое-где используются лишь лошадиные подковы.

Подводя итог, следует отметить, что социалистические преобразования, осуществленные за годы Советской власти, подъем материального благосостояния сельского населения оказали огромное влияние на преобразование жилищного комплекса, на улучшение санитарно-гигиенических условий домашнего быта. Характерна многокамерность, лучшее освещение, меньшее загромождение дома и усадьбы хозяйственными постройками (Станюкович, Рождественская, 1977, 188—189). Если в прошлом здесь господствовал глхатун с венцеобразным перекрытием, то ныне он полностью исчез, а тип глинобитного или саманного жилища с плоской кровлей, окнами и открытым широким балконом, который стал распространяться повсеместно с последней трети XIX в., преобразовался и полностью стал доминирующим в виде каменных двухэтажных жилищных комплексов. Эти преобразования, как мы видели, коснулись планировки, конструктивных приемов, строительных материалов, формы кровли и характера использования и функционального назначения отдельных его составных.

Общие выводы

Анализ жилищного комплекса в трех регионах Армении—Сюнике, Шираке и Айрарате,—показывает, что и для конца XIX—начала XX вв. и для современного периода были характерны некоторые общие черты. Так, как показали данные, в указанных регионах к началу нынешнего столетия самым распространенным было жилище со ступенчато-пирамидальным перекрытием, имевшее в каждом из регионов некоторые отличительные признаки. В этот же период получает распространение одно- и двухэтажный дом, нередко с несколько приподнятым цоколем, с плоской земляной кровлей, с окнами, с придстенным очагом (бухари).

Повсюду для жилищного комплекса было характерно преобладание хозяйственных построек над жилыми, причем если, например, в долинных частях Сюника и в Айрарате преобладали помещения, предназначенные для хранения и обработки садово-огородных культур, то в горных районах Сюника и в Шираке—помещения, предназначенные для содержания скота и хранения и обработки молочных продуктов.

Наряду с этими общими чертами, наблюдается и другая закономерность. Трансформация жилищного комплекса происходила весьма медленно, но она шла по пути микроразнообразия к различным условиям хозяйственного, социального и политического развития. Наличие этих условий вызывало и многообразие в жилищном комплексе. Все еще сохранявшиеся пережитки большесемейных общин обуславливали сохранение и функционирование жилища типа глхатуна, с одним большим общим жилым помещением. Однако разница в уровне социально-экономического развития и формах хозяйствования не только в пределах трех выделенных регионов, но и внутри них (например, Мегринский район и остальные части Сюника), привели к вариациям в структуре жилищного комплекса. Понятно, что жилище, как и любой другой компонент культуры жизнеобеспечения, служит удовлетворению как материально-витальных, так и опосредованных духовных потребностей людей в данном обществе. Эти потребности обусловлены как природными, так и еще более комплексом социально-экономических и политических условий их жизни. Возможности удовлетворения этих потребностей, в конечном счете, обусловлены теми же природными и социальными условиями, но выступающими иной гранью. Культура жизнеобеспечения есть механизм удовлетворения потребностей в рамках возможностей, и специфика тех и других в совокупности является определяющей и для специфики данной системы.

В условиях диалектического строительства, как показывают приведенные материалы, произошли коренные изменения в жи-

лищном комплексе армян Сюника, Айрарата и Ширака. Но эти изменения, обусловленные кардинальными социально-экономическими преобразованиями, общими для всех регионов, протекали не по пути дробления, «а по пути унификации, выработки новых общих черт, форм и конструктивных методов, как в компоновке облика жилища в целом, так и в планировке его отдельных элементов» (Османов, 1971, 98). Социально-экономическое возрождение, прогресс техники способствовали тому, что жилищный комплекс все более «высвобождался» от необходимости быть приспособленным к природным, историческим, политическим и хозяйственным условиям. Именно поэтому в настоящее время во всех трех регионах в типах жилища видим много общего. Более того, в известном смысле можно говорить о высокой степени нивелировки унификации сельского жилища на территории Армении в наши дни, что позволяет сделать вывод, что потребности ее сельского населения стали в основном едиными. Социальные и культурные преобразования общи и едины для всей республики, а природные условия, несмотря на значительные различия, все же не настолько существенны, чтобы вызвать различия в типе жилища, ибо и ранее они влияли на него не столько непосредственно (хотя и в отдельных случаях это определенным образом проступает), сколько через экономику, т. е. тип хозяйства. Но в наше время тип хозяйства в жилище выражается несравненно меньше. И не случайно, что в современном жилищном комплексе преобладают жилые помещения, а многие хозяйственные функции дореволюционной семьи перешли к коллективным и государственным хозяйствам.

Однако это не означает, что сегодня природно-климатические и хозяйственные условия не накладывают заметного отпечатка на формы и характер жилищного комплекса. Значительное снижение их роли явственно проступает, но определенным образом выявляется также обусловленность ими отдельных элементов жилищного комплекса. Так, в суровых климатических условиях Ширака сохраняется наиболее «закрытый» тип, скорее вариант, современного общеармянского жилища, в котором отсутствует открытая веранда, а застекленная веранда значительно укорочена за счет боковой комнаты (в Г-образном плане), или же к ней с обеих сторон пристраиваются боковые комнаты, что превращает веранду в лоджию. А часто и лоджия отсутствует. И специфика хозяйства отражается в видах и типах хозяйственных построек. Все это необходимо учитывать. Но важно всегда иметь в виду, что они не являются определяющими факторами в процессе преобразования жилищного комплекса.

Материалы показали, что в одних местах доминирует двухэтажный дом, со многими жилыми комнатами, двускатной и че-

тырехскатной кровлей из шифера, а в других—преобладающее распространение имеет одноэтажный дом, однако, наблюдается тенденция к сокращению жилищ такого типа, превращением последних в полутораэтажные и двухэтажные, что позволяет концентрировать хозяйственные помещения под жилье, высвобождая тем самым участок для расширения сада-огорода вокруг дома. Это один из существенных процессов в современном армянском селе. И, не случайно, что сегодня именно двухэтажный каменный дом, с хорошо оформленными оконными и дверными проемами, садом-огородом вокруг него является наиболее престижным в сельских районах Армении.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СИСТЕМА ПИТАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

В комплексе систем жизнеобеспечения любого народа одно из ключевых мест принадлежит пище, которая составляет самую первую, основную и повседневную витальную потребность человека. В свойственных разным народам наборах пищевых продуктов, способах их обработки, типах блюд, в традициях пищевого предпочтения или избегания, в организации и ритуале трапез и в других аспектах культуры, прямо или косвенно связанных с пищей, отразилась этническая и культурная историческая специфичность народов, и изучение этих явлений имеет большой культурологический интерес.

В наше время, в эпоху повсеместного внедрения относительно унифицированных черт интернациональной урбанистической культуры, несмотря на интенсивную нивелировку многих аспектов этнической специфики в материально-бытовой сфере, последняя сравнительно более стойко сохраняется в пище. Поэтому представляется, что анализ различий в пище и в связанных с пищей поведенческих аспектах культуры может пролить свет на разницу в уровне психологической урбанизации различных групп населения и населенных пунктов, там, где в других жизнеобеспечивающих системах эта разница явным образом не проявляется. Кроме того, на этом же материале можно проследить ряд общих тенденций: в путях модернизации и урбанизации жизни населения.

Прежде чем попасть на стол, пищевые продукты проходят в своей обработке ряд этапов. Среди них можно выделить несколько основных, условно обозначенных терминами сырье, полуфабрикат, снедь и блюдо. Полуфабрикат—это продукт, прошед-

ший определенную обработку, но еще не готовый к употреблению в пищу. Снедь вполне готова к употреблению в пищу без какой-либо дальнейшей обработки, притом это продукт, допускающий более или менее длительное хранение. Наконец, блюдо предназначено к потреблению более или менее непосредственно по изготовлению и не допускает длительного хранения. Так, зерно—сырье, мука и крупы—полуфабрикат, хлебные изделия—снедь, каши—блюдо; мясо—сырье, вяленое мясо—полуфабрикат, колбаса—снедь, жаркое—блюдо и т. д. Разумеется, как и во всех сферах материальной культуры, границы между этими условно выделяемыми категориями не абсолютны. Например, хотя сыры—это преимущественно снедь, тем не менее некоторые виды творожно-сырных изделий в основном могут служить полуфабрикатами при изготовлении блюд, а другие виды, предназначенные к непосредственному употреблению, скорее должны рассматриваться как блюдо.

В реальной жизни пища обычно, почти всегда, выступает в составе трапезы. Трапеза, хотя и редко, может состоять из какого-либо одного вида пищи, но чаще всего это несколько видов пищи, включая напитки, в определенной последовательности, в определенном сочетании. В этнографические различия между народами в области питания входит и различное построение трапезы: сколько трапез считается нормальным принять за день, когда, в какое время дня они происходят, существенно ли они отличаются одна от другой по составу и по объему. Весьма различны у разных народов состав трапезы и порядок, в котором следует одни за другими различные виды пищи в составе трапезы. Эти различия отчасти обусловлены природными, климатическими условиями, но в значительной своей части проистекают из исторически сложившейся этнической традиции.

Особый интерес с историко-этнографической точки зрения представляют имеющиеся почти у каждого народа специфические виды пищи и специальные блюда, отличающиеся от повседневных, носящие праздничное или ритуальное назначение. Одни из них имеют просто праздничную окраску и могут быть приготовлены по случаю любого праздника или трапезы, отличающейся от обычной большей торжественностью, присутствием почетных гостей и так далее. Другие четко приурочены к определенным календарным праздникам или моментам жизненного цикла: таковы новогодние блюда или церемониальные свадебные блюда, или ритуальные похоронно-поминальные блюда, жертвенная пища и так далее. Специфический интерес, который представляет изучение этих видов пищи, заключается в том, что иногда среди них представлены архаические типы пищи, в повседневной жизни уже вышедшие из употребления. Иногда же, напротив, блюдо, перво-

начально имевшее ритуальное, знаковое содержание, в ходе истории постепенно его теряет и превращается просто в праздничное, а затем даже и в повседневное.

Этнографический подход к изучению пищи отличается от других, например, кулинарного или нутриционистского, в частности, тем, что этнографов пища интересует не сама по себе, не с точки зрения технологии ее приготовления или сравнительной питательной ценности, а интересует как явление бытовой культуры, находящееся во взаимосвязи с другими аспектами жизни, отражающее взаимоотношения людей в обществе и нормы их поведения, формы поведения, традиционные для данного общества. В их числе нас интересуют, во-первых, повседневные поведенческие аспекты питания. Для этнографа важно не только то, что именно люди едят, но и как они это делают, как они при этом располагаются, какой утварью и посудой пользуются, как именно используют эту утварь и посуду. Любая совместная трапеза, будь то семейный обед или трапеза людей объединившихся для выполнения трудовой задачи, или трапеза попутчиков, не говоря уже о трапезах, которыми отмечаются какие-либо выходящие за рамки повседневной жизни события, есть не просто коллективно организованное насыщение. В любом случае это в то же время действие с определенным знаковым содержанием. Как минимум этого содержания, оно включает в себя констатацию того, что собравшиеся принимают и разделяют определенные установленные традицией данного этноса, минимальные этические и эстетические нормы поведения, следовательно, принадлежат к одной культурной общности и проявляют определенный минимум благожелательности друг к другу. В случае семейной трапезы или трапезы постоянного рабочего или какого-либо иного коллектива к этому добавляется и признание и утверждение своей принадлежности к этому коллективу. Особая, также выделяемая в поведении ситуация создается, когда на трапезе устоявшегося коллектива присутствует гость, или когда на трапезу собираются не только члены семьи, но более широкий круг родственников, или вообще лиц, состоящих в какой-то социальной структурно-иерархической связи. В любом случае трапеза как действие имеет более или менее традиционно соблюдаемый и осознаваемый сценарий с определенным распределением ролей, с включением определенных знаковых форм поведения. Все это вместе взятое составляет общую совокупность этикета, церемониала, этических и эстетических нормативов трапезы.

В соответствии с религиозными представлениями, поверьями и их пережитками, бытующими среди данного этноса, вышеупомянутые поведенческие аспекты питания дополняются рядом правил, носящих ритуально-культурный характер. С одной сторо-

ны, это могут быть предписанные традиционной нормой действия, с другой—запреты на какие-либо противопоказанные действия. Правила эти могут быть действительны для любых трапез либо осуществляться лишь в определенных случаях и в какие-то периоды времени. Они могут относиться как к поведению во время трапезы, так и к материальному составу самой трапезы. Особенно наглядным проявлением таких культурно-ритуальных ограничений являются постоянные или временные запреты на определенные пищевые продукты, а также посты, обычно включающие и ряд других ограничений.

Для освещения всех этих моментов в данном разделе, конкретно посвященном системе питания, характерной для армянского этноса, прежде всего представляется необходимым построить схему классификации входящих в данную систему компонентов.

Проблемы классификации в той или иной форме возникают в ходе любого этнографического исследования, ибо этнографическая наука, как и другие науки, имеет дело с такими явлениями, которые предполагают наличие определенной повторяемости. Уже сама по себе повторяемость явлений во времени и пространстве дает возможность их группировки и создания различных классификационных систем, в зависимости от познавательных задач исследования.

Эти классификационные системы могут строиться на разных уровнях, начиная с эмпирической группировки явлений по их внешне наиболее ярко проявленным свойствам и кончая последовательной систематизацией с высокой степенью теоретической абстракции, определяемой культурологическим подходом. Эти классификации могут основываться и на определенном образом отобранных качественных параметрах исследуемых явлений, независимо от их локализации во времени и пространстве; они могут строиться как с точки зрения пространственного (ареального, зонального и т. д.) распределения культурных явлений на земном шаре, так и временного, абсолютного или относительного их соотношения с определенными историческими эпохами, или социально-экономическими формациями. Возможна классификация, распределяющая явления определенного типа по различным таксономическим уровням. Наконец, возможны и на практике наиболее распространены классификационные схемы, так или иначе сочетающие эти различные подходы, опять-таки в зависимости от поставленных в исследовании задач.

В отдельных разделах этнографической науки разработано немало удачных, детально разработанных, глубоко научно обоснованных классификационных схем. В советской этнографии к высшим и наиболее общим образцам таких классификаций при-

надлежат типологии этнических общностей, выделение хозяйственно-культурных типов (ХКТ) и категорий историко-этнографических областей (ИЭО) и районов и др. Несмотря на наличие различных мнений в отношении числа выделяемых типов, их соотношения, терминологии и в других более частных вопросах, в общих принципах построения подобных классификаций советские этнографы, можно сказать, придерживаются весьма близких взглядов. Что касается классификации конкретных явлений культуры, носящих более дробный и частный характер, то примеров подобных классификаций можно было бы привести чрезвычайно много. Существует целый ряд классификаций, созданных для явлений материальной и духовной культуры и их отдельных элементов, как, например, классификации сельскохозяйственных орудий, одежды, жилища и поселения, жанров устного народного творчества, орнамента и т. д.

Анализируя имеющиеся в современной этнографической литературе классификационные схемы по различным конкретным категориям культурных явлений и элементов, приходится признать, что большинству из них присущи два существенных недостатка.

Во-первых, эти классификационные схемы строятся, как правило, на основе весьма разнородных и довольно произвольно отбираемых признаков. Это создает большие, подчас непреодолимые трудности по дальнейшему сопоставлению результатов работ различных авторов, затрудняет интеграцию данных по отдельным локальным культурам в рамках более широких категорий регионального или эпохального характера, не говоря уже о глобальных обобщениях, а также мешает проведению каких-либо сравнительных, кросс-культурных исследований, поскольку отдельные конкретные классификации оказываются нередко просто несравнимыми и несопоставимыми.

Во-вторых, большинство имеющихся конкретных классификаций явлений и элементов отдельных сфер и подразделений культуры осуществлено в отрыве от типологических классификаций высшего уровня обобщения и не предусматривает их дальнейшей вписываемости в классификационные схемы, обнимающие более широкие культурные категории, вплоть до культуры отдельного общества, и, в конечном счете, всего человечества.

Из работ, содержащих попытку дать общую классификацию явлений материальной культуры, надо отметить труд А. Леруа-Гурана, на примере которого, несмотря на все его достоинства, отчетливо видны и все недостатки формально-схематического подхода к построению подобных классификаций, или классификационных схем.

При создании классификационных схем как в области преж-

де всего материальной культуры, так и в значительной степени в области духовной культуры, нам представляется важным рассматривать подвергаемые классификации явления как составные части более сложного и емкого комплекса, а именно хозяйственно-культурного типа; нельзя упускать из виду, что, начиная с момента оформления любого конкретного хозяйственно-культурного типа и во всем дальнейшем ходе его функционирования и развития, все его составные элементы находятся в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности.

В принципе возможны два основных подхода к классификации как общественных, так и естественных явлений—структурный и генетический.

Структурный подход предполагает разделение совокупности явлений на ряд групп, наделенных различными функциями и находящихся в определенном взаимоотношении между собой; при этом явления каждой группы будут характеризоваться некоторым общим набором своих, только данной группе присущих признаков; вопрос же о том, как сформировались в каждом отдельном случае эти признаки, восходят ли они к единому источнику или обуславливающему фактору, или же имеют гетерогенное, конвергентное происхождение, при данном подходе не существует.

При генетическом подходе деление совокупности на группы осуществляется путем исторического анализа путей формирования и развития составляющих совокупность элементов. Признаки, по которым отдельные элементы объединяются в группы, восходят к общему источнику или воздействию общего фактора. Что же касается функционального единства элементов внутри группы или функционального взаимодействия или соотношения между группами, то при генетическом подходе его может и не быть.

Так, при структурном подходе к классификации животного мира в каком-либо ценозе мы можем разделить животных по образу питания на растительных, хищных и всеядных; по среде обитания—на наземных, подземных; древесных и водных и т. д. Однако более общая и детальная классификация животного мира достигается путем применения генетического принципа, большей или меньшей близости по происхождению, выделяющего типы, классы, отряды, семейства, роды, виды животных.

Не приводя других аналогий, можно сразу же констатировать, что и в этнографической науке эти принципы операциональны и вполне применимы, но степень их распространенности в различных разделах неодинакова.

Одной из наиболее общих этнографических классификаций, нашедших всеобщее признание, является классификация по хозяйственно-культурным типам. Она представляет собой решетку, составленную из двух ортогональных друг к другу систем

параметров: одна из них чисто структурная, сопоставимая с экологическими условиями и определяемая через ландшафтные зоны (тундра, тайга, лесостепи, степи, тропические леса, пустыни), другая же—исторически-стадиальная, т. е. в основе своей генетическая, ибо одна стадия выводится из другой, чего нельзя сказать о ландшафтных зонах (собиратели, охотники, рыболовы, мотыжные земледельцы, плужные земледельцы и т. д.).

Вопрос о группировке хозяйственно-культурных типов и о принципах более дробной хозяйственно-культурной типологии все еще является предметом дискуссий, в ходе которых высказываются весьма различные мнения. В частности, нам представляется, что до сих пор еще не проводится четкого различия между конвергентными хозяйственно-культурными типами и родственными ХКТ. Так, если ХКТ мотыжных земледельцев тропических лесов Старого и Нового Света имеют самостоятельное происхождение, и сходство их сформировалось независимо друг от друга лишь в силу действия сходных факторов и общих закономерностей, то все ХКТ плужных земледельцев Старого Света (возможно, за исключением лишь Восточной и Юго-Восточной Азии) восходят к общему источнику и родственны между собой, несмотря на все их различия.

То же самое можно сказать и о ХКТ специализированных оседлых рыболовов Приамурья, Камчатки, северо-западного побережья Северной Америки и др., где в каждом регионе указанное направление и связанные с ним культурно-бытовые особенности складывались самостоятельно, в отличие, например, от оленеводов, таежных и тундровых, которые при всем многообразии своих вариантов, имеют единые истоки и общий центр происхождения.

Последовательное проведение различия конвергентных и родственных ХКТ, на наш взгляд, методологически очень важно именно при построении классификационных схем по образующим их отдельным компонентам культуры и хозяйства, ибо в случае родственных ХКТ желательно учитывать как структурные, так и генетические параметры, тогда как при анализе конвергентных ХКТ анализ может вестись только по структурным параметрам, так как отсутствие генетических связей в данном случае принято как постулат.

Попытка типологизации первого вида, где были бы учтены не только структурные, но и генетические параметры, в данной работе предпринимается на примере системы питания как одной из важнейших составных жизнеобеспечивающего сектора культуры.

Как уже указывалось, в питании человека как биологического вида, уже в силу особенностей его биохимической организации, необходимо должны присутствовать два компонента—животный и

растительный. На уровне присваивающего хозяйства источниками этих компонентов были охота и собирательство, а на уровне производящего хозяйства роль эта в основном перешла к земледелию и скотоводству, но деление пищи на растительную и животную оставалось и остается у всех народов самым главным водоразделом в вопросах классификации пищи, несмотря на наличие в пище многих продуктов и блюд, в которых участвуют как растительные, так и животные компоненты. Поэтому, на наш взгляд, представляется целесообразным положить в основу типологической классификации системы питания данные о происхождении и соотношении растительного и животного компонентов и о форме их сочетаний.

Традиционная культура армянского народа вписывается, как известно, в переднеазиатский культурный ареал.

Не предрая во многом еще спорного вопроса о количестве первичных очагов становления производящего хозяйства, можно считать несомненным, что, во всяком случае, важнейшим из таких очагов был Переднеазиатский центр одомашнивания полезных растений и животных, который в расширенном понимании включает также территорию Армянского нагорья и Кавказа, особенно Южного. Именно здесь сложился тот хозяйственный комплекс, варианты которого легли в основу целого ряда хозяйственно-культурных типов, распространившихся затем по территории всей Евразии, за исключением Крайнего Севера, Востока, Юго-Востока. В то же время следует отметить, что за пределами Евразии, до новейшего времени, этот комплекс хозяйственно-культурных типов и связанных с ними весьма специфических особенностей питания практически нигде, за исключением небольшой части Северной Африки не получил распространения. Речь идет о хозяйстве, основанном на возделывании зерновых культур в неперменном сочетании с разведением крупного и мелкого рогатого скота и с использованием широкой гаммы получаемых от последнего продуктов, как мясных, так и молочных, при очень сложной и разнообразной ферментационной обработке последних (сыроварение, маслоделие и др.).

Мы не ставим здесь целью дать всеобъемлющую и полную картину эволюции форм и компонентов системы питания у армян во все исторические эпохи. Ясно, что такая задача потребовала бы гораздо более обширного материала и фундаментального рассмотрения, чем то, которое можно провести в рамках данной работы. Поэтому мы пойдем по пути последовательной классификационной дихотомизации, выделяя все более и более низкие классификационные таксоны, лишь по той линии, которая, в конечном итоге, подведет нас к этнографически хорошо прослеживаемой ситуации рубежа XIX—XX вв., в которой, однако, пред-

196

ставляется возможным выделить пласты, весьма различные по времени образования. Их ретроспективный анализ может способствовать как познанию механизмов формирования и развития системы питания как общечеловеческой культурной категории, так и выявлению качественного своеобразия компонентов состава системы питания у армян и соседних с ними народов, имеющих во многом аналогичные пищевые навыки и традиции. Определение роли и места каждого из элементов данной конкретной системы питания в ее исторической и функциональной сбалансированности может иметь определенное теоретическое значение для понимания культуры как универсального адаптивно-адаптирующего механизма.

В качестве первого этапа такой дихотомизации мы выделяем два основных типа, критерием различения которых является способ получения растительного компонента основной массы питания: через собирательство или земледелие. Что касается мясной пищи, то способ ее получения через охоту или скотоводство, как правило, не влияет существенно ни на качественный состав получаемого мяса, ни даже сколько-нибудь закономерно на удельный вес его в общей системе питания. Здесь возможны самые широкие вариации. Например, при переходе к получению растительной пищи через земледелие существенно изменяются именно качественные показатели этой пищи. Намечается резкое преобладание продуктов одного-двух культурных растений, и среди разных компонентов растительной пищи резко возрастает доля крахмального компонента.

Правда, иногда этот сдвиг опережает появление земледелия, так как в известной мере он присутствует уже в ХКТ «собирателей урожая», но про последних, как правило, можно сказать, что они находятся на пороге земледелия.

В конкретном применении к анализу армянской системы питания этот этап дихотомизации означает констатацию того, что основная масса растительного компонента пищи в традиционной армянской культуре получалась через земледелие; собирательство, как мы увидим ниже, присутствовало почти непременно, но имело сугубо вспомогательное значение. Такая ситуация сложилась на Армянском нагорье уже с периода неолита.

На следующем этапе дихотомизации, в рамках земледельческого типа системы питания, можно выделить два подтипа по характеру культурных растений, являющихся основным источником крахмала в пище: решающим здесь является, *зерновые* ли это растения или *незерновые* (корнеплоды, клубнеплоды).

У армян среди всех земледельческих продуктов решительно преобладали зерновые, в основном пшеница и полба; лишь в наиболее высокогорных районах с особо суровым климатом на

первое место мог выступать ячмень, который, однако, неизменно воспринимался как вынужденный субститут пшеницы.

Далее, вслед за типом и подтипом, можно выделить класс систем питания. В рамках зернового подтипа, каковым является система питания у армян, также можно выделить два класса в зависимости от характера основного источника мясной пищи. Во всех хозяйственно-культурных типах, основанных на зерновом хозяйстве, либо широко употребляется в пищу мясо домашнего скота, либо, если этого не происходит, основным источником животного белка становятся присваивающие отрасли хозяйства, а среди них, как правило, в первую очередь, рыболовство, и значительно реже—охота. В армянской системе питания мы имеем первый класс, который можно назвать зерново-скотоводческим.

На исторической этнической территории армян почти столь же рано, как и земледелие, фиксируется разведение и крупного и мелкого рогатого скота, которое сохраняло большое значение во все последующие исторические эпохи.

В рамках этого класса возможно подразделение на два подкласса: первый—с потреблением в пищу молока и молочных продуктов, второй—без такового. Деление это имеет очень существенное значение. Там, где нет доения скота, или состав стада ограничен свиньями, забой скота является одним из центральных моментов во всей ценностной и ритуальной системе этноса (пример этого дает Юго-Восточная Азия, Меланезия и др.). Но с появлением использования молока, во-первых, развивается особая ценностная и ритуальная система, ориентированная на доение скота и изготовление молочных продуктов, а во-вторых, определяется тенденция к максимальному ограничению убоя скота. Своего крайнего развития эта тенденция достигла в Индии, где коровье масло окружено ореолом сакральности, убой коров категорически табуирован, и во многих слоях общества имеется тенденция к полному вегетарианству.

Что касается армянской системы питания, то она принадлежит к развитым формам первого подкласса, обладая весьма сложными методами обработки молочных продуктов и рядом связанных с ними ритуально-ценностных ориентаций. Однако мясной аспект скотоводческой продукции сохраняется в ней в полной мере. Ценностные ориентации, связанные с мясом, не только весьма детализированы, но и доминируют по сравнению с ориентациями, соотносимыми с молоком. Большое число ритуалов, как мы увидим ниже, предполагает обязательный забой мелкого, а нередко и крупного рогатого скота.

Следующий уровень дробности классификации требует уже выделения большого видового и подвидового разнообразия систем питания, определяемого по целому ряду признаков. В рамках

интересующего нас зерново-мясо-молочного подкласса эти признаки будут включать как доминирование тех или иных форм обработки зерновых продуктов, так и способы приготовления и хранения мяса, и еще в большей степени наличие и распространность различных форм обработки молочных продуктов (различных культур молочных заквасок, вариантов сыроварения и т. д.). Выделение всех или хотя бы только ведущих видов систем питания в границах данного подкласса составляет задачу большой сложности, не выполнимую в рамках данного раздела, и мы ограничимся лишь констатацией того, что традиционная армянская система питания является одним из видов систем питания, входящих в переднеазиатскую локальную группу видов, в рамках зерново-мясо-молочного подкласса, в который укладываются системы питания обширной группы родственных культурных типов, широко распространенных в большей части Евразии. Очевидно в связи с тем, что в Передней Азии находятся корни формирования этой группы ХКТ, основанной на сочетании пашенного зернового земледелия с многоотраслевым животноводством, именно в переднеазиатской группе видов, и, в частности, в армянском виде системы питания, практически все специфические и определяющие черты этого комплекса выражены с наибольшей полнотой.

Анализируя армянскую систему питания, мы можем выделить в ней три наиболее существенных пласта: *основной пласт*—это тот, который связан с ведущим хозяйственно-культурным типом и непосредственно укладывается в вышеназванный зерново-мясо-молочный комплекс; другой пласт—*субстратный*, связанный с рудиментами предшествовавшего становлению производящего хозяйства хозяйственно-культурного типа, основанного на собирательстве, охоте и рыболовстве; и, наконец, третий—*адстратно-суперстратный*, являющийся отражением формирования историко-этнографических областей на Кавказе и во всей Передней Азии, развития межэтнических контактов и культурных заимствований, последующего усложнения, развития и обогащения структуры и спектра производящего хозяйства. При этом следует иметь в виду, что все эти выделенные пласты не являются полностью раздельными, а порождают многочисленные явления смешанного и синтетического порядка. Термины для их обозначения взяты из обихода лингвистики, и в данном случае под субстратными явлениями мы подразумеваем явления остаточного, глубинного, генетически древнейшего порядка; под адстратными—сторонние вкрапления, не образующие целостной системы; под суперстратными—явления позднейшие, поверхностные и связанные социально в основном с более высокими уровнями общественной структуры.

В рамках *первого пласта* (хронологически являющегося вто-

рым) следует прежде всего выделить зерновые продукты и основанные на них блюда.

Именно зерновые продукты являются основой традиционного комплекса питания, не только давая, по ориентировочным подсчетам, значительно более половины общего калоража, но и входя в качестве основного или существенного дополнительного компонента в большую часть всевозможных блюд, зафиксированных у армян в интересующий нас период.

Даже если мы возьмем только те изделия, которые имеют в своей основе исключительно зерновые продукты, а все прочие включают только как второстепенные по важности добавки, и то получим весьма внушительный список блюд, снеди и полуфабрикатов.

По технологии изготовления они укладываются в определенный эволюционный ряд (опять-таки с рядом ветвлений и сочетаний), отражающий историю становления и развития зернового хозяйства. Древнейшим в этом ряду представляется непосредственное употребление в пищу зерна, в сыром или обжаренном виде, а затем муки (в тех же видах). Ряд таких блюд дошел до наших дней. Они готовятся всухую на масле, разбавляются в воде или молоке. Более сложным способом приготовления является варка различным способом подготовленного зерна или муки; сюда мы относим многочисленные формы каш, галушек и лапшеобразных изделий. Третьим способом обработки зерновых продуктов выступает печеное тесто в самых различных технологических вариантах. Варьируют как виды самого теста (пресное, как наиболее архаическое, сдобное и кислое), так и техника выпечки (на углях, камнях, специальной утвари и приспособлениях). Вершиной культуры армянского хлебопечения является лаваш, допускающий практически неограниченное, длительное хранение и самое разнообразное употребление. Наиболее архаичные формы часто продолжают фигурировать как специфическая ритуальная пища, а с потерей ими сакральной коннотации продолжают функционировать в общей системе культуры как детская забава или лакомство. Характерно также, что наиболее древние и основные культуры (как, например, пшеница и полба у армян) заполняют все или почти все ячейки указанной классификационной схемы, кроме, разумеется, тех высокогорных областей, где они не вызревают и заменяются различными сортами ячменя. Тогда как дополнительный характер других культур выражается в том, что они представлены лишь в отдельных ячейках, а расширение их употребления связано с кризисными ситуациями.

Следует отметить, что с появлением кислого теста в переработку зерновых продуктов вносится качественно новое начало:

к термическим и механическим способам обработки добавляется ферментационный.

Сущность ферментационного способа состоит в том, что биологическая активность микроорганизмов создает в среде крахмала (разумеется, при наличии белка и других веществ, входящих в состав зерна) и новую физическую пористую структуру, и модифицирует химический состав массы, сообщая ей лучшую усвояемость. Другой путь ферментации—это проращивание зерна для получения солода.

Побочным результатом или ответвлением этой инновации является возникновение ряда хлебных солодовых и дрожжевых блюд и напитков. Таковы ацик и махох: ацик—солодовое блюдо из патоки и муки, махох—нечто промежуточное между жидким блюдом и напитком, имеющее дрожжевое происхождение. Пиво этнографически у армян не представлено ныне, но исторически оно засвидетельствовано и имело широкое распространение.

Продукты скотоводства в балансе и рационе питания армян стоят на втором месте, вслед за продуктами земледелия. В наибольшей степени это относится к молочным компонентам питания. По сравнению с ними любые фруктово-овощные и даже мясные добавки в пищу являлись не столь значительными и обязательными в традиционной системе питания армян. И в этом отношении показательно, что сыр считается у армян едва ли не столь же необходимым компонентом пищи, как хлеб, и наоборот, наличие хлеба и сыра позволяет считать, что необходимые требования к ассортименту достаточной и достойной пищи удовлетворены.

Так же, как и зерновые, молочные продукты подвергаются тем же трем способам обработки—термическому, механическому ферментационному, но соотношение между ними тут несколько различное. На первом месте по роли в формировании ассортимента молочных продуктов стоит ферментация: спонтанная—молочно-кислая, культурная молочнокислая и сычужная (простокваша, мацун, сметана, сыр, творожистые массы). Далее идет механическая сепарация жирового компонента (сливки и масло), а затем уже с помощью термической обработки изготавливают различные творожистые массы (шор, лор и др).

Весьма показательно, что у армян основное назначение всех без исключения молочных продуктов—это их употребление в пищу в сочетании с продуктами зернового хозяйства, прежде всего с хлебом, с которым употребляется все, начиная от парного молока и кончая сырами самой сложной технологии. Это наводит на предположение, что время становления молочного хозяйства у армян, следует, по-видимому, отнести к той эпохе, когда культура хлебопечения уже занимала господствующее положение в сис-

теме питания. Кроме того, молочные продукты, как твердые, так и жидкие, широко выступают как добавки к различным мучно-крупяным блюдам или выступают как субстрат для их приготовления—масло для похинд, мацун для танов апур и др.

Общая классификационная схема молочных продуктов в армянской системе питания может быть представлена следующим образом: 1) кисломолочные продукты спонтанной и культурной ферментации; 2) цельномолочные продукты механической сепарации (сливки, сливочное масло); 3) продукты комбинированной ферментации и механической сепарации (жировой компонент, масло из сметаны и мацуна, белковый компонент—отжатый мацун и различные виды творога); 4) продукты плесневой и сычужной ферментации (сыры); 5) жидкие ферментированные продукты, сепарированные и осажденные.

Становится ясным, что здесь возможно построение решетки на основе технологии, а если ортогонально наложить на нее другую, исходящую из видового разнообразия продуцентов, то можно нарисовать таблицу, где нашли бы отражение объем, масштабы, а возможно и генетическая последовательность и означенность (имеется в виду ритуально-престижная означенность) разных продуктов в соотношении с видовым составом.

Мясные продукты, в свою очередь, по распространенности уступали молочным. В способах обработки мясных продуктов есть существенное различие: если большинство молочных продуктов рассчитано на более или менее длительное хранение и в то же время на непосредственное употребление, т. е. выступает в форме снеди, то из мясных абсолютно преобладают блюда, рассчитанные только на непосредственное употребление и сравнительно небольшое место занимают специфические формы снеди, рассчитанные на особо длительное хранение. Поэтому в обработке и приготовлении мясных продуктов мы выделяем такие основные способы приготовления блюд, как жарение на углях, жарение на жировом субстрате, варка, а с другой стороны, специфические способы консервации—посол, отжим, сушка, покрытие мацуном (специальной смесью из пряностей). Промежуточное положение занимает каурма, по технологии приготовления подобная блюду, но рассчитанная на сравнительно длительное хранение. Характерно, что в качестве ритуальной пищи выступала исключительно вареная мясная пища, а жарение на углях мяса, в отличие от других кулинарных приемов, является почти исключительно мужской привилегией.

Переходя к другому, генетически древнейшему пласту в системе питания армянского народа, надо отметить и его богатство, и его повсеместную представленность. В дореволюционное время во многих горных и засушливых районах фруктово-овощной ком-

понент был представлен весьма незначительно. В этих условиях дикорастущие растения становились важнейшим источником витаминов и других биологически необходимых дополнительных компонентов питания. Способы и употребления, и обработки, и консервации здесь были, пожалуй, наиболее разнообразными. Они параллельны или соотносены с большинством видов обработки зерновых, молочных и мясных продуктов.

Дикорастущие травы, плоды, срехи широко употреблялись в пищу непосредственно в сыром виде, а некоторые после предварительного обжаривания. Многие из них были объектами варки или жарения на субстрате для приготовления различных блюд, как собственно из дикорастущих, так и в сочетании с различными продуктами производящего хозяйства. Разнообразны были и способы их консервации: сушка, соление, квашение. В то же время нельзя выделить такие способы и примеры, которые были бы специфичны только для продуктов собирательства. Наоборот, многие способы использования последних, как, например, добавление в тесто или в сыр, невозможны иначе, как на фоне производящего зерново-мясомолочного хозяйства. Субстратное присваивающее направление хозяйства в армянской системе питания уже полностью инкорпорировано и преобразовано производящим направлением. Соответственно и система его классификации является не автономной, а отражающей систему классификации продуктов основного направления хозяйства.

Суперстратный пласт в традиционной армянской системе питания оказывается очень многообразным и неоднородным.

Это пласт, связанный прежде всего с влиянием других, иноэтнических цивилизаций, представляющий заимствования, с которыми, как правило, по крайней мере вначале, были связаны относительно высокопрестижные коннотации. Сюда же могут быть отнесены такие инновации в культуре питания, которые были созданы самостоятельно в рамках данного региона и этноса, не зависели непосредственно от заимствований и внешних влияний, но появились относительно поздно, уже в эпоху становления классового общества, и органически не были связаны с исходным зерноводческо-скотоводческим направлением хозяйства. Тем не менее полностью отрицать эту связь нельзя, так как в суперстратной сфере питания отразились и были использованы и преобразованы те навыки обработки исходных продуктов и приготовления пищи, которые ранее были отработаны на продуктах, органически свойственных данному ХКТ.

В качестве одного из важнейших компонентов этого пласта следует выделить пищевые продукты и блюда, приготовляемые из овощей и фруктов. Часть овощно-фруктовых растений, несомненно, была самостоятельно domesticiрована на месте, другая

же—была введена в культуру через заимствование. Однако независимо от происхождения, огородничество и садоводство, особенно в горных районах, явилось более поздним пластом в хозяйстве, дополнительным по отношению к исконному для данного ХКТ зерноводческо-скотоводческому комплексу.

На обработку и способы приготовления этих продуктов были частично экстраполированы приемы, выработанные на использовании в пищу дикорастущих съедобных растений—трав и плодов. Показательно, что корнеплоды, почти не представленные среди местных дикорастущих, вплоть до самого позднего времени занимали в питании мало места, а использование культурных корнеплодов шло в основном аналогично использованию травянистых растений. В этом отношении наблюдается большой контраст, скажем, с юго-восточно-азиатской системой питания, где корнеплоды занимают огромное место и были объектом собирательства в субстратном ХКТ. Помимо потребления в сыром виде, формы приготовления овощей включают в основном ферментацию (квашение) и термическую обработку—варение, жарение, производимые по тем же принципам, что и термическая обработка мяса, включая жарение на вертеле, на углях. Механическая обработка (очистка от кожуры, шинковка, резка) в данном случае обычно не играет решающей роли и выступает чаще всего как вспомогательная операция, предшествующая ферментационной или термической обработке.

К суперстратной категории продуктов, помимо овощных, мы относим и фруктовые. Рассматриваемый регион явился центром одомашнивания многих садовых культур, таких, как груша, айва, алыча, гранат. Другие (яблоня, черешня, абрикос, тутовник) обрели здесь свою вторую родину и важнейший очаг сортообразования. Свидетельства достаточно широкого использования фруктов в питании на территории исторической Армении имеются уже начиная с урартской эпохи и даже ранее, а в античное время садоводство и обработка его продуктов достигают весьма высокого уровня развития.

Из способов обработки фруктов, помимо сушки, следует отметить приготовление сиропов (тутового, виноградного) и изделий на основе этих сиропов (например, чучел), а также упаривание фруктового отвара до твердой консистенции (тту лаваш). С сиропом (дошабом) в качестве источника сладкого вкусового ингредиента, до появления сахара, смыкается мед—несомненно, один из самых ранних продуктов собирательства и достаточно рано введенный в культуру продукт, имеющий растительное происхождение, но переработанный насекомыми. И все-таки, наиболее архаичным источником сладкого вкуса в данном ХКТ представляется солод, роль которого постепенно отмирает.

Среди алкогольных напитков солодовое пиво, очевидно, еще в раннем средневековье уступило место виноградному вину, а в позднейшее время—и разным варкам на фруктовой основе.

Сам принцип приготовления твердых продуктов из жидких в обработке фруктов, взят, очевидно, из практики молочного хозяйства по аналогии с сырно-творожными изделиями. Эта связь прослеживается и в терминологии (для ряда растительных продуктов пасто- и кашцеобразных применяется термин *мацун*), и в использовании высушенных продуктов как основы для супов.

Таким образом, в значительной степени овощные продукты выступают как субститут мясных, а фруктовые как субститут молочных; показательно, что наибольшее их распространение падает именно на районы, бедные продуктами животноводства.

Другой компонент суперстратного пласта в армянской системе питания—это те блюда, которые связаны в своем формировании не столько с данными ХКТ, сколько с переднеазиатской ИЭО. Из продуктов в этом компоненте нужно прежде всего отметить рис, затем различные привозные пряности, а из блюд—блюда сложного состава, включающие в себя компоненты как из основного, обусловленного исконным ХКТ, субстрата, так и из суперстрата.

Таковы различные пловы, кюфта, толма, ариса и др. Сложная кулинария, связанная со всеми этими блюдами, сформировалась уже в условиях высокоразвитой городской переднеазиатской цивилизации и оттуда спустилась в крестьянскую культуру, причем показательно, что до недавнего времени все эти блюда в состав повседневных не входили.

Такова, в самых общих чертах, классификационная схема, предлагаемая нами для армянской системы питания. Генетически-дихотомический принцип, применявшийся для ее построения до уровня вида, выделение субстрата, аналогии в технологии обработки продуктов разных категорий, на наш взгляд, могут быть применены и при анализе других систем питания. Но важно отметить, что построение подобной классификационной схемы является лишь частью полной методической основы для этнографического анализа системы питания. Следующим этапом построения такой основы является систематизация тех аспектов питания, которые лежат вне рамок кулинарной технологии и ассортимента набора видов пищи. Одним из важнейших среди этих аспектов может быть, например, классификация трапез. Трапезы делятся по распорядку (утренние, дневные, вечерние), по ситуации (домашние, полевые, общественные), по осмыслению и престижности (повседневные, праздничные, ритуальные). Параметрами каждой трапезы является набор ее участников, характеристика лица, которое готовит эту трапезу, и ее материальный состав. Сопоставле-

ние этих параметров позволяет выявить социально-знаковую и материально-потребительскую роль различных компонентов в этнической специфической системе питания.

Другой аспект питания—поведенческий, так как даже одно и то же действие, имеющее одну и ту же цель (например, нарезка овощей для мариновки), может быть произведено кардинально различными способами, которые никак не отразятся на качестве конечного продукта, но для проведения границ этнокультурных ареалов могут иметь решающую роль. Такую же роль играют и поведенческие нормы принятия пищи (например, рукой, ложкой или вилкой), даже если в самом составе блюд и продуктов и не обнаружится существенного различия.

Мы полностью отдаем себе отчет о том, что предложенная здесь классификационная модель является сугубо предварительной. Так же, как и в линнеевской классификации живой природы, все многообразие культурных форм не может быть выявлено через единую систему индикаторов, которые необходимо должны различаться в различных типах и классах явлений. Единым может быть лишь общий принцип последовательности классификации, обусловленной ступенчатым характером прогрессивного развития.

§ 1. РЕГИОНАЛЬНО-ЗОНАЛЬНОЕ ЭЛЕМЕНТНОЕ ОПИСАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Блюда образуют одну из основных подсистем системы питания. Они состояются из различных ингредиентов, какими являются зерновые, бобовые, масличные культуры, молочные и мясные продукты, овощи, фрукты и дикорастущие, рыба и яйца. Блюда дополняются такими компонентами, как напитки, приправы, пряности. Следовательно, в данном случае мы предвараем более крупную единицу анализа—трапезу—более мелкой, каковой является блюдо с дополняющими его компонентами.

Что дает анализ такого рода? Если представить себе компонентное поле системы питания какой-либо этнической культуры синхронно, то мы можем заметить, что отнюдь не все возможные элементы становятся ингредиентами блюд, т. е. степень освоения этого компонентного поля может быть разной. С другой стороны, если представить это компонентное поле в развитии, т. е. диахронно, то мы можем заметить, что степень освоения меняется с течением времени. Категория «степень освоения» конкретизируется в способах потребления, а способ потребления есть дифференциальный маркер, позволяющий нам выделять культуру жизнеобеспечения, в отличие, например, от культуры пер-

вичного производства, еоционормативной и гуманитарной культуры. Таким образом, способы погребления, рассмотренные синхронно, варьируются в пределах одного типа, как его подтипы, и меняются диахронно, количественно растут или уменьшаются, что приводит к появлению новых и исчезновению старых способов потребления. Точно так же синхронно варьируется и диахронно меняется культура жизнеобеспечения. С чем же это связано? С характером исторической и природно-географической среды. Изменения исторической и природно-географической среды вначале отражаются не на способах употребления, которые обычно традиционны и, как правило, не сразу реагируют на внешние (природно-географические и исторические) новации, а в первую очередь на элементах, являющихся объектами способов потребления. Следовательно, непосредственно изменения влияют на компонентные поля. Природно-географические различия или изменения определяют зональную специфику элементов и тех из них (в этом проявляется активность культуры жизнеобеспечения), которые становятся объектами способов потребления, т. е. в данном случае ингредиентами.

ХЛЕБНО-ЗЕРНОВЫЕ, БОБОВЫЕ И МАСЛИЧНЫЕ КУЛЬТУРЫ

С ю н и к

Сюник издавна славился возделыванием разнообразных видов зерновых культур: пшеницы разных сортов, ячменя, ржи, проса. Ранее широко использовались полба (ачар) и покупной рис. В последние годы получила распространение кукуруза и соответственно упала в питании почти до нуля доля проса, ячменя, ржи. По-прежнему доминирующее место занимает пшеница, а ячмень в основном идет на корм скоту. Раньше праздничной и более престижной считалась пшеница без примесей, а также рис, но теперь все зерновые могут быть отнесены к категории повседневного употребления, причем без сезонных ограничений.

В качестве полуфабрикатов используются обрушенные пшеничные и кукурузные зерна, а также крупа (в том числе и предварительно обваренная); муку в настоящее время получают из пшеницы, а раньше к ней нередко примешивали и ячменную муку. До сих пор бытует традиция солодить пшеницу и делать из солода патоку. Кукурузные зерна и початки употребляются в жареном, вареном виде, а также как ади-буди (воздушная кукуруза), пшеничные зерна в обжаренном виде (ахандз), а раньше иногда и ячменные зерна. Обрушенная крупа (дзавар) идет в разные блюда—плов, толму, спас, харису; мука—на хавиц, ршта, хашил, халву. Из муки готовят тесто на печенье—раньше часто пресное (багардж), теперь в основном сладкое (гата, торты и

т. п.), причем раньше пекли в основном на религиозные праздники—джрохнек, пасха и т. д. В настоящее время лаваш пекут из покупной пшеничной муки, но в начале века иногда подмешивали ячменную муку, а также картошку.

Из бобовых наиболее распространена фасоль разных сортов, а также горох и чечевица.

Ширак

Ширакский регион также с давних пор славился возделыванием зерновых культур, среди которых первое место занимала пшеница как озимая, так и яровая. По степени распространенности значительное место занимает также ячмень. В начале века возделывалась также рожь, которая употреблялась в смеси с пшеницей, а в настоящее время определенное распространение получила кукуруза. Существенное место в питании занимает рис, который, как известно, из-за климатических условий не возделывается в Шираке и всегда был покупным, в то время как все остальные перечисленные виды зерновых культур, как правило, являются продуктами собственного производства. Что касается категории употребления, то в целом в настоящее время почти все виды и сорта зерновых включаются в повседневную пищу, но в начале века более престижными, а для бедных праздничными считались пшеница и особенно рис. Ячмень в настоящее время служит исключительно в качестве корма для скота, но в начале века в немалой степени использовался в пищу, особенно среди бедноты, в неурожайные или иные неблагоприятные годы. Зерновые обычно употребляются круглый год, за исключением кукурузы, которая потребляется в конце лета и начале осени, и мало распространенного проса (корек), которое потреблялось осенью и зимой, ибо позже уже прогоркало.

Способы дальнейшей обработки и получения полуфабрикатов довольно многообразны: зерно, обрушенная крупа, обваренная крупа (блхур), мука, а раньше и солод, однако в настоящее время все виды полуфабрикатов получают из пшеницы, в то время как в начале века использовался также ячмень. Из пшеничных зерен и обрушенной пшеничной крупы готовится харухарн и ахандз. Первый (харухарн) получается часто просто путем обугливания и шелушения колосьев пшеницы. Этот простейший и несомненно древнейший способ употребления пшеничных зерен бытует как импровизированная полевая пища и как детское лакомство—забава. Ахандз в смеси с другими семенами (масличных, особенно конопли, льна) употребляется как лакомство и как обрядовая пища.

Эти виды пищи ныне почти вышли из употребления, равно

как и пресные печения типа багарджа, которые в целом имену-
ются «жертвенным хлебом» (*Ճիտալի հաց*). Зато дрожжевой ла-
ваш и сдобная гата (багардж со сладкой начинкой) ныне рас-
пространены столь же широко, как разные сдобные изделия по
городским рецептам.

В системе питания армянского населения Ширака немало-
важное место занимают и бобовые культуры.

Способы хранения бобовых довольно просты и не отлича-
ются большим разнообразием. Зеленая (стручковая) фасоль те-
перь часто хранится в консервированном виде (в закатанных
банках), а раньше ее сушили на веревках; красная же фасоль,
как и другие бобовые, чаще хранится в мешочках или банках.
Из бобовых солят зеленую фасоль, чего раньше не наблюдалось;
жарение бобовых, хотя и имеет место (фасоль, горох), в целом
уступает варке (*հրոր, լոբիփաշու*). Имеет место и использование
бобовых как добавки (пасуц толма, аджаб-сандал, с вареной
курицей).

Наблюдаются существенные изменения, коснувшиеся как ви-
дов масличных культур, так и их употребления. В настоящее
время основное место по степени распространенности занимает
подсолнух, которого в начале века вовсе не было, его место за-
нимал лен. Престижность употребления масличных в настоящее
время прослеживается слабо, хотя и сохраняются еще ее пере-
житки при использовании масла на печение (гата, халва, хавиц),
а также при консервировании красного перца, икры и других
овощных блюд. Ставшее ныне редким льняное масло престижно
в сравнении с подсолнечным.

Айрагат

На начало XX века наиболее распространенными зерновыми
культурами были пшеница и ячмень, а также в небольшой сте-
пени рис—покупная зерновая культура. Наиболее распространен-
ными бобовыми культурами были красная и белая фасоль (лоби),
а также горох. Наиболее распространенными масличными куль-
турами были лен (ктават), конопля (канеп), кунжут (кнжут).
Пшеницу обжаривали (ахандз), муку варили (шпот, ацик), пекли
сдобное (гата, багардж, ршта), а также добавляли в жидкие блю-
да, в основном в пас. Ячменную муку смешивали с пшеничной
и пекли лаваш. Вообще следует сказать, что из зерновых наибо-
лее престижной была пшеница, наименее—ячмень. Из обрушен-
ной крупы довольно часто готовились и блюда (толма, крчик, ари-
са).

Повсеместно было распространено такое ритуальное дейст-
во, как матах, объектом потребления в котором служил пресный

лаваш. Так как риса было немного, его использовали в основном в ритуальных целях.

Масличные культуры (лен, конопля, кунжут) потреблялись, как правило, зимой и, в особенности, во время поста. Кунжут ели и сырым, коноплю обжаривали и потребляли в ахандзе. Женщины из конопля и кунжута выжимали масло, а лен использовали для приготовления яичницы. Особо престижным считалось обжаренное зерно (ахандз).

В настоящее время из зерновых культур, наряду с пшеницей и ячменем, довольно широкое распространение получили рис и кукуруза, причем ячмень и кукуруза идут на корм скоту. Способы их употребления не изменились, но к ним добавилось печенье пирожков, оладьев и т. п. Рыбу ныне жарят, обваливая предварительно в муке. Роль домашнего хлеба (лаваша) в Айрарате, по сравнению с Шираком и Сюником, существенно снизилась. Растет потребление готовых хлебобулочных изделий.

Из бобовых культур распространены фасоль (белая, красная, черная) и горох. В настоящее время, наряду с традиционными способами употребления, готовят супы с фасолью, горохом и мясом. На праздники и поминки обязательным является приготовление вареной фасоли. В целом по регионам не наблюдается существенных различий в способах потребления этих продуктов. Скорее, следует говорить о доминировании той или иной культуры в данном регионе.

МОЛОКО И МОЛОЧНЫЕ ПРОДУКТЫ

Сюник

Молочный скот в регионе представлен как крупным, так и мелким рогатым скотом, причем за последнее столетие существенных изменений в структуре его не произошло. Крупный рогатый скот это в настоящее время исключительно коровы, однако и в начале века удельный вес других видов скота, в частности буйволиц, был весьма незначителен. Произошли определенные изменения в приобретении молока, значительная часть которого ныне покупается в колхозе или совхозе. Снижение доли овечьего и козьего молока за счет роста доли коровьего является повсеместной тенденцией, выраженной в долинах сильнее, чем в горах.

Определенные изменения произошли в доении скота. Доение коров в начале века являлось обязанностью исключительно женщин, большей частью хозяйки дома, в настоящее же время нередко наблюдаются случаи доения мужчинами. Овец доят, как и раньше, и женщины, и мужчины. Потребление сырого овечьего и коровьего молока всегда было весьма ограниченным в Сю-
210

нике. Ныне широко распространено потребление кипяченого коровьего молока. Хотя наличие холодильников позволяет увеличить сроки хранения молока, необходимости в этом не бывает. Наоборот, появление сепараторов сняло проблему длительного отстаивания молока для получения сливок.

Важнейший кисломолочный продукт—мацун. Готовят его женщины, а на летовках—в основном мужчины. Широкое распространение, как и прежде, имеет приготовление прохладительного напитка—разбавленного водой мацуна. Помимо этого, мацун служит субстратом некоторых блюд, как правило жидких: ганов или спас, схатан, танакат. Широкое и многообразное использование мацуна обуславливает необходимость его заготовки впрок. Свежий мацун хранится в глиняных кувшинах (*оշһшқ*) до 6—7 дней. С целью более длительного хранения мацун выцеживается в мешках из плотной ткани (*рһшқ*), а затем перекалдывается в кожаный мешок. В таком виде он хранится месяц и дольше, в зависимости от степени подсаливания. Сохраняется и такое применение мацуна, как добавка его к блюдам—в долму, плов, к разным травам (дандур, пиперт) и т. п.

В Сюнике встречаются два основных сорта сыра—глух панир (кусковой) и мотал панир (рассыпчатый). Они же бытовали и в начале века. Ктор (глух) панир в свою очередь делится на два подвида—из цельного молока и снятого.

Сыр был и остается обязательным компонентом любой трапезы, его заворачивают в лаваш, часто вместе с зеленью, употребляют с чаем. Доступность сыра в настоящее время привела к тому, что какие-либо престижные аспекты его употребления отсутствуют, однако еще в начале века престижность была присуща сыру из цельного овечьего молока.

Наряду с сыром, молочным продуктом самого широкого потребления является масло. Как и прежде, население потребляет масло двух сортов—мацуни караг и ражани караг (сливочное масло). Однако в настоящее время удельный вес покупного сливочного масла превалирует над маслом собственного приготовления.

Для непосредственного потребления масло хранится в течение нескольких дней в холодильнике, а в начале века—в посуде с водой, хотя, как правило, масло изготовлялось в количестве, необходимом для ежедневного потребления. В способах хранения масла на более длительный срок каких-либо изменений не произошло. Масло предварительно засаливается на несколько дней, затем растапливается, при этом добавляется вода для того, чтобы соль осела на дно. Топленое масло хранится в банках, а иногда, как это было раньше, в глиняных кувшинах. Для непосредственного потребления раньше чаще всего использовался мацуни

караг (с хлебом, с медом), а для приготовления блюд—ражани караг; в настоящее время масло в основном покупное сливочное.

Ширак

В данном регионе в настоящее время почти повсеместно распространены два вида дойного скота—коровы и овцы. В начале века доили также буйволиц и коз. Удельный вес коровьего и овечьего молока превалировал, а теперь в целом коровье молоко доминирует над овечьим. Молоко в Шираке является продуктом повседневного потребления. Доение скота ныне, как и в прошлом, ведется женщинами, преимущественно старшей хозяйкой, но нередки случаи доения скота и мужчинами, на летовках. Определенные изменения произошли в способах хранения молока благодаря появлению в быту холодильников. Молоко потребляется преимущественно в кипяченом виде, хотя в начале века велика была доля потребления сырого. Мацун занимает существенное место в системе молочных продуктов Ширака, впрочем, как и в других регионах, и технология его изготовления не отличается вариативностью. Претерпели некоторые изменения способы приготовления мацуна впрок и утварь. Вместо глиняных горшков (қанд) чаще используется эмалированная посуда, в которой мацун заливается сверху топленным маслом; для хранения мацун также закатывается в банки. И тем, и другим способом продукт можно хранить до нескольких месяцев. Следует отметить, что в прошлом особенно ценился мацун из буйволиного молока. Как раньше, так и теперь мацун широко используется как добавка к толме, макаронам, лоби, татар бораки и т. п.

Сырodelие в Шираке довольно разнообразно. Здесь мы встречаем три-четыре сорта сыров. К ним относятся: чечил (չիլ), разновидностью которого является усак (սակ ցանիր), анкаш (բալլա), лор.

Чечил готовится из снятого коровьего молока, которое предварительно в меру заквашивается и затем подогревается при непрерывном размешивании. Закваска используется в основном покупная (пепсин), а раньше—собственная сычужная. Постепенно молоко свертывается, сыр вытаскивается и засаливается. Усак панир готовится аналогичным образом, но специально растягивается до тонких ниток, при этом окунается в сывороточный рассол. Анкаш изготавливается из цельного молока, преимущественно овечьего, а раньше иногда и из козьего или их смеси.

В целом сыр, безусловно, очень распространенный молочный продукт как сейчас, так и в начале века, но степень распространенности разных сортов сыра неодинакова, особенно при сопоставлении двух периодов. В оба периода первенство принадлежит

чечил панир, но если раньше потребление анкаша и лора было приблизительно равным, то теперь лор отошел на задний план, а в двух из шести обследованных сел ныне вовсе не фигурирует.

За редким исключением, жители ширакских сел обходятся сыром собственного приготовления. Сыр готовила обычно женщина, но часто можно было наблюдать, как девочки помогают старшим, особенно когда из чечила получают усак панир: они растягивают его.

Способы хранения сыра в основном остались теми же, изменилась только утварь. Если раньше использовалась глиняная посуда, то теперь чаще встречается эмалированная, стеклянная или деревянная (бочка). Чечил хранится в засоленном виде до года, а перед употреблением промывается водой. Анкаш хранится в соленой воде, а лор—раньше исключительно в бурдюке (*днβш1*), а теперь также и в другой посуде. Кроме этого, чечил и анкаш во время хранения иногда подвергаются плесневой ферментации и в этом случае сыр называется зеленым (канач панир).

Для запасаания впрок масло засаливается, затем через 2—3 дня растапливается и хранится в глиняной или эмалированной посуде. После растапливания соль вместе с жировыми отходами оседает на дно, и из этого осадка готовится блюдо *ршшрр*. Мацунн караг используют для непосредственного потребления и держат его до 10 суток в холодильнике, а раньше хранили в погребе, в воде или в тале. Потребляется с хлебом, чаем, а как субстрат для блюд—сливочное или топленое. Как добавка масло употребляется в харисе, рисовом плове, хашиле, кюфте. Масло также смешивается с сыром (*шшшшш*) и хранится в карасах.

Побочным продуктом маслоделния является пахта (*βшн*), из которой получают творог (лор). Помимо этого приготавливается блюдо танов, а также после определенной обработки получают сухой творог чортан, из которого затем зимой опять-таки готовят блюда.

В Шираке, более чем где-либо, продолжают бытовать определенные поверья. Так, например, часто упоминаются различные обереги—подковка на лбу коровы или амулет—*шшшшш* (подвешивается на шею в виде деревянного полумесяца). От сглаза берутся кусочки материи в разных домах, чаще всего в семи, незаметно для хозяев, и сжигаются под коровой. Молоко больной коровы (с примесью крови) выливается или ей на голову, или на колючки, о которые якобы корова повредила себе сосцы. Если корова не допускает к себе и бодается, берут хлеб, соль, коровий волос—все это «освящается» и дается корове с кормом. Ритуальные аспекты в настоящее время, естественно, прослеживаются не так четко.

Айрарат

Аракатская равнина характеризуется высокой степенью урбанизации, что привело к разительным переменам в структуре дойного скота. Если в начале века доили коров, овец, буйволиц и коз, то к настоящему времени сохранились коровы и незначительное количество овец, причем в подавляющем большинстве в колхозах и совхозах, а не в собственных хозяйствах. В результате армянское население Аракатской долины покупает молоко либо в колхозе, либо у односельчан-курдов. Но, несмотря на сокращение количества молока собственного производства, оно, как и раньше, является здесь продуктом повседневного потребления.

Технология приготовления мацуна не претерпела каких-либо изменений и является одинаковой для всех регионов.

Значительно утратил свою распространенность такой молочный продукт, как сливки, что вполне естественно в условиях малочисленности в данном регионе собственного дойного скота.

В настоящее время на Аракатской равнине встречаются три сорта сыров—глух панир, чечил и жажик (*ձղթալ*), из которых доминирующее положение занимает первый. Ныне глух панир преимущественно покупается населением в государственных магазинах или у курдов-односельчан, а собственный сыр готовится из покупного молока.

В наибольшей степени изменения коснулись, пожалуй, масла, которое почти исключительно теперь покупное, а мацуни караг повсеместно выходит из обихода.

Что касается престижных аспектов употребления сливочного масла, то в последнее время, вследствие процессов урбанизации быта сельского населения и вытеснения собственного масла покупным, первое начинает приобретать явные оттенки престижности.

К настоящему времени почти полностью исчезли ритуальные аспекты потребления, однако в начале века в основном соблюдался пост, который распространялся на все виды молочных продуктов. На культовые праздники джан-гюлум и вардавар готовили катнов. От сглаза старались уберечь, не показывать молоко и масло, с той же целью вешали на шею корове оберег (*դաղդղաճի*); за больную корову молились, а также наливали ей на голову ее же молоко. С целью отвода дурного глаза иногда сжигали кусочки ткани рядом с коровой или разжигали кизяк из ее навоза и кидали в огонь кусок теста, который лопался, тем самым символизируя выздоровление коровы.

С ю н и к

Для Сюника начала века было характерно потребление мяса таких животных и птиц, как корова, овца, коза, курица, куропатка, заяц, дикий голубь.

Для убоя и свежевания коровы приглашалось специальное лицо (*цшишр*). В основном использовались говядина, баранина, козлятина и, отчасти, свинина. Из приготавливаемых блюд наиболее престижным считался шашлык (хоровац). В ритуальных целях (матах, свадьба, поминки) использовали те же говядину, баранину, козлятину; причем забивал и свежевал скотину, как правило, мужчина, а готовили женщины (хозяйка дома или родственницы—на поминках). С течением времени большое распространение получила свинина. Мясо в основном теперь покупное и хранится в холодильнике. В ритуальном использовании мяса особых изменений не произошло.

Ш и р а к

Ширак в начале столетия отличался наибольшим разнообразием форм потребления мяса. Упстреблялись говядина, баранина, козлятина, а также мясо буйвола, индейки, курицы. Так же, как и в других регионах, для убоя и свежевания коровы приглашали специальное лицо. Из сложных твердых блюд лишь для Ширика характерно приготовление из говядины и баранины тава-кябаба, а из сложных жидких—чанаха. В небольшом количестве потребляли вареную, реже сырую, кровь коровы, буйвола, овцы. В Шираке наиболее тщательно был разработан ритуал приготовления и употребления мяса жертвенного животного (говядины и баранины). Обычно предпочитали самца, которого украшали красными лентами, три раза обводили вокруг святилища, отрезали ухо, кровь намазывали на дверь часовни или лица присутствующих. Вначале варили и пили кровь, затем, в основном в сыром виде, раздавали часть мяса в семь хозяйств или семи людям, оставшееся же мясо варили и съедали сами. Остатки обычно закапывали или сжигали.

В настоящее время не употребляется мясо буйвола. Зато, наряду с говядиной, бараниной, курятиной, широкое распространение в Шираке, как и в других регионах, получила свинина, приобретаемая в основном через магазины. Естественно, что сейчас в способах приготовления мяса также проглядывает тенденция к унификации.

Айрарат

Для Айрарата на начало века также характерно наибольшее распространение говядины, баранины, козлятины, а также курицы, зайца, куропатки. Для убоя и свежевания коровы приглашали специальное лицо. Мясо в основном использовали так же, как и в Сюнике. Примечательно большое разнообразие ритуальных аспектов использования мяса, в частности для матаха. Употребляли с этой целью мясо говядины, баранины, петуха, причем предпочитали самца черного цвета, как бы подчеркивая тем самым сакральную семантику этого обряда. Часть мяса матаха в сыром виде раздавали в 7 или 14 хозяйств или, реже, отдавали немущим.

Ныне очень широкое распространение получила индюшка. В отличие от Сюника, из говядины и баранины делают бастурму и суджух—проявленное сушеное мясо, а также хинкали и пельмени, т. е. налицо большее количество инноваций, чем в Сюнике. И поныне, правда, очень редко, реже, чем в Сюнике и Шираке, бытует обычай пить сырую говяжью или баранью кровь. Тщательная разработанность процедуры приготовления матаха ушла в прошлое: мясо, если и раздают, то в вареном виде, заворачивая в лаваш, а отходы выбрасывают.

Сравнительно-региональная характеристика технологии приготовления и употребления мясных продуктов

Говоря о способах потребления мяса, в первую очередь, следует сказать о приготовлении мяса впрок (каурма), которое было повсеместно распространено в начале XX века, причем для этого использовали говядину, баранину и, реже, козлятину. Мясо также варили, жарили на масле и на огне (шашлык), топили жир. Различия прослеживаются обычно в тех блюдах, которые готовили из мяса. Так, для Сюника были характерны следующие мясные блюда, приготовляемые из говядины, баранины, козлятины: толма, плов, шорва, соус; из субпродуктов—буглама. Айрарат в целом почти не отличается от Сюника в этом отношении, за исключением того, что из говядины, баранины и козлятины делали также кюфту и более широко употребляли куриное мясо для приготовления толмы и плова. Ширак в отношении приготовления и потребления более специфичен. Каурму, к примеру, делали и из буйволиного мяса, а из блюд были распространены такие специфические для этого района, как чанах, тава-кябаб из говядины и баранины, чахохбили из курятины.

В настоящее время время столь же широко, как и в начале века, распространены говядина и баранина, упала доля козлятины, 216

которая употребляется в основном в Сюнике, зато широкое потребление получила свинина, причем степень распространенности ее растет с юга на север (от Сюника к Шираку). С распространением холодильников стали меньше готовить каурму: доля ее убывает с юга на север. Способы потребления в основном остались те же, прибавились новые: приготовление котлет, борща, биточков (обычно из свинины). Интересно отметить, что соотношения традиционных и новых мясных блюд является ныне характерным параметром выявления региональной специфики. В этом отношении наиболее традиционен Сюник, наименее—Айрарат, более, чем какой-либо регион, выступающий в качестве своеобразного аккумулятора и транслятора различного рода инноваций.

Занесенные сюда из Западной Армении способы приготовления проявленного сушеного мяса говядины и баранины (бас-турма и суджух) постепенно проникают в другие регионы как престижные и праздничные блюда. В остальном региональные различия нивелируются, все регионы в согласии с общей тенденцией к урбанизации подтягиваются к одному уровню.

ФРУКТЫ, ОВОЩИ И ДИКОРАСТУЩИЕ

С ю н и к

Из всех регионов Армении одним из самых богатых овощами и фруктами на конец XIX—начало XX века был Сюник. В равнинных селах были распространены виноград, яблоки, айва, тута, абрикос, вишня, черешня, инжир, слива, гранат, орех, персик, груши, меньше миндаль, лимон, кизил, лох (пшат), созревавшие в сезон с мая по октябрь — ноябрь. Длительному хранению подвергались гранат, орех, миндаль, виноград, айва, груши, яблоки, а сушили персики, туту, абрикос, вишню, инжир, сливу, кизил. Делали виноградный и тутовый дошаб. Приготовляли алани (персик, инжир), суджух из винограда на ореховой основе. Запекали в тесте миндаль и изюм. Из груш и абрикосов (свежих и сушеных) варили жидкое кислое блюдо, яблоки и айва нафаршировывались мясом (толма), делали салат из орехов и сушеной фасоли. Добавляли в блюда: изюм в плов, айву и гранат в толму, хоровац, хашламу, а сухофрукты (чир)—в соус (яхни), плов. Орех иногда употребляли вместо масла для приготовления разных блюд. Престижность в наибольшей степени была присуща миндалю и лимону, как наиболее теплолюбивым и требовательным фруктовым породам.

Несмотря на широкое распространение садоводства, существенным подспорьем служили во многих хозяйствах дикие фрукты. Из них наиболее распространены были орехи, яблоки, гранат,

груша, слива, шиповник, ежевика, кизил, меньше—малина, барбарис, сумак (мушмула), земляника, которые собирали с августа по октябрь. Использование диких фруктов было аналогично использованию культивируемых.

Из овощей наиболее были распространены помидор, огурцы, тыква, редиска, лук, чеснок, арбуз, дыня, котем, перец, меньше—капуста, картошка, топинамбур (земляная груша), морковь, рехан, петрушка, киндза. Буртовали картошку, лук, чеснок, капусту, арбуз, тыкву, из помидора делали лаваш, солили перец, помидор, огурцы, свеклу, чеснок, капусту, лук, морковь. Помимо потребления в сыром виде, перец, помидор, тыкву, лук, свеклу и картофель жарили на масле и на огне. Готовились различные овощные блюда: тыкву с молоком, каурмой и рисом, капусту, перец, помидор, а также листья свеклы, тыквы и фасоли употребляли для толмы, а лук добавляли в разные блюда (так же, как и чеснок, картошку, перец, помидор). Семена тыквы использовали, как и орех, в качестве заменителя масла.

Насчитывалось более 30 видов дикорастущих трав, из которых наиболее распространенными были бохи, банджар и авелук, собираемые в основном в период с мая по август. Помимо потребления в сыром виде, их сушили, солили, жарили, запекали в тесте, делали на их основе отвар. Добавляли в блюда: банджар, авелук в похлебку; пиперт, авелук, шреш в блюдо с рисом и картошкой; сибех с перцем, киндзу в толму, банджар в коркот с мясом. Бохи был продуктом с престижной означенностью.

В горных селах был в общем тот же диапазон фруктов как культурных, так и диких, но не были известны теплолюбивые культуры (миндаль, лимон), которые и на равнине были «кадочной», укрываемой на зиму культурой. В этих селах сроки сбора выращиваемых фруктов и овощей и, соответственно, сроки их хранения сдвигались к концу года.

В настоящее время потребление фруктов в Сюнике по сравнению с прошлым расширилось еще более. Из новых культур широкое распространение получили среди овощей баклажаны и блюдо из них аджаб-сандал, а среди фруктов в самые последние годы—хурма (королек). Всеобщее распространение получило изготовление варенья, джемов, заготовка впрок закатыванием компотов и соков. Соответственно несколько сузилось в масштабах, хотя сохранилось, консервирование традиционным способом (сухофрукты, кислый лаваш и др.). Сузилось потребление таких диких плодов, как сезн, проши, с другой стороны, из диких яблок, граната, малины, ежевики, кизила, цветов и плодов шиповника, барбариса, земляники теперь делают варенья, компоты, джемы, сок. Варенье делают и из овощей—тыквы, арбуза, баклажан, помидоров. Баклажаны, перец в большом количестве сушат, еще 218

употребительнее стали новые методы консервирования закатыванием, которые применяются к множеству овощей, консервируемых в вареном, маринованном или жареном виде, или в виде икры—баклажаны, помидоры, перец. Распространилось приготовление аджики из перца, но менее острой, чем в Грузии. Закатыванию подвергаются и дикорастущие—прперан, цнепук, ичихот, кех, пиперт, шушан. Потребление помидоров резко расширилось, а свеклы несколько сузилось. Расширилось и количество, а качественно использование картофеля для самых разных блюд, вплоть до пирожков. Очень популярны стали блюда русско-украинской кухни, особенно борщ. В горной зоне арбуз, дыня и орехи сохраняют престижную означенность, но в целом масштабы потребления овощей и фруктов в значительной мере нивелировались за счет расширения их закупок.

Ширак

В Шираке на рубеже XX века более всего были распространены из фруктов яблоки, груши, абрикосы, виноград. Все фрукты были покупные, потреблялись в сыром виде как отчасти повседневные и чаще праздничные. Добавляли их в следующие блюда: чир в сиргяли с дзаваром, в толму, блгур, плов; изредка чир варили с жареным луком и маслом; в плов клали изюм или айву.

Детям давали пшат с молоком. На джрхнек (6 января) приготовление плова с изюмом было обязательным. Яблоки были престижны и обязательно подавались на стол на Новый год и на свадьбу, во время которой жениху и невесте давали по яблоку—на счастье. В небольшом количестве собирали дикие фрукты (с июня по сентябрь): землянику, алычу, дикие яблоки, сливу как повседневные фрукты. Из алычи изредка делали отвар и добавляли в чай, чаще же потребляли в сыром виде.

Из овощей более всего были распространены капуста, картошка, морковь, огурцы, свекла, перец, арбуз, тыква, способы употребления которых не отличались существенно от рассмотренных выше. Дикорастущих потреблялось сравнительно с другими регионами мало. В основном это были зох, синдз, авелук.

В наше время в Шираке диапазон потребляемых фруктов и овощей сильно расширился за счет покупных. Кроме традиционных способов потребления, здесь, как и в других регионах, варят варенье, соки, джемы, закатывают овощи. Сравнительно широко распространено потребление дикорастущих (синдз, хми, авелук и сохук).

Айрарат

В Айрарате в начале XX века фрукты и овощи в равнинной зоне были распространены достаточно широко, в основном те же,

хотя количественно уступали Сюнику в силу засушливости этого региона и недостаточного развития орошения. Зато в этом регионе, как более урбанизированном, уже тогда отмечены новые виды овощей (баклажан) и новые формы консервации (варенье). Пшат, практически не употреблявшийся в Сюнике, здесь имел немаловажное тогда товарное значение. Сушили абрикос, сливу, персик, грушу, пшат, виноград, орех, яблоко, айву, инжир, гранат, алычу. Делали виноградный дошаб, варенье (персик, груша, айва, вишня) с дошабом, суджух (абрикос, виноград, орех), ала-ни (персик, орех). Готовили блюда: толму с виноградными листьями, чров чаш (обед из абрикосов), а также использовали как добавку: в толму—сухофрукты (абрикос, яблоко, слива, айва), изюм—в плов. Груша, айва, абрикос, виноград, орех, яблоко имели престижную означенность. 13 августа, так же, как и в Сюнике, отмечали хагогорхнек (день освящения винограда).

Из овощей наиболее были распространены картошка, капуста, перец, чеснок, лук, арбуз, дыня, огурцы, помидор, тыква, морковь, свекла, редис, баклажаны, меньше—топинамбур, котем из своего хозяйства и покупной. Почти все овощи использовались в качестве добавки в самые различные повседневные блюда, за исключением арбуза и дыни, которые имели ярко выраженную престижность.

Очень широко были распространены дикорастущие, число которых достигало 60 видов. Основными были бохи, урц, синдз, дандур и авелук, собираемые, как правило, в мае—июле. Их сушили, жарили, варили, делали на их основе отвар. Готовили блюда: в суп с дзаваром—авелук, гядала, банджар, алагяз, сибех, ахиндж, грибы в плов. Использовали как добавку: урц, дахц, на-на, цитрон, киндза—в спас, урц и сохук—в сыр, банджар, восп (чечевица) с авелуком, урц—в толму. Престижны были бохи, боли. В горных селах отмечен тот же набор компонентов, но, во-первых, по диапазону он уже и, во-вторых, теплолюбивые фрукты и овощи покупные.

В настоящее время, в связи с большим развитием орошения, в Айрарате садоводство получило повсюду самое широкое развитие, и потребление фруктов также стало всеобщим и равномерным. Расширился спектр потребляемых фруктов, увеличилась доля яблок, распространение которых на рубеже XX века лишь начиналось. Несмотря на обилие своих фруктов, много фруктов закупается (цитрусовые, корольки, кизил, смородина). Ассортимент домашних запасов сблизился с Сюникским, хотя сливовый тту-лаваш здесь не имеет существенного распространения. Престижны покупные фрукты—цитрусовые, отчасти корольки, определенный элемент престижности сохраняется и за персиком, абрикосом, виноградом (в особенности ранними сортами). Высоко-

220

престижный в прошлом ишат, уступивший в середине XX века эти позиции сочным фруктам, особенно новым, сейчас вновь возвращает свои престижные позиции, поскольку стал редок и ассоциируется с архаической традицией. Хранение в равнинной зоне длится в основном до начала зимы, а в предгорной—до конца зимы. Из овощей стал редок топинамбур, распространилась цветная капуста, качественно и количественно расширилось применение баклажанов. Закатывают различные жареные и вареные овощи, баклажанный хоровац икру и имам-баялды, делают аджику (в отличие от грузинской, с дополнением помидоров и моркови). Спектр дикорастущих остался прежним, но количественно их потребляют меньше. Однако появилась консервация сиропа из нана (мяты), дахца, шиповника (масур), сушат пиперт (как более распространенный, чем авелук). В предгорной зоне больше доля покупных фруктов—цитрусовых, а также персика, винограда, инжира. Во всем этом сказывается близость крупного городского центра и его рынка.

В целом создается впечатление, что относительная обедненность предгорной зоны фруктово-овощными ресурсами по сравнению с равнинной в некоторой мере компенсируется лучшими возможностями для хранения продукции в свежем виде (более поздний урожай, более низкие температуры начального этапа хранения). Не исключено, что этот фактор в процессе эволюции производящего хозяйства мог играть определенную роль в первоначальном предпочтении горно-предгорных ландшафтов равнинным. Сходные закономерности прослеживаются и на других продуктах.

*Регионально-зональное элементное обобщение
потребления овощей и фруктов на начало XX в.*

Обобщая элементное описание фруктов и овощей по регионам, можно отметить существование следующей закономерности: чем больше поле компонентов, тем сильнее развита иерархия престижности, и чем меньше компонентов, тем сильнее их сакрализация, ритуализация. Так, в Шираке, где совсем не было своих фруктов, яблоки были престижны и подавались к новогоднему и свадебному столу, а во время свадебной трапезы их подносили жениху и невесте—на счастье. Этот обычай уходит своими корнями в языческую символику. Примерно та же картина и с овощами. При обилии овощей, притом из своего хозяйства, в Сюнике и Айрарате, в Шираке только капуста и картошка были свои. Все остальное покупалось. Рассматривая дикие овощи и травы, мы имеем ту же картину в том смысле, что в историко-культурном от-

ношении Сюник и Айрарат близки и отличаются от Ширака даже в характере престижности компонентов: в первых двух—бохи, в третьем—хми.

Переходя к зональному обобщению, можно отметить следующее. Поднимаясь вверх по зонам, мы замечаем уменьшение числа компонентов, но не уменьшение способов их использования. Стало быть, следует вывод: компонентов мало (например, в горной зоне), а используются они более интенсивно, чем в равнинной или предгорной зонах. В той же предгорной зоне сушат и яблоки, и груши. Груши солили, а из яблок делали хоровац. Чир (сухофрукты) добавляли в блюда и, как уже было сказано выше, яблоки несли во время свадебной трапезы определенную ритуальную нагрузку. В равнинной зоне при обилии фруктов (абрикос, слива, персик, пшат, айва, виноград, тута, орех, груши, яблоки, гранат, инжир, вишня) способов употребления было примерно столько же. К ним прибавляется приготовление дошаба, суджуха (уваренный виноградный сок на ореховой основе) и алани (очищенный инжир, персик, внутрь которых засыпаются толченый орех и сахар). Предгорная зона занимает промежуточное положение и потому здесь специально не рассматривается. В 70-е годы XX века, в связи с общим процессом унификации, зональные различия все более сглаживаются, но не стираются полностью; причем стандартизация превалирует в способах приготовления и не отменяет полностью компонентного различия.

ПРИМЕЧАНИЕ К ОВОЩАМ И ФРУКТАМ

С ю н и к

1. Сравнительная таблица культурных и диких фруктов

Зона	Села	Нач. XX в.		70-е годы	
		культ.	дикие	культ.	дикие
Равнинная	Шванидзор	16*	8	16	8
	Карчеван	16	4	16	4
	Курис	8	6	10	6
Предгорная	Шикаох	12	10	12	10
	Караундж	12	8	12	8
	Хознавар	6	2	9	2
Горная	Брнакот	0	1	7	1

* Цифры показывают количество используемых видов фруктовых деревьев в данном селе.

II. Сравнительная таблица культурных и диких овощей

Зона	Села	Нач. XX в.		70-е годы	
		культ.	дикие	культ.	дикие
Равнинная	Шванидзор	11	25	13	25
	Карчеван	14	26	13	26
	Курис	13	27	14	27
Предгорная	Шикаох	13	27	13	27
	Караундж	12	31	12	31
Горная	Хознавар	10	20	11	20
	Брнакот	11	29	11	30

Коэффициент окультурования (К)

I. Фрукты

нач. XX века

равнина: $K_{p1\phi}=2,7$

предгорье: $K_{n1\phi}=1,3$

горная зона: $K_{r1\phi}=2$

70-е годы

равнина: $K_{p2\phi}=2$

предгорье: $K_{n2\phi}=1,4$

горная зона: $K_{r2\phi}=5,3$

II. Овощи

нач. XX века

$K_{p10}=0,5$

$K_{n10}=0,4$

$K_{r10}=0,4$

70-е годы

$K_{p20}=0,5$

$K_{n20}=0,5$

$K_{r20}=0,5$

Выводы

1. Как видно из табл. 1, наиболее окультуренной в начале XX в. была равнина, а наименее—предгорная зона. Ныне наиболее окультурена горная зона, наименее—предгорье. Степень окультуривания не изменилась ни на равнине, ни в предгорье, зато более чем в два раза увеличилась в горной зоне.

2. Степень окультуривания за 70 лет изменилась в сторону подтягивания менее окультуренных зон к наиболее «культурной», равнинной зоне (табл. II).

3. Поскольку наша выборка репрезентативна (был избран регион, в котором представлены все три зоны, характерные

для Армении), можно экстраполировать сделанные выводы и на другие регионы, в том числе на Айрарат и Ширак.

О дикорастущих можно сказать, что теперь они, как и в начале века, служат существенным подспорьем в хозяйстве как повседневная добавка или приправа к блюдам. Компонентный состав дикорастущих уменьшался в направлении с юга на север: от Сюника через Айрарат к Шираку, но интенсивность их использования в связи с этим не снижалась. Приведем примерный состав наиболее употребительных дикорастущих:

Agropyron-սեղ-пырей

Allium-սխտրուկ-чесночник

Amaranthus L.-դիմել-щирица, амарант

Anethum-սամիթ-укроп

Artemisia dracunculoides-թարխուն-эстрагон

Asparagus-ծնեփուկ-спаржа

Astrodaucus-մանդակ-морковница

Capsella-ճրնջրդպաշար-пастушья сумка

Hippomarathrum-բոխի—гипомаратрум, конский фенхель.

Carum-չաման-тмин

Carastium-ճոճուկ-ясколка

Chenopodium-թելուկ-лебеда

Coriandrum-համեմ-киндза, кориандр

Eremurus-շրեշ-череш

Falcaria-սիրել-резак

Heraclium-բուլղրդան-борщевик

Lepidium-կոտեմ-кресс

Lycium-խաղաղ-дереза

Malva-փիփերթ-мальва, просвирняк.

Mespilus-զկեն-мушмула

Plantago-եղան լեղու-подорожник

Portulaca-դանդուկ-портулак

Rumex-ավելուկ-щавель

Tragopogon-սինձ-козлоробордник

Satureja-ցիտրոն-чабер

Petroselinum-մաղաղանու-петрушка

Spinacia-սպանաղ-шпинат

Их солили, сушили, делали отвар, добавляли в тесто и в блюда, т. е. способы их употребления совпадали в основном с такими же—овощей. К настоящему времени спектр дикорасту-

ших остался почти прежним, но количественно их употребляют меньше. В некоторой степени их коснулся такой новый способ употребления, как приготовление сиропа (из мяты и шиповника). В целом можно констатировать, что их использование все более уменьшается, что, возможно, со временем приведет к росту их престижного значения.

РЫБА И ИКРА

В конце XIX—начале XX вв. роль рыбы в системе питания сельских жителей Армении была неоднозначной: в Сюнике это была более или менее повседневная пища, в Шираке—преимущественно праздничная, в Айрарате—и праздничная, и, отчасти, повседневная. Понятие «повседневности», как и в прочих случаях, разумеется, заключается не в том, что рыбу ели каждый день, а в том, что она иногда могла входить в состав заурядных, повседневных трапез.

Рыбу ловили в Араксе и его притоках (сом, сазан, усач, сиг, хромуля, форель), в озере Севан (ишхан, или озерная форель), покупали привозной тарех, водившийся в озере Ван и считавшийся очень престижной рыбой, доступной лишь богатым. В горных районах, где своей рыбы практически не было, в соседних, но лежащих ниже азербайджанских селах покупали гелбалх, хэнбалх и др. Рыбу в Араксе ловили практически круглый год, особенно сома, прочих—в основном с марта по ноябрь, форель—только весной.

Способы употребления рыбы—в вареном, жареном, печеном и соленом виде. В Сюнике варили рыбу, особенно сома, с помидорами, зеленью, часто с рисом или другой крупой, в разведенном винном уксусе; в Шираке ее варили без приправ в воде, а мелкую рыбу—в горшке в тонире. Отвар от сома сливали, от других рыб—нет. Отварной тарех, нарезанный на куски, засыпали в плов (Сюник). Жарили рыбу в муке на топленом или постном (льняном) масле, иногда с яйцами (Айрарат). Употребление муки и топленого масла можно считать инновацией, развившейся в течение XX века, традиционный же способ для армян—это варка или жарение на вертеле. В Сюнике из сома, форели гелбалха, хэнбалха мужчины (а иногда и женщины) делали шашлык, причем первые два вида рыбы были употребительны в равнинной зоне, а прочие—в горной. В Айрарате рыбу иногда пекли в тонире, из сома делали толму. Солили рыбу редко, чаще в горных районах, чем на равнине: засоленную рыбу заворачивали в бумагу и хранили довольно долго в ящиках в погребе. Икру чаще всего выбрасывали, но иногда жарили на топленом масле или сначала отваривали, а потом жарили.

Рыбные блюда в целом считались престижными, в предгорных и горных районах они ценились выше, ибо там доставать их было сложнее. На пасху и джрехнек обязательным считалось блюдо из отварной рыбы. Следует отметить четкую закономерность убывания доли рыбы и соответственно возрастание ее престижности с юга на север и от равнинных зон к горным, что в общем в Армении, ввиду того, что долина Аракса и соседний рельеф понижаются с севера на юг, в известной мере коррелировано.

В горном Шираке практически единственной рыбой была мелкая рыбешка алабалх (покупали из села Манташ). Можно отметить также, что на юге, в Сюнике, рыбу потребляют не только больше, но и в более разнообразных формах, шире сочетающихся с растительными компонентами пищи. В Айрарате в приготовлении рыбы, как и в других элементах питания, несколько раньше начинают проявляться урбанические инновации.

Можно еще отметить, что какая-то рыба обычно имеет функцию высшего престижного знака: в Сюнике это был ванский тарех, в Айрарате его замещал севанский ишхан, у армян других районов Кавказа это могли быть другие рыбы, но в Шираке, в связи с его бедностью рыбой, престижной была почти любая, и подача вареной рыбы на пасху и джрехнек была обязательным престижным знаком.

В настоящее время доля традиционных видов рыбы в питании несколько уменьшилась, но зато в рацион вошли новые виды, покупаемые в магазине—мороженые сиг, хек, мойва, скумбрия и др. Мороженая рыба входит в повседневный рацион, так как поступает в магазин регулярно, но свежая, будучи более редкой, сохраняет свое престижное и праздничное значение.

В целом диаграмма снижения роли рыбы по оси юг—север и равнина—горы остается в силе, но различия уже гораздо меньше. Разнообразие способов приготовления повсюду повысилось, но многие архаичные способы (в тунире, на вертеле) постепенно отмирают. Один и тот же набор способов стал известен почти повсеместно. Ряд новых рыб вписался в специфику национальной кухни—варение рыбы с пряными травами, овощами (в частности, сига—с тархуном, перцем, лавровым листом), с уксусом или вином. Сохраняются зональные различия в хранении (несмотря на повсеместное наличие холодильников): на равнине рыбу не хранят, а в горах просаливают и хранят до двух недель на холоде.

ЯЙЦА

Как в прошлом, так и в настоящее время яйца в системе питания армян—сельских жителей Сюника, Ширака, Айрарата—практически используются круглый год и поступают из собствен-

ного хозяйства. В основном это куриные яйца, реже утиные и лишь изредка—гусиные, индюшиные (в Сюнике) и голубиные (чаще в Шираке). Способы использования—в сыром, вареном, печеном и жареном виде. Яйца в сыром виде пили как лекарство от простуды; варили их вкрутую или всмятку; в Шираке и Сюнике яйца часто пекли в золе, в тонире или в бухари, в Айрарате это делали редко. Наиболее престижным блюдом считалась жареная на топленом или сливочном масле, а в Сюнике даже на постном масле, яичница с помидорами, луком и разной зеленью. Кроме того, яйца добавлялись в тесто при изготовлении сдобного печенья (багардж, гата, тонри-гата, в Шираке—также хазлук-маси, биши), а гату смазывали желтком для придания ей блеска. Яйца всегда использовались как составной элемент в блюдах типа члбур (вареная картошка с лапшой), лоби, аришта-плов (рис с лапшой), мсов-клорик (мясные фрикадельки), сут-клорик (крупьяные фрикадельки), в жареной рыбе. В Айрарате яйца используют шире, их часто добавляют к кюфте, шорве, апасу, толме, бозбашу, а в новейшее время и к новым блюдам типа борща и котлет.

В настоящее время, по сравнению с прошлым, способы использования яиц мало изменились. В связи с общим уменьшением роли тонира в приготовлении пищи, почти исчез обычай запекать яйца в золе, что, очевидно, связано также с общей тенденцией трансформации оппозиции «вареное—жареное» в «престижное—непрестижное». Существенно расширился ассортимент сдобных печений, в тесто которых добавляются яйца. Меньше употребительны стали такие блюда, как дзухашу (жидкое блюдо из картошки, риса, яиц). Региональные отличия в употреблении яиц, и прежде незначительные, все больше стираются, и широкое употребление яиц, ранее более всего характерное для Айрарата, становится повсеместным. В то же время блюда из яиц потеряли оттенок престижности при встрече гостей, тогда как раньше они выступали в этой роли не только в виде яичницы, но и (в горной зоне Ширака) в крутом виде.

В прошлом яйца играли определенную вспомогательную роль в сыроварении: считалось, что сыр дольше не испортится, если в закваску положить яйцо. С помощью яйца определялась концентрация рассола для хранения сыра: яйцо в рассоле должно было всплыть настолько, чтобы над водой виднелся кружок размером с гривенник.

Традиционные способы хранения яиц—в ларях с мукой, в кувшинах с солью; ныне чаще всего их хранят в холодильниках. Средний срок хранения на равнине—2 недели, в предгорных и горных районах—до 1 месяца. С повышением зоны удлиняются сроки хранения яиц и модифицируются способы их хранения—

в амбаре в зерне, в горной зоне Ширака—также и в холодной золе; на холоде в горной зоне Ширака срок хранения яиц доходит до нескольких месяцев.

Реликтами религиозно-магического отношения к яйцам можно считать угощение жениха яичницей-глазуньей в доме невесты после обручения («чтобы крепче любил»), разбивание яйца о лоб быка перед началом весенней пахоты и укрывание яиц («от глаза»), принесение в качестве подарка в дом невесты четного количества яиц (обычно 40), а в дом жениха—нечетного. Народная медицина до сих пор рекомендует беременным и роженицам есть взбитые или вареные (заговоренные) яйца с сахаром и медом; сырые голубиные яйца считаются лекарством от высокого давления. На пасху куриные яйца красили луковой кожурой (в красный цвет), иногда айвой (в оранжевый).

Первичная символическая функция яйца—это как бы моделирование мира, вселенной. Тем самым можно констатировать следующие мифологемы, основанные на оппозиции «микрокосм—макркосм»; «человек—вселенная», «яйцо—вселенная». Левые члены этих оппозиций могли быть идентифицированы, что отразилось в бытующем до сих пор обычае на пасху разбивать яйца. Тот, кто сможет разбить яйцо другого, как бы обеспечивает сохранность, стабильное существование своего микрокосма.

НАПИТКИ

На конец XIX—начало XX века в Сюнике, в равнинной зоне, наиболее распространенными и повседневными напитками были чай, тан, молоко, менее повседневными—вино, водка, дошаб, шербет, богатым было известно какао и кофе. Чай готовили как повседневный напиток круглый год из травы (хорну, хангача) и употребляли вместо сахара—чир (сушеные фрукты). Тан (айран) получали как остаток от приготовления масла в хноци, из собственного хозяйства круглый год, пили все, как и мацнатан, получаемый от разбавления мацуна водой. Вино в основном готовили сами (белое, красное и гранатовое): давили виноград в эндзане (*հնձան*), выжимку заливали в карасы, где она бродила. Затем отстоявшееся вино переливали в другие карасы. Вино—напиток и повседневный, и праздничный, но пили его, как правило, только мужчины. Из вина получали и уксус. Кроме того, для понижения температуры смазывали тело уксусом. Гранатовое вино было менее распространено (в основном как праздничное). Красное вино получали, опуская в карасы мешочки с черным виноградом. Вино и водку делали только мужчины. Водку

применяли и для компрессов при ушибах. Дошаб готовили из очищенного особой глиной (хидаох—*χιδάοχ*) тутового или виноградного сока. Готовили его женщины и пили как лекарство. Шербет—повседневный напиток, который женщины готовили из сахара с водой. В селах, расположенных выше, водку получали из отходов вина. Высоко в горах вино и водку покупали. Напитки эти считались праздничными и пили их только мужчины.

В Шираке напитки были те же (мацнатан здесь называют чахлама). Чай готовили из собранных и засушенных трав (хантапа, урц, дахц, масур), как повседневный напиток, потребляемый круглый год. Вино и водка были покупными, праздничными напитками, которые пили, как правило, только мужчины. Из водки делали также компрессы от ушибов (в селах Октемберянского района). Мало были распространены дошаб и шербет—напиток, который готовили из воды с сахаром и пили как лекарство.

В Айратате также наиболее распространенными напитками были чай, тан, дошаб, молоко, вино, водка. Чай был как покупной, так и из трав, собранных и засушенных (дахц, урц, хантапа, масур). Его, как и все напитки, кроме вина и водки, готовила хозяйка. С лечебной целью пили чай из шиповника (*Шипор*). Дошаб готовили из виноградного (реже тутового) сока, который процеживали и варили. Его пили круглый год с лечебной целью от кашля, а также готовили из него халву, суджух.

Вино пили мужчины и, реже, женщины; водку—только мужчины, из водки также делали компрессы.

Уже в начале XX в. в богатых семьях подавали к праздничному столу какао, кофе, коньяк.

Коротко о зональных особенностях. Можно констатировать, что при едином спектре напитков в целом в равнинных районах рано появляются урбанические инновации, а с увеличением высоты сужается сфера употребления вина, водки, дошаба—продуктов садоводства и виноградарства; нередко расширяется спектр чайных трав.

* * *

В наше время, т. е. в 70-е годы XX в., в Сюнике, в равнинной зоне, в качестве напитков широко распространены чай, тан, мацнатан, дошаб, шербет, соки, молоко, вино, водка, менее—какао, кофе, коньяк, лимонад, пиво, минеральная вода. Чай—покупной, повседневный напиток, который так же, как тан и мацнатан, готовит хозяйка. Дошаб и шербет—повседневные напитки, распространенные не очень широко. Соки хозяйка делает из абрикосов, персиков, винограда, тугу, яблок, слив. Вино и водка в основном домашние, реже—покупные, широко распространенные на-

питки, которые пьют, как правило, мужчины, иногда и женщины. Напитки городского типа (пиво, какао, кофе, лимонад, минеральная вода) пьют все. Этого нельзя сказать о коньяке—праздничном напитке, который пьют в основном только мужчины.

Технология изготовления вин не изменилась, зато ассортимент расширился: делают вино из вишни, шиповника, ежевики.

В Шираке распространены те же напитки. Ныне чай—покупной повседневный напиток, а чай из трав (хантапа, дахц, масур) применяется как лечебное средство.

Вино и водка—и повседневные, и праздничные напитки, которые, как правило, покупаются в магазине. Напитки эти—мужские, но иногда их пьют и женщины. Дошаб (покупной, из Октемберянского района) и шербет—мало распространенные повседневные напитки, которые применяют с лечебной целью. Напитки городского типа, за исключением кофе и коньяка, широко распространены и пьют их все. Кофе не дают детям, коньяк—это сугубо праздничный и «мужской» напиток.

В Айратате наиболее распространены чай, тан, молоко, соки, вино, водка, коньяк, лимонад, минеральная вода, менее—дошаб, шербет, кофе, какао. Способы изготовления и потребления напитков традиционного типа не изменились. Широко распространены безалкогольные напитки городского типа, которые регулярно пьют все. Коньяк—это широко распространенный праздничный напиток, который пьют в основном мужчины, изредка—женщины.

Зональные различия в области напитков в настоящее время имеют тенденцию к унификации, но можно отметить, что удельный вес вина на фоне водки все же выше в равнинных и полупредгорных районах, а в предгорных районах наблюдается наибольшее разнообразие чайных трав. Есть различия в потреблении соков, но в целом они незначительны, вследствие густой сети коммуникаций как основы культурных контактов, ведущих к стиранию специфики историко-культурных регионов.

ПРИПРАВЫ И ПРЯНОСТИ. МЕД

Важное значение в системе армянского питания имели и имеют приправы и пряности, причем за последнее время их значение еще более возросло. С давних пор используются разные виды сушеных трав: базилик, тархун (Сюник), киндза, укроп, чабрец, петрушка (Ширак), тархун, базилик, киндза, петрушка (Айратат). Все виды зелени выращивались, как и ныне, в собственном хозяйстве и находили самое широкое применение как в сыром виде, так и в качестве приправы.

Перец, гвоздика, корица были привозными, обладали определенной престижностью, свидетельствуя о принадлежности к

имущим слоям. В настоящее время компонентное поле приправ и пряностей в некоторой степени расширилось (шире употребляется винный уксус, черный перец, лавровый лист). Приправы и пряности все без исключения относятся сегодня к повседневной категории потребления, их добавляют в самые разные блюда, маринады, соленья, а также в чай и варенья, но тем не менее определенная престижность сохраняется за гвоздикой и корицей.

Совершенно особое положение среди приправ, разумеется, занимает соль, которая издревле считалась одним из первейших и необходимейших компонентов пищи, особенно в поясах с жарким климатом. В силу своего исключительного положения, соль всегда обладала и символическими характеристиками (хлеб—соль, ах у хац), о которых будет сказано ниже.

* * *

Пчеловодство в настоящее время не является монопольной областью житочных хозяйств, как это было раньше, и охватывает значительную часть населения Сюника и Ширака, в меньшей степени—Айрарата. Это привело к тому, что теперь мед перестал быть сугубо праздничной пищей. В целом мед, как и прежде, приобретает в границах собственного села, где одни хозяйства продают, а другие покупают.

Мед широко используется за всеми трапезами с чаем, хлебом, маслом, мацуном, добавляется в халву, пахлаву, хавиц, ахандз. Разбавленный водой мед (буквально «меграджур») используется от головной боли, в лечебных целях используются также и соты. Мед в целом служил и служит показателем житочности того или иного хозяйства и в силу этого сохранил определенный престижный характер. Престижным считается преподнесение сваткам или гостям сливок с медом.

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМ ПИТАНИЯ

Сюник

Начало XX в. Говоря о Сюнике, следует прежде всего отметить его основную черту—разнообразие. Но в этом разнообразии можно усмотреть элементы, которые доминируют. Так, среди зерновых культур доминирующее место занимала и занимает пшеница, из бобовых—фасоль разных сортов.

Широкое распространение имело использование приправ и пряностей—зелень (киндза, укроп, петрушка, базилик, тархун, а также перец, гвоздика, корица—привозные пряности, обладавшие определенной символическостью и свидетельствующие о принадлежности к имущим слоям.

Для начала века было характерно употребление говядины, баранины, козлятины, из которых готовили разные блюда, но ос-

новным был шашлык, приготовление которого было привилегией мужчин. Молочный скот Сюника был представлен как крупным, так и мелким рогатым скотом. Наиболее распространенным видом молочного скота были коровы и овцы. Молочные продукты были и остаются продуктами самого широкого потребления.

Был распространен отлов рыбы, в основном из Аракса, и, как правило, сома (*լըրը*). Широко была распространена курица. Исключительно разнообразным был ассортимент напитков, в особенности вина и водки. Сюник был самым богатым овощами и фруктами регионом Армении. Только дикорастущих насчитывалось 28—30 видов, самыми распространенными были бохи, банджар, авелук. Несмотря на относительное обилие овощей и фруктов, использование дикорастущих было очень интенсивным и многообразным. В наши дни оно хотя и сократилось, но остается существенным.

В целом, обобщая, можно констатировать, что сюникский региональный тип является зерново-молочно-овощно-мясным и актуализируется как, в первую очередь, сочетание продуктов из пшеницы и коровьего и овечьего молока, что, в конечном счете, является основой армянской повседневной системы питания (хлеб, сыр).

70-е годы XX в. Из зерновых доминирующее место по-прежнему занимает пшеница. В последние годы определенное распространение получила кукуруза и соответственно упала почти до нуля доля проса, ячменя, ржи. Из мясных доминирующей остается баранина, одновременно довольно широко распространена говядина, а козлятину все более вытесняет свинина. Наряду с коровьим, овечье молоко имеет большой удельный вес как по степени потребления, так и по степени универсальности. Столь же широко, как и прежде, распространены овощи и фрукты, а количество потребляемых дикорастущих сократилось. Обобщая, можно сказать, что элементная модель данного региона не претерпела существенных изменений в соотношении удельного веса элементов, но зато сам ассортимент элементов стал более разнообразным.

* * *

Подводя итоги рассмотрению Сюника, мы должны отметить, что проведенное описание совпадает с выводами, уже имеющимися в армянской этнографической литературе. С одной стороны, региональный тип Сюника является неотъемлемым элементом армянской системы питания, о которой В. Г. Бдоян в работе «Армянская этнография» (Ереван, 1974) пишет: «В Армении основными продуктами питания являлись хлеб, мясо, зерновые и молочные продукты» (114). С другой стороны, данный регио-

нальный тип имел свою специфику, что отмечал Ст. Лисициан в работе «Армяне Зангезура» (Ереван, 1969): «В Зангезуре в повседневном питании доминировали растительные и молочные продукты» (с. 175). Именно эта специфика отражена в определяемом нами региональном типе Сюника на начало XX века: *зерново-молочно-овощно-мясной*. С течением времени соотношение элементов несколько изменилось и в настоящее время представляет собой: *зерново-молочно-мясо-овощной тип*.

Ш и р а к

Начало XX в. Ширакский регион с давних пор славился возделыванием зерновых культур, среди которых первое место занимает пшеница, как озимая, так и яровая. По степени распространения значительное место занимал также и ячмень. Из бобовых культур немаловажное место в системе питания армянского населения Ширака занимала красная фасоль. Большое значение имел мед. Пчеловодством в Шираке издавна занималось значительное количество населения. В потреблении мяса доминировали как говядина и баранина, так и козлятина и курятина. В этом отношении Ширак представляет наиболее разнообразный регион. Из молочного скота в равной мере использовались корова и овца и, как и всюду, молочные продукты были продуктами повседневного потребления. Рыболовство и потребление алкогольных напитков в Шираке были мало распространены, так же, как и разведение овощей и фруктов. Зато потребляли круглый год до 15 видов дикорастущих трав. Ассортимент их был меньше, чем в Сюнике и Айрарате, но роль в питании была значительной. Кроме того, значительное число трав потреблялось сезонно или эпизодически. Пряные травы, прежде всего чабрец и укроп, были важнейшими приправами. Говоря о регионе в целом, мы приходим к выводу о том, что тип этого региона—зерново-молочно-мясной с определенной нюансировкой в смысле широкого потребления ячменя и малого потребления овощей и фруктов.

70-е годы XX в. Как неоднократно отмечалось в литературе, в настоящее время все более нивелируются региональные особенности, вследствие чего, говоря о сегодняшнем Шираке, мы с полным правом можем добавлять: «как и везде по Армении». Ныне в Шираке доминирующей зерновой культурой является пшеница, ячмень служит исключительно в качестве корма для скота. Наряду с красной фасолью определенное распространение получили горох и чечевица, из масличных культур—подсолнух. Распространилось потребление в качестве повседневных—приправ и пряностей, среди которых, в первую очередь, следует выделить красный и черный перец, уксус, гвоздику. Пчеловодство, а

следовательно, и потребление меда играют немалую роль в хозяйстве. Наряду с говядиной и бараниной в настоящее время в Шираке, как и в других регионах, широко распространена свинина. В соотношении молочных продуктов коровье молоко превалирует над овечьим. Молоко и молочные продукты, как и раньше, производятся в собственных хозяйствах. Рыба, овощи и фрукты стали повседневными элементами в питании армянского населения Ширака, приобретаемыми через сеть магазинов. Но уровень потребления дикорастущих не снизился, что, очевидно, отражает малую роль возделывания овощей и фруктов в этом регионе.

Резюмируя, можно констатировать сохранение в основном того же регионального типа, что и в начале века, с учетом динамики распространения и изменения диапазона потребления элементов питания в Шираке—в направлении к зерново-молочно-мясо-овощному.

Айрарат

Начало XX в. Для Айрарата было характерно доминирование зерновых культур, а также в меньшей степени риса. В отличие от других регионов, широко была распространена такая бобовая культура, как горох (*սխիռ*). В качестве универсальной приправы и пряности выступал красный перец. В основном использовали баранье и говяжье мясо. Мясо употребляли так же, как и в Сюнике. Молоко и молочные продукты, как правило, получали от доения коров и, реже, овец. Молочные продукты были и остаются продуктами повседневного потребления. Отлов рыбы был небольшой, и рыба не занимала особого места в хозяйстве, зато широко разводили кур.

Регион был очень богат овощами и фруктами, хотя в разнообразии уступал Сюнику вследствие засушливости и недостаточного развития орошения. Собирали более 50 видов дикорастущих, но абсолютное количество их было невелико, и преобладали среди них чайные травы, пряности, приправы, в основном сибех, урц, бохи, синдз.

Резюмируя, следует сказать, что Айрарат представлял собой *зерново-овощно-молочно-мясной* региональный тип и актуализировался в виде: пшеница (рис)—овечье (коровье) молоко—баранина (говядина).

70-е годы XX в. Наряду с пшеницей более широкое распространение получили ныне рис и кукуруза, а из бобовых культур—горох и фасоль. Расширилось компонентное поле приправ и пряностей. Кроме баранины и говядины сравнительно широко потребляется куриное и индюшиное мясо. Распространены по-преж-

нему коровье и, отчасти, овечье молоко. Только теперь оно, как правило, покупное и в связи с этим сократился ассортимент трудоемких молочных продуктов (например, сливки). Все большее место занимают овощи и фрукты, дикорастущих в связи с этим стали потреблять гораздо меньше.

Подводя итоги, можно констатировать в Айрарате наличие в целом того же типа системы питания, что и в Сюнике в настоящее время: *зерново-молочно-мясо-овощного*. Этот сдвиг обусловлен возросшей долей в питании мяса; культурных овощей не стало меньше, но доля дикорастущих сильно снизилась.

§ 2. ТРАПЕЗЫ

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь поселенческого коллектива изначально складывалась не только из производственных циклов, хотя во многом именно они были определяющими. Но несомненным является тот факт, что жизнь поселенческого коллектива, будучи многоаспектной, включала в себя деление на праздничную и будничную части, т. е. на время праздников и периоды будничной трудовой жизни. Будни в целом могут быть истолкованы как мирская светская часть жизненного цикла поселенческого коллектива. Праздники, напротив, в зависимости от степени сакрализации, могут рассматриваться как более или менее сакральные.

Трудовая жизнь поселенческого коллектива всегда сопровождалась определенной циклической системой повседневных, мирских трапез, в которых ритуализацию, сакрализацию можно приравнять к нулю, т. е. в этом отношении повседневные трапезы сугубо нейтральны. С другой стороны, праздник всегда сопровождался обильным принятием пищи, т. е. трапезами, причем в данном случае всегда ритуализированными. Как уже было сказано, сами праздники могли быть сакральными или мирскими. То же противопоставление экстраполировалось и на трапезы, сопровождавшие их, т. е. трапезы образовывали бинарную оппозицию, на одном полюсе которой были сгруппированы в определенной иерархии сакральные трапезы, а на другом полюсе по тому же принципу парадигмы, или иерархии,—мирские трапезы. Эта оппозиция получала конкретное наполнение в компонентном составе блюд, из которых составлялись трапезы, в составе участников трапезы, в субъектах приготовления и т. п., т. е. оппозицию можно проследить буквально на всех уровнях. Эту же цель авторы ставили себе при анализе ритуальных трапез в армянской сельской культуре.

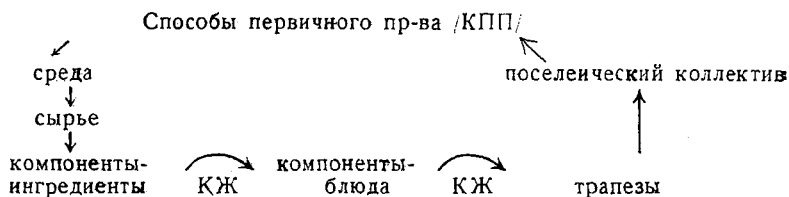
С течением времени двончная классификация переросла в

тронное членение, а именно: появился досуг, досужее время, когда индивид предоставлен самому себе. Появление нового члена не просто перестроило бинарную оппозицию, но ее члены наполнились новым содержанием. Досуг тоже стал рассматриваться как своего рода праздничное время, когда человек может переходить от собственно трудовых будничных форм поведения к формам проведения времени по типу праздничного, так как других форм жизненного цикла поселенческий коллектив в своей истории не знал. Наряду с этим нарастал общий исторический процесс секуляризации сакрального, что привело, с одной стороны, к уменьшению числа сакральных трапез в праздничных трапезах, но зато количество мирских трапез в тех же праздничных трапезах растет за счет перехода части повседневных трапез из разряда буднично-деловых в разряд трапез, проводимых в послерабочее время, во время отдыха по типу мирских праздничных трапез. Собственно, если раньше повседневные будничные трапезы образовывали своего рода суточный цикл, структурируя весь день, то ныне можно выделить трапезы, обставляемые по типу мирских праздничных. Это, в особенности, касается вечерних трапез, которые по обилию блюд и количеству участников могут сравниться с праздничными трапезами. С другой стороны, собственно роль буднично-деловой трапезы осталась на долю дневной трапезы, так называемого «перерыва», т. е. трапезы в рабочее время. Поэтому и собственно повседневные трапезы в историческом ракурсе следует рассматривать в первую очередь не по параметрам престижности, количества участников и т. п., а по параметрам сезонности, времени и места проведения, т. е. в прямой зависимости от суточного и годового производственного цикла.

Используя системно-кибернетический подход и признавая, что основной теоретической связкой между живой системой и средой является понятие «адаптация», мы полагаем, что типом адаптивной системы, репрезентируемым в нашей работе, является понятие «поселенческий коллектив», рассмотренное в соответствующем разделе. Конкретным проявлением адаптации на уровне связи поселенческого коллектива со средой являются подсистемы КПП и КЖ (об их соотношении см. § 3 главы первой). Рассматривая же взаимодействие, точнее, коадаптацию поселенческого коллектива и среды с точки зрения теории деятельности, мы наблюдаем следующий процесс. Процесс этот мы рассмотрим применительно к системе питания. Поселенческий коллектив посредством определенных способов первичного производства воздействует на среду, которая в данном случае представляет собой поле сырьевых элементов. В результате обработки с помощью способов первичного производства получается поле компонентов—

ингредиентов (полуфабрикат, снесь) предназначенных к *потреблению*. Но поскольку их доминантная функция потребительская, они посредством определенных способов непрямого, косвенного потребления трансформируются и образуют поле компонентов-блюдов, предназначенных непосредственно к потреблению.

В реальной жизни пища обычно выступает в составе трапезы, которая представляет собой конфигурацию компонентов-блюдов в определенной последовательности и определенном сочетании. В узком смысле слова трапеза является процессом потребления, т.е. она является центром, ядром, а точнее, интегратором всей системы питания как подсистемы КЖ, функционирующей прежде всего в сфере потребления. Этот процесс можно представить в виде следующей схемы:

Отношение поля компонентов-ингредиентов ко всему сырьевому полю показывает, с одной стороны, уровень социально-экономического развития, а с другой—степень освоения поселенческими коллективами его экологического окружения. Корригирование, стереотипизация трапез осуществляется посредством норм, закрепленных в традициях, т.е. средств СНК, которые формируют и классифицируют трапезы по их престижности, сакральности, ритуальности. Но тем не менее, поскольку поддержание жизнедеятельности членов поселенческого коллектива есть основная функция КЖ, именно будничные, повседневные трапезы образуют основу всей системы питания. Только на этой основе могла возникнуть в оппозиции к ней праздничная трапеза, которая распалась на ритуально-сакральную и ритуально-мирскую трапезы, образующие, в свою очередь, оппозиции. Поэтому представляется логичным начать наш анализ именно с форм повседневной трапезы, чтобы затем перейти к формам ритуальной трапезы.

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ТРАПЕЗЫ

С ю н и к

Удельный вес утренней трапезы в начале XX века в дневном рационе питания обычно был минимальный и не отличался разнообразием: и зимой, и летом в основном потребляли хлеб, сыр,

молоко, мацун, вареные яйца или яичницу, отвар (чай) на травах (урц, дахц, шиповник). Летом к этому ассортименту добавляли огурцы, помидоры, виноград. Зимой утренняя трапеза, как правило, проходила дома, летом завтракали и в поле, и дома. По своему составу трапеза была семейной, и, чаще всего, мужчины, женщины и дети принимали пищу отдельно. Такой же порядок был принят и во время других трапез. Дневная трапеза была обычно плотнее, чем утренняя, но часто менее плотной, чем вечерняя. Зимой это была, как правило, домашняя трапеза, летом—как домашней, так и полевой. Зимой хозяйка готовила вареную или жареную картошку, лоби, толму, летом—спас, яичницу, огурцы и помидоры. Вечерняя трапеза всегда проходила дома. Зимой основными блюдами были суп из каурмы, вареные картошка и лоби, толма, летом—спас, вареные яйца, шорва, мацун. Зимние и летние трапезы по времени были смещены друг относительно друга: зимние проходили на 1—2 часа позже, чем летние.

На сегодняшний день основные изменения коснулись удельного веса трапез. Наиболее плотной стала дневная трапеза, утренняя осталась такой же (наименее плотной), вечерняя—средней. Утренняя и вечерняя трапезы проходят обычно дома, дневная—в зависимости от сезона: зимой—дома, летом—как в поле, так и дома. Все трапезы во времени принятия пищи смещены относительно начала XX века и проходят на 1—2 часа позже. Половозрастных разделений за столом более не существует. Изменения в ассортименте блюд коснулись в основном дневной трапезы, для которой готовят не только традиционные супы и лоби, вареную и жареную картошку, толму, супы с каурмой (зимой), но и супы с макаронами, вермишелью, котлеты, кюфты.

Ш и р а к

В начале XX века наиболее плотной была дневная трапеза, наименее—вечерняя. Половозрастное деление за столом проводилось так же строго, как и в Сюнике. Зимние трапезы, как и в Сюнике, проходили позже летних обычно на 1—2 часа, и так же только вечерняя трапеза представляла собой домашнюю трапезу, а утренняя и дневная, в зависимости от сезона, проходили летом как дома, так и в поле, а зимой, как правило, дома. Зимой дневной рацион питания складывался следующим образом: утром—хлеб, сыр, масло, мед, плов, хашил, кончол; днем—толма, хашил, вареные яйца или яичница, суп на чортане; вечером обычно доедали остатки от обеда. Летом в рационе питания было больше молочных: мацун, молоко, спас.

На 70-е годы XX века все трапезы по удельному весу в дневном рационе питания как бы усреднились, не представляется

возможным выделить из них наиболее или наименее плотную. Трапезы проходят так же, как в Сюнике. Поло-возрастных ограничений нет и так же, как в Сюнике, только дневная трапеза в зависимости от сезона бывает и полевой, и домашней (летом) и только домашней (зимой). Все трапезы смещены относительно начала XX века и проходят на 1—2 часа позже. Ассортимент дневного рациона питания обычно складывается следующим образом: утром—жареная или вареная картошка, чай, масло; днем—толма, борщ, плов, котлеты, соус; вечером—спас, катнов и остатки от дневной трапезы.¹

Айрарат

Структура повседневной трапезы в данном регионе в начале XX в. была почти такой же, как и в Сюнике и Шираке. Зимние трапезы проходили на 1—2 часа позже летних. Вечерняя трапеза была домашней, а утренняя и дневная, в зависимости от сезона, проходили зимой—дома, а летом как в поле, так и дома. Существовала та же система поло-возрастных ограничений. Дневной ассортимент питания складывался следующим образом: утром—хлеб, сыр, мацун, молоко, вареные яйца или яичница; днем—спас, толма, плов; вечером—плов, кюфта, вареное лоби, толма, бозбаш. Трапезы обычно шли по нарастающей от утренней к вечерней, наиболее плотной трапезе.

Та же структура дневного рациона питания (по нарастающей) сохранилась и по сегодняшний день. Изменения, коснувшиеся Айрарата, те же, что и в двух других регионах: исчезновение поло-возрастных ограничений и разделений, расширение ассортимента дневного рациона питания, который складывается следующим образом: утром—хлеб, сыр, масло, чай, какао, молоко; днем—спас, толма, плов, котлеты, вареный или жареный картофель; вечером—кюфта, бозбаш, толма, котлеты, макароны, соус. Примечательно, что и сегодня особых различий в ассортименте блюд по сезонам нет, если не учитывать, что летом, естественно, возрастает роль плодово-овощных культур.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ТРАПЕЗЫ ПО РЕГИОНАМ

Для регионального сравнения повседневных трапез следует в первую очередь выделить то общее, что присуще всем трапезам и, уже на этой основе, можно будет эксплицировать вариации,

¹ Для дореволюционного времени приводятся максимальные варианты в состоятельных семьях; у бедняков же хлеб, спас, хашил, как простейшие блюда, обычно исчерпывали состав трапезы.

характерные для отдельных регионов. Для начала XX в. в целом показательно то, что только вечерняя трапеза во все времена года была домашней, а утренняя и дневная трапезы были в зависимости от сезона: летом как домашней, так и полевой, зимой—домашней. С другой стороны, характерно преобладание трехразового режима питания, смещение во времени зимних трапез относительно летних (зимние трапезы проходят позже), строгое проведение поло-возрастных разделений.

Основные различия в начале XX века проходили по линии компонентного состава трапез и, в связи с этим, соотношения трапез по удельному весу в дневном рационе питания. Для Сюника и Ширака характерна во многом идентичная структура трехразового питания: с нарастанием от утренней к дневной трапезе и с убыванием от дневной к вечерней трапезе. Айратат в этом смысле резко отличается прямым нарастанием от утренней к вечерней трапезе. Следует отметить, и это представляется весьма интересным, что компонентный состав повседневных трапез в основном не отличался по регионам, но зато структурировался своеобразно в каждом регионе в зависимости от удельного веса каждой трапезы в дневном режиме питания.

Говоря об общих чертах, присущих повседневным трапезам в 70-е годы XX века, следует отметить, что разделение трапез на полевые и домашние в зависимости от сезона осталось то же. Зато полностью элиминированы поло-возрастные ограничения. Сохранились трехразовый режим питания, смещение во времени зимних трапез относительно летних. Относительно различий в удельном весе утренней, дневной и вечерней трапез в дневном рационе следует отметить, что они более или менее нивелированы в сторону принятия айрататской модели с нарастанием от утренней к вечерней трапезе, что, очевидно, можно объяснить средним положением этого региона и, с другой стороны, распространением этой модели посредством города (Еревана), в котором она также принята. Естественно, что модель дневного режима питания, характерная для Еревана, имеет больше возможностей для распространения в других регионах.

Выявленная нами модель подтверждается выводами Л. Б. Арутюняна, который пишет: «При изучении режима питания сельского населения, особенно во время весенних, летних и осенних полевых работ, был отмечен факт, что прием основной пищи приходится на обед и ужин. Так, например, по предварительным данным завтрак составляет 20—25% (иногда 10%), обед—20—25% (иногда 35—40%), а ужин—50—60%. Прием пищи городского населения не отличается от обычно принятого режима». (Арутюнян, 1960, 34). Правда, автор не задается вопросом срав-

нительной типологии, но его данные, несомненно, подтверждают- ся не только на 50-е годы XX века, но и на 70-е годы, когда обоб- щался собранный нами материал. Относительно компонентного состава трапез следует отметить традиционный характер утренней и, отчасти, дневной трапез, в отличие от вечерней трапезы, ко- торая включает ныне в себя блюда городского типа (котлеты, супы с макаронами, вермишелью и т. п.), вероятно, в силу сво- его первенствующего положения среди трапез по удельному весу.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ТРАПЕЗЫ ПО ЗОНАМ

Равнинная зона

Для равнинной зоны характерен на начало XX века трехра- зовый режим питания, как и для других зон, с неуклонным на- растанием от утренней к вечерней трапезе, со смещением во вре- мени зимних трапез относительно летних на 1—2 часа позже. Утренняя и дневная трапезы бывали обычно и полевыми, и домаш- ними (летом) и домашними (зимой); вечерняя трапеза, как пра- вило, была домашней. Строго проводилось поло-возрастное разде- ление участников трапезы. Для трапез был характерен следую- щий ассортимент: утром—хлеб, сыр, масло, вареные яйца или яичница; днем—хлеб, сыр, мацун, спас (летом) и суп из каур- мы (зимой); вечером—вареное лоби, толма, бозбаш, кюфта. В настоящее время сохраняется тот же режим питания с тем же нарастанием от утренней к вечерней трапезе, с тем же смещением зимних трапез относительно летних, с тем же подразделением трапез на домашние и полевые. Исчезают поло-возрастные огра- ничения, изменения коснулись также ассортимента блюд: утром— какао и масло; днем—плов; вечером—котлеты, соус, макароны.

Предгорная зона

Для предгорной зоны на начало XX века характерен тот же трехразовый режим питания с тем же смещением зимних трапез относительно летних, с теми же поло-возрастными огра- ничениями. В отличие от равнинной зоны, по удельному весу тра- пезы нейтральны, и каждая из них варьировала обычно от наи- менее плотной к наиболее плотной. Таково же, что и на равни- не, разделение трапез на домашние и полевые в зависимости от сезона. По ассортименту предгорная зона отлична от равнины: утром—хлеб, сыр, мацун, молоко, спас (летом); днем—толма, плов, спас, вареная или жареная картошка, каурма (зимой); вечером—толма, шорва, мацун, спас.

С течением времени происходило в основном то же, что и на равнине, причем самое интересное заключается в том, что ныне в предгорной зоне превалирующим является режим питания,

характерный для равнинной зоны, т. е. с неуклонным нарастанием удельного веса трапезы от утренней к вечерней. Ассортимент блюд расширился за счет блюд нетрадиционного, городского типа (утром—какао, днем—котлеты, вечером—борщ и котлеты).

Горная зона

Для горной зоны в начале XX века был характерен тот трехразовый режим питания с изменением в соотношении трапез по удельному весу, а именно: от утренней к дневной по нарастающей, от дневной к вечерней по убывающей. Так же, как и на равнине и в предгорье, зимние трапезы смещены относительно летних на 1—2 часа позже, таково же поло-возрастное разделение и деление трапез на домашние и полевые в зависимости от сезона. Ассортимент блюд на день складывался следующим образом: утром—хлеб, сыр, масло, мацун; днем—толма, хашил, чортан (зимой), а летом плов, хашил, ариса, спас; вечером—толма, вареное лоби зимой, а летом—спас, мацун, вареные яйца.

Та же модель дневного режима питания в основном сохраняется и по сей день, не считая снятия поло-возрастных ограничений. Изменения в ассортименте коснулись наиболее плотных по удельному весу трапез, т. е. дневной и вечерней: борщ, макароны, вермишель, котлеты и т. п.

* * *

Из регионально-зонального рассмотрения повседневных трапез следует существенный вывод, имеющий теоретическое и методологическое значение: зональные различия менее поддаются нивелировке и унификации, чем региональные, что, очевидно, объясняется большей зависимостью от природно-географической среды, чем от культурной.

РИТУАЛЬНО-ПРЕСТИЖНЫЕ ТРАПЕЗЫ

Прежде чем приступить к анализу ритуально-престижных трапез в армянской сельской культуре остановимся на методике их анализа. Основной единицей сравнения в системе питания являются трапезы, потому что они интегрируют в себе элементы системы питания и тем самым отражают как межзонально-региональное, так и внутризонально-региональное разнообразие. В результате сравнительно-типологического анализа этой единицы мы получим: во-первых, общее, присущее этим трапезам всех регионов и зон; во-вторых, специфическое, отличающее эту трапезу для каждого региона и зоны в отдельности. Вычленение общего позволит сконструировать тип трапезы, общий для армян-

ской сельской культуры, а на основании специфического выделяются варианты этого типа.

Следует отметить, что компонентный состав трапез не является дискретным, и вычленение трапезы представляет собой результат абстрагирования. Так, пищевой продукт до того, как он станет компонентом трапезы, обычно проходит обработку, которая включает в себя несколько этапов. О классификации этих этапов уже говорилось в введении, но независимо от того, как компоненты входят в трапезу все они на этом уровне могут рассматриваться как блюдо, ибо равнопражны в том смысле, что представляют собой знаки-единицы того алфавита, из которого строится текст трапезы. Таким образом, основные компоненты— это блюда трапезы. Для того, чтобы подвергнуть структурно-функциональному анализу трапезу, необходимо абстрагироваться от способов приготовления блюд и способов обращения с остатками, учитывая, что основной единицей трапезы является блюдо. Исходя из предварительного осмысления трапез, в ходе которого стало ясно доминантное положение в конструировании поля трапез свадебной и поминальной, их мы и подвергнем анализу в первую очередь.

Региональный анализ ритуально-престижных трапез на начало XX в.

Свадебная трапеза

Во всех трех регионах свадебная трапеза длилась три дня. В Сюнике стол готовил повар (обычно односельчанка, которую всегда приглашали для приготовления таких и поминальных столов). В Шираке и Айрарате стол готовила хозяйка, которой помогали ее родственницы. К столу в обязательном порядке подавали толму, плов, соус, хашламу, шашлык. В Шараке и Айрарате на третий день утром подавали хаш. В Айрарате стол отличался наибольшим разнообразием. Хозяйка готовила вареные и жареные курицу, рыбу, картофель. Если подвергнуть этот материал анализу, исходя из того, что семантика жареного есть семантика мужского, сакрального, то надлежит заметить, что, исходя из блюд, составляющих свадебную трапезу, можно сделать выводы касательно конфигурации и состава участников трапезы. Действительно, она дуальна, дихотомична как по половому признаку (и мужчины, и женщины сидели отдельно), так и по возрастному (женех и невеста сидели с молодыми парнями и девушками отдельно от взрослых мужчин и женщин) и по социально-ролевому (мужской стол возглавлял кавор—посажённый отец или священник, а женский стол—кавор-кин, «посажёная мать»). Жареное на вертеле мясо (шашлык) готовили мужчины, вареное мясо (хаш-

ламу) готовили женщины. Все эти признаки были маркированы локально, в смысле разной степени интенсивности проявления: наименее—в Сюнике, наиболее—в Шираке, т. е. нарастали с юга на север. Такая ориентация этнической культуры позволяет предположить, что традиция сакрализации нарастает с ростом усилий, прилагаемых носителями данной культуры в адаптации к среде.

Поминальная трапеза

Во всех регионах поминальная трапеза проходила непосредственно после полудня. Готовили обычно родственницы хозяйки. На стол подавали во всех регионах хашламу и соус, в Сюнике также вареную рыбу, в Айрарате—вареную курицу, в Шираке и то, и другое. В Сюнике в трапезе участвовали только мужчины, в Айрарате за стол вначале садились только мужчины, затем и женщины, в Шираке мужчины и женщины сидели отдельно. Хозяйке принимать участие в приготовлении блюд запрещалось. Она была ритуально осквернена. С точки зрения противопоставления жареного вареному следует отметить принадлежность поминальной трапезы, во-первых, к семантике сакрального и, во-вторых, вареное как синоним смерти в отличие от жареного, мирского. Следует вообще заметить, что данная оппозиция для армянских трапез конца XIX—начала XX в. была особо актуальной и отражалась как в семантике самой трапезы, так и в семантике ее участников. Относительно участников трапезы можно сделать заключение, что именно символика смерти отражается в запрете участия в поминальной трапезе детей. С другой стороны, мужской состав, или мужской примат, в этой трапезе можно объяснить как «поедание» смерти жизнью, как ритуальное поедание, причем этот признак проявляется во всех регионах с разной степенью интенсивности.

Подводя итоги рассмотрению свадебной и поминальной трапез, представляется возможным заключить об оппозиции свадебной и поминальной трапез и о более или менее амбивалентном характере остальных трапез, располагавшихся между двумя полюсами основных трапез.

Новогодняя трапеза

Новогодняя трапеза проходила в течение одного-двух дней, причем везде готовила хозяйка дома. Во всех регионах готовили пасуц-толму (голубцы с начинкой из дзавара), варили картофель, курицу, лоби (стручковая фасоль) и чир (сушеные фрукты). Для сравнения укажем, что в Сюнике готовили крайне пресстижный в то время плов, в Айрарате, что примечательно в смыс-

ле оппозиции вареное-жареное, шашлык (готовили мужчины) и хашламу, которую готовила хозяйка дома. Это говорит об амбивалентном характере новогодней трапезы. В Шираке же блюда готовились на постном масле. Это подсказывает нам, что и в данном случае действовала нарастающая с юга на север тенденция сакрализации новогодней трапезы.

Пост

Примечательна полная элиминация мясного из этой трапезы и в то же время сохранение оппозиции вареное-жареное за счет субституции жареного постным. Мясное и приготовленное на топленном масле приравнялось друг другу в отношении запрета на них. Трапеза везде была семейной, в отличие от вышерассмотренных, в которых участвовал азг (патронимия). В данном случае во всех регионах хозяйка дома готовила пасуц-толму, варила лоби и картофель.

Затик (пасхальная трапеза)

Пасхальная трапеза проходила в разное время дня. Везде готовила хозяйка дома и, как правило, подавала на стол крашенные вареные яйца, которые несли определенную семантическую нагрузку и являлись дифференциальным маркером этой трапезы. Дело в том, что согласно оппозиции вареное-жареное, вареные яйца явно имеют отношение к семантике дома, они, так сказать, эндогенны. Состав блюд во всех регионах, будучи разнообразным по компонентам (Сюник—вареные курица и лоби, Айрарат—вареная рыба, Ширак—вареные рыба и курица), типичен в отношении доминирования именно вареного. В то же время во всех регионах готовили плов, что придает вареному началу в этой трапезе специфику, отличающую ее от поминальной трапезы. Это—приготовление и прием во время трапезы плова, отличающиеся крайней престижностью.

Кнунк (Крестины)

Повсеместно распространенная трапеза проходила обычно сразу после полудня. Везде мужчины готовили шашлык, что говорит о мужском, мирском характере трапезы и близости ее к свадебной трапезе. В Сюнике и Айрарате хозяйка готовила толму, хашламу, плов. Кроме того, в Сюнике подавали вареную курицу, лоби, рыбу. В Шираке подавали толму, кололак (кюфту), бозбаш, вареное лоби и чир. Семантическая модель вареное-жареное относит эту трапезу к амбивалентным, совмещающим сакральность вареного и профанность жареного. Об этом свидетельствует

обычай, который был зафиксирован в Айрарате: во главе стола сидели кавор (тот же, который возглавлял свадебный стол) и священник, участие которого было обязательным в поминальной трапезе.

Джрехнек (Рождество-крещение)

Широко распространенная трапеза, которая в Сюнике проходила около полудня, в Айрарате—во второй половине дня, ближе к вечеру и в Шираке—факультативно и в то, и в другое время. Во всех регионах хозяйка дома готовила, как правило, плов, варила или жарила рыбу, в Сюнике—толму, в Айрарате—арису (пшеница, сваренная с курицей), в Шираке—кололак (кюфта). Раздельность сидения за столом нарастала в том же направлении с юга на север: в Сюнике—по разным сторонам стола, в Айрарате—мужчины отдельно, а женщины с детьми до 12—14 лет отдельно, в Шираке—все, в том числе и дети, отдельно. В принципе трапеза амбивалентна, но определенное превалирование вареного сакрализует ее.

Вардавар (преображение)

Трапеза в основном происходила в полдень. Примечательно что трапеза во всех регионах реализовалась в двух вариантах: в поле и дома. В поле обычно собирались мужчины. Они же готовили матах (мясо, сваренное в небольшом количестве воды) и шашлык. Хозяйка готовила для тех, кто оставался дома, хашламу, а также: в Сюнике—обычно толму, в Айрарате—вареную курицу, в Шираке, как правило, и то, и другое. Налицо экспликация оппозиции вареное-жареное в одной трапезе, что предопределяет и ее большую ритуализацию. Действительно, обычай раздавать мясо матаха в сыром виде семи людям или в семь домов, отдавать голову и шкуру церкви, зарывать остатки матаха в землю или выбрасывать их в воду свидетельствуют об этом.

Сурб-хач

Эта трапеза была зафиксирована нами только в Айрарате и Шираке. В Сюнике она исчезла, вероятно, намного раньше в связи с общей направленностью этого региона к мирскому. Блюда к этой трапезе (в Шираке—хашлама, клорик, в Айрарате—матах) готовили родственницы хозяйки дома. Этот последний факт, а также доминирование вареного начала позволяет отнести эту трапезу к сакральным, а не мирским трапезам, тем более, что как в Шираке, так и в Айрарате дети в ней участия, как правило, не принимали. В настоящее время эта трапеза почти не встреча-

ется, согласуясь с общей тенденцией перехода оппозиции вареное-жареное (одна из ипостасей оппозиции сакрально-мирское) в оппозицию престижное-непрестижное, частичным проявлением которой является оппозиция праздничное-непраздничное.

Трндез (Сретение)

Примером ритуальной трапезы с явно выраженным женским началом является трндез, который проходил обычно в тех домах, где была молодая сноха. Так же, как и сурб хач, трапеза не зафиксирована в Сюнике в связи с общей мирской ориентацией этого региона. В Шираке и Айрарате блюда (толма, хашлама) готовила свекровь. Ныне эта трапеза проходит редко, исчезло поло-возрастное разделение, готовят обычно то же и плов, когда-то имевший крайне престижное значение и не полностью утерявший его сейчас. Эта трапеза утрачивает ритуально-сакральный и приобретает ритуально-мирской характер.

Региональный анализ ритуально-престижных трапез в 70-е годы XX в.

Свадебная трапеза

Свадебная трапеза проходит по традиции в течение трех дней. Готовит хозяйка дома, которой помогают родственницы, реже приглашают повара. На стол, как правило, подают хашламу, толму, вареную и жареную курицу и рыбу. В остальном трапеза регионально вариативна: в Сюнике—соус и плов, в Айрарате—шашлык, бастурма (проявленное сушеное мясо), зейтун (маслины), колбасные изделия, в Шираке—шашлык, кюфта, колбасные изделия. На третий день рано утром приглашают на хаш. За столом все сидят вместе с кавором во главе стола, его женой (каворкин), женихом и невестой. Застольем, как правило, руководит тамада.

Как видим, среди компонентов трапезы есть и вареные, и жареные блюда, что заставляет предположить о снятии оппозиции вареного-жареного, нейтрализации ее, что отражается и в расположении участников застолья. Обилие компонентов трапезы смешивает дотоле противопоставляемые парадигмы, их уже невозможно противопоставить по признаку того, что это блюдо, например, является вареным, а другое—жареным, определяющим маркером становится престижность блюда-компонента, а целью трапезы—ее пышный, праздничный характер. Можно предположить, что пока еще не найдена новая форма свадебной обрядности.

Поминальная трапеза

Поминальная трапеза проходит во второй половине дня. В Сюнике готовит обычно приглашаемый повар, в Айрарате и Ши-

раке—родственницы хозяйки дома. В Сюнике до сих пор действует запрет есть жареное (шашлык), а также плов и толму, являющиеся престижными праздничными блюдами. В Айрарате и Шираке этот запрет действует латентно. На стол обычно подают хашламу, а также: в Сюнике—соус, в Айрарате—толму и плов, в Шираке—вареную курицу и рыбу. Дети в трапезе не участвуют. В Сюнике до сих пор бытует обычай садиться мужчинам и женщинам по разные стороны стола, в Айрарате и Шираке такого разделения, как правило, уже не существует. Во всяком случае можно констатировать тот факт, что оппозиция вареное-жареное, пусть и в редуцированной форме, в этой трапезе актуализируется.

Говоря о региональных различиях, следует заметить, что Сюник в этом отношении наиболее консервативен. В нем за прошедшие 70 лет наблюдается меньше изменений, в отличие от Айрарата и Ширака, что связано с отсутствием здесь крупных городов, таких, как Ереван и Ленинакан. Мы уже сказали о частичной редукции оппозиции вареное-жареное в отношении (поминальной) трапезы, проявлением которой является ее продолжение в обычае отмечать семь дней, сорок дней, годовщину, во время которой с хозяйки дома снимается ритуальное осквернение: ей разрешается готовить блюда самой. Благодаря этому все другие трапезы с той или иной степенью отчетливости концентрируются вокруг свадебной трапезы уже как проявление переходной оппозиции вареное (поминки, семь дней, сорок дней, годовщина)—невареное (крестины, обручение, проводы в армию, официальные праздники). Эта переходная оппозиция имеет тенденцию к развитию в оппозицию престижное-непрестижное, вовлекающей в свое поле как бывшие ритуальные, так и повседневные трапезы.

* * *

В целом, говоря об эволюции и структуре трапез в 70-е годы XX века, в первую очередь надлежит указать, что ритуально-сакральные трапезы отмирают, ритуально-мирские сохраняются и получают все большее распространение просто праздничные трапезы, имеющие буднично-досужий и празднично-досужий характер. Такова эволюция и структура трапез в жизни поселенческого коллектива в настоящее время. Естественно, что и поныне существуют амбивалентные по своему характеру трапезы, совмещающие, а иногда и меняющие отношения ритуально-сакральных и ритуально-мирских трапез. Следует отметить, что в связи с общей тенденцией к унификации отмечен в общем-то один и тот же ассортимент блюд для всех регионов.

К числу трапез, имеющих переходный характер от буднично-досужих к ритуально-мирским трапезам, относится такая особо престижная трапеза, как проводы в армию. В этой трапезе уже

нет противопоставления вареное-жареное, но есть своего рода разделение субъектов приготовления по новому признаку. Блюда в основном готовит хозяйка дома, которой помогают родственницы. Это толма, хашлама, плов, соус, вареная или жареная курица. Но приготовление шашлыка по-прежнему остается прерогативой мужчин.

Из трапез, имеющих буднично-досужий характер, отметим день рождения—трапезу, которая не получила широкого распространения. Интересно, что на эту трапезу являются не азг (патронимия) и соседи, а только приглашенные, что также свидетельствует об отмирании азговых отношений на селе. Такой же характер имеют и официальные праздники (8 Марта, 7 ноября, 1 Мая и др.), особые трапезы, в связи с которыми также пока еще не полностью оформлены на селе. Это, как правило, празднично-досужные трапезы, имеющие семейный характер и не получившие определенной позиции в иерархической парадигме престижное-непрестижное.

Но в целом все трапезы группируются в определенную систему:

	престижное	
праздничное	буднично-досужное	буднично-деловое
	непрестижное	

Кроме того, на полюсе праздничного все еще существует противопоставление сакрального мирскому как двум видам праздничного. Региональные трапезы уходят в прошлое, и все трапезы, вне зависимости от былой региональной принадлежности, группируются в данной системе координат.

Зональный анализ трапез

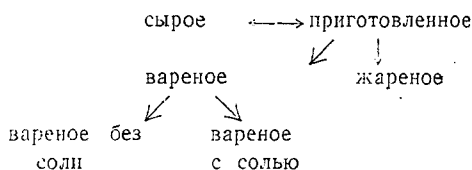
Проследим ту же оппозицию в зонах. Свадебная трапеза проходила обычно в течение трех дней. Хозяйка, которой помогали родственницы, готовила, как правило, хашламу и плов, а мужчины—шашлык. В предгорных и горных зонах готовили также толму и соус. Везде имело место застольное руководство (тамада). В обычае раздельного сидения за столом особых зональных различий не наблюдалось.

Поминальная трапеза проходила непосредственно после полудня. Родственницы хозяйки дома готовили обычно хашламу, а также—на равнине—вареное лоби, кюфту, в предгорной и горной зонах—соус, плов и арису. Дети в трапезе не участвовали. Мужчины и женщины сидели раздельно, и особых зональных различий опять же не наблюдалось. Скорее, наоборот, во всех зонах свадебные и поминальные трапезы противопоставлялись соглас-

но уже рассмотренной оппозиции вареное-жареное, что, безусловно, приводит к выводу о том, что региональные особенности прослеживаются гораздо отчетливее зональных и дают больше возможностей для сравнительно-типологического анализа.

§ 3. О ХАРАКТЕРЕ СИСТЕМЫ ПИТАНИЯ У АРМЯН

В связи с рассмотрением данного вопроса прежде всего дадим схему оппозиций, характерных для армянской системы питания:

Противопоставление сырого приготовленному—это архетип, присущий всем народам и являющий собой одну из ипостасей противопоставления «природа-культура». Как верно замечает Ю. М. Лотман, «основная работа культуры... в структурной организации окружающего человека мира. Культура—генератор структурности» (Лотман, 1971, 146). Весь массив приготовленного в армянской системе питания, в свою очередь, структурируется на вареное и жареное, которые образуют оппозицию с семантикой: вареное как сакральное и жареное как мирское. Такое осмысление связано с тем, что вареное было женским, а жареное—мужским. Женское начало как эндогенное считалось сакральным, в отличие от мужского, экзогенного, мирского.

В свою очередь, уже массив сакрального структурируется на вареное без соли и вареное с солью (см., например, обряд матаха). Вареное без соли мясо опять-таки считалось более сакральным, очевидно, в силу большей архаичности и, тем самым, подвергшееся большей ритуализации. Наличие-отсутствие соли, таким образом, можно трактовать как более сакральное и менее сакральное. О роли соли говорит например, обряд натирания солью новорожденного. Вареное без соли мясо в дальнейшем было субституировано пресным, не мясным (ср. лаваш, багардж). С другой стороны, интересно рассмотреть армянскую терминологию, касающуюся вареного и жареного. Так, для вареного в армянской классификационной системе питания существуют два термина: «хашел» (*խշիլ*) и «эпел» (*եփիլ*). Первый термин по своей этимологии явно связывается с мясным вареным (ср., например, хаш, хашлама), тогда как второй относится к вареному вообще и, можно предпо-

ложить, что он вторичное и более позднее образование. Соответственно, для жареного также существуют два термина: «хоровел» и «тапакел»; из которых первый имеет семантику, связанную с мясным жареным (ср., например, хоровац), а второй относится к жареному вообще. Тем самым можно сделать вывод о наличии оппозиции мясного не-мясному в армянской системе питания. Именно в рамках мясного генерируются оппозиции жареного вареному как мирского сакральному. В силу общей тенденции к ритуализации архаического можно предположить, что именно мясное представляет собой генетически первичный субстрат в армянской системе питания, наряду с которым существовал вторичный субстрат не мясного, а зернового в широком смысле слова, что отразилось в армянской терминологии повседневных трапез: «ац утел» (*հաց և աղ*), что буквально означает «есть хлеб» и говорит о роли немясного в питании армян.

Любопытно отметить при этом следующее обстоятельство. Указанные закономерности в отношении к ритуалам народных культов и различным, связанным с культурой питания поверьям, выводятся нами, если можно так выразиться, среднестатистически. Однако на индивидуальном уровне именно здесь, более чем в других разделах нашей анкеты, ответы респондентов-информаторов могут варьировать сильнее всего. Отдельные лица (в основном пожилые женщины) могут даже в Сюнике, хотя и редко, настаивать на нормах, характерных для Ширака, о которых они могут знать понаслышке и, в силу своей общей религиозной ориентации, воспринимать их как правильные. Чаше встречается обратная ситуация, когда среди людей старшего поколения, знающих о более или менее строгих культовых нормах, хотя далеко не всегда признающих и практикующих их, встречаются люди, которые этих норм себе не представляют. В то же время, на ту часть анкеты, которая касается гражданских ритуалов, например, правил организации современных свадеб или похорон, особых вариаций в ответах не наблюдается, все их представляют себе более или менее однозначно.

Вывод, который можно сделать из этого, таков. В КЖ и, в частности в КП, отражается соционормативная культура (СНК), общепринятые и общепризнанные нормы социального поведения. В настоящее время религиозные нормы, будь то церковная или народная религия, уже никакой целостности в СНК не образуют. Они не только не являются общепризнанными и общеизвестными для этноса в целом или для его локальных групп, но даже если взять в рамках этих локальных групп верующее меньшинство населения, то и оно не образует массива, чье поведение было бы обусловлено едиными нормативами. Для каждого индивида эти нормативы формируются более или менее индивидуально, со

своим множеством и неповторимым набором факторов. Иными словами, социальная норма как таковая в рамках СНК, отраженной в КЖ, на уровне культово-ритуальных норм, уже не существует; существуют лишь ее остатки, или, точнее, разрозненные воспоминания о некогда бытовавшей норме.

* * *

Как можно заключить из всего вышеизложенного, трапезы представляют собой основную смысловую единицу культуры питания так же, как слово представляет собой основную единицу речи, или языковой части культуры. Различные блюда, любые формы снеди, а также отдельные сырые продукты (фрукты, зелень и т. д.) представляют собой в трапезе уровень, аналогичный уровню фонем в слове. Важно отметить при этом, что, подобно тому, как фонемы осмысливаются лишь в противопоставлении, а смысл слова получается путем условной комбинации фонем, точно так же и блюда осмысливаются в противопоставлении и образуют трапезу в своей комбинации. При этом естественно подразумевается, что трапеза в минимуме может состоять из одного какого-нибудь блюда, подобно тому, как бывают однофонемные слова.

Противопоставления, по которым различаются блюда, достаточно многоплановы: вареные и жареные, твердые и жидкие, соленые и несоленые, сладкие и несладкие, а в прошлом также постные и скоромные, сакральные и профанные и т. д. Именно выявляемыми в этих противопоставлениях качествами блюд как отдельных знаков определялась возможность их вхождения в ту или иную трапезу, их место в этой трапезе и смысловое звучание трапезы, составленной из определенных блюд.

Абстрагированную трапезу можно представить в виде комплекса блюд (накрытого стола), аналогичного слову в его словарной форме. Но так же, как слово реализуется в речи благодаря наличию определенной грамматики, так же и трапеза реализуется в потоке бытия благодаря наличию определенного этикета, правил поведения, которые составляют своего рода грамматику трапезы. Как «лексика», так и «грамматика» трапезы подвержены изменениям в ходе времени. Однако характерно, что темпы изменения грамматики в сфере трапез выше, чем в лексике. Кроме того, если трапезы эволюционируют в значительной мере в сторону обогащения, прежде всего составляющими элементами, а также своими вариантами, (хотя некоторые специфические религиозные формы трапез и отмирают), то для грамматики трапез характерна тенденция упрощения.

За рассмотренный в нашем исследовании период материальная организация армянской трапезы существенно изменилась. Раньше

в оформлении трапезы вообще не включался стол, еда сервировалась либо на кюرسی в зимнее время, либо на разостланной подстилке.

Трапезующие сидели вокруг нее на полу, ели в значительной степени руками, отчасти ложками. Хлеб, который в прошлом кощественно занимал гораздо большее место, чем ныне, в значительной степени заменял и тарелку, и ложку. в сочных, жидких блюдах сок впитывался хлебом, более твердые блюда заворачивались в него. В известной мере эти способы потребления пищи, т. е. зачерпывание или впитывание хлебом и заворачивание в него, сохраняются и в настоящее время, представляя собой элементы традиционной этнической специфики в современном армянском застольном этикете. Однако сейчас они выступают лишь как дополнительные, поскольку повсеместно (и в городе, и в деревне), основной стала европейская, урбаническая форма трапезы за столом, сидя на стульях, с помощью ложки, вилки и ножа.

Многokратно усложнились категории столовой посуды. Сервировка в наши дни бывает достаточно сложной, даже при самой заурядной повседневной трапезе. Однако символическая нагрузка, связанная с предметами сервировки, существенно упала и сводится главным образом к оформлению ритуально означенных праздничных трапез дорогой нарядной посудой. Показательно, что такому оформлению придается особое значение на свадьбах, тогда как в поминальных трапезах категория нарядности посуды как бы вообще выключается из восприятия. В прошлом столовая и кухонная утварь была гораздо менее разнообразна, но с нею была связана гораздо более сложная символика, в особенности это касалось солонок, которые по традиции художественно оформлялись и занимали как бы центральное организующее место во всем ансамбле утвари, большая эстетическая и ритуально-этикетная нагрузка падала на поднос («сини») и, наконец, носителем исключительно важного знака был половник («шереп»). В нем особенно ярко проявлялось отражение СНК в культуре питания, ибо он олицетворял функции распределения пищи в семье, принадлежал старшей хозяйке дома, был как бы олицетворявшим ее власть скипетром, к которому не смели прикоснуться младшие женщины семьи.

Еще большее упрощение грамматики трапез мы наблюдаем в половозрастном ролевом распределении. Раньше взрослые дети, мужчины и женщины в процессе принятия трапез четко разделялись. Сейчас это разделение практически исчезло и, хотя средне-статистически можно констатировать, что женщины группируются в большом количестве по одну сторону стола, а мужчины по другую, это деление все же никогда не бывает абсолютным и тем более не носит характера регламентирующего правила. В праздничных

трапезах можно наблюдать определенное возрастание роли тамады, организатора стола, что, возможно, связано с усилившимися межэтническими контактами. Имеет тенденцию к расширению застольное красноречие, ритуал тоста, но в то же время он приобретает менее регламентированный, всецело светский характер, тогда как в прошлом в словесном оформлении ритуально означенных трапез важнейшее место принадлежало религиозным элементам: благословению и прочтению молитвы.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Формы питания и виды пищи каждого народа находятся в теснейшей связи с его хозяйственно-культурными типами. Можно сказать, что весь ХКТ народа в значительной степени определяется набором и способами производства характерных для него пищевых продуктов. ХКТ армянского народа представляет собой развитие того первого в истории человечества производящего хозяйства, которое зародилось в Передней Азии, и, в частности, на Армянском нагорье. С самого начала своего существования это хозяйство было комплексным, сочетающим возделывание зерновых с оседлым и отгонным скотоводством. Многие свойственные армянскому народу традиции обработки зерновых и молочных продуктов, очевидно, восходят к приемам, возникшим в данном ареале тысячелетия назад. Имея столь глубокую давность и сохранив свои основополагающие первоначальные черты до сих пор, армянская система питания в то же время проявила на протяжении истории значительную гибкость и динамичность. И эта динамичность особенно была присуща ей на протяжении последнего столетия.

На рубеже XIX—XX веков основными полевыми культурами в Армении повсюду были пшеница, ячмень, полба, просо, из зернобобовых—фасоль, чечевица, горох, из масличных—лен-кудряш, конопля, отчасти кунжут, рапс. Рожь имелась в предгорной зоне, в равнинной некоторое распространение уже получила кукуруза. Изменения к нашему времени более всего затронули просяные культуры, которые почти повсюду вышли из употребления. Любопытно, что зона возделывания кукурузы как кормовой культуры сильно расширилась, повысилась ее высотная граница, но в пищевой рацион кукуруза, в отличие, например, от Грузии, не вошла. Хотя в прошлом, в голодные годы, в районах возделывания, ее подмешивали в хлеб.

Расширилось в XX в. и возделывание и потребление картофеля, который к концу прошлого столетия хотя и был известен почти повсюду (кроме горных сел), но возделывался в небольших

масштабах. В то же время в прошлом кое-где в трудные годы картофель добавлялся в хлебное тесто.

В настоящее время хлеб печется исключительно из пшеничной муки, как из местной, так и привозной (отметим, что доля привозной выше на крайнем севере и крайнем юге республики). Чистый пшеничный хлеб всегда был престижным, но на деле в прошлом самое широкое распространение имели всевозможные добавки к хлебу—прежде всего ячменной муки, иногда ржаной и просяной, а также льняного жмыха. Весной и летом, когда запасы зерна у многих подходили к концу, выручали добавки к тесту дикорастущих трав—лебеда, крапивы. Хлеб с травами иногда весной выпекается и теперь, но в основном как лакомство-забава. В неурожайные годы пекли лепешки из муки любых других зерновых, прежде всего ячменя, реже полбы и проса. Причем, в предгорной и горной зонах преобладали ячменные добавки, а в долиненной—просяные и кукурузные.

Большое место в питании армян в прошлом занимали крупяные продукты, из которых готовили каши и различные блюда (толма и др.). Эти блюда характерны и для современного питания, хотя удельный вес их в общем питании снизился, но набор круп резко изменился. Ранее преобладающей крупой был пшеничный дзавар, приготавливаемый путем обваривания, высушивания и последующего толчения пшеницы. Это трудоемкая процедура, и сейчас дзавар делают сравнительно в небольших количествах. Почти повсюду практически ушло из питания пшено. Редко готовятся чечевичные каши, которые ранее были характерны для питания армян, особенно в северных районах. Полбяные каши убывают с юга на север—они до сих пор популярны в Сюнике, почти вышли из употребления в Араратской долине, где были хорошо известны ранее, а для северных районов, очевидно, и ранее полба была не очень характерна.

Зато повсеместно распространились покупные крупы, еще более—макаронные изделия. Рис, который ранее употреблялся только в особых случаях, для обрядово-ритуальной или целебной пищи, ныне одна из самых распространенных круп. На конец XIX—начало XX в. в обычное, не праздничное питание даже у зажиточной части сельского населения рис входил только в районах, где ощущалось уже тогда влияние начинавшейся урбанизации—вблизи городских центров, таких, как Ереван и Александрополь, а также в Мегринском районе.

Общеармянским типом печи для приготовления хлеба почти повсеместно служит тонир, а базисным традиционным видом хлеба—лаваш. Лаваш—исключительно удобная и универсальная форма хлеба, допускающая весьма длительное хранение и разнообразные способы употребления—помимо заедания с каким-либо

блюдом, размачивание его в соусе или бульоне, заворачивание в него другой пищи и т. д. Поэтому переход с лаваша на преимущественное употребление караваев сопровождается существенным преобразованием навыков питания.

В настоящее время использование покупного хлеба в той или иной мере проникло в большинство армянских сел, но степень этого проникновения различна. Довольно широко он используется на севере республики, в Шираке, особенно высокогорных селах с преобладающим животноводческим направлением в хозяйстве. В Айрарате и Сюнике покупной хлеб используется в меньшей мере, при этом здесь именно в горных селах он используется меньше всего, а распространен в тех селах, которые уже приближаются по облику к поселениям городского типа, имеют промышленные предприятия или расположены близко к городам.

Способ выпечки хлеба не в тундре, а на садже (сковороде) является привносным в армянской культуре. Им пользовались в трудные времена, для экономии топлива, пекли так пресные лепешки «клоч» и просяные или кукурузные лепешки «чат», в частности на горных летовках. Обычно же садж используют как сковороду для обжарки на нем продуктов типа «похинд» и «ахандз», иногда пекут на нем и сдобную гату. В наши дни гату пекут в духовках, в газовых печах, а клоч и чат вышли из употребления почти повсюду. Различные другие виды хлеба, в форме лепешек или караваев—пахарч, пурник, помби (бокон, пруз—в диалектах), кркени—имеют дополнительное значение. Однако следует отметить, что хотя хлеб для повседневного потребления печется из кислого теста, выпечка хлеба из пресного теста (чалаки), которая иногда ведется наиболее архаичным способом, на раскаленных камнях, имеет ритуальное значение, так печется хлеб для жертвоприношения (матах). Так же как маца у иудеев, чалаки у армян показывают, что глубоко архаичные формы пищи, выйдя из повседневного употребления, сохраняются как ритуально-обрядовые.

Добавки дикорастущих трав в хлеб, или же хлебы, выпекаемые наподобие пирога с ними (ширихов, хянчалов, банджаров, хац, катап и др.), наиболее распространены в Сюнике, менее—в Шираке, в Айрарате встречаются редко. Любопытно, что такая модель хлебопечения в более позднее время была перенесена на картофель—хлеб в смеси с картофелем, как уже говорилось, пекли до революции в голодные годы, а в наше время картофель кладут в катап вместо ширижа.

Ряд мучных блюд (ацик, врош, шпот, махох, биши) сейчас почти вышел из употребления, крупяные каши хариса, хатик также готовятся относительно редко. Характерно, что выходят из употребления главным образом те блюда, которые трудоемки и требуют много времени для своего приготовления, а также те, с которыми,

например, как с просяными, и в прошлом была связана коннотация непрестижности. Можно сказать, что картофель в какой-то мере занял нишу дикорастущих крахмалистых трав и несколько потеснил их, а кукуруза имела тенденцию войти в нишу традиционных просяных культур (как это имело место на Западном Кавказе), а затем вместе с ними была отсечена от системы питания.

Такие традиционные мучные блюда, как гата, халва, хавиц, ршта, продолжают бытовать, так же как и основные крупные традиционные блюда, но ассортимент их расширился за счет появления новых покупных круп, новых рецептов печения, макаронных изделий и прочего. Все эти новые продукты легко вписались в систему питания, так как сходные формы уже существовали в ней традиционно. Исчезающие формы пищи (ацик, шпот и пр.) еще сохраняются в горном Сюнике, наиболее удаленном от городских центров.

В питании армян чрезвычайно ярко выражена сложившаяся еще в неолите и ставшая в той или иной мере характерной для питания всей Европы и Западной Азии двусоставная комплексность хозяйства и быта, ориентированная прежде всего на продукты зернового полеводства и молочного скотоводства, тогда как фруктово-овощные и мясные добавки к пище играют хотя и очень заметную, но по существу второстепенную и дополнительную роль. Между тем сыр считается у армян едва ли не столь же необходимым компонентом пищи, как хлеб, и наоборот, наличие хлеба и сыра позволяет считать, что необходимый минимум потребной человеку пищи налицо. С научно-нутриционистской точки зрения, в общем, такое суждение не лишено оснований.

В конце XIX—начале XX в. все крестьянские хозяйства Армении потребляли молоко и молочные продукты, как правило, производившиеся ими самими. В бедных хозяйствах, естественно, уровень потребления этих продуктов был очень низок, и многие хозяйства вообще не имели своего молочного скота, но в этих случаях они отработывали свою небольшую долю молока в хозяйствах богачей. В настоящее время общий объем потребления молока и молочных продуктов резко вырос, даже в тех районах, которые были, подобно Шираку, наиболее богаты молочным скотом и поставляли молочные продукты на рынок. Однако далеко не все эти продукты сейчас производятся в самих хозяйствах. В селах Арагатской долины хозяйства армянских крестьян уже редко содержат свой молочный скот. Практически все молоко и молочные продукты в готовом виде покупаются либо через государственную-кооперативную торговую сеть, либо у односельчан-курдов, которые стойко сохраняют традицию содержать молочный скот в личном хозяйстве. В Шираке, по оценке наших информаторов, око-

ло половины потребляемого объема молока и молочных продуктов покупается, другая же половина производится в самих хозяйствах. Наконец, в Сюнике в основном хозяйства потребляют производимые ими продукты, но прикупают некоторые их виды, в частности коровье масло для приготовления пищи, а как столовое масло предпочитают домашнее.

Раньше дойный скот включал повсеместно коров, овец, коз, а также буйволиц (их не было или было мало в горных районах и в большей части Сюника). В настоящее время практически не осталось дойных буйволиц, повсюду исчезли либо сократились в числе козы. Сохранились козы в большинстве сел Сюника, но и здесь они малочисленны. Молоко кобылиц и ослиц в свежем виде повсеместно используется в Армении как лекарственное средство при кори и коклюше.

В прошлом для армянского хозяйства было характерно огромное разнообразие молочных продуктов. Многие их виды были связаны с необходимостью запастись белковые компоненты молока на зиму (как чортан) или утилизировать отходы от основных производств—маслобойного и сыроваренного. С переходом на покупные продукты и с сокращением домашних производств эти виды продуктов, естественно, выпадают из систем питания, и в ней остаются лишь основные виды продуктов—масло, сыр, мацун. При домашнем приготовлении в принципе почти любые продукты могут изготавливаться из любого молока, а также разные сорта молока могут смешиваться, но обычно козье и овечье молоко предпочтительно используют для сыроварения. Иногда эти сорта молока пьют, как и коровье, в свежем виде.

В Араратской долине и в конце XIX века ассортимент молочных продуктов был ограничен. Например, изготовление чортана сюда было занесено беженцами из Западной Армении в 1915 году. К побочным продуктам сейчас отношение изменилось. Так, в Шираке побочный шор если и получают, то чаще скармливают домашней птице, а в пищу не употребляют, реже употребляют в пищу и лор. В Сюнике в наибольшей степени сохраняется традиционное многообразие молочных продуктов. Что касается различий между горными и долинными деревнями, то в рамках каждого района оно невелико, хотя в горных деревнях упор на молочное хозяйство и степень сохранения традиционного спектра молочных продуктов и может быть несколько выше.

В потреблении мяса всеобщая закономерность такова, что если в XIX в. почти всюду преобладало потребление баранины, а говядина стояла на втором месте, то ныне эти сорта мяса поменялись в потреблении местами. Разумеется, здесь отразилось и то обстоятельство, что в конце прошлого столетия большая часть потребляемого мяса производилась в хозяйстве, и это, естественно,

была баранина, так как забой крупного рогатого скота могло себе позволить далеко не каждое хозяйство. Говядина, а в некоторых селах и свинина прикупались для зимних запасов. Но в селах Араратской долины уже тогда говядина вышла на первое место в потреблении.

Из других видов мяса, ранее широко употреблялась козлятина, которой сейчас почти не стало. Сюник, более других районов Армении сохраняет архаичные черты в питании, и здесь в большей степени, чем в других районах, еще продолжается потребление козлятины. Еще в начале XX века во всех обследованных районах свинина либо не потреблялась вовсе, либо потребление ее было очень незначительно. Некоторое исключение составляют высокогорные села с наиболее холодным климатом, где свинина запасалась на зиму тушами. Основной же формой запаса мяса была каурма, как говяжья, так и баранья. В настоящее время каурму в очень небольших размерах заготавливают в Айрарате, в несколько больших—в Сюнике, и практически почти не заготавливают в Шираке.

Потребление буйволятины было повсеместным, но ограниченным; в ряде мест к ней относились с предубеждением, хотя во многих селах Айрарата из нее иногда даже делали каурму. Охота и потребление мяса дичи всюду играли очень ограниченную роль (причем все убывавшую с течением времени; несколько расширилась в последние годы на юге Армении добыча дикобраза, мясо которого едят). Растет потребление мяса домашней птицы, причем в горных селах, где раньше имелись только куры, в наше время распространились индюшки, гуси, утки.

Как видно из вышеизложенного, в крахмалистой, молочной и мясной пище армян и в прошлом было много единообразия, а различия, как региональные, так и зональные, были сравнительно невелики.

Иначе обстоит дело с фруктово-овощным компонентом питания. Будучи древним, широко распространенным и существенным для питания многих групп населения, он тем не менее лишь за годы советской власти стал всеобщим и обязательным и может ныне рассматриваться как этнический специфичный для армянского образа жизни. В первых же десятилетиях XX в. не только в большинстве горных селений, но и во многих равнинно-предгорных, плохо обеспеченных водой, почти не было своих овощей и фруктов, закупка их была весьма незначительна, и, таким образом, фруктово-овощной компонент в пище жителей этих селений был несуществен. Восполнялся он в этих селах лишь за счет дикорастущих съедобных растений. Сравнительно широко было распространено, за исключением наиболее высокогорных сел, лишь потребление зеленой фасоли.

В этих селах в начале XX века делались запасы покупного картофеля, капусты, репчатого лука, иногда сушили покупную зелень и употребляли в пищу свежую в сезон, но все это было характерно лишь для относительно богатых хозяйств и рассматривалось как определенная роскошь. На севере Армении, в горных селах, картофель начал распространяться раньше, чем на юге. В равнинных, в конце XIX—начале XX в., он был известен почти повсюду, но потребление его было ограниченным, и способы использования не отличались разнообразием. Прежде всего его пекли в золе или на шампурах, отчасти варили. Распространение разнообразных кулинарных способов употребления картофеля произошло уже в течение первой половины нашего столетия.

Весьма широко была распространена пряная зелень. Она закупалась в тех селах, где ее не возделывали, но сушили покупную на зиму. Способы обработки, хранения, использования пряной зелени такие же, как дикорастущей. В ряде случаев возделываются виды, близкие к диким, так что наличие пряных и ароматических трав в армянском народном питании можно рассматривать как продолжение и развитие общеармянской этнической традиции использования в пищу дикорастущих трав.

Что касается овощей, то их ассортимент сильно различается в зависимости от высотной зональности и водообеспеченности. Капуста, тыква, свекла, редька распространены наиболее широко и являются давними компонентами питания. Более ограничена область распространения теплолюбивых овощей, таких, как помидоры, баклажаны, бамя, которые выращиваются в равнинных селах.

Расширение ареала возделывания овощей, которое охватило сейчас почти все села, кроме высокогорных, началось уже в советские годы. В наши дни широкое потребление овощей считается необходимым условием нормального питания во всей Армении, и в тех селах, где их производства нет (или оно недостаточное), овощи в больших количествах закупают как для потребления в свежем виде, так и для заготовки на зиму в виде солений и в новой, распространившейся уже в последние десятилетия форме—закатанными в банки.

Консервирование позволило чрезвычайно расширить ассортимент и сроки потребления всевозможных овощей.

Благодаря внедрению зимостойких сортов фруктовых деревьев, существенно повысилась и высотная граница распространения фруктовых садов. Фрукты, как свежие так и запасенные различными способами, стали непременным компонентом питания во всех селах. Для сравнения можно сказать, что еще в начале XX века в горных селах считалось признаком определенной роскоши и престижности, если гостям подавали плоды лоха (пшат). Фрук-

ты запасаются впрок также в виде законсервированных компотов, джемов и варений. Кстати, варенья делаются также из некоторых овощей (баклажанов, тыквы, помидоров). В досоветский период в некоторых селах Армении отсутствовали навыки приготовления варенья. Лишь в районах традиционного фруктоводства, к тому же ранее других ощутивших процесс урбанизации (например, Мегри), издавна существовало приготовление варенья, причем только из сливы и черешни. Лишь позднее ассортимент фруктов, идущих в варенье, чрезвычайно расширился.

Традиционным в Армении способом заготовки фруктов на зиму, широко применяемым и теперь, всегда было сушение фруктов. Из других способов использования фруктов следует отметить приготовление сироп (дошаба) из шелковицы (туты) и винограда, чучел или суджух из сироп, алани из персиков, начиненных орехом, тту лаваш (пастех) из слив для придания пище кислого вкуса. Распространение новых способов консервации потеснило старые, которые, сейчас продолжают применяться, но в меньших масштабах. В заключение можно сказать, что в потреблении овощей и фруктов и продуктов из них, а также в приготовлении блюд с фруктово-овощными компонентами в советский период действовала выравнивающая тенденция, подтягивающая питание горных сел, бывшее в этом отношении скудным, до уровня сел с развитым овощеводством и фруктоводством, превращающая этот новый уровень в общеармянский.

Уже неоднократно отмечалось, что для армянского сельского образа питания чрезвычайно характерно потребление широкого набора дикорастущих растений. Это прежде всего пряные, ароматические и салатные травы, а также ягоды (малина, кизил, шиповник), лесные орехи, грибы и другие растения. Набор их варьирует в зависимости от ландшафта и типа местной растительности, но многие травы распространены повсеместно. Бохи (гипомаратрум), потребляемый в соленом виде, считается настолько необходимым, что в равнинных селах, где он не произрастает, его закупали и закупают в большом количестве.

Разные травы кладут в хлеб и гату, едят в сыром виде, как салат, варят, жарят, солят. Ароматические травы сушат, употребляют как приправу, как добавку в чай или вместо чая. В современном потреблении дикорастущих растений имеются две тенденции. Ряд растений, произрастающих как сорные травы на полях, в связи с совершенствованием агротехники, химизацией сельского хозяйства, стал встречаться реже. В ряде мест некоторые употреблявшиеся нерегулярно травы выпали из пищевого набора. С другой стороны, появление способа закатывания в банки и доступность сахара расширили возможность консервации дикорастущих растений, особенно ягод, которые теперь не только потребляют све-

жими и сушат, но делают из них соки, компоты, варенья, вино, а сахарные сиропы делают и на отварах пряных трав.

Важное место, которое ароматические травы, будь то дикие или культурные, издавна заняли в народном питании армян, видно из того, что практически повсюду их называют основным и совершенно необходимым видом пряностей для приготовления пищи. Столь же важное место повсюду занимает красный перец. В южных районах и в теплых придолинных зонах важнейшей пряной зеленью считается кориандр (кинза), в более высоких и северных районах—укроп (самит). Покупные пряности—черный перец, лавровый лист—вошли в кулинарный обиход относительно недавно (особенно лавровый лист) и не считаются необходимыми компонентами. В то же время следует отметить, что в новейшее время широкий ассортимент пряных культурных трав, характерный в прошлом лишь для наиболее теплой зоны Армении, распространяется и в других климатических районах. Во всяком случае, тенденция к расширению ассортимента пряностей наблюдается повсюду. Из вкусовых приправ соль стоит не просто на первом месте, а, можно сказать, на первом. Значение ее всячески подчеркивается, она по церемониалу является непременной принадлежностью всякого стола, и такое почти сакральное отношение к соли было характерно для армян с древности. Что касается других приправ, то можно отметить широкое употребление сухофруктов, кислого лаваша, винного уксуса. Те хозяйства, которые не производят, в силу климатических условий, этих продуктов сами, закупают их (для приготовления уксуса закупают вино, в наши дни употребляют и покупной фабричный уксус). В селах северной Армении и в зонах большей высотности наряду с уксусом и более него употребляется свекольный маچار. В то же время эти компоненты не считаются абсолютно необходимыми для сбалансированного питания. Основной системой трапез можно считать трехразовую, хотя в прошлом (особенно в бедных семьях, в летнее время, в сезон полевых работ) питание часто бывало и двухразовым. С другой стороны, зимой, особенно в холодных северных и высокогорных районах, встречалось и четырехразовое питание.

Трапезы в большинстве местностей не имели специального названия—они называются утренней, дневной, вечерней едой (блюдом, хлебом). Состав обеда варьировал и варьирует в зависимости от района и природной зоны, но все же общие черты в нем—это преобладание молочно-крупяных и овощных (особенно фасоли) блюд летом и крупяных с мясом блюд—зимой. Ранее зимой, особенно в горных селах Ширака и Сюника, широко употреблялись блюда из чортана, ныне менее употребительные. В наши дни питание стало несравненно богаче и обильнее, широкое распространение получили разные блюда из картофеля (пюре, жареный),

котлеты, бѳрщи, а также такие блюда, как мясная толма, плов, кюфта, бозбаш, ранее бывшие преимущественно праздничными, а ныне ставшие повседневными. В зимнем питании заметное место повсюду заняли всевозможные домашние консервы. Расширение потребления мясных блюд произошло естественно, за счет некоторого сужения молочно-крупяных.

Для приготовления пищи традиционно использовали тонир, дополняемый открытым очагом в летнее время, для импровизированной трапезы. Однако в Сюнике тонир использовали только для выпечки хлеба, заготовки каурмы и др., обычно же готовили на очаге или камине (бухари). В северных районах Армении камин был принадлежностью богатых домов и для приготовления пищи им пользовались реже. В настоящее время повсюду пользуются газовой плитой, а импровизированные очаги и тонир используются для специальных блюд и случаев, а также при больших размерах стряпни.

В диетологических народных воззрениях во всей Армении наблюдается значительное сходство. Об использовании кобыльего и ослиного молока уже говорилось выше. Вообще горячее молоко или горячий спас (кисло-молочный суп) повсюду рекомендуется больным, равно как отвары мяты и других ароматических трав. Всюду, в том числе и в горных деревнях, дошаб (тутовый сироп) хранится как лечебное средство и используется при простуде. Больным не рекомендуется всякая грубая и тяжелая пища, рекомендуется вареный рис, которому приписывались в прошлом и престижные, и сакральные, и целебные качества. В питании для беременных женщин нет никаких ограничений, роженицам же некоторое время (от недели до сорока дней) запрещено мясо. Запрет этот имел религиозный оттенок, так как иногда распространялся на всю семью роженицы. Рекомендуется роженицам хавиц, сладкое, горячие напитки (не рекомендуется пить холодную воду). Несмотря на то, что вообще яйца и блюда из них часты в армянской пище, тем не менее характерно, что среди продуктов, вредных для больных и детей, в первую очередь называются яйца, а затем вообще тяжелая и жирная пища. Довольно часто среди продуктов, подлежащих ограничению, называются огурцы.

Из напитков в конце XIX века практически во всех армянских селах было известно употребление чая, хотя часто так называли и называют отвары местных трав, бытовавшие издревле. Собственно чай еще в начале XX века был довольно дорогим и престижным напитком.

Обычным прохладительным летним напитком служит тан (пахта) или мацнов тан (разведенный в воде кислый мацун), на севере называемый чаклама. В наши дни их потребление несколько сузилось за счет потребления покупных напитков—лимоиана, пи-

ва, минеральных вод, домашних компотов, соков, а нередко и просто воды. Почти повсюду, кроме высокогорных районов, издавна было распространено производство и потребление тутовой водки, в долинах водку делали из выжимок винограда и других плодов. В долинных и предгорных деревнях широко было распространено потребление вина, в горных—вино было покупным и считалось роскошью. В селах Араратской долины вино обычно потреблялось круглый год, а водка—более зимой; в Сюнике вино, как правило,—с октября по май, водка же круглый год. В настоящее время повсюду наблюдается относительное снижение потребления вина и возрастает потребление водки. В первой половине XX века ассортимент плодов, из которых готовят водку и плодовые вина, расширился, тогда как доля виноградной водки и виноградного вина во многих случаях упала.

Приготовление пищи считалось в основном женским делом, при этом довольно ревниво оберегался приоритет старшей женщины в доме, прежде всего свекрови, которая долго не допускала к этому делу невесток. В настоящее время чаще всего основной хозяйкой кухни является невестка. Любопытно, что в селах, куда урбанизация проникла рано (например, в Мегри), такое положение наблюдалось уже в начале нынешнего столетия.

Мужчины иногда готовят пищу в поле, мужчина-повар распорядается приготовлением праздничной пищи для большого числа гостей (как на свадьбах), кроме того, прерогативой мужчин всегда было приготовление шашлыка и других вертельных жарких. В настоящее время мужчины иногда берут на себя функции приготовления пищи в доме, а также в большей степени помогают женщинам в приготовлении зимних запасов (ранее их роль в этом деле ограничивалась разделкой мяса для каурмы), в зависимости от степени урбанизации данного села.

Если взглянуть на армянскую пищу с точки зрения структурной типологии «пищевого треугольника», то в наиболее архаичной форме в вершине «сырого» окажутся дикорастущие растения, которые в дальнейшем дополнялись культурными овощами и плодами, в вершине «ферментированного»—молочные продукты, в вершине «вареного»—зерновые продукты, с некоторым перенакладыванием полей всех этих трех категорий. И четко противопоставляется всему этому категория «жареного». Следовательно, в структуре армянской пищи в целом сохраняется еще наследие эпохи охоты (как мужского занятия) и собирательства (женского), причем с появлением производящего хозяйства его продукты по осознанию примкнули к полюсу собирательства.

Противопоставление вареного и жареного четко проявляется в ритуальной сфере. С жареным связана коннотация светского и радостного, с вареным—сакрального, торжественного, траурного.

Соответственно в поминальной трапезе ранее допускались только вареные блюда из мяса. Традиционная армянская поминальная трапеза была очень скромной и не несла престижных функций, которые в основном были сосредоточены в свадебной трапезе.

В последние десятилетия поминальная трапеза приобрела такие же, если только не большие, престижные функции, как и свадебная и соответственно наблюдается стирание разницы между ними в наборе блюд. Дольше всего не допускались на поминальную трапезу, и в большинстве случаев не допускаются до сих пор сладости и жареное мясо, но в наиболее урбанизированных селах даже этот запрет иногда уже оказывается сломленным.

Тот же запрет на жарение существовал по отношению к мясу жертвенных животных, и опять-таки в наиболее урбанизированных селах он сейчас соблюдается менее строго.

Однако любопытно, что отношение к костям жертвенных животных не совпадает со степенью урбанизации, а подчиняется иным, региональным закономерностям: в Сюнике, издавна отличавшемся малой религиозностью, даже в наименее урбанизированных селах их обычно выбрасывали еще в конце прошлого века, в Араратской долине, как правило, закапывали, а наиболее бережное и почтительное отношение наблюдалось в Шираке, где пережитки глубокой религиозности держались и отчасти еще держатся крепче всего. Здесь их закапывали, а в ряде мест (факультативно или обязательно) сжигали.

Что касается повседневных аспектов организации питания, то правила поведения за столом, как повседневным, так и торжественным, более или менее одинаковы по всей Армении и заключаются в ориентации на сдержанность, уважительное отношение к старшим по возрасту, а за торжественным столом—внимание к указаниям тамады. В старину женщины и особенно дети не могли присутствовать за одним столом с мужчинами, лишь для особо старших по положению и возрасту и соответственно уважаемых женщин иногда допускались исключения. В настоящее время в повседневных трапезах повсюду участвуют и женщины, и дети. Что касается торжественных трапез, то можно наметить ряд этапов в отходе от этих ограничений. В максимальном случае ограничений нет вообще, хотя дети обычно в поминальной трапезе все же не участвуют. Такая ситуация наблюдается в наиболее урбанизированном из исследованных селений, в Мегри, где и в начале XX века ограничений на участие женщин в трапезе не было.

Несколько более строгое ограничение, когда старшие женщины сидят попеременно с мужчинами, а молодые на одном конце стола или за отдельным столом.

Еще более строгое ограничение, когда все женщины сидят вместе в одной стороне стола. Наконец, в ряде сел женщины на

поминках вовсе не участвуют. При этом в порядке свободы присутствия и поведения трапезы распределяются в следующем порядке: повседневные наиболее свободны, затем идут свадебные, затем товарищеские встречи, и наконец, поминальные как наиболее строгие. Любопытно, что уровень строгости ограничений не всегда прямо коррелируется со степенью урбанизации села. В ряде случаев села, более урбанизированные по другим показателям, сохраняют относительно большую строгость ограничений. С другой стороны, хотя в большинстве отношений Сюникский регион сохраняет больше черт архаики в составе пищи и в отношении к ней, тем не менее в правилах присутствия на трапезе (как, впрочем, и в отношении к остаткам жертвенной пищи), здесь для региона в целом характерна наименьшая строгость ограничений.

Высокая степень нивелировки и унификации типа питания на территории Армении в наши дни позволяет сделать вывод, что потребности ее сельского населения стали в основном едины. Природные различия не настолько существенны, чтобы вызвать различия в типе питания, ибо и ранее они влияли на него не столько непосредственно, сколько через экономику, т. е. тип хозяйства. Но даже в наши дни различия, в частности в исходных продуктах, отражают разные природные возможности отдельных районов.

Есть определенные тенденции, которые мы можем наблюдать при анализе исторических изменений, происходящих в пище армянских крестьян за те примерно 80—90 лет, которые покрываются нашим исследованием. В частности, в пище отражается та же потребность, которая отразилась и в жилище: отказ от трудоемких, требующих значительного времени работ, тяготение к нововедению, если оно способствовало снижению трудовых затрат на быт. Значительную роль играют и престижные соображения, выражающиеся при этом не в излишествах, а в повышении культуры и гигиены питания. Опять-таки при этом имеет место унификация потребностей: житель гор считает необходимым иметь в своей пище те же компоненты, что и житель равнин. Конечно, в этом отражается рост научного подхода к пище, забота о здоровье, в частности представление о важности витаминов, но все-таки не последнюю роль играют престижные моменты.

В прошлом в питании армянских крестьян имелись весьма существенные зонально-экологические различия. В пище жителей хорошо орошаемых участков равнин и долин важное место занимали фрукты, овощи, виноградные продукты, тогда как жители засушливых областей и высокогорий питались почти исключительно зерновыми продуктами с дополнением молочных и в меньшей степени—мясных. Сейчас можно сказать, что эти различия практически не имеют места. Во-первых, огромные работы по обводнению прежде засушливых районов привели к тому, что основные

овощи на личных участках можно выращивать почти повсюду. Во-вторых, успехи селекционной работы создали новые морозостойкие сорта фруктовых деревьев, которые позволили продвинуть далеко в горы верхнюю границу фруктового садоводства. В-третьих, резкий рост материального благосостояния, получение доходов в денежной форме, развитие межрайонных торговых связей позволяют без особых затруднений закупать необходимые виды фруктов и овощей даже жителям тех сел, где эти виды не произрастают.

Расширение потребления фруктов и овощей и повсеместное распространение этого потребления—один из факторов унификации формы питания армянских сельских жителей.

Существенным фактором изменения образа питания явилось повсеместное распространение холодильников и, в еще большей степени, приспособлений для домашнего баночного консервирования. Эти нововведения в значительной степени сузили сферу традиционных способов заготовки продуктов впрок, особенно тех, которые были наиболее трудоемкими. Традиционные способы, такие, как сушение фруктов, варка сиропов и варенья, упаривание сока в сладкую и кислую пастилу, продолжают использоваться, но их абсолютный и относительный удельный вес упал за счет получившего широчайшее распространение домашнего консервирования. Этот способ позволяет запасать и такие продукты (скажем, зеленую фасоль), которые раньше консервации не поддавались. Все это существенно расширило и обогатило спектр и качество питания, особенно зимнего.

Расширение спектра питания идет, далее, за счет превращения региональных блюд в общеармянские и обогащения традиционной кухни рядом новых заимствованных блюд русской, грузинской и др. кухни. Однако эти блюда преобразуются на местной почве благодаря использованию новых для них местных ингредиентов, особенно различных видов пряной зелени. Следует отметить опять-таки, что заимствуются не любые блюда, а главным образом относительно нетрудоемкие, позволяющие быстрое приготовление и длительное хранение в холодильнике. Напротив, традиционные трудоемкие блюда обнаруживают тенденцию к уменьшению своего удельного веса. Снижается качественное разнообразие и абсолютный объем домашней консервации мясных продуктов, прежде всего потому, что покупное мясо заняло в хозяйстве гораздо большее место, и в принципе может быть доступно круглый год, так же, как и многие мясные продукты (колбасы и др.).

Несколько снизился и ассортимент потребляемых видов молочных продуктов, за счет того, что некоторые специфические творожные продукты получались как побочные при домашнем маслоделии. С переходом молочного животноводства с домашнего

преимущественно на крупномасштабные коллективные формы технология изменилась. С другой стороны, расширилась сезонность потребления молока и молочных продуктов: из преимущественно весенне-летнего оно стало по существу круглогодичным. По этой же причине сузились масштабы и распространенность заготовки на зиму сухого творога-чортана. Сохраняется явное предпочтение сыров и масла домашнего приготовления покупным. Как уже говорилось, покупное масло используется для приготовления пищи, а для потребления за столом отдается предпочтение домашнему.

Повсюду наиболее ценным видом хлеба остается домашний, выпекаемый в тундре, лаваш, но количественно преобладает готовый хлеб. В настоящее время хлеб печется только пшеничный, добавки ячменной и других видов муки вышли из употребления, практически исчезла из хлебопечения и сократилась в кашеварении молба, сузилась, при этом резко, почти до полного исчезновения, роль проса, несколько снизилось потребление пшеничных круп, зато резко возросло и стало обыденным потребление риса, который ранее ассоциировался главным образом с ритуальной и праздничной пищей.

Ныне мало употребительны виды выпекавшихся помимо лаваша лепешек, зато сильно расширился ассортимент всевозможных сдобных печений.

Употребление в пищу различных дикорастущих растений продолжает оставаться широким, но все же обнаруживает тенденцию к снижению, в связи с все более расширяющимся ассортиментом и обилием культивируемых овощей, относительной трудоемкостью заготовки дикороста, и наконец, потому, что в связи с повышением культуры агротехники многие виды сорных трав, в молодом виде охотно употребляемых в пищу, стали встречаться гораздо реже.

Существенно изменился, стал проще и демократичнее ритуал повседневной трапезы. Ранее приготовление и распределение пищи было ревностно охраняемой прерогативной свекрови; невестки не допускались к половнику, дети и женщины не могли есть вместе с мужчинами; теперь же все эти запреты и ограничения потеряли свое значение и отошли в прошлое.

Что касается ритуально-церемониальных аспектов питания, то церемониал как повседневных, так и большинства праздничных трапез в наши дни повсеместно нивелировался и стал сходен с городским, так же, как и число, время приема и распорядок трапез. Ранее для армян был характерен сравнительно легкий завтрак, преимущественно из хлеба и сыра, более плотный обед и плотный ужин, часто из блюда, оставшегося с обеда.

Сейчас питание более равномерно распределяется по всем трем трапезам, поскольку холодильник позволяет разогреть утром солидную пищу, приготовленную накануне. Обед приурочивается

к перерыву в рабочем дне. Последнее связано с тем, что условия и нормированное время труда в городе и деревне, если и не стали полностью идентичными, то, во всяком случае, существенно сблизились. Однако нельзя сказать, что уровень урбанизации в отношении к пище повсеместно одинаков. Если на уровне повседневного питания существенной разницы выявить не удастся, то на уровне ритуальных трапез можно заметить существенную разницу между селом и городом, а также, между селами, относительно давно или недавно прошедшими процесс урбанизации образа жизни. Баланс консерватизма и модернизации по отношению к ритуальной трапезе в них различен, и особенно это заметно на примере свадебных и поминальных трапез.

Свадебная трапеза, как и прежде, стоит на первом месте в ряду иерархии престижности ритуальных трапез. В дореволюционное время свадьбы ложились тяжелым бременем на малоимущие семьи. В наши дни общий рост благосостояния народа позволяет справлять более пышные и торжественные свадьбы. Наряду с этим идут поиски такой формы обряда, которая не наносила бы престижного урона молодой паре, но и не требовала бы непомерных расходов. В городах начинает распространяться отъезд молодых в свадебное путешествие, при этом праздничный пир принимает более легкую форму. Однако на селе подобное проведение свадьбы еще не привилось. Здесь чаще имеет место сговор молодых и инсценировка похищения, после которого следует «примирение» семей жениха и невесты. В этих случаях трапеза ограничивается узким кругом близких родственников. По уровню распространения такого рационального отношения к свадебным расходам можно судить о степени урбанизации данного села, которая в чисто материальной сфере может не отличаться от других. Как видим, модернизация быта, выражающаяся в росте денежных возможностей и свободного времени, досуга, опережает психологическую модернизацию.

Рациональные соображения такого рода, так же, как и варианты упрощенных форм, менее приложимы к поминальной трапезе. Поэтому поминальная трапеза, которая в старом армянском селе отличалась большой простотой и скромностью, теперь собирает столь же широкий круг гостей, как и свадьба, и проводится так же пышно.

В армянской традиционной трапезе семантика сакрального была связана с вареным мясом, а с жареным связывалась семантика веселья. Степень модернизации поминальной трапезы в том или ином селе или районе можно проследить по постепенному ослаблению строгости ограничений, не допускающих на поминальной трапезе употребления жареного мяса (жареное на вертеле ограничивается строже, чем жареное на сковороде), фруктов, сладостей,

коньяка. С последним в современной ценностной системе семантика мужского веселья связана наиболее стойко, но кажется, что модернизация разрушает постепенно и это новое по своему происхождению табу. Что касается противоположной тенденции психологической модернизации, имеющей целью ограничить нерациональные траты, то в этой сфере она еще только начинает проявляться.

В заключение следует отметить, что хотя традиционная материальная культура армян исследовалась давно и интенсивно, изучение ее в культурологическом аспекте только начато, и сделать в нем еще предстоит многое. Сопоставление систем жизнеобеспечения города и села в разные периоды и в разных социальных группах может существенно способствовать пониманию процессов модернизации эволюции системы ценностей, внутритрадиционной интеграции и межнационального сближения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В изложенных выше разделах этой книги авторы стремились, синтезируя идеи и методы культурологии и этнографии, на материале армянской сельской культуры дать анализ функционирования той ее части, которая названа здесь культурой жизнеобеспечения. Сформулировав положенную в основу исследования точку зрения на культуру в целом как специфически человеческий способ деятельности и универсальный механизм человеческой адаптации общества, мы постарались теоретически обосновать выделение культуры жизнеобеспечения в общем комплексе культуры, выявить ее соотношение с другими структурными составляющими культуры этноса, установить основные задачи и принципы ее изучения. Затем, на материале конкретных полевых этнографических исследований по пище, жилищу и поселениям армян конца XIX—70-х гг. XX в. мы попытались дать такую картину вариативности и эволюции армянской сельской культуры во времени и пространстве, которая представляла бы собой известный, пусть первый и небольшой, шаг от традиционного этнографического исследования к построению системной модели этнической культуры в целом.

Прежде всего нужно заметить, что в таком цельном, хотя и достаточно сложном феномене, как культура жизнеобеспечения, можно выделить пять видов соотношений: по этнокультурным регионам, в рамках которых велось исследование; по ландшафтным зонам; по хронологическим периодам; между различными имущественно-социальными слоями, и наконец, соотношения культуры жизнеобеспечения и отдельных составляющих ее элементов с другими подсистемами культуры и их элементами.

Сама по себе констатация того, что элементы культуры этноса, в принципе достаточно единой и целостной, варьируют по зонам, регионам и периодам, не содержит в себе ничего нового; более того, априорная убежденность в наличии такой вариативности и предопределила характер данного исследования. Однако интересна уже констатация того установленного проведенным исследованием факта, что для разных элементов культуры характерна большая или меньшая вариативность в разных плоскостях: в пище, например, зональные различия существеннее, чем региональные,

но проявляются они не столько в трапезах и блюдах, сколько в продуктах и способах хранения; в жилище и поселении, напротив, региональные отличия существеннее, чем зональные. Эпохальные, типологические изменения происходят в жилище и отчасти в поселении более резким, скачкообразным способом, нежели в пище, и т. д. Подобные выводы, несомненно, возможны при подходе, обычном для традиционного этнографического исследования. Но в этой связи очень важно учесть, что подобные исследования, как уже говорилось выше, обычно рассматривают основные составляющие компоненты всей системы жизнеобеспечения порознь, что не дает возможности использовать материалы таких исследований для методически достаточно строго и систематического сравнительного анализа этих компонентов. Между тем, подобный сравнительный анализ позволяет прийти к весьма интересным и не столь уж тривиальным выводам.

В частности, заслуживает внимания в этом плане то наблюдение, что все отмеченные выше типы соотношений в исследованных нами явлениях выступают не как вполне ортогональные (независимые), а в заметной мере коррелируются между собой. Так, региону в целом оказываются присущи качества преобладающей зоны (равнинной в Айрарате, предгорной в Сюнике, горной в Шираке); одна из зон, равнинная, выступает в качестве эталона, на который равняются и в направлении которого постепенно эволюционируют и пища, и жилище остальных зон; характеристики равнинной зоны совпадают с региональной характеристикой Айрарата, который выступает как усредняющий вариант между Шираком и Сюником и одновременно более продвинул в плане урбанизации (причем зародыши этих урбанистических сдвигов заметны еще в дореволюционный период). Короче говоря, оппозиции горный—равнинный, периферийный—центральный, бедный—богатый, отсталый—развитой оказываются отчетливо скоррелированными, и культура этноса в целом, развиваясь в прогрессивной тенденции, одновременно идет ко все большей унификации. Это объясняется тем, что вариативность сосредоточена в основном в левых членах этих оппозиций, а правые члены оппозиции выступают в качестве референтных вех для левых.

Бинарные оппозиции разного рода и помимо этого постоянно выявляются в анализе элементов культуры жизнеобеспечения. Рассмотрение отражения в ней соционормативных и гуманитарных (например, эстетических) функций культуры в данном исследовании осуществлено путем трактовки символического содержания жизнеобеспечивающих элементов как знаковой системы со своим определенным алфавитом и грамматикой. При этом можно усмотреть, во-первых, не снижение, а повышение ритуально-знаковой нагрузки на компоненты жизнеобеспечения (диверсификация ас-

сортимента престижных блюд, повышение эстетической функции в общих затратах на жилище, появление эстетической и престижной функции у центра поселения и даже поселения в целом). Вторых, это повышение знаковости связано с общим обмирщвлением (секуляризацией), десакрализацией культуры, когда культурная, сакральная ее часть теряет свое значение и выраженность знаковости распространяется на все мирское; соответственно оппозиция «мирской—сакральной» (с которой связано множество других более частных оппозиций) переходит в оппозицию «престижный—непрестижный».

Очень важным и тесно связанным с культурологическим подходом представляется нам тот результат, что во всех сферах жизнеобеспечения можно выделить элементы с той или иной степенью престижной означенности. При этом выявляется ценностная характеристика ядерных и периферийных элементов каждой подсистемы в данной сфере. Еще более важно то, что при диахроническом подходе каждая подсистема культуры жизнеобеспечения теряет свою иллюзорную стабильность и выступает в динамике, а именно: одни элементы, в прошлом престижные, эту престижность с определенной закономерностью теряют, а другие ее обретают, реконституируют, или же для выполнения престижной функции вводятся культурные инновации.

Именно культурологический подход позволил, пусть даже, в силу неполноты материала, в приближенной и ограниченной мере, представить каждую жизнеобеспечивающую подсистему как систему, в которой имеются доминирующие или ведущие, второстепенные, третьестепенные и дополнительно-служебные компоненты. Причем изменение в каждом из них влечет за собой компенсаторное изменение, если не во всех прочих компонентах, то во всяком случае в тех, которые относятся к ним как спаренные (гомологичные, субституционные, комплементарные).

Это конкретно можно проследить в пище на динамике баланса зерновых, на соотношении фруктовых и молочных, овощных и мясных продуктов. Известным достижением является уже и то, что удалось выявить саму эту парность или комплементарность отдельных компонентов в системе. С другой стороны, приходится констатировать, что выявить до конца функционирование культуры жизнеобеспечения в целом, как единой системы, нам в настоящем исследовании не удалось. Хотя в ряде случаев ясно, что изменения в системе питания (замена своих молочных продуктов покупными, переход от лаваша к подовому хлебу и т. д.) влияют на структуру жилища и поселения (на хлева, тонирные помещения и пр.), но вполне целостной картины их взаимосвязи на базе этих выводов все же не складывается. В частности, обратное влияние, т. е. жилищной сферы на пищевую, прослеживается еще слабее, хотя и

оно имеет место: с выводом тонаира за пределы комнаты, с исчезновением камина-бухари падает вплоть до почти полного исчезновения доля тонирных и запеченных в золе блюд. Однако несомненно, что изменения в пище гораздо менее сильны и более постепенны, нежели в жилище. Эти изменения могут и не находиться в соотношении аргумента и функции. Очевидно, в большинстве случаев, даже когда между ними можно обнаружить прямую корреляцию, в обеих сферах они являются параллельными производными от изменений, происходящих в других сферах культуры, и прежде всего, разумеется, в производственной, т. е. в конечном счете в экономике.

В целом создается впечатление, что различные сферы культуры жизнеобеспечения, даже такие тесно связанные, как пища и утварь, жилище и мебель, не говоря уже об одежде (никак не вошедшей в рамки нашего исследования) в своих изменениях как во времени, так и в пространстве, хотя и зависят в какой-то степени друг от друга, но степень этой зависимости относительно невелика, и в значительной мере изменения эти определяются прежде всего соотношением факторов, действующих в других сопредельных сферах культуры. Именно эта относительная независимость сложения и развития разных сфер жизнеобеспечения обусловила то, что при их описании и анализе оказалось затруднительным применить полностью идентичные принципы. При едином в целом методологическом подходе и предпосылках методика описания и анализа поселения, жилищ и пищи по необходимости строилась несколько по-разному, прежде всего в зависимости от того, как это диктовали выявленные в ходе исследования конкретные закономерности данных по этим отдельным комплексам материалов.

Особый комплекс вопросов представляет собой проблема экологических факторов в формировании культурных вариаций и тесно связанная с ней проблема адаптивной эволюции и баланса в ней процессов «идиоадаптации и ароморфозов» (об этих понятиях см. часть первую, главу первую, § 2). Для сколько-нибудь полной оценки этих факторов и процессов имеющегося в нашем распоряжении фактического материала явно недостаточно, но некоторые наметки он все же позволяет сделать. Создается впечатление, что хотя факторы природной среды несомненно накладывают отпечаток на любые проявления культуры жизнеобеспечения, но в еще большей степени на них влияют социально-историческое окружение, а также локальные традиции, сложившиеся в результате конкретных обстоятельств исторического развития; эти факторы доминируют над природно-экологическими, но не подавляют их, а взаимодействуют и переплетаются с ними.

Сбалансированный культурный полиморфизм, т. е. способность общества использовать в разных обстоятельствах ряд заложенных в общем фонде его традиций существующих средств адаптации в разных пропорциях (не отказываясь полностью ни от одного из них ни на каком этапе развития и не отдавая ни одному из них абсолютного предпочтения), играл особенно большую роль в прошлом, позволяя успешно преодолевать периоды временных затруднений. Примером этого может служить параллельное использование ряда зерновых культур—пшеницы, ячменя, проса, параллельное существование дрожжевого и пресного хлебопечения и др. Тенденция к унификации средств жизнеобеспечения в наше время, с преимущественной или даже исключительной опорой лишь на одно из ряда возможных альтернативных решений (в данном ряду, скажем, подовый пшеничный дрожжевой хлеб), по-видимому, непосредственно не угрожает снизить адаптивный потенциал культуры жизнеобеспечения, однако эта тенденция все же ведет, иногда просто в угоду определенной моде или предвзятым установкам, к известному обеднению культурного многообразия в жизнеобеспечивающей сфере.

До сих пор мы говорили главным образом о вариативности, полиморфизме культуры в целом и КЖ в частности. Однако в цели нашего исследования входило также и выявление инвариантов, определение общих для всего этноса контуров. Подобно тому, как антропологи могут создать обобщенный фотопортрет народа, наложив друг на друга десятки снятых в едином масштабе негативов-снимков отдельных индивидов, так и мы, создав единый масштаб, т. е. серию единых анкет с максимально стандартизованными вопросами, получили десятки силуэтов отдельных деревень, из них сложились силуэты зон или регионов, а из них в свою очередь—обобщенный силуэт КЖ всей сельской Армении.

Надо отметить, что совпадающие, полностью или в очень сильной мере, черты при таком наложении преобладали, т. е. можно сказать, что основные характеристики большинства элементов КЖ едины или близки для всего массива армянской этнической культуры.

Вариативность наблюдается главным образом в отдельных элементах пищи, таких, как местные виды продуктов, блюд и традиций, при в общем вполне единой основной модели питания. Типы жилищ многообразны, так же, как и их планировка, но исходят они опять-таки из единых принципов построения обитаемой среды и служат выполнению в разных вариантах одних и тех же функций. Таким образом, проблема различия общего и локального в КЖ сельского населения Армении поддается успешному решению при сопоставлении совокупностей элементов отдельных подсистем на разных уровнях алфавита и грамматики культуры.

Разумеется, как уже отмечалось в соответствующих разделах книги, в определении того, что является общим, а что локальным, нужно исходить из того уровня, на котором ведется исследование. Наше исследование, в частности, было запланировано как изучение одной конкретной этнической культуры, с ее общетническими инвариантами и вариативностью локальных групп субэтнического уровня в рамках одного этноса. Несомненно, то, что можно выделить в качестве общеармянского, будет чаще всего находиться на уровне локального типа при переходе анализа к более высоким таксономическим уровням уже суперэтнического порядка, вплоть до рамок человечества в целом. С другой стороны, ряд явлений, выделяемых нами в качестве общеармянских, останется общим и на некоторых более высоких уровнях, например, общекавказском, общепереднеазиатском и т. д. Такие соотношения остались вне нашего поля зрения, так как с самого начала в данном исследовании мы ограничились одной этнической культурой и отказались от межэтнических сопоставлений, ибо это было бы на данном этапе уже непосильной задачей для сложившегося авторского коллектива.

Межэтнические контакты мы отмечаем лишь тогда, когда они выступают в армянской культуре в форме прямых влияний и заимствований. Однако сам факт того, что вместе с армянскими в той же экологической обстановке живут также компактные группы представителей других этносов (курдов, азербайджанцев, русских), причем в их хозяйственной и жизнеобеспечивающей сфере культуры имеются существенные отличия, еще раз говорит о том, что хотя баланс факторов исторической традиции и природной среды очень сложен, все же первые чаще всего играют доминирующую роль.

И еще одно замечание по поводу соотношения «идиоадаптации» и «ароморфоза». Достаточно хорошо известно, что чем менее развиты производительные силы общества, чем ниже уровень его социально-экономического развития, тем большее воздействие на него оказывают факторы природной среды и тем более, соответственно, они направляют культурную эволюцию по идиоадаптивным каналам, тормозя ароморфическую эволюцию. В дореволюционной Армении в рассматриваемых сферах культуры роль идиоадаптации, как мы видели, была еще достаточно сильна. Однако огромный рост производительных сил после революции, в условиях социализма, безусловно, носил ароморфический характер, и именно в связи с этим в сфере жизнеобеспечения также, наряду с общим бурным ростом количественных показателей благосостояния, мы наблюдаем также и определенную унификацию их качественного выражения.

В предпринятой нами работе встретилось немало трудностей, 276

которые проистекали главным образом вследствие необходимости охвата большого количества вопросов в сжатые сроки. Иногда данные отдельных информаторов бывали противоречивы, и не всегда имелась полная уверенность в правомерности их экстраполяций на весь изучаемый регион. Не исключено, что дальнейшие исследования могут внести в наши данные коррективы, в частности, касающиеся локальных вариантов, но основные характеристики повторялись в каждом пункте с такой закономерностью, что общая характеристика жизнеобеспечивающих систем в армянской сельской культуре вырисовывается на основе этих данных достаточно достоверно.

Наше исследование представляет собой лишь первый опыт, первую попытку систематического применения культурологического подхода к ограниченному кругу явлений традиционной и современной бытовой культуры. Однако и на его основании нам представляется, что по сходной схеме может быть изучено соотношение общего и локального, традиционного и инновационного и в других сферах культуры, помимо жизнеобеспечивающих. Несомненно, для этого уже окажется недостаточно метода анкетного интервьюирования информаторов, который для нас был основным, а потребуются прибегнуть к более трудоемким методам, в частности, включенного наблюдения, но принципы составления программы исследования, ее основные параметры, по-видимому, были определены нами правильно.

Нетрудно заметить, что многие изложенные выше выводы в той или иной мере делались ранее или по крайней мере могли быть сделаны на эмпирическом уровне и в исследованиях традиционного этнографического характера. Если же это так, то вновь возникает вопрос, в чем же смысл насыщенный этнографии культурологическими концепциями, освоения этнографами разработанного в культурологии понятийного аппарата и вообще сотрудничества этнографии и культурологии. Нам думается, что в тех исследованиях, которые на иных конкретных материалах пришли к выводам, близким или сопоставимым с нашими, культурологический подход присутствовал имплицитно, на интуитивном и неосознанном уровне. Здесь имеет место так называемый «феномен Журдена»: как известно, этот мольеровский герой долго и не подозревал, что говорил прозой.

Разумеется, освоение культурологической методологии не подымет «прозу» этнографических исследований до уровня «высокой поэзии» теории культуры, но во всяком случае можно выразить уверенность, что подобное освоение в принципе будет способствовать достижению значительно большей четкости лексики этнографического описания, а грамматику анализа конкретного материала сделает более строгой. Кроме того, этот процесс явится

несомненным стимулом для дальнейшей разработки теории самой этнографии. Вряд ли следует особо подчеркивать, что установившуюся у нас в стране традицию обозначения данной области знания словом «этнография» не следует воспринимать дословно и рассматривать ее как чисто описательную науку. Этнография обладает достаточно солидными массивами собственной теории, которые находятся сегодня в стадии бурного развития. С этой точки зрения между культурологией и культуроведческими теоретическими составными частями этнографической науки не следует, да и невозможно проводить какой-то четко фиксированной демаркационной линии. Более того, между ними имеются смежные, так сказать, ничейные зоны. Эти зоны естественным образом будут увеличиваться в числе и становится содержательно более богатыми в процессах интегративного взаимодействия культурологии и этнографии.

Но во взаимодействии этнографии и культурологии имеется другая, не менее важная сторона, о которой уже говорилось. Эта сторона связана с опромным стимулирующим воздействием «прозы» этнографического исследования как для совершенствования, углубления и экспликации абстрактных принципов и понятий культурологической теории, так и их операционализации и приближения к уровню непосредственного анализа конкретного материала. В связи с этим мы бы хотели высказать некоторые соображения, используя осуществленный опыт. Это тем более важно сделать, поскольку вообще анализ произведенной «лабораторной» работы, так сказать, «исследовательской кухни» научных изысканий, имеет, по-видимому, не меньшее значение, чем те готовые выводы и результаты, с которыми читатель имеет возможность непосредственно познакомиться.

С этой точки зрения мы хотели бы прежде всего отметить значение требований конкретного этнографического анализа для развития и операционализации некоторых аспектов концепции культуры как специфического способа человеческой деятельности. В процессе подготовки настоящей работы данная концепция была развита и эксплицирована в ряде существенных пунктов под стимулирующим воздействием конкретных задач, вставших при программировании работы, проведении полевых исследований КЖ армянского села и обобщения полученного материала.

Эти задачи прежде всего потребовали экспликации того элементарного понятия, с помощью которого можно было бы выразить и интерпретировать все без исключения формы проявления культуры как соответствующих звеньев осуществления человеческой деятельности, включая характерные для нее цели, исполнительные механизмы и результаты. Вообще в этой связи следует иметь в виду, что выявление и экспликация исходных элементар-

278

ных понятий, с помощью которых тот или иной научный принцип выражает и объясняет изучаемый класс явлений, относится к числу важнейших условий его эффективного использования в исследовательской практике.

Особое значение в этой связи имело дальнейшее развитие и четкая формулировка идеи ситуативности отмеченного деления и соответственно выделение понятия «средство деятельности» как элементарной, всеохватывающей категории, благодаря которой могут быть выражены не только исполнительные механизмы деятельности, но и ее цели и результаты. Это значительно облегчило с методологической точки зрения реализацию многопараметрической программы настоящего исследования, при которой постоянно возникали ситуации взаимопревращения целей исполнительных механизмов и результатов человеческой деятельности при анализе процессов производства, распределения и потребления подсистем культуры жизнеобеспечения.

Задачи этнографического исследования культуры жизнеобеспечения этноса способствовали также приближению к его уровню общей идеи технологической природы культуры. В этой связи следует прежде всего отметить дифференциацию общей системы универсальной технологии деятельности на материальную и социальную технологические подсистемы и дальнейшее их дробление на сферы, выражающие, с одной стороны, культуру первичного производства и культуру жизнеобеспечения, а с другой—соционормативную и гуманитарную культуру. Эта концептуальная схема явилась результатом коллективных теоретических поисков. Возможно, она потребует еще дальнейшего совершенствования, но ее использование оказалось методологически весьма полезной для целей настоящего исследования. Во-первых, деление общего массива материальной культуры (как материальной технологии) на культуру первичного производства и культуру жизнеобеспечения дало принцип автономизации последней в общей системе производственного процесса. Во-вторых, указанная схема позволила достаточно четко выделить две основные составляющие общего массива духовной культуры (как социальной технологии), а именно: соционормативную культуру, охватывающую институциональные средства упорядочения общественных отношений, и гуманитарную культуру, обнимающую средства, непосредственно направленные на регуляцию поведения индивидов.

Особо следует остановиться на процессе приближения к задачам конкретного исследования идеи дифференциации исторических типов культуры на общие и локальные, ибо, как уже известно, КЖ в настоящей работе стала предметом сравнительно-типологического анализа, который в одинаковой мере был направлен на выявление как общих, так и индивидуально-локальных черт вы-

деленных объектов. Хотя эта идея была выдвинута еще в середине 60-х гг. и была принята многими исследователями, в своем первоначальном виде она не была еще в достаточной степени приближена к исследовательской практике конкретных дисциплин исторического, а также географического знания. Одной из главных причин этого было то, что она не отвечала одному из важнейших условий операционализации понятий—условию их приложимости к любой, без исключения, познавательной ситуации, которая может возникнуть при изучении выделяемого класса явлений. Дело в том, что идея дифференциации общих и локальных исторических типов была выработана в процессе критического анализа философско-исторической концепции эквивалентности локальных культур, для которой общим полем выделения основных единиц исследования (локально-исторических систем культуры) выступала история человечества в целом. Соответственно этому и было предложено дифференцировать общие и локальные исторические типы культуры.

Общее же поле настоящего исследования было ограничено рамками одного этноса. Поэтому встала задача переводимости рассматриваемой концептуальной схемы на данный уровень анализа. Это же стало возможным лишь в результате четкой формулировки идеи относительности общих и локальных исторических типов культуры в зависимости от ставящихся познавательных задач и задаваемого ими общего поля исследования. Эта идея, кажущаяся нам сейчас само собой разумеющейся, формировалась и формулировалась с весьма значительными трудностями.

В связи с рассмотрением данного вопроса следует учесть, что операционализация теории—это многоуровневый процесс, предполагающий наличие как бы целого ряда интегрированных между собой этапов познания. Операциональными могут быть самые абстрактные принципы и понятия, если они отвечают отмеченному выше требованию приложимости к любой познавательной ситуации в рамках выделяемого класса явлений. Но исследовательская актуализация этих принципов и понятий и достижение их непосредственной связи с практикой исследования осуществляется через систему более конкретно сформулированных понятий. Именно подобным образом обстоит дело и с понятиями общих и локальных исторических типов культуры и выраженного в них теоретического принципа. Они хотя и абстрактны, но, мы надеемся, в настоящем своем виде доведены до операционального состояния благодаря их потенциальной способности прилагаться к любой познавательной ситуации, требующей дифференциации общих и локальных компонентов изучаемых массивов культуры. Однако в данном случае лишь задается определенный принцип и логический каркас построения понятий, которые должны быть реализованы в

конкретной понятийной системе, непосредственно соответствующей выделяемому полю исследования и отражающей различные его единицы.

Отметим еще один теоретический результат, стимулированный конкретными задачами этнографического изучения КЖ. Это многомерная системная модель экологического изучения культуры, выражением которой выступают четыре неразрывно между собой связанных плана ее рассмотрения: локально-экологический, ландшафтно-экологический, стадияльно-экологический и глобально-экологический. Непосредственным стимулом для его выработки явилась достаточно конкретная задача соотношения регионального и зонального аспектов изучения КЖ армянского села. Но под ее воздействием была произведена попытка построения общей системной модели, призванной интегрировать все возможные аспекты экологической характеристики культуры, которые обычно рассматриваются изолированно, без должного взаимного соотнесения и порой даже противопоставляются друг другу. Объемно модель была выработана применительно к человечеству в целом. Но, как уже отмечалось в соответствующем разделе работы, она так же, как и концептуальная схема общих и локальных типов культуры, задается в качестве общего логического каркаса, потенциально приложимого к любым масштабам исследования (при замещении глобально-экологического плана регионально-экологическим планом соответствующего таксономического уровня).

В данном случае мы вовсе не ставим перед собой задачу анализа всего процесса лабораторной работы, проделанной под воздействием конкретно-этнографических задач исследования. Было бы, конечно, интересно рассмотреть под этим углом зрения, как выработывались системная интерпретация КЖ и ее составляющих, сравнительно-эволюционная перспектива понимания этносов и этнических культур и другие полученные в работе теоретические результаты и выводы. Но наша цель в данном случае состоит лишь в том, чтобы ощутимо довести до читателя большое стимулирующее значение для культурологической теории «прозы» этнографической исследовательской практики. Думается, что приведенные примеры в достаточной степени позволили сделать это.

Остановимся теперь на некоторых вопросах, связанных с перспективами дальнейшей разработки того типа задач, который нашел свое рассмотрение в настоящем исследовании, а также возможностей прикладного использования знаний, полученных в ходе решения этих задач. По своему общему характеру данная работа, ставя перед собой задачу выражения закономерностей функционирования и развития КЖ и разработку культурологических предпосылок ее системного исследования в контексте этнических систем, не является прикладной в собственном значении этого слова.

Но она несет в себе большие прикладные потенции, которые могут найти свою реализацию в различных направлениях.

Для того, чтобы сделать понятными эти потенции, необходимо прежде всего дифференцировать практику познания и практику общественной жизни в целом. Если подойти к оценке настоящей работы под углом зрения первого аспекта практики, то можно с уверенностью сказать, что она и в настоящем своем виде способна выполнить методологически-прикладную функцию по отношению к определенным типам культуроведческих исследований. Ведь, как уже отмечалось, она является научно-интегративным экспериментом. И хотя ее авторы и ставили перед собой задачу сбора и упорядоченного выражения большого массива информации о различных подсистемах КЖ армянского села в результате их сравнительно-стадиального, сравнительно-регионального и сравнительно-зонального анализа, тем не менее работа эта представляет прежде всего отработку новых подходов к выделенным объектам исследования. Таким образом, в той мере, в какой отработка этих подходов удалась, она будет иметь методологически-прикладное значение по отношению к исследовательской практике соответствующих областей науки.

Касаясь собственно практического выхода исследований в области жизнеобеспечения, отметим, что полученные выводы могут быть в известной мере использованы в хозяйственной практике (например, в области организации коммунальных услуг, снабжения, организации строительства на селе). Однако еще в большей мере нам представляются существенными выводы, которые можно сделать из анализа ритуально-престижных функций, присутствующих в системе жизнеобеспечения.

С одной стороны, эти выводы могут помочь в работе по изживанию отдельных вредных пережитков, имеющих место в нашей действительности. С другой стороны, хотелось бы подчеркнуть, что имеющие в ней место отдельные отрицательные явления, в частности, расточительность, чрезмерная пышность «престижных» мероприятий не сводятся к пережиткам, а являются в значительной мере побочными новообразованиями, не имеющими корней в этнической традиции. Пропаганда по борьбе с ними, на наш взгляд, может успешно вестись в плане воспитания уважения к лучшим этническим традициям, порой забываемым, в плане направленного формирования новой обрядности, опирающейся именно на эти традиции.

Практическая роль исследований данного типа прежде всего состоит в том, что они создают необходимую систематическую информационную базу для действенной пропаганды и рекультивации различных и полиморфных элементов народных традиций, например, полузабытых в наши дни, но полезных и практических видов

блюда и снели народной кухни. Причем собственно практический, утилитарный эффект может во многих случаях органически сочетаться с осуществлением ритуально-организующих функций соответствующими элементами рассматриваемых традиций. Так, подобное сочетание может иметь место при рекультивации традиций умеренного потребления спиртного, благоговейно бережного отношения к хлебу, к недопущению выбрасывания пригодных к использованию продуктов и многих других традиций.

Обобщая отмеченную практическую роль проведения исследования данного типа, можно сделать следующий вывод. Позволяя оценивать существовавшие и существующие варианты поселений, жилищ, пищи и одежды, подобного рода исследования тем самым выступают в качестве необходимой научной основы для возможной рекультивации соответствующих традиций, их дальнейшего развития и модификации к существующим условиям. Причем этот исследовательский подход можно приложить и к другим сферам культуры. Очень перспективны они и для сравнительного изучения образа жизни народов в его целостности.

Задача сравнительного анализа образа жизни народов Советского Союза сегодня очень актуальна. Между тем в своей систематической форме подобный анализ в общесоюзном плане по существу пока не производился, и это несмотря на то, что проблема образа жизни за последние годы оказалась в центре внимания представителей самых различных областей научного знания. Одна из главных причин этого, несомненно, состоит в отсутствии требуемой методологии сравнительных исследований, способной пропорционально выразить как и общие, так и локальные аспекты объектов изучения.

Выработка подобной методологии очень важна для решения многих исследовательских и практических задач. Одной из них следует считать задачу **управляемого** взаимообогащения культур народов Советского Союза. Ведь СССР представляет собой огромный резервуар многообразного, приспособленного к самым различным условиям жизни опыта. Задача в этой связи состоит в том, чтобы суметь сделать наилучшие и соответствующие современным условиям жизни образцы этого опыта достоянием различных народов нашей страны, иначе говоря, трансформировать локальные по отношению к стране в целом культурные традиции в общие, общесоюзные.

Систематический сравнительный анализ соотношения общих и локальных аспектов культуры в интересующем нас плане целесообразно начинать с небольших региональных комплексов и объектов с относительно небольшим числом элементов, которые достаточно легко поддаются верификации и статистической обработке.

Подобный характер как раз и носит предпринятое нашим авторским коллективом исследование.

Логическая структура такого ограниченного по своим масштабам сравнительного исследования ничем в принципе не отличается от широкомасштабных компаративных исследований, задающих в качестве их общего поля обширные регионы, а также делающих непосредственными объектами изучения культуру тех или иных исторических общностей в целом. Существенная особенность сравнительных исследований этого рода, однако, состоит в том, что ограничение общего поля и объектов изучения дает возможность сохранять их в перспективе видения и производить, используя слова известного американского культур-антрополога Ф. Эггана (Eggan, 1968), «контролируемое сравнение» тех переменных, которые вводятся в круг рассмотрения. Это, естественно, придает большую строгость сравнительным исследованиям. Важно подчеркнуть, что подобное ограничение масштабов анализа не есть некая самоцель, а лишь средство создания определенных, достаточно строгих заделов, призванных выступить как бы в виде научных плацдармов для дальнейшего расширения и укрупнения поля сравнительного исследования и его непосредственных объектов.

Как уже отмечалось, авторский коллектив стремился ограничить круг рассмотрения собственно экологических проблем КЖ в силу их большой сложности и недостаточной разработанности. В частности, в этой связи указывалось, что обобщения результатов полевых исследований в большинстве случаев не ставят перед собой задачу оценки КЖ с точки зрения их адаптивно-экологического оптимума и обычно сводятся к констатации существующего положения вещей. Но и этот тип знания весьма полезен, если он достаточно строго и систематично выражен. Ведь он выступает в качестве необходимой предпосылки для последующих этапов познания, ставящих перед собой задачу оценки изучаемых форм культуры с точки зрения прогностического моделирования путей их дальнейшего развития и выбора наиболее оптимальных экологических вариантов. Ценность отмеченного типа знания состоит в том, что он обеспечивает научной информацией о КЖ в широкой перспективе, полученной в результате сравнительного анализа ее различных этапов и локальных вариантов в пределах исследуемого этнорегионального комплекса.

Еще большую ценность и весомость результаты сравнительно-типологического исследования КЖ могут приобрести в случае, если подобный анализ будет проводиться не только между локальными вариантами одного этноса, но и между КЖ разных этнических групп, заселяющих одну и ту же экологическую нишу». Для этнографической науки этот тип исследования представляет очень большой интерес. И не только потому, что специфику этносов и

их различных подсистем можно в полной мере выявить лишь в результате их систематического сравнительного анализа между собой. Дело в том, что отмеченный тип исследования позволит очень сщутимо выразить как роль локальных традиций в экологической практике различных этносов, так и процессы выработки общих традиций в результате взаимодействия этих этносов и действия различных надэтнических унифицирующих факторов. Важно отметить также, что проведение подобного межэтнического сравнительного анализа КЖ будет способствовать решению задачи установления ее адаптивно-экологического оптимума для различных экологических зон.

Как уже указывалось во Введении, настоящая работа при ее программировании мыслилась в качестве шага в направлении комплексного, научно-интегративного изучения истории культуры армянского этноса, в качестве пробной модели подобного подхода. Сейчас, при подведении итогов проделанной работы, было бы целесообразно оценить ее и под углом зрения этой задачи. В целом шаг этот в определенной мере сделан. Но думается, что работа и аккумулированный в ней опыт сотрудничества культурологов и этнографов могут быть использованы для проведения более широких комплексных междисциплинарных разработок по истории культуры.

Важно при этом иметь в виду и следующее. Помимо того, что в книге систематически рассмотрены некоторые узловые методологические принципы комплексного культурно-исторического анализа и предпринята попытка их исследовательской актуализации применительно к изучению одной из существенных сторон развития конкретного этноса, в ней намечено определенное сближение исторической и географической точек зрения. Это достигается прежде всего благодаря региональному ракурсу рассмотрения истории культуры. Природа проблем, выдвигаемых этой исследовательской перспективой такова, что она делает необходимым синтез исторической и географической проекций изучения процессов развития конкретных систем культуры, проекций, которые хотя всегда и предполагают друг друга, но в результате специализации знания на практике часто оказываются разомкнутыми.

Задача комплексного, системного исследования истории культуры народов чрезвычайно сложна, а вопросы, встающие в связи с ней, во многом еще не разработаны. Показательны в этом отношении, в частности, материалы круглого стола, посвященного междисциплинарному обсуждению проблем предмета и метода истории культуры (История СССР, 1979, № 6). Вместе с тем жизнь настоятельно диктует необходимость решения данной задачи с использованием современных междисциплинарных идей и методов исследования. Дело в том, что некоторые ее аспекты имеют очень важ-

ное прикладное значение. И это не удивительно. Ведь настоящее тысячами нитей связано с прошлым. В качестве важнейшего же канала этой связи, как мы уже знаем, выступают массивы культурных традиций народов, достаточно полное знание о динамике которых нам может дать лишь историческая наука.

Постановка этого вопроса позволяет не только ощутить большие прикладные потенции культурно-исторического знания, но и представить одно из главных направлений, по которому будет осуществляться его непосредственное включение в процессы интегративного взаимодействия различных групп наук. Это направление сопряжено с научно-интегративными по своей природе исследованиями по имитационному моделированию социальных систем с использованием ЭВМ. Ведь, как уже говорилось выше, лишь благодаря изучению динамики культурных традиций, осмысления образуемых ими траекторий развития представляется возможным ввести в управленческие модели историческое измерение и связать в единый теоретический узел прошлое, настоящее и прогнозируемое будущее моделируемой социальной системы (более подробно об этом: Маркарян, 1981; 1983).

Следует при этом учесть, что к числу важнейших методологических предпосылок включения исторической науки в отмеченные научно-интегративные процессы относится ее исследовательская способность пропорционального и строгого выражения соотношения общих и локальных компонентов изучаемых культурно-исторических процессов. Причем строгость эта должна быть доведена до уровня математической формализации для того, чтобы полученные знания могли бы быть проиграны на ЭВМ. Мы не ошибемся, если скажем, что здесь современная наука сталкивается с одной из своих наиболее волнующих и трудно поддающихся эффективному решению задач.

При подготовке настоящей работы ее авторы ни в коей мере не ставили перед собой подобной задачи. Для осуществления достаточно эффективных шагов в решении такой задачи требуется формирование особых научно-интегративных исследовательских коллективов с обязательным участием математиков, причем особой специализации. Однако авторы осознанно стремились как к выработке соответствующей методологии пропорционального изучения общих и локальных параметров культурно-исторических процессов, так и к ее использованию в проведенном сравнительно-типологическом изучении культуры жизнеобеспечения. С этой точки зрения полученный опыт может оказаться полезным для постановки и значительно более сложных задач. Причем тут, по-видимому, в одинаковой мере важен учет как позитивных, так и негативных сторон этого опыта. И это касается не только результатов, относящихся к рассмотренному выше вопросу, но и ко всему осуществленному эксперименту.

ЛИТЕРАТУРА

К Введению и части первой

Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. 1975. Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования)—«Советская этнография», № 3.

Андрианов Б. В. 1974. Взаимодействие природы и общества и концепция хозяйственно-культурных типов.—«Взаимодействие природы и общества». М.

Арешян Г. Е. 1978. Культурно-исторический подход к изучению этнических общностей в археологии.—«Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума». Ереван.

Арутюнов С. А. 1971. Рецензия на книгу Э. С. Маркаряна «Очерки теории культуры».—«Советская этнография», № 6.

Бромлей Ю. В. 1973. Этнос и этнография. М.

Буева Л. П. 1970. Личность и ее социальная деятельность.—«Очерки методологии познания социальных явлений». М.

Гвишиани Д. М. 1978. Методологические проблемы моделирования глобального развития.—«Вопросы философии», № 2.

Геологический словарь. 1973, т. 2. М.

Гумилев Л. Н. 1970. Этногенез и этносфера.—«Природа», № 1.

Гумилев Л. Н. 1971. Этногенез—природный процесс.—«Природа», № 2.

Давиденков С. 1947. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л.

Давидович В. Е., Жданов Ю. А. 1979. Сущность культуры. Ростов-на-Дону.

Демек Я. 1977. Теория систем и изучение ландшафта. М.

Джиоев О. Н. 1979. Проблема культуры в марксистской философии.—«Культура в свете философии». Тбилиси.

Ельмеев В. Я. 1974. Методологические основы планирования социального развития. М.

Злобин Н. С. 1977. Некоторые методологические проблемы исследования культуры.—«Проблемы теории культуры». М.

Кабо В. Р. 1972. История первобытного общества и этнография.—«Охотники, собиратели, рыболовы». Л.

Каган М. С. 1974. Человеческая деятельность. М.

Каган М. С. 1976. Принципы построения историко-культурной типологии.—«Известия Северокавказского центра высшей школы», Общественные науки, № 3.

- Кастро Ж. 1956. Физиология табу.—«Вопросы философии», № 3.
- Коган Л. Н., Вишневский Ю. Р. 1972. Очерки теории социалистической культуры. Свердловск.
- Козлов В. И. 1979. Этнос и культура.—«Советская этнография», № 3.
- Краснобаев Б. И. Русская культура XVIII века. Предмет и задачи изучения.—«История СССР», № 6.
- Маркарян Э. С. 1969. Очерки теории культуры. Ереван.
- Маркарян Э. С. 1972. Вопросы системного исследования общества. М.
- Маркарян Э. С. 1973. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван.
- Маркарян Э. С. 1976. Теория культуры в системе общественных наук.—«Известия Северо-кавказского центра высшей школы», Общественные науки, № 3.
- Маркарян Э. С. 1977. Интегративные тенденции во взаимодействии общественных и естественных наук. Ереван.
- Маркарян Э. С. 1978. О научно-интегративном значении понятия «деятельность».—«Понятие деятельности в философской науке». Томск.
- Маркарян Э. С. 1978а. Об исходных методологических предпосылках исследования этнических культур.—«Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума». Ереван.
- Маркарян Э. С. 1978б. Культурная традиция и задача дифференциации ее общин и локальных проявлений.—«Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума». Ереван.
- Маркарян Э. С. 1979. Рецензия на книгу «Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий (проблема исторических контактов)».—«Философские науки», № 5.
- Маркарян Э. С. 1980. Глобальное моделирование, интеграция наук, системный подход.—«Системные исследования». М.
- Маркарян Э. С. 1980а. К экологической характеристике развития этнических культур.—«Природа и общество: исторические этапы и формы взаимодействия». М.
- Маркарян Э. С. 1981. Локальные исторические особенности культуры и процесс экологической адаптации.—«Вестник Академии наук СССР», № 1.
- Межуев В. М. 1977. Культура и история. М.
- Мелконян Э. Л. 1981. Проблемы сравнительного метода в историческом знании. Ереван.
- Мельвиль Ю. К. 1968. Чарльз Пирс и прагматизм. М.
- Мильков Ф. Н. 1967. Основные проблемы физической географии. М.
- Мкртумян Ю. И. 1978. Основные компоненты культуры этноса.—«Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума». Ереван.
- Психологические проблемы социальной регуляции поведения. 1976. М.
- Робакидзе А. П., Гегечкори Г. Г. 1972. Формы жилища и структуры посе-

ления горной Осетии.—«Кавказский этнографический сборник», вып. V, 1. Тбилиси.

Сарингулян К. С. 1978. Ритуал в системе этнической культуры.—«Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума». Ереван.

Сарингулян К. С. 1981. Очерк семиотической характеристики ритуала.—«Семиотика и проблемы коммуникации». Ереван.

Северцов А. Н. 1967. Главные направления эволюционного процесса. М., *Сергеев Д. А., Арутюнов С. А.* 1973. Стабильность и лабильность гарпунной охоты у древних эскимосов. Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (МКАЭН), М.

Словарь общегеографических терминов. Под ред. Л. Дадли Стампа. 1975, т. II, М.

Типы в культуре. 1979. Л.

Токарев С. А. 1970. К методике этнографического изучения материальной культуры.—«Советская этнография», № 4.

Трушков В. В. 1976. Город и культура. Свердловск.

Файнбург З. И. К вопросу о понятии культуры и периодизации ее исторического развития.—«Известия Северо-Кавказского центра высшей школы», Общественные науки, № 3.

Хаггет П. 1979. География: синтез современных знаний. М.

Ханова О. В. 1978. Культура и деятельность. Саратов.

Харвей Д. 1974. Объяснение в географии. М.

Чавчавадзе Н. З. 1979. Культура и ценности.—«Культура в свете философии». Тбилиси.

Чавчавадзе Н. З. 1979а. Динамика культуры и переоценка ценностей.—«Культура в свете философии». Тбилиси.

Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. 1971. Народы, расы, культуры. М.

Чистов К. В. 1974. Обряд.—БСЭ, т. 18.

Швырев В. С. 1977. Об отношении теоретического и эмпирического в научном познании.—«Методология и методы социальной психологии». М.

Энциклопедический словарь географических терминов. 1968. М.

Ямпольский З. П. 1971. О безрелигиозности первобытной магии.—«Советская этнография», № 1.

Bennett J. W. 1976. The Ecological Transition. Cultural Anthropology and Human Adaptation. N. Y.

Kroeber A. L. 1952. The Nature of Culture. Chicago.

Kroeber A. L. 1952 a. Areal Types in American Indian Culture and their Growth.

Lehman F. K. 1964. Typology and Classification of Sociocultural Systems.—„Process and Pattern in Culture“. Ed. by R. A. Manners. Chicago.

Markarian E. S. 1978. Neo-Evolutionism and Ecological Study of Culture.

Markarian E. S. 1979. The Methodological Principles of Studying the Local Diversity of Culture.—6th International Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science. Abstracts. Sections 10,11,12*. Hannover.

Sahlins, Marshall 1968. Evolution: Specific and General:— „Theory in Anthropology.“ Ed. by D. Kaplan and R. Mannners. Chicago.

Shimkin Demitri B. and Lowie John W. G. 1978. Formal Theory Building in Human Ecology: A Report on Prospects, Progress and Problems., Anthropology for the Future.* Ed. by Demitri B. Shimkin, Sol. Tax and John W. Morrison. Urbana.

Steward Julian. 1955. Theory of Culture Change. The Methodology of Multilinear Evolution. Urbana.

К части второй и Заключению

Алаев Э. Б. 1977. Экономико-географическая терминология. М.

Аристова Т. Ф. 1966, Курды Закавказья. М.

Армения. Географическое описание «Советский Союз», 1966, М.

Артунян Л. Б. 1960. О некоторых особенностях питаниях армянского народа.—«Армянская кулинария», М.

Бдоян В. А. 1972. Земледельческая культура в Армении. Ереван (на арм. яз.).

Бдоян В. А. 1974. Армянская этнография. Ереван (на арм. яз.).

Бромлей Ю. В. 1973. Этнос и этнография. М.

Валесян Л. А. 1970. Производственно-территориальный комплекс Армянской ССР. Ереван.

Варданян С. В. 1959. Архитектура армянских народных жилых домов. Ереван. (на арм. яз.).

Вардумян Д. С., Карапетян Э. Т., Лисицян С. Д. 1962. Хозяйство и материальная культура армян.—«Народы Кавказа», т. 2, М.

Вардумян Д. С., Карапетян Э. Т. 1963. Семья и семейный быт колхозников Армении. Ереван (на арм. яз.).

Вардумян Д. С. 1964. Характеристика основных этнографических районов Армении в XIX веке. М.

Витов М. Н. 1953. О классификации поселений.—«Советская этнография», № 3.

Григоров Н. 1892. Село Татев Зангезурского уезда Елисаветпольской губернии.—«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 13, Тифлис.

Ильина М. И. 1946. Древнейшие типы жилищ Закавказья. М.

Кобычев В. П. 1962. Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в.—«Кавказский этнографический сборник», III, М.-Л.

Кобычев В. П. 1978. Новые и традиционные черты в современном жилище народов Северного Кавказа.—«Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе», М.

Кобычев В. П., Робакидзе А. И. 1967. Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа.—«Советская этнография», № 2.

Лисициан С. Д. 1926. Крестьянское жилище Высокой Армении.—«Известия Кавказского историко-археологического института», т. IV, Тифлис.

Лисициан С. Д. 1927. Из материалов по изучению жилищ Армении.—«Известия Кавказского историко-археологического института», т. VI, Тифлис.

Лисициан С. Д. 1955. Очерки этнографии дореволюционной Армении.—«Кавказский этнографический сборник», вып. I, М.

Лисициан С. Д. 1969. Армяне Зангезура. Ереван.

Лотман Ю. М. 1971. Труды по знаковым системам, вып. V, Тарту.

Маркарян Э. С. 1981. Узловые проблемы теории культурной традиции.—«Советская этнография», № 2.

Маркарян С. 1983. Теория культуры и современная наука. М.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, М.

Мелконян Э. Л. 1980. Некоторые аспекты изучения этнических культур.—«Философские проблемы культуры», Тбилиси.

Методологические проблемы системного изучения деревни, 1977. Новосибирск.

Мкртумян Ю. И. 1974. Формы скотоводства в Восточной Армении.—«Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования», вып. VI, Ереван.

Мнацаканян С. Х. 1956. Архитектура сельских населенных местностей. Ереван (на арм. яз.).

Народы Кавказа. 1962, т. II, М.

Османов М. О. 1971. Жилище.—«Современная культура и быт народов Дагестана». М.

Папухян Н. Ц. 1963. Постройки народной архитектуры в районе Сисиана, Гориса, Кафана.—«Известия Академии наук АрмССР, обществ. науки», № 11.

Папухян Н. Ц. 1972. Народное зодчество Сюника. Ереван (на арм. яз.).

Словарь общегеографических терминов. Под ред. Л. Дадли Стампа, 1975, т. II, М.

Современные этнические процессы в СССР. 1977. Изд. 2-ое. М.

Станюкович Т. В. 1977. Поселение и жилище.—«Современные этнические процессы в СССР», М.

Сумбадзе Л. З. 1960. Грузинские дарбази. Тбилиси.

Тер-Саркисянц А. Е. 1978. Современная семья у армян. М.

Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. 1979. М.

Токарев С. А. 1970. Методика изучения материальной культуры.—«Советская этнография», № 4.

Халпахчян О. Х. 1971. Гражданское зодчество Армении. М.

Цивьян Т. В. 1978. Дом в фольклорной модели мира (на материале бал-

канских загадок)—«Семиотика культуры. Труды по знаковым системам», 10. Тарту.

Чиковани Т. А. 1971. Классификация и генезис закавказского жилища со ступенчато-венцеобразным перекрытием.—«Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв.», вып. I, М.

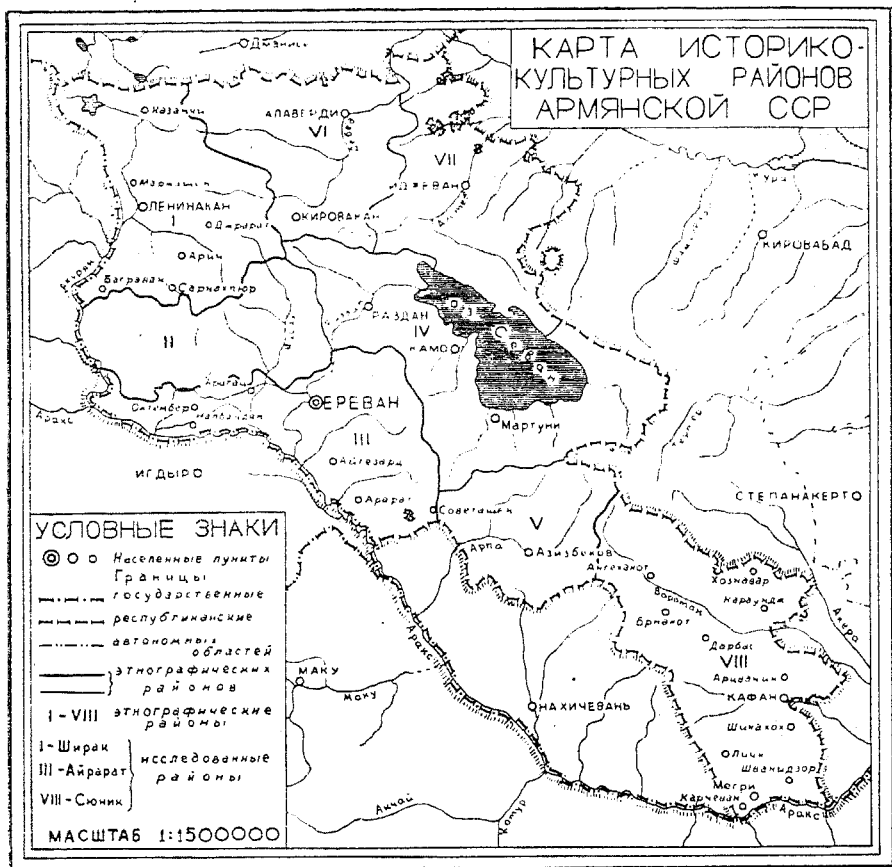
Eggan Fred, 1968. *Social Anthropology and the Method of Controlled Comparison.—Theory in Anthropology: A Sourcebook.* Ed. by R. A. Manners and D. Kaplan. Chicago.

Human Settlements. National Reports: Summaries and Reference Guide. 1977. Pergamon Press, New York.

Levi-Strauss C. 1961. *Structural Anthropology.* London.

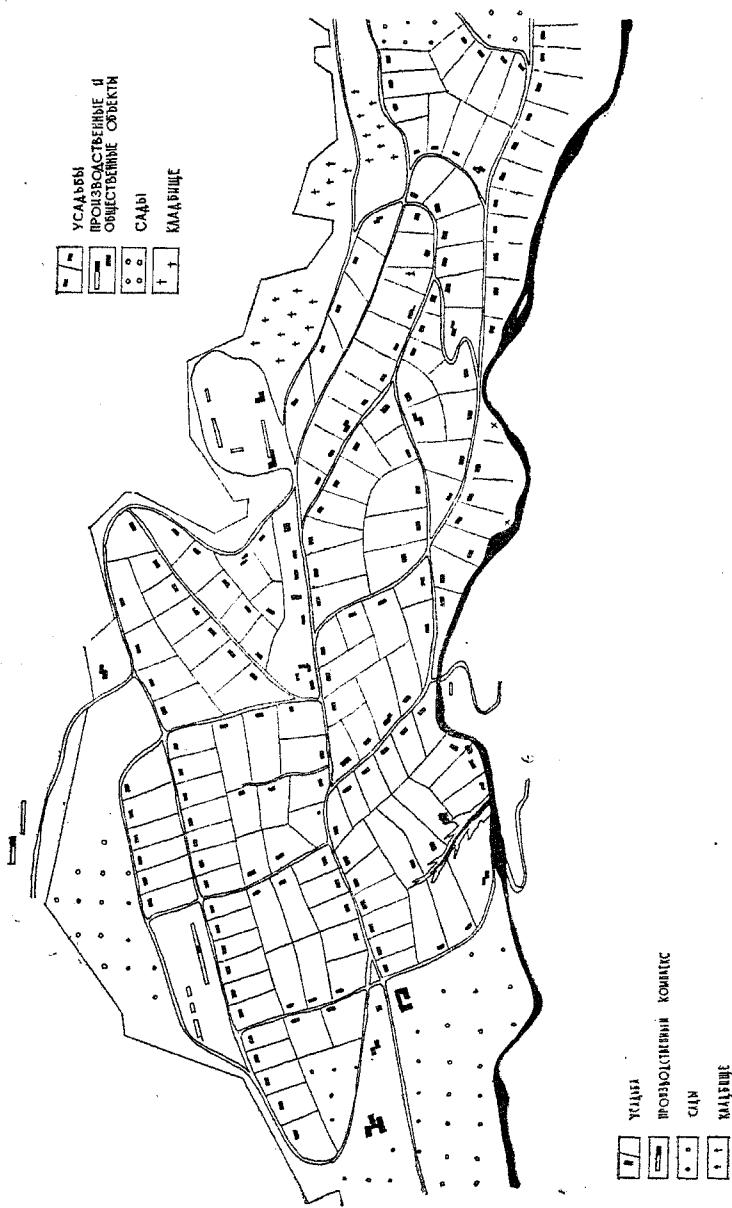
Otterbein Keith F. 1972. *Comparative Cultural Analysis. An Introduction to Anthropology.* Holt, Rinehart and Winston.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

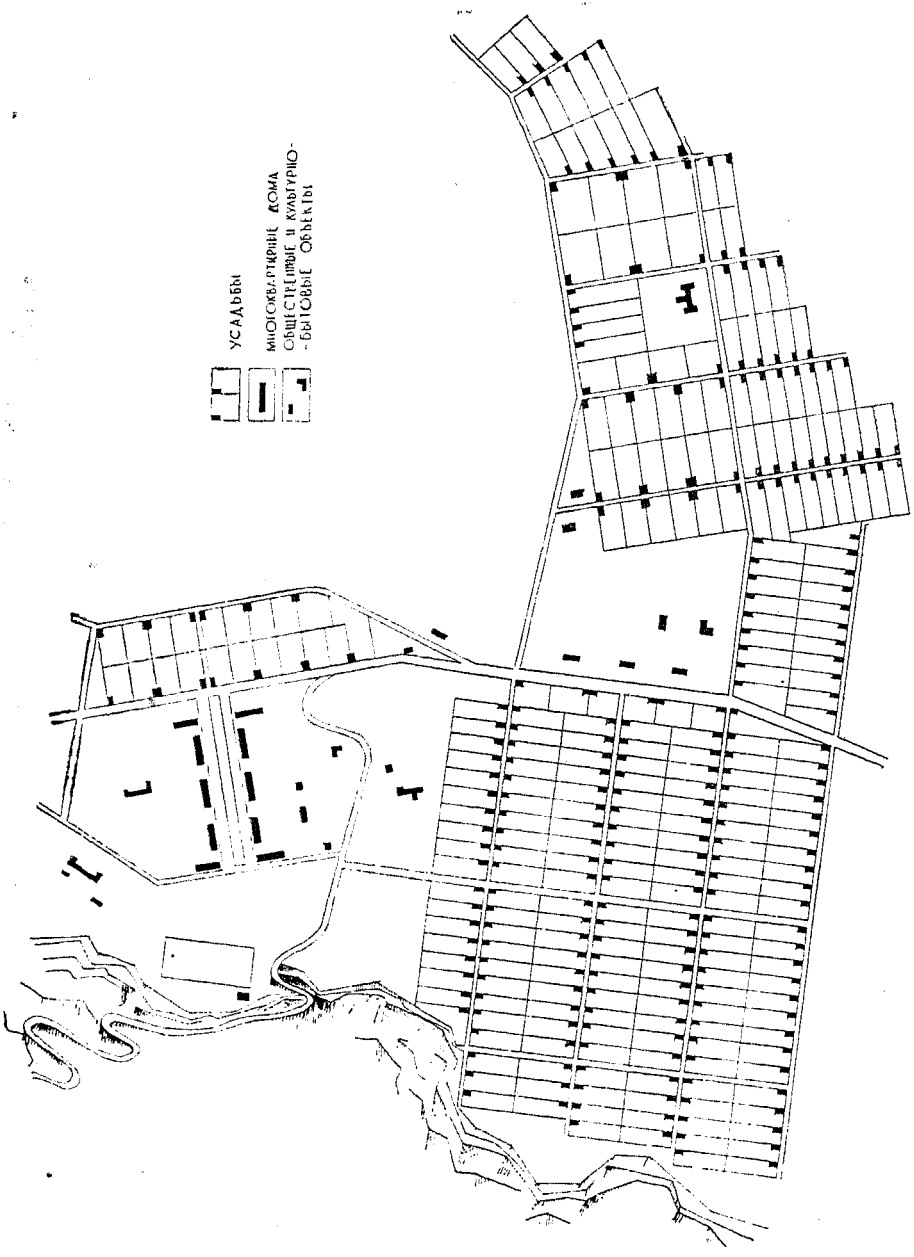

Карта подготовил к печати Г. Г. САРКИСЯН

Карта историко-культурных районов Армянской ССР.

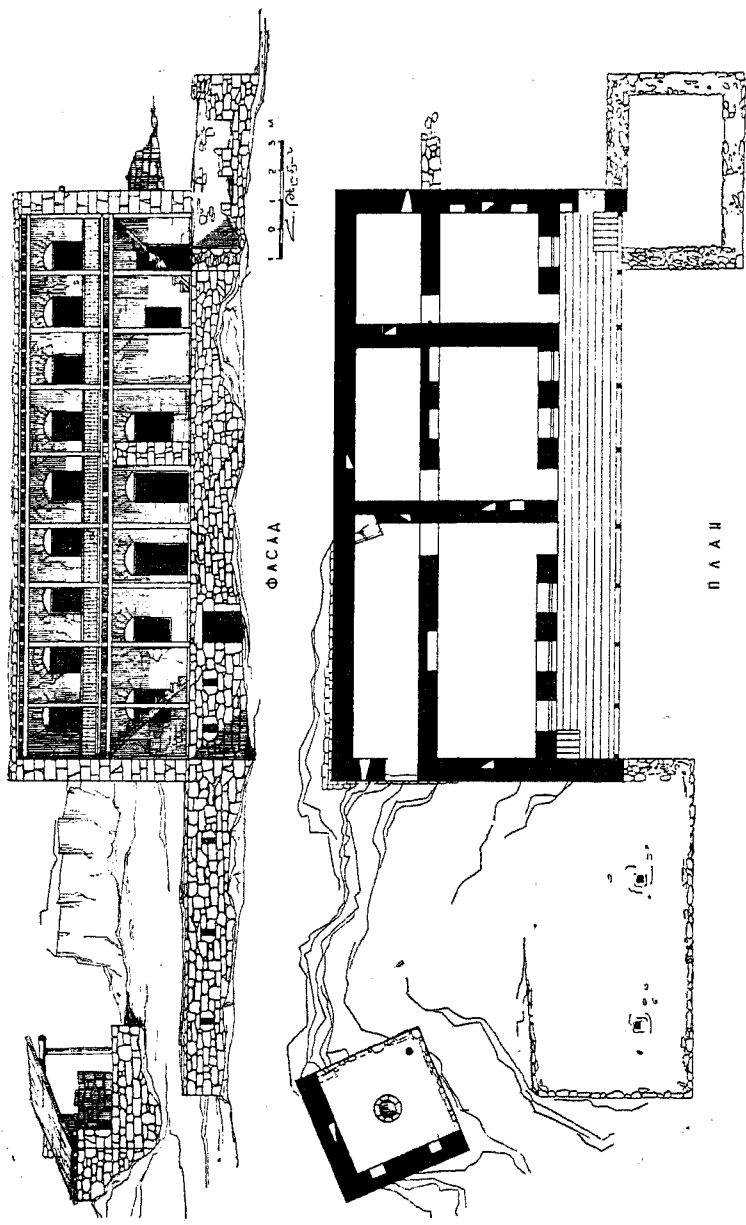

Улично-ветвистый тип современного поселения (с. Дарбас Сиснанского района).

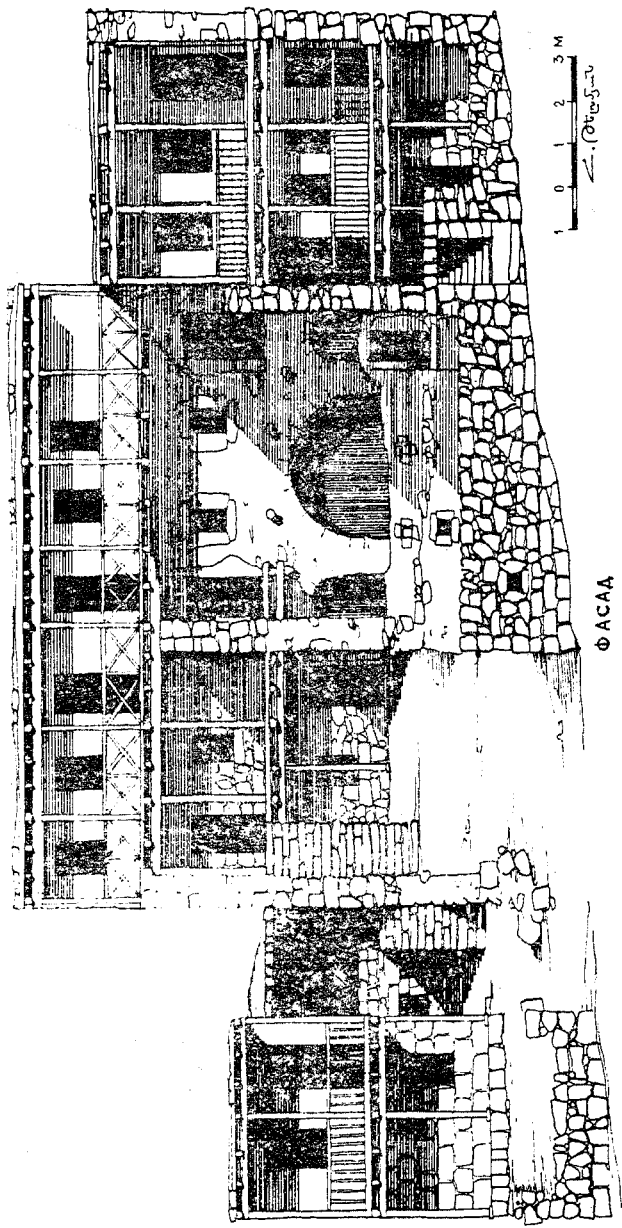

Улично-многопорядковый тип современного поселения (с. Шинуйр Горисского района).

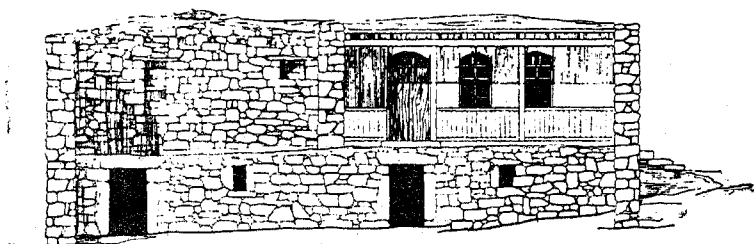

Жилой дом конца XIX—начала XX вв. (с. Швандзор Мегринского района).

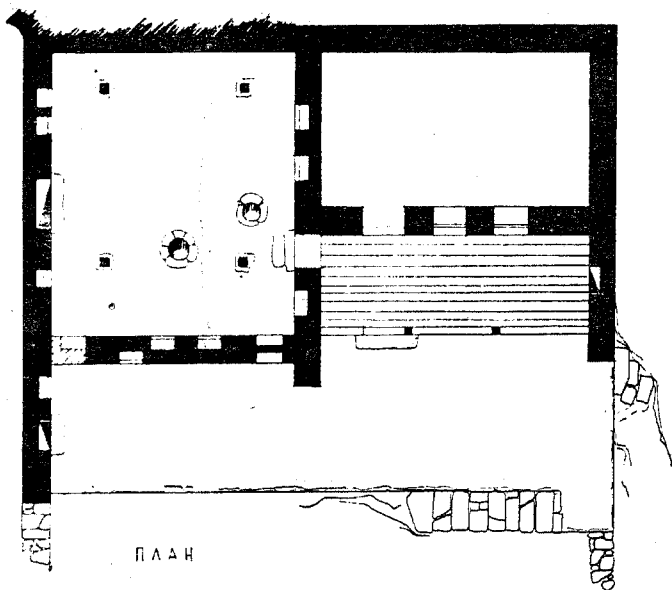
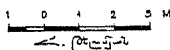

ФАСАД

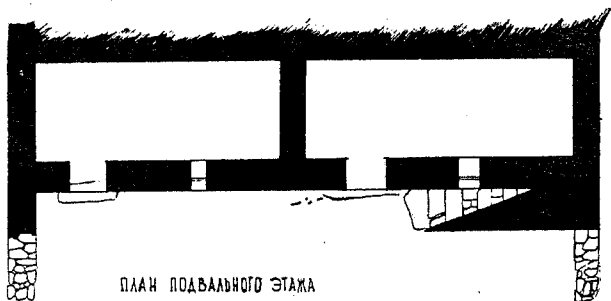
Жилой дом конца XIX—начала XX вв. (с. Караулидж Горнеского района).

Ф А С А Д

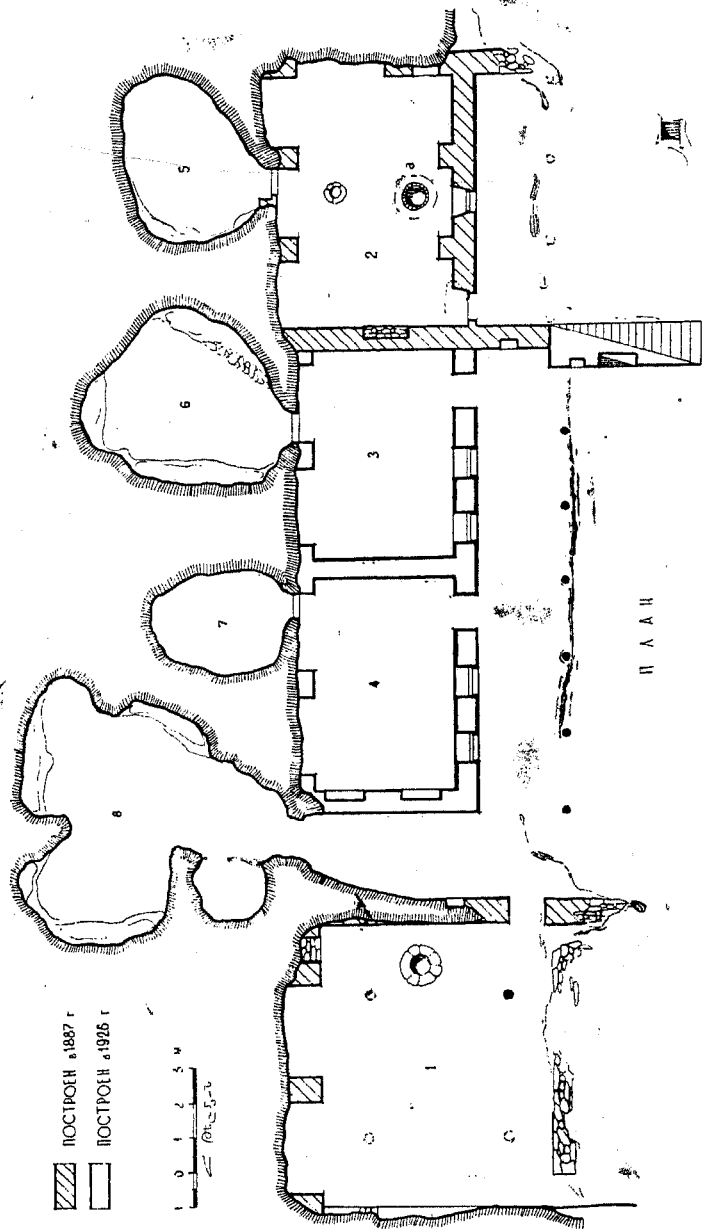

П Л А Н

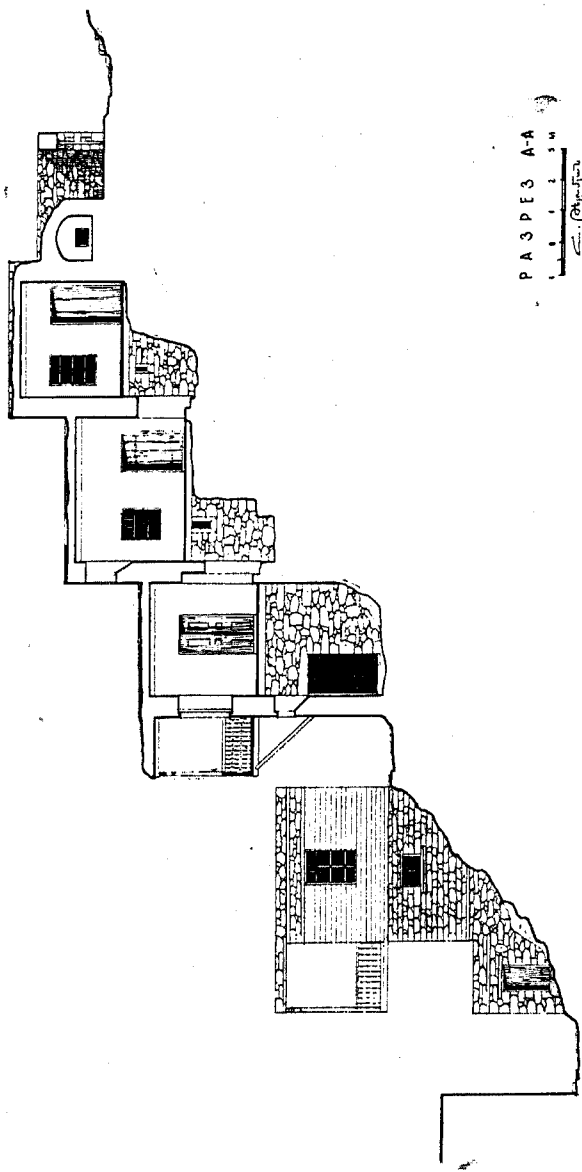

П Л А Н П О Д В А Л Ъ Н О Г О Э Т А Ж А

Жилой дом конца XIX—начала XX вв. (с. Караундж Горисского района).

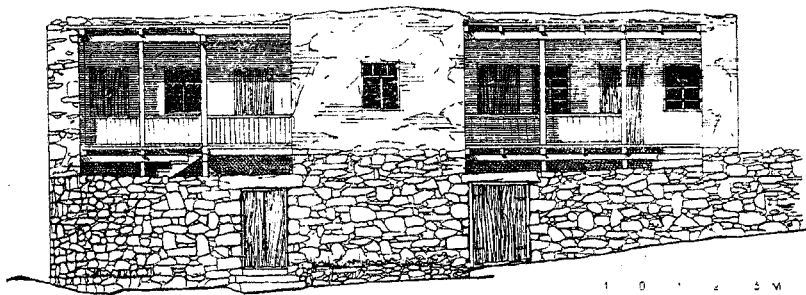

План жилищного комплекса конца XIX—начала XX вв. (с. Тех Горисского района: 1—глахатун (развалины); 2—4—жилые комнаты, 2а—тонир; 5—8—кладовая, сеновал и скотные помещения, высеченные в скале.

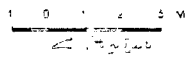

РАЗРЕЗ А-А
1 2 3 М
1945-52

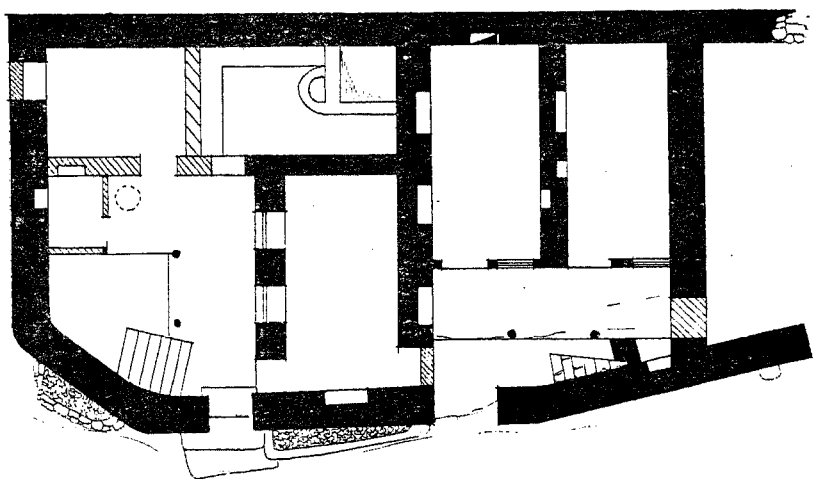
Разрез террасно расположенного компактного жилищного комплекса, построенного в 1887—1950 гг. (пос. Мегри).

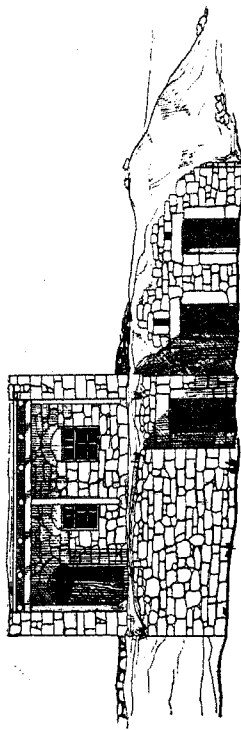
Ф А С А Д

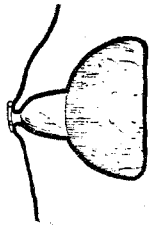
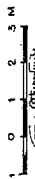
П Л А Н

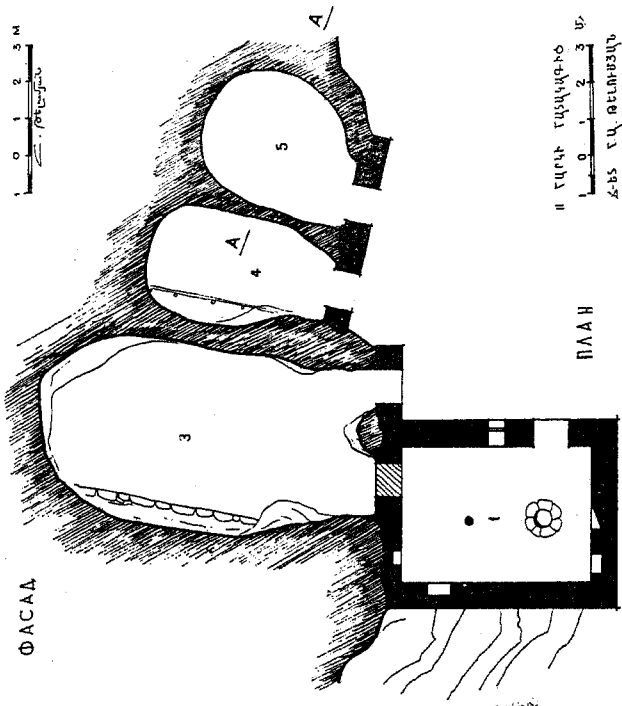
Жилой дом начала XX в. (с. Карчеван Мегринского района).

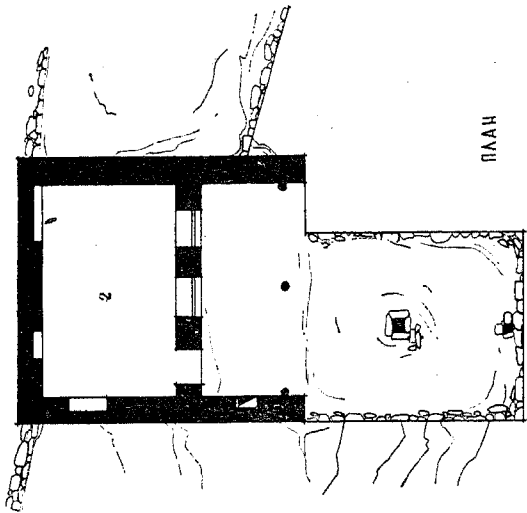
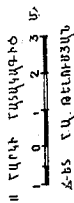
ФАСАД

РАЗРЕЗ А-А

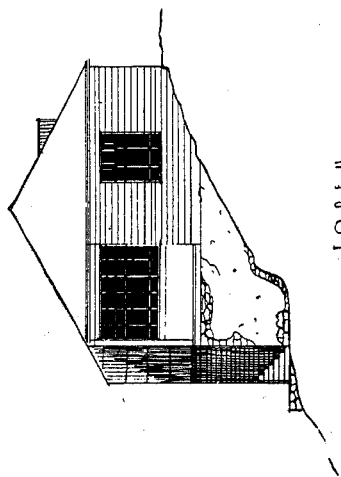

ПЛАН

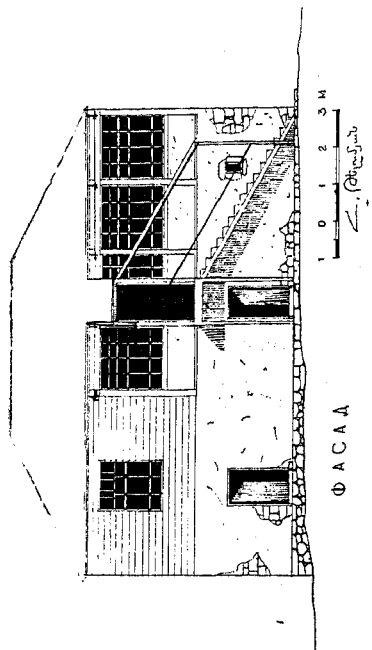

ПЛАН

Жилищный комплекс 1930-ых гг. (с. Хознавар Горьковского района): 1—топратун (помещение для выпечки хлеба); 2—жилая комната на втором этаже; 3—5—хозяйственные помещения, высеченные в скале.

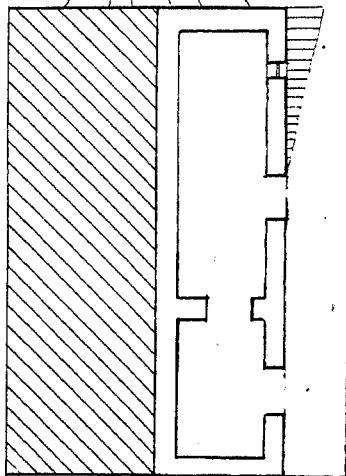

ГОРЬЦ

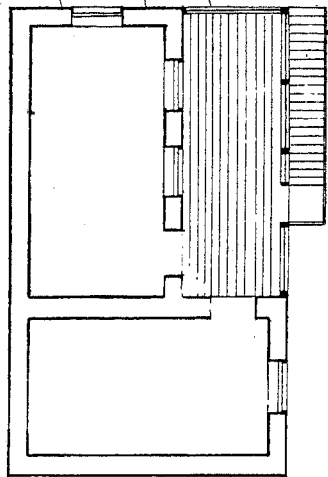

ФАСАД

ПЛАН I ЭТАЖА

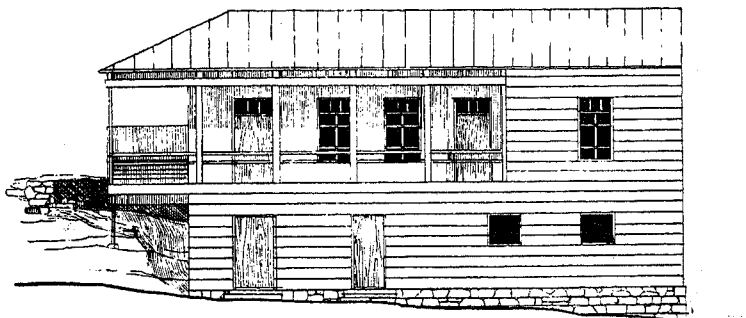

ПЛАН II ЭТАЖА

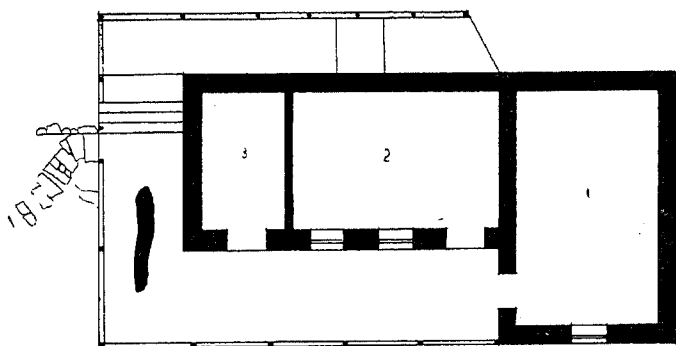
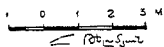

Современный жилой дом (с. Личк Мегринского района).

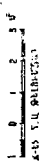
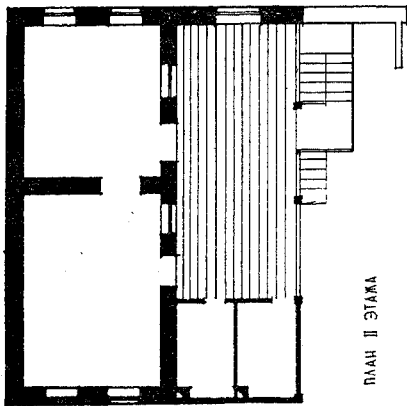
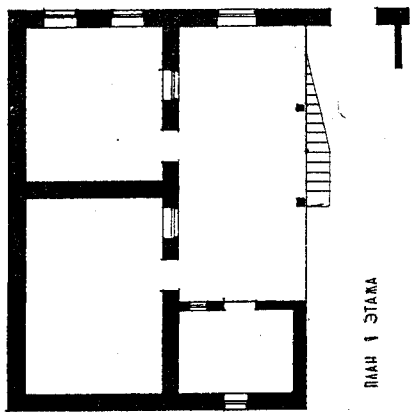
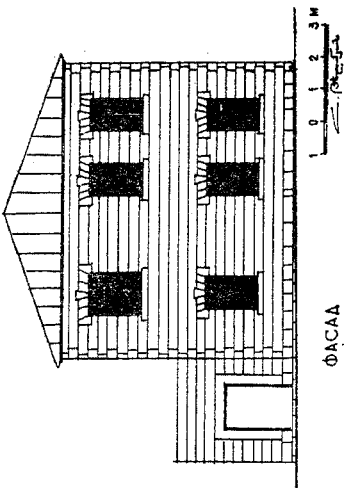
ფ ა რ ა ა

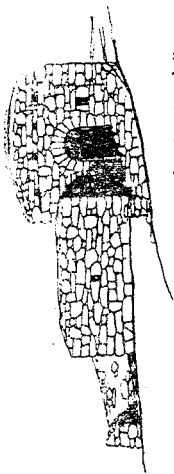
პ ლ ა ნ

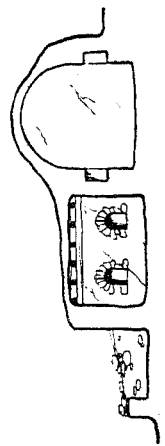
Современный жилой дом (с. Карчеван Мегринского района): 1, 2—жилые комнаты, 3—кухня, 4, 5—хозяйственные помещения.

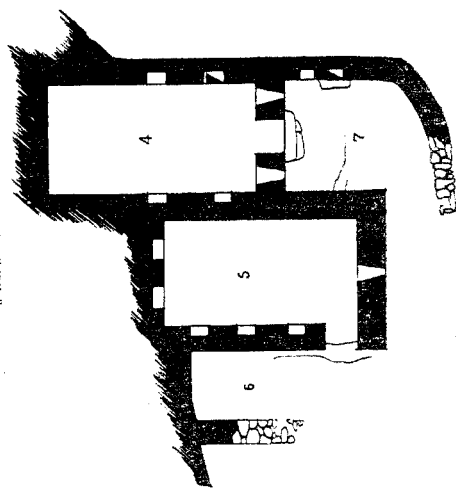
Современный жилой дом (с. Караудж Горисского района).

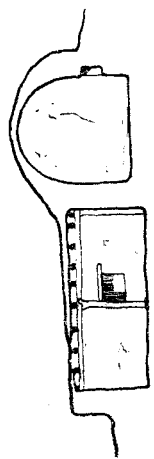
Ф А С А Д А

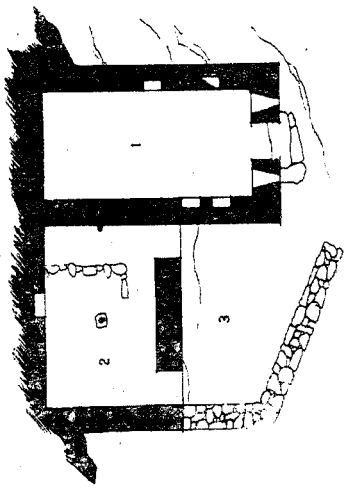
П Л А Н И Р А З Р Е З

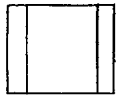
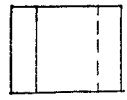
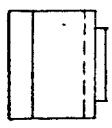
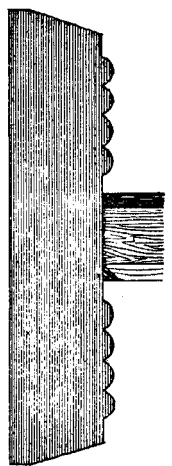
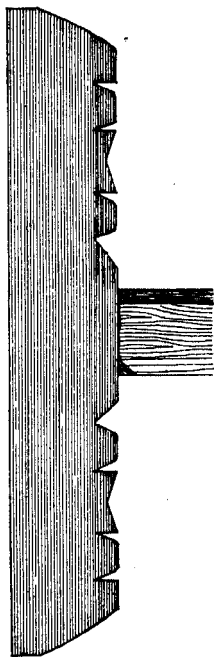
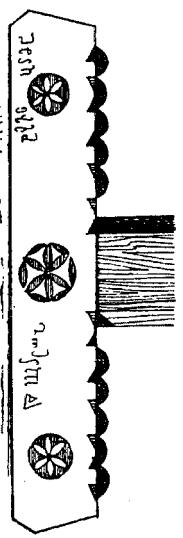
Ф А С А Д А

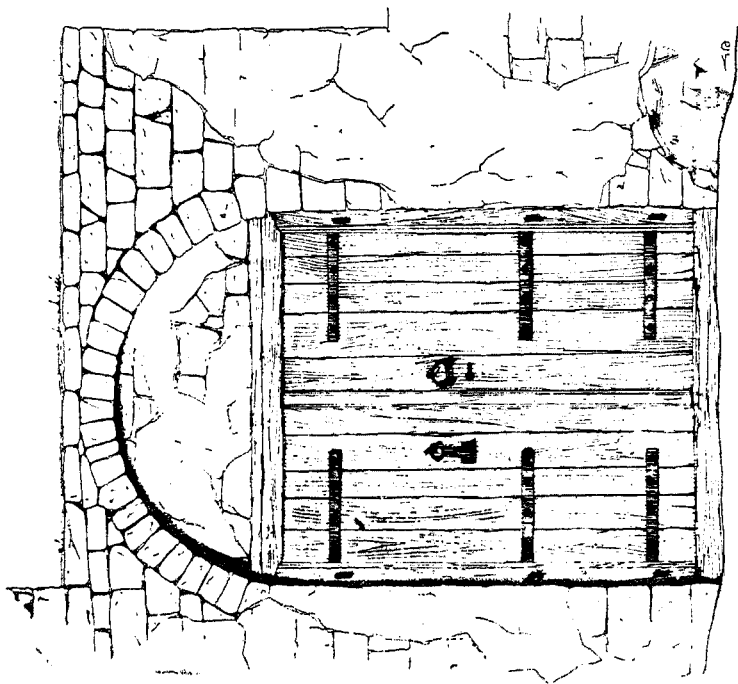
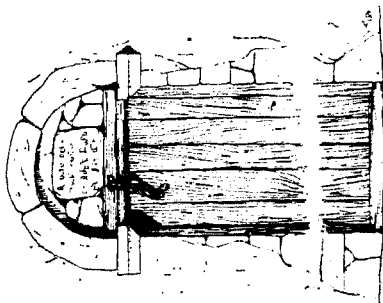
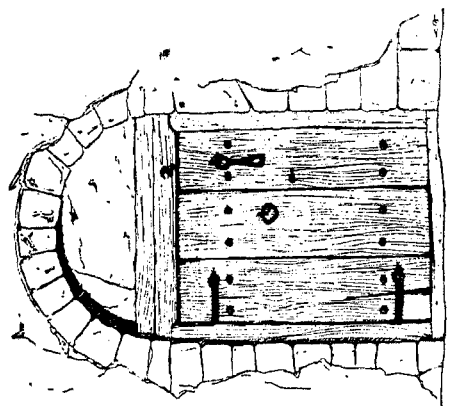
П Л А Н И Р А З Р Е З

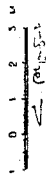
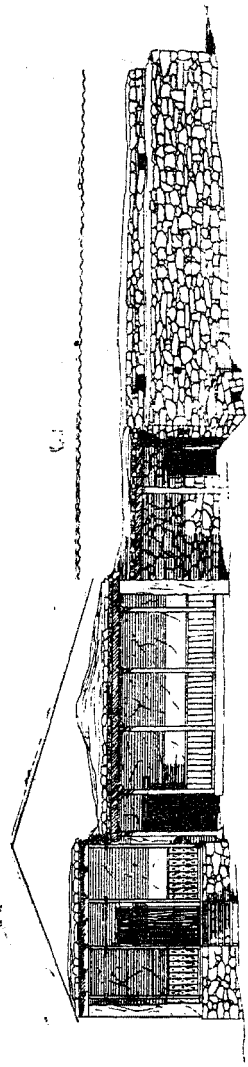
Жилищно-хозяйственные комплексы на левом берегу Гюморанц (с. Шванидзор Мегринского района):
 1, 4—жилые комнаты, 2, 5, 6—скотные помещения, 3, 7—внутренние дворики.

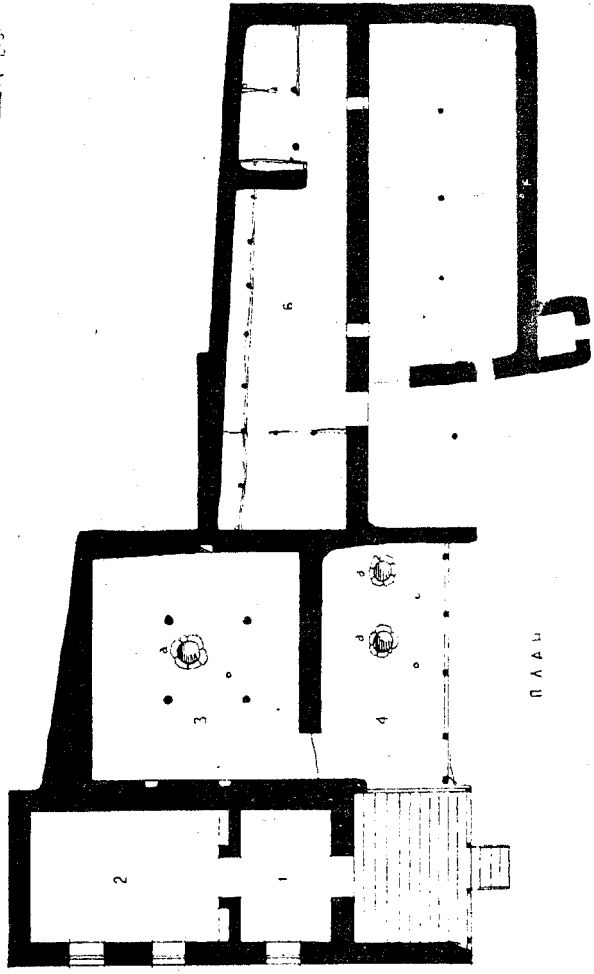
Архитектурные детали. Сюник.

Типы ворот. Слоник.

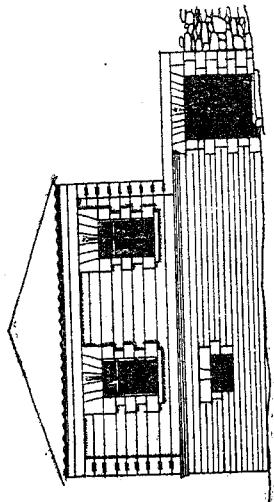

Ф А С А Д

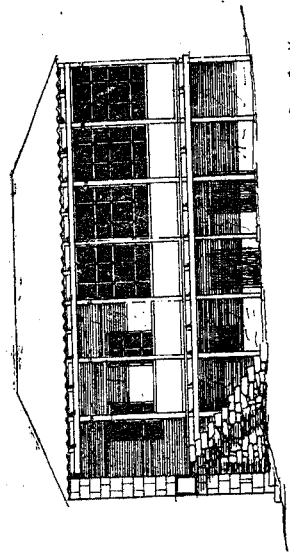

П Л А Н

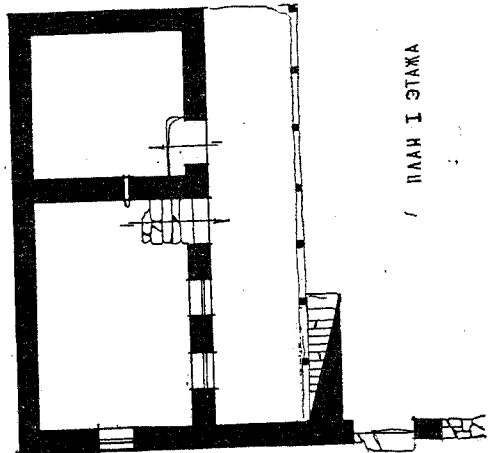
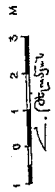
Жилой дом конца XIX—начала XX вв. (с. Чанахчи, ныне Советашен Араратского района): 1, 2—жилые комнаты; 3—топратун; 3а, 4а—топчры; 4—балкон; 5, 6—скотные помещения и сеновал.

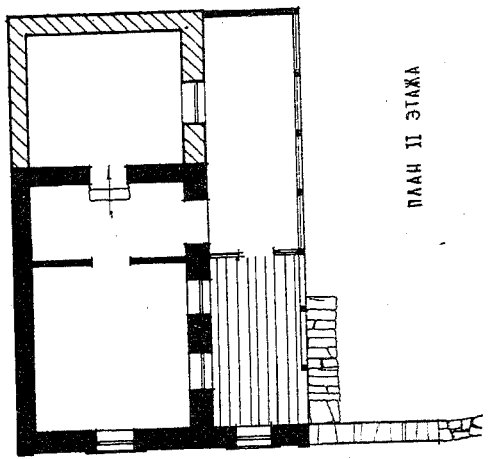
ТОРЕЦ

ФАСАД

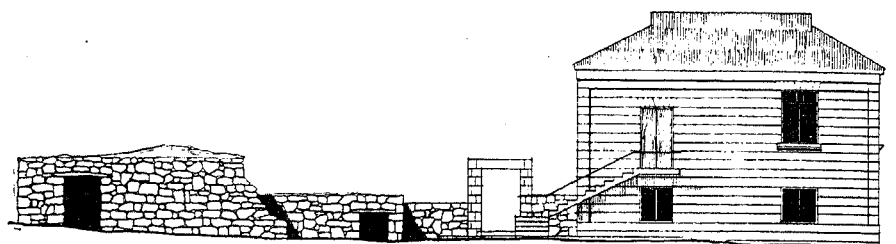

ПЛАН I ЭТАЖА

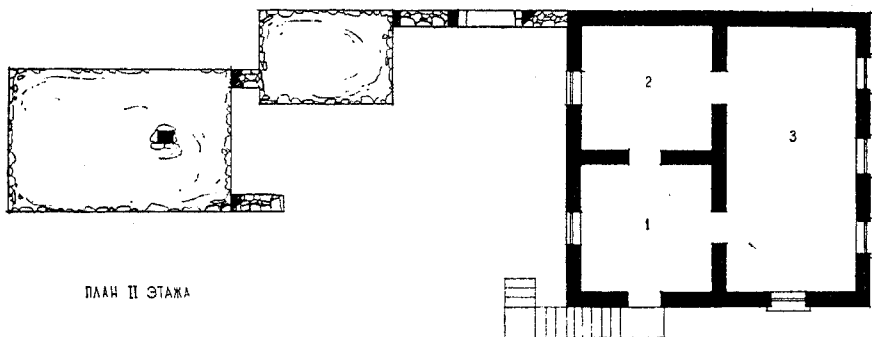
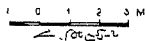

ПЛАН II ЭТАЖА

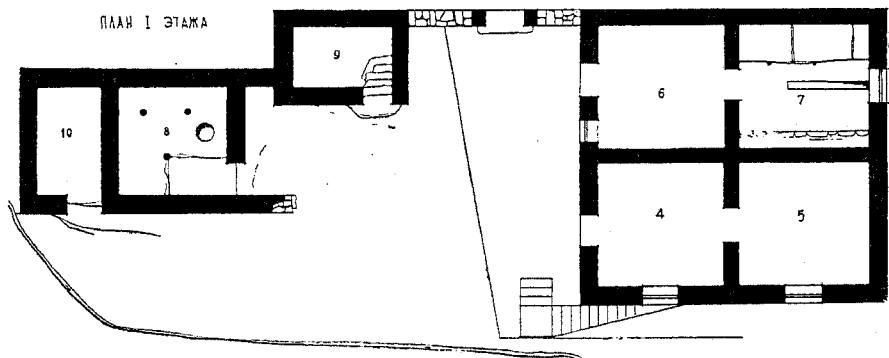
Жилый дом середины 1920-ых гг. (с. Арагац Эчмиадзинского района).

ФАСАД

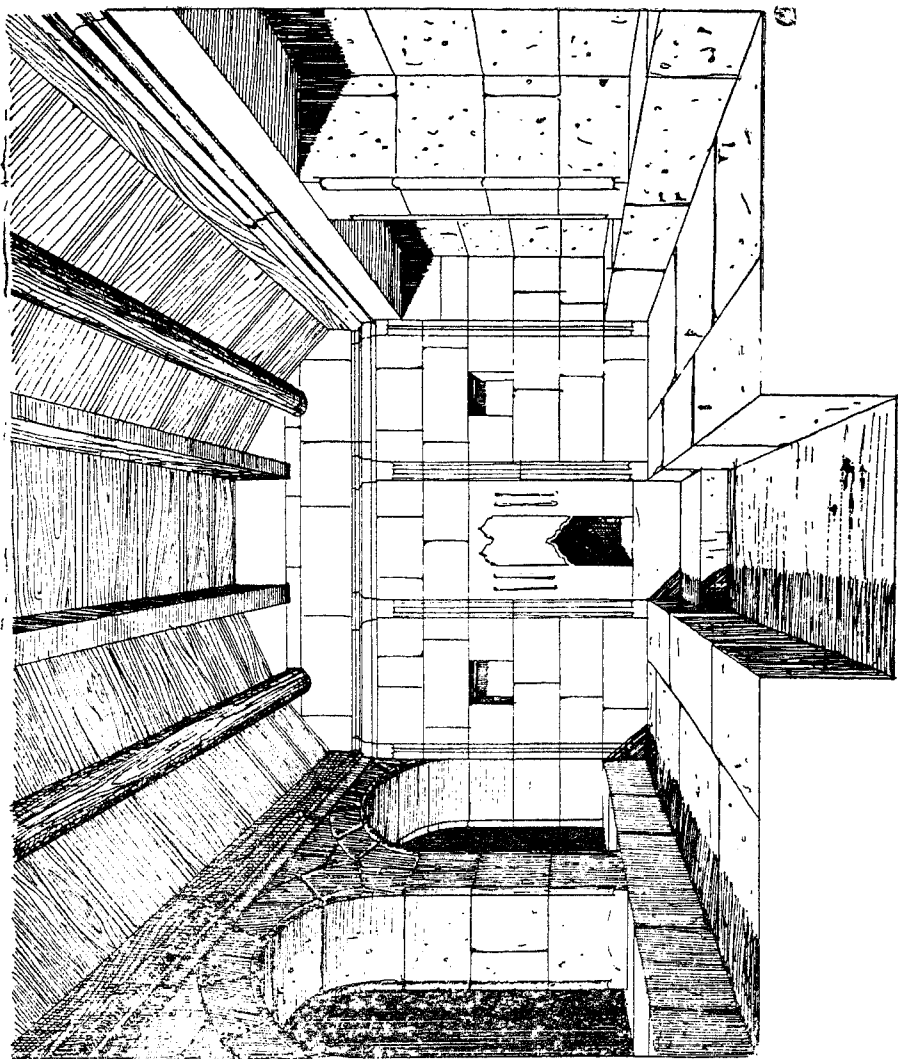
ПЛАН II ЭТАЖА

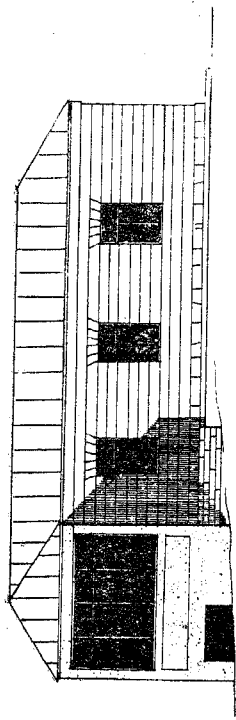
ПЛАН I ЭТАЖА

Современный жилищный комплекс (с. Мармашен Ахурянского района): 1—3—жилые комнаты, 4—кухня, 5—кладовая, 6—сеновал, 7—хлев, 8—10—строения конца XIX—начала XX вв., в настоящее время частично используемые для хозяйственных нужд.

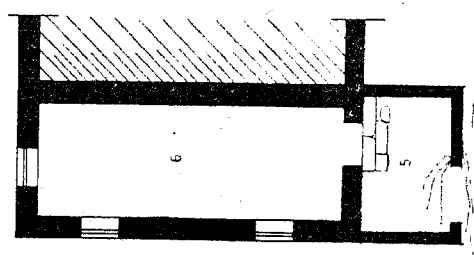

Гоми-ода (помещение для людей при хлеве), с. Арчи Артинского района. В настоящее время
используется под сеновал.

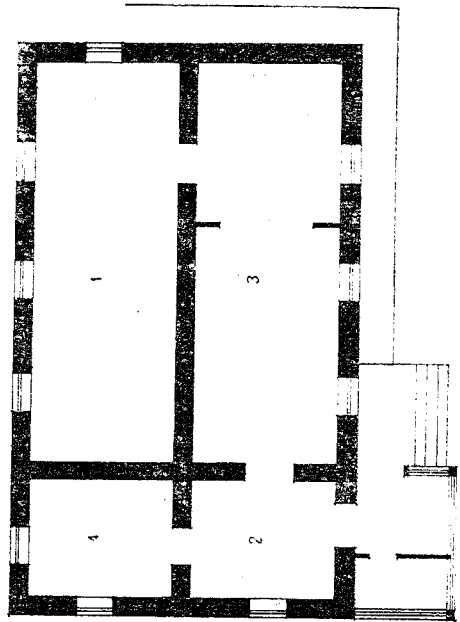

Ф А С А Д

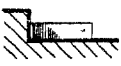
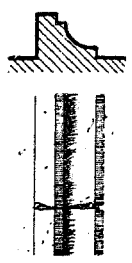
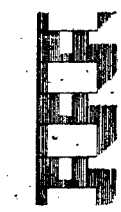
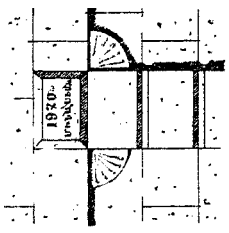
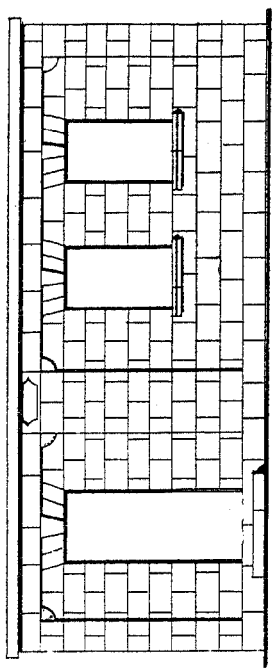
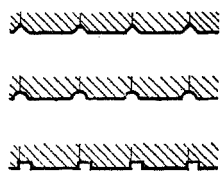
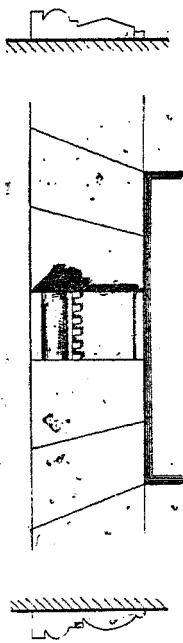
ПЛАН ПОДВАРЬНОГО ЭТАЖА

ПЛАН ЭТАЖА

Современный жилой дом (с. Сарнахпюр Анинского района): 1—3—жилые комнаты, 4—кухня, 5, 6—хозяйственные помещения.

Декоры фасада современного жилого дома. Шпирак.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
--------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОСОВ И ПРОЦЕССОВ ИХ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

Глава первая

Культура, ее жизнеобеспечивающая подсистема и этнос

§ 1. К общей характеристике культуры и ее жизнеобеспечивающей подсистемы	17
✓ § 2. Этнические культуры в общей системе локального разнообразия человечества	40
✓ § 3. Культура жизнеобеспечения в этнических системах	53
✓ § 4. О социально-организационных и символических аспектах культуры жизнеобеспечения этноса	60

Глава вторая

Проблемы сравнительного изучения локальных вариантов культуры жизнеобеспечения этноса

✓ § 1. О принципах исследования региональных комплексов культуры	74
✓ § 2. Исследование культуры жизнеобеспечения как экологическая проблема	84
✓ § 3. Исходные проблемы сравнительного исследования региональных комплексов культуры	93
✓ § 4. О задачах сравнительно-типологического исследования жизнеобеспечивающих систем армянской сельской культуры	96

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ АРМЯНСКОГО СЕЛА

✓ Введение	104
----------------------	-----

Глава первая

Сельские поселения Армении

Введение	110
§ 1. Сельские поселения конца XIX—начала XX вв.	117
§ 2. Символические аспекты функционирования сельских поселений	129
§ 3. Современные сельские поселения	133
Общие выводы	146

Глава вторая

Сельское жилище армян

Введение	150
✓ § 1. Сельское жилище конца XIX—начала XX вв.	155
§ 2. Современное сельское жилище	171
Общие выводы	187

Глава третья

Система питания

Введение и классификация	189
§ 1. Регионально-зональное элементное описание	206
§ 2. Трапезы	235
§ 3. О характере системы питания у армян	250
Общие выводы	254
Заключение	271
Литература	287
Иллюстрации	293

LIFE—SUSTAINING CULTURE AND ETHNOS

THE EXPERIENCE OF ETHNO—CULTUROLOGICAL STUDY (ON THE MATERIAL OF ARMENIAN RURAL CULTURE)

CONTENTS

Introduction	5
------------------------	---

Part one

THE CULTUROLOGICAL PREMISES OF THE SYSTEMS STUDY OF ETHNOSES AND THE PROCESSES OF THEIR LIFE—SUSTENANCE

Chapter one

Culture, its life-sustaining subsystem and ethnos

§ 1. On the General Characteristics of Culture and its Life—Sustaining Subsystem.	17
§ 2. Ethnical Cultures in the General System of Local Diversity of Mankind	40
§ 3 Life—Sustaining Culture in Ethnical Systems	53
§ 4 On the Social—Organizational and Symbolic Aspects of the Life—Sustaining Culture of Ethnos	60

Chapter two

The problems of comparative studies of the local variants of life-sustaining culture of ethnos

§ 1 On the Principles of the Study of Regional Complexes of Culture	74
§ 2 The Study of Life—Sustaining Culture as an Ecological Problem.	84
§ 3 The Initial Problems of the Comparative Study of Regional Complexes of Culture	93
§ 4 On the Problems of the Comparative—Typological Study of the Life—Sustaining Systems of the Armenian Rural Culture	96

Part two

THE LIFE-SUSTAINING CULTURE OF THE ARMENIAN VILLAGE

Introduction	104
------------------------	-----

Chapter one
Rural settlements of Armenia

Introduction	110
§ 1. Rural Settlements at the End of the XIXth-the Beginning of the XXth Centuries	117
§ 2. The Symbolic Aspects of the Functioning of Rural Settlements	129
§ 3. The Contemporary Rural Settlements	133
General Inferences	146

Chapter two
RURAL DWELLINGS OF THE ARMENIANS

Introduction	150
§ 1. Rural Dwellings at the End of the XIXth-the Beginning of the XXth Century	155
§ 2. Contemporary Rural Dwellings	171
General Inferences	187

Chapter three
THE NUTRITIVE SYSTEM

Introduction and Classification	189
§ 1. The Regional—Zonal Element Description	206
§ 2. The Meals	235
§ 3. On the Characteristics of the Feeding System of the Armenians	250
General Inferences	254
Conclusions	271
Literature	287
Illustrations	293

КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЭТНОС

Опыт этнокультурологического исследования
(на материалах армянской сельской культуры)

Редактор издательства *Р. А. Багдасарян*
Оформление *К. К. Кафадаряна*
Худ. редактор *Г. Н. Горцакалян*
Тех. редактор *Л. К. Арутюнян*
Корректор *Л. С. Азатян*

ИБ № 463

Сдано в набор 12.10. 1981 г. Подписано к печати 17.2. 1983 г.
ВФ 01747. Формат 60×84^{1/16}. Бумага № 1, Шрифт «литературный»,
высокая печать. Печ. л. 20,0. Усл. печ. л. 18,6. Учетно-изд. л. 20,98.

Тираж 1500. Зак. № 773. Изд. № 5696. Цена 3 р. 50 к.
Издательство АН Арм. ССР, 375019, Ереван, ул. Барекамутян, 24-г.
Типография Издательства АН Арм. ССР, 378310, г. Эчмиадзин.